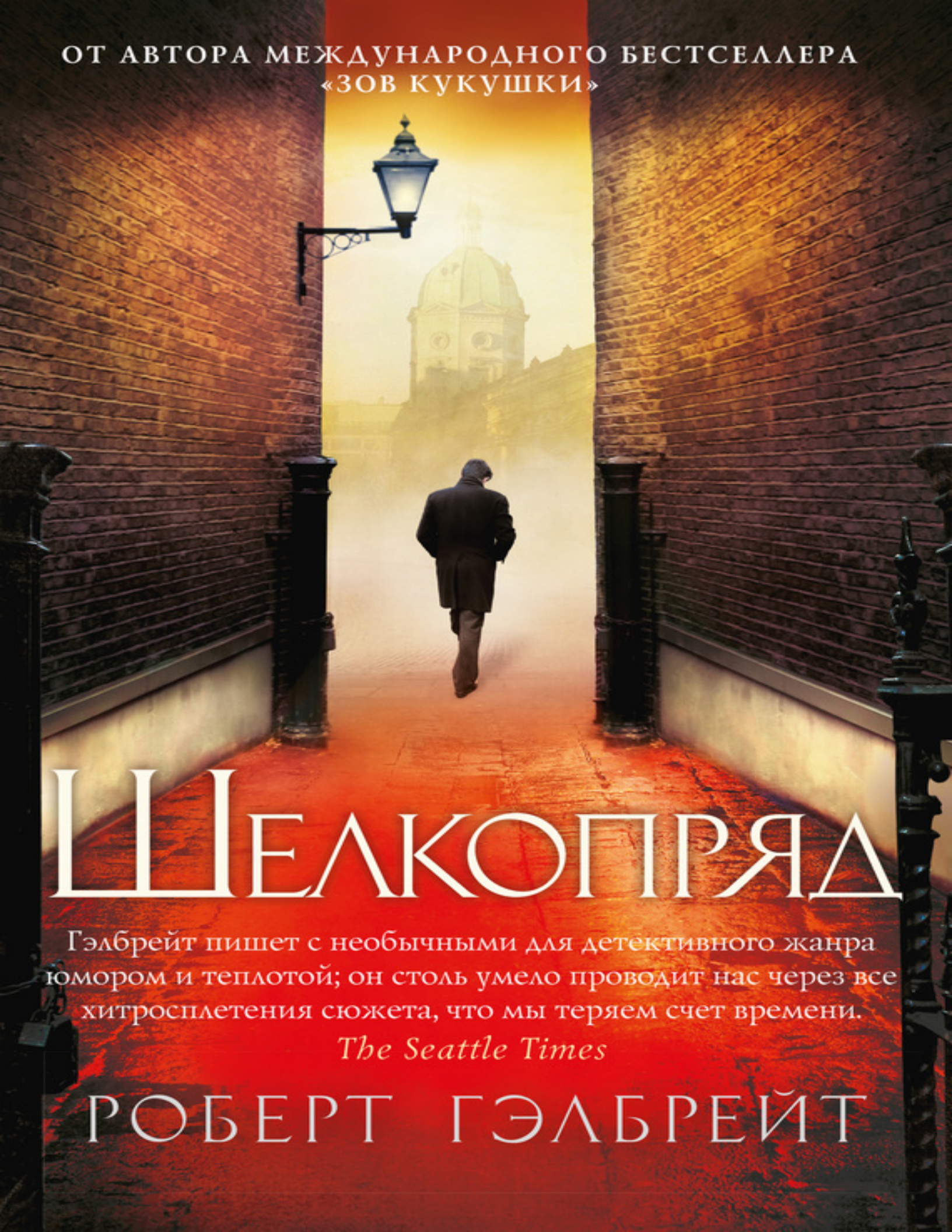
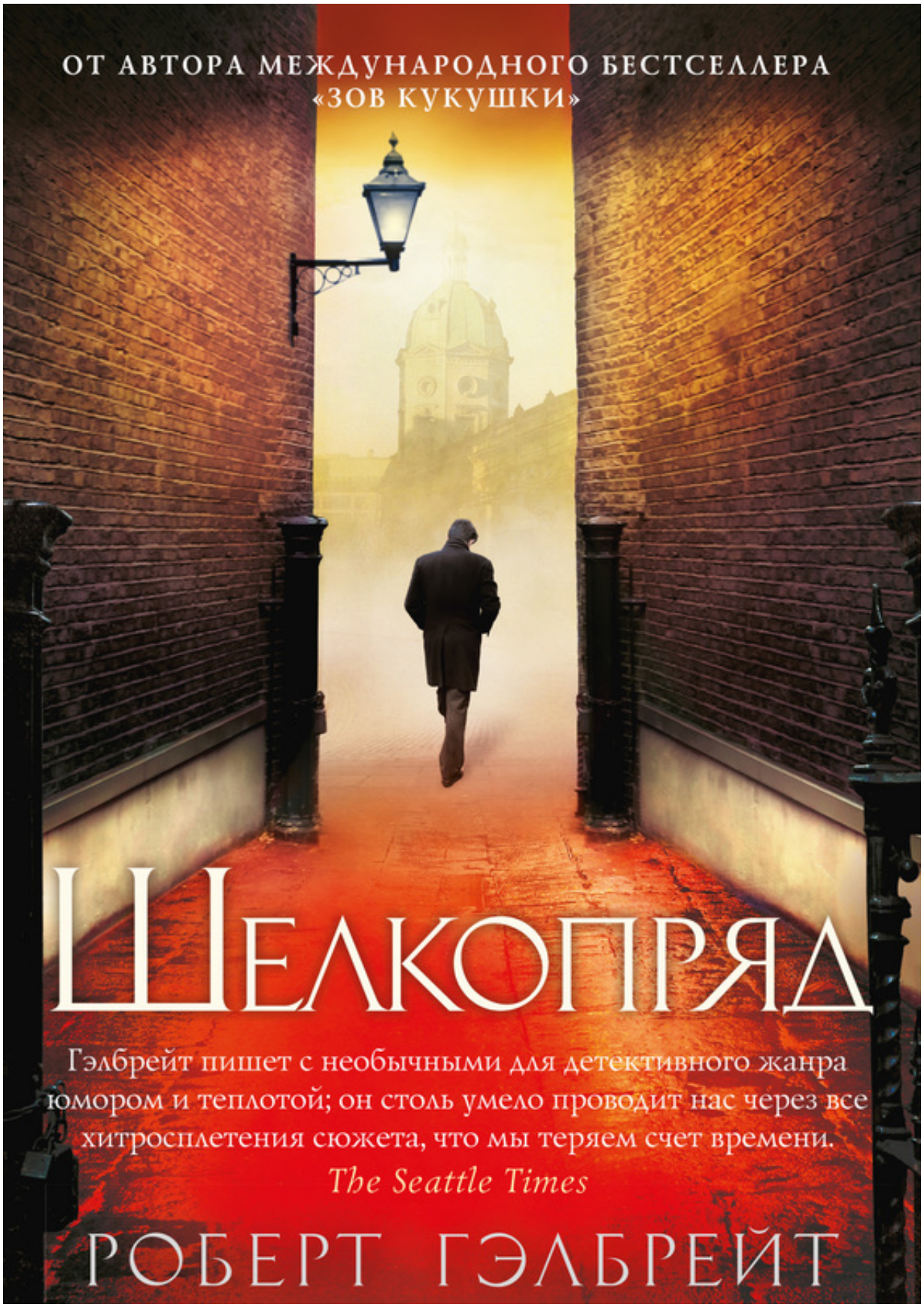
ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«ЗОВ КУКУШКИ»



Шелкопряд

Гэлбрейт пишет с необычными для детективного жанра юмором и теплотой; он столь умело проводит нас через все хитросплетения сюжета, что мы теряем счет времени.
The Seattle Times

РОБЕРТ ГЭЛБРЕЙТ


ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«ЗОВ КУКУШКИ»
ШЕЛКОПРЯД
Гэлбрейт пишет с необычными для детективного жанра юмором и теплотой; он столь умело проводит нас через все хитросплетения сюжета, что мы теряем счет времени.
The Seattle Times
РОБЕРТ ГЭЛБРЕЙТ

Роберт Гэлбрейт

Шелкопряд

First published in Great Britain in 2014 by Sphere
THE SILKWORM
Copyright © 2014 Robert Galbraith Limited

Моральное право автора утверждено.

Все действующие лица и события в этой публикации, за исключением тех, информация о которых, бесспорно, содержится в открытых источниках, являются вымышленными, а любое сходство с реальными лицами, как ныне живущими, так и покойными, случайно.

© Е. Петрова, перевод, примечания, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Посвящается Дженкинсу, без которого… остальное он знает сам

…Для меня подмостки – кровь и мщенье, фабула – смерть; меч, обагренный кровью, – это беглое перо, а поэт – грозная, трагическая фигура на котурнах, в венке, только не из листьев лавра, но из горящего запального фитиля.

Томас Деккер.

Благородный испанский воин

1

ВОПРОС:
Твой хлеб насущный?
ОТВЕТ:
Ночь без сна.

Томас Деккер.
Благородный испанский воин

– Чтоб ему провалиться, Страйк, – отозвался хриплый голос в трубке, – этому титулованному кренделю.

Крупный небритый человек, тяжело шагавший сквозь предрассветную мглу поздней осени, усмехнулся, прижимая к уху мобильный:

– Похоже, ждать осталось недолго.

– Черт возьми, сейчас шесть утра!

– Полседьмого, но, если тебе нужно то, что у меня есть, выходи, – сказал Корморан Страйк. – Я недалеко от твоего дома. Тут рядом…

– Откуда ты знаешь, где я живу? – насторожился голос.

– Ты же сам рассказывал, – Страйк подавил зевок, – что продаешь квартиру.

– Ну-ну, – успокоился его собеседник. – Хорошая память.

– Тут рядом круглосуточное…

– До пошло оно куда подальше. Приезжай в нормальное время ко мне в редакцию…

– Калпеппер, в нормальное время у меня встреча с другим клиентом, который платит получше тебя, да тому же я всю ночь был на ногах. Если собираешься воспользоваться тем, что я раскопал, – поспеши…

Стон. До Страйка донеслось шуршание постели.

– Если это какое-нибудь фуфло, я за себя не отвечаю.

– …кафе «Смитфилд» на Лонг-лейн, – закончил Страйк и отсоединился.

Легкая неровность его походки стала особенно заметной, когда он зашагал под горку к темной монолитной глыбе Смитфилдского рынка – необъятному прямоугольному храму мяса, откуда по будням, с четырех часов утра, отгружалась, как и много веков назад, плоть забитых животных, разрубленная и разделанная для поставки в мясные магазины и рестораны Лондона. Сквозь темноту Страйк слышал громогласные команды, отдаваемые невидимыми распорядителями, а также рев и сигналы грузовиков, доставляющих туши на разгрузку. Свернув на Лонг-лейн, он слился с толпой закутанных в теплые шарфы мужчин, целенаправленно шагающих навстречу обыденному рабочему понедельнику.

На углу рынка, под сторожевым каменным грифоном, сгрудились фосфоресцирующие жилеты: это курьеры, не снимая перчаток, остановились согреться обжигающим кофе. Через дорогу светилось в темноте, как открытый камин, круглосуточное кафе «Смитфилд» – забегаловка размером с чулан, где круглые сутки можно было укрыться от непогоды и утолить голод жирными закусками.

При кафе даже не было уборной, поэтому владельцы договорились с букмекерской конторой фирмы «Лэдбрукс». Но букмекеры открывались только через три часа, так что Страйку пришлось свернуть в какой-то переулок и там в темной подворотне облегчиться после дрянного кофе, выпитого в ходе ночной экспедиции. Усталый и голодный, но счастливый, каким может быть только тот, кто терпел буквально до последнего, он наконец-то втянул запах разогретого жира и яичницы с беконом. Один из столиков только что освободили двое мужчин в водонепроницаемых спецовках поверх флисовых курток. Страйк неуклюже протиснулся к жесткому стулу из дерева и металла и, довольно отдуваясь, сел за стол. Хозяин-итальянец тут же поставил перед ним высокую белую кружку чая и треугольные ломтики теплых тостов с маслом. Не прошло и пяти минут, как Страйку принесли полный английский завтрак на большой овальной тарелке. Среди здоровенных грузчиков, которые беспрестанно вваливались в забегаловку и вскоре уходили, Страйк почти не выделялся. Рослый, смуглый, с жесткими, густыми курчавыми волосами, слегка отступившими над высоким, крутым лбом, он опустил широкий боксерский нос и нахмурил густые брови. На подбородке чернела щетина; под карими глазами пролегли тени, больше похожие на

синяки. За едой он сонно смотрел в окно, на здание рынка. Светало; ближайший сводчатый въезд под номером два мало-помалу приобретал четкие очертания; суровое каменное лицо бородатого старца, украшавшее арочный проем, отвечало Страйку пристальным взглядом. Не поклонялись ли древние богу мясных туш?

В тот момент, когда Страйк принялся за сосиски, появился Доминик Калпеппер. Журналист был почти такого же роста, как Страйк, но сохранил цвет лица мальчонки-хориста. Его можно было бы назвать по-девичьи смазливым, если бы не странно асимметричные черты, будто насильно повернутые чьей-то рукой против часовой стрелки.

– Ну, если это – фигня, берегись. – Калпеппер опустился на стул и, сняв перчатки, с подозрением огляделся.

– Есть будешь? – с набитым ртом спросил Страйк.

– Нет, – отрезал Калпеппер.

– Утром предпочитаешь круассанчик? – ухмыльнулся Страйк.

– Не нарывайся, Страйк.

Парень заводился с полоборота. На нем лежал неистребимый отпечаток дорогой частной школы. С вызывающим видом он заказал себе чай, обратившись к равнодушному официанту «братан», чем немало повеселил Страйка.

– Ну? – потребовал Калпеппер, сжимая горячую кружку длинными бледными пальцами.

Вытащив из кармана пальто конверт, Страйк бросил его через стол. Калпеппер вытащил содержимое и начал читать.

– Твою ж мать, – пробормотал он некоторое время спустя и лихорадочно перебрал листки бумаги, частично исписанные почерком Страйка. – Откуда ты это взял?

Уминая сосиски, Страйк ткнул пальцем в какой-то адрес, нацарапанный на одном из листков.

– От личной секретарши этого деятеля – у нее на босса зуб, – выговорил он, проглотив наконец еду. – Он крутил шашни и с ней, и с двумя другими, уже тебе известными. До бедняжки только теперь дошло, что ей не светит заделаться очередной леди Паркер.

– Но как ты это раскопал, черт тебя дери? – спросил Калпеппер, в упор глядя на Страйка поверх дрожащих в руке листков.

– Произвел оперативные действия, – промычал Страйк, опять набив рот. – Разве ваша братия не делала то же самое, пока не доперла, что нужно пользоваться услугами таких, как я? Но учти, Калпеппер, женщине придется подыскивать новую работу, поэтому она не хочет, чтобы газеты полоскали ее имя, это понятно?

Калпеппер фыркнул:

– Раньше надо было думать, а то сперла…

Ловким движением Страйк выхватил у него записи.

– Ничего она не сперла. Вчера, под конец рабочего дня, он сам велел ей это распечатать. Единственный ее грех в том, что она показала это мне. Но если ты, Калпеппер, собираешься вывернуть наизнанку ее личную жизнь, то это без меня.

– Дай сюда. – Калпеппер попытался вырвать улики из волосатой руки Страйка. – Ладно, умолчим об этой дамочке. Но он все равно догадается, откуда у нас эти сведения. Он же не полный идиот.

– И что он сделает – потащит ее в суд, где она прилюдно выложит все, чего насмотрелась за эти пять лет?

– Ну что ж, – вздохнул Калпеппер после недолгого размышления, – отдай. Я не буду разглашать ее имя, но мне ведь придется с ней побеседовать, ты согласен? Проверить – может, она врет.

– Документы не врут. А беседовать с ней тебе ни к чему, – твердо сказал Страйк.

Дрожащую, обезумевшую, бессовестно обманутую женщину, от которой он только вышел, нельзя было знакомить с Калпеппером. В своем неудержимом желании поквитаться с человеком, который обещал ей детей и брачные узы, она могла нанести непоправимый вред себе самой и своему будущему. Страйку не составило труда завоевать ее доверие. Ей было почти сорок два года; она мечтала родить детей лорду Паркеру; теперь ею владела только жажда кровавой мести. Страйк провел у нее не один час: женщина в слезах раскачивалась вперед-назад на диване, загораживая лицо кулаками, потом металась по гостиной и неумолчно изливала душу. В конце концов она согласилась на это предательство, которое похоронит все ее надежды.

– Значит, ее имя в газете фигурировать не будет, – повторил Страйк, сжимая бумаги в кулаке размером вдвое больше, чем у Калпеппера. – Усек? Этот материал и без нее станет бомбой.

Помедлив и скривившись, Калпеппер сдался:

– Ладно, как скажешь. Давай сюда.

Журналист сунул документы во внутренний карман, залпом допил чай, и недолгая досада на Страйка, похоже, отступила перед радужной перспективой стереть в порошок члена палаты лордов.

– Лорд Паркер-Пенниуэлл, – радостно прошептал он, – вы увязли по самые помидоры, сэр.

– Надеюсь, твой редактор возьмет это на себя? – Страйк указал на положенный между ними счет.

– Да, конечно…

Калпеппер бросил на стол купюру в десять фунтов, и мужчины вместе вышли из кафе. Страйк тут же закурил.

– Как ты ее разговорил? – полюбопытствовал Калпеппер, когда они шагали по морозу, мимо мотоциклов и грузовиков, по-прежнему сновавших у мясного рынка.

– Я ее выслушал, – ответил Страйк.

Калпеппер недоверчиво покосился в его сторону:

– Все другие частные сыщики, которые на меня работают, прослушивают телефоны.

– Это незаконно, – сказал Страйк, выпуская дым в светлеющий воздух.

– Но каким образом…

– Ты же не разглашаешь свои методы, позволь и мне не разглашать свои.

Какое-то время оба молчали; хромота Страйка делалась заметнее с каждым его шагом.

– Это будет бомба. Бомба, – радостно заговорил Калпеппер. – Лицемерный старпер что-то блеял насчет алчности корпораций, а сам двадцать лимонов заныкал на Кайманах…

– Рад служить, – перебил его Страйк. – Счет пришлю мейлом.

Калпеппер в очередной раз бросил на него подозрительный взгляд:

– Читал на той неделе про сынка Тома Джонса?

– Тома Джонса?

– Ну да, певца, из Уэльса, – уточнил Калпеппер.

– А, этого, – равнодушно бросил Страйк. – У нас в полку тоже был Том Джонс.

– Так ты читал?..

– Нет.

– Шикарное интервью. Парень говорит, что никогда в жизни не встречался со своим папашей и вообще не имел с ним никаких контактов. Думаю, он срубил поболее, чем ты.

– Это мы еще посмотрим, когда ты получишь мой счет, – заметил Страйк.

– Да я так, к слову. Одно маленькое интервью – и сможешь на какое-то время забыть о слежке за секретаршами.

– Тема закрыта, – отрезал Страйк, – или больше на меня не рассчитывай, Калпеппер.

– Понятно, – сказал Калпеппер, – твою биографию я так или иначе смогу тиснуть. Отвергнутый сын рок-идола, герой войны, никогда в жизни не встречался с отцом, занимается частным…

– Насколько я знаю, подстрекательство к прослушке телефонов тоже незаконно.

В конце Лонг-лейн они замедлили шаг и повернулись лицом друг к другу. Смешок Калпеппера получился натянутым.

– Короче, присылай счет, буду ждать.

– Заметано.

Они разошлись в противоположные стороны; Страйк направился к метро.

– Страйк! – раздался у него за спиной голос Калпеппера. – Ты с ней переспал, что ли?

– Проверю, что ты напишешь, Калпеппер! – устало прокричал в ответ Страйк, не повернув головы.

Прихрамывая, он вошел под козырек станции метро, и Калпеппер потерял его из виду.

2

Но долго ль нам сражаться? Мне недосуг,
Да и желанья нету медлить! Дела не ждут.

Фрэнсис Бомонт, Филип Мессинджер.
Маленький французский адвокат

В вагоне подземки уже прибывало пассажиров. Утренние лица после выходных: отечные, изможденные, напряженные, замкнутые. Страйк нашел место напротив блондинки с припухшими глазами: она то и дело заваливалась набок, погружаясь в дремоту, но быстро выпрямлялась и начинала тревожно вглядываться в окно – боялась, что проехала свою остановку.

Поезд с лязгом и грохотом мчал Страйка вперед, к жалкому пристанищу в две с половиной комнатенки под дырявой кровлей. Усталое сознание, взятое в кольцо этих пустых, овечьих физиономий, пыталось разгадать, какие стечения обстоятельств привели к их появлению на свет. Ведь рождение, если вдуматься, – это всегда дело случая. Если сперматозоиды сотнями миллионов слепо плывут в потемках, можно только поражаться, каким образом человек становится сам собой. Сколько народу в этом вагоне появилось на свет запланированно, размышлял он, слабея от недосыпа, а сколько – подобно ему – по чистой случайности? В начальной школе с ним вместе училась девочка с багровым пятном во все лицо; Страйк всегда ощущал, что между ними есть тайное сходство: оба с рождения поневоле несли на себе неистребимое клеймо. Сами они его не замечали, но все остальные видели и не упускали случая о нем напомнить. Время от времени на Страйка обращали внимание совершенно посторонние люди; до пяти лет он объяснял это своей исключительностью, но впоследствии понял, что незнакомцы видели в нем не более чем зиготу известного певца, нечаянное свидетельство

грешков знаменитости. Страйк встречался с родным отцом дважды. Джонни Рокби признал свое отцовство только после анализа ДНК.

Доминик Калпеппер стал ходячим воплощением бесцеремонного любопытства, с которым, правда, в последние годы Страйк сталкивался довольно редко: теперь мало кто связывал угрюмого отставника со стареющим рок-идолом. Когда на его пути все же встречались подобные любопытствующие субъекты, их мысли начинали метаться от доверительных фондов к жирным подачкам, от частных самолетов и VIP-салонов к неиссякаемой щедрости мультимиллионера. Видя, что Страйк работает на износ, но при этом живет весьма скромно, они задавались вопросом: чем же он вызвал отцовскую неприязнь? Или он только прикидывается бессребреником, чтобы тянуть деньги из Рокби? И куда подевались те миллионы, которые его мать, вне сомнения, отсудила у богатого любовника? В такие моменты Страйк ностальгически вспоминал армию, анонимность службы, когда твое прошлое, твое происхождение фактически ничего не значат, коль скоро ты способен делать свое дело. На собеседовании в Отделе специальных расследований самый личный вопрос свелся к тому, чтобы повторить два диковинных имени, которыми его наградила не в меру экстравагантная мать.

Когда Страйк вышел из метро, по Черинг-Кросс-роуд уже неслись потоки транспорта. Занимался ноябрьский рассвет, серый и робкий, еще не избавившийся от запоздалых сумерек. Превозмогая усталость и боль, Страйк повернул на Денмарк-стрит и прикинул, что еще успеет немного вздремнуть до прихода первого клиента, назначенного на девять тридцать. Помахав продавщице гитарного магазина, с которой они частенько выходили на улицу покурить, Страйк толкнул черную входную дверь рядом с баром «12 тактов» и начал взбираться по металлической лестнице, огибавшей сломанную клеть лифта. Мимо графического дизайнера, занимающего второй этаж, мимо собственного офиса за гравированной стеклянной дверью третьего этажа – и на верхотуру, где была самая тесная площадка, за которой располагалось его нынешнее жилище. Предыдущий квартиросъемщик, управляющий нижним баром, перебрался в более комфортные условия, и Страйк, который несколько месяцев ночевал у себя в конторе, не упустил шанса снять жилье этажом выше, радуясь такому простому решению наболевшего квартирного вопроса. В мансарде

было не повернуться, особенно человеку ростом под два метра. Он едва втискивался в душ; кухня оказалась совмещена с гостиной, а в спальню поместилась только двуспальная кровать. Кое-какие вещи пришлось оставить в коробках на лестничной площадке, невзирая на угрозы домовладельца. Маленькие оконца смотрели на городские крыши; внизу проходила Денмарк-стрит. Постоянное уханье басов из бара приглушалось высотой, а когда Страйк включал свою музыку, становилось и вовсе неслышным.

Во всем проявлялась его врожденная аккуратность: кровать всегда была застлана, посуда вымыта, вещи лежали на своих местах. Сейчас ему требовалось побриться и принять душ, но это могло подождать; повесив пальто, Страйк поставил будильник на девять двадцать и, как был в одежде, рухнул на кровать.

Заснул он через пару секунд, но почти сразу – или это только показалось – проснулся от стука:

– Прошу прощения, Корморан, извини, пожалуйста…

Он открыл дверь: на него виновато смотрела его помощница, высокая девушка с длинными золотисто-рыжими волосами; при виде Страйка она содрогнулась.

– Свалился замертво. Ночь не спал… две ночи.

– Извини, пожалуйста, – повторила Робин, – но сейчас без двадцати десять, Уильям Бейкер ждет и уже проявляет…

– Зараза, – пробормотал Страйк. – Будильник, наверное, не завел… дай мне пять минут…

– Это еще не все, – сказала Робин. – Пришла какая-то женщина. Без предварительной договоренности. Я сказала, что у тебя весь день расписан по минутам, но она не уходит.

Страйк зевнул и протер глаза.

– Пять минут. Предложи им чаю, что ли.

Через шесть минут Страйк, небритый, но в свежей рубашке, благоухающий дезодорантом и зубной пастой, вошел в приемную, где Робин сидела за компьютером.

– Лучше поздно, чем никогда, – выговорил Уильям Бейкер с натянутой улыбкой. – Хорошо еще, что у вас работает такая милашка, а иначе я бы заскучал и ушел.

Страйк заметил, что Робин вспыхнула от досады и отвернулась, якобы разбирая почту. Слово «милашка» в устах Бейкера прозвучало

особенно гадко. Директор фирмы – костюм в тонкую полоску сидел на нем безупречно – поручил Страйку собрать досье на двух членов правления.

– Доброе утро, Уильям, – сказал Страйк.

– А извиниться? – процедил Бейкер, уставившись в потолок.

– Здравствуйте, с кем имею честь? – Пропустив его упрек мимо ушей, Страйк обратился к примостившейся на диване худенькой женщине средних лет, не снимавшей затрапезного коричневого пальто.

– Леонора Куайн, – представилась она; тренированный слух Страйка уловил акцент западных графств.

– У меня сегодня утром масса дел, Страйк, – не выдержал Бейкер и без приглашения направился в кабинет.

Когда Страйк не бросился следом, светские манеры клиента дали трещину.

– Думаю, в армии вы не позволяли себе таких беспардонных опозданий, мистер Страйк. Извольте пройти сюда.

Страйк будто не расслышал.

– Что вас ко мне привело, миссис Куайн? – спросил он женщину в потертом пальто, сидевшую на диване.

– Понимаете, это насчет мужа моего…

– Мистер Страйк, у меня через час важная встреча, – повысил голос Уильям Бейкер.

– …ваша помощница говорит, у вас время расписано, но я могу и обождать.

– Страйк! – рявкнул Уильям Бейкер, как будто дал собаке команду «к ноге».

– Робин, – прохрипел обессилевший Страйк, решив положить этому конец, – выпиши мистеру Бейкеру счет и отдай ему досье; в нем самые последние сведения.

– Что?! – вскричал Уильям Бейкер, вновь появляясь в приемной.

– Он вам отказывает, – с удовлетворением пояснила Леонора Куайн.

– Но вы не закончили работу, – обратился Бейкер к Страйку. – Вы же сами говорили, что будут еще…

– Работу закончит для вас кто-нибудь другой. Кто не брезгует мараться со всякими слизняками.

Атмосфера в приемной накалилась до предела. Робин с каменным лицом сняла со стеллажа заказанное Бейкером досье и передала его Страйку.

– Да как вы…

– С этой папкой можно смело идти в суд, – сказал Страйк, – протягивая материалы директору. – Она стоит своих денег.

– Но вы не закончили…

– С вами он закончил, – вклинилась Леонора Куайн.

– Закрой рот, старая ду…

Прервавшись на полуслове, Уильям Бейкер попятился оттого, что Страйк сделал полшага вперед. Никто не произнес ни слова. Всем вдруг показалось, что отставной офицер почему-то занял собой вдвое больше места, чем прежде.

– Прошу вас в кабинет, присаживайтесь, миссис Куайн, – спокойно пригласил Страйк.

Женщина послушалась.

– Неужели вы думаете, что она сможет вам заплатить? – ухмыльнулся Уильям Бейкер, взявшись за дверную ручку.

– Расценки у меня гибкие, – сказал Страйк, – был бы человек приличный. – Он последовал за Леонорой Куайн в кабинет и захлопнул дверь.

3

…Наедине с лавиной этих бед…
Томас Деккер.
Благородный испанский воин

– Вот дубина-то, а? – заметила Леонора Куайн, сидя в кресле лицом к Страйку.

– Да уж, – согласился он, тяжело опускаясь на свое обычное место. – Что есть, то есть.

Невзирая на свежую, почти без морщин, бело-розовую кожу лица и чистые белки голубых глаз, посетительница выглядела на пятьдесят с небольшим. Тонкие жидковатые волосы были прихвачены двумя пластмассовыми гребнями; глаза щурились за стеклами больших старомодных очков в пластмассовой оправе. Пальто с ватными плечами и крупными пластмассовыми пуговицами, хотя и не засаленное, явно было приобретено еще в восьмидесятые годы.

– Значит, вы пришли по поводу мужа, миссис Куайн?

– Ну да, – подтвердила Леонора. – Пропал он.

– Как давно он пропал? – Страйк машинально потянулся за блокнотом.

– Уж десять дней прошло, – ответила Леонора.

– Вы в полицию заявили?

– Да что с нее толку, с полиции, – раздраженно бросила посетительница, как будто устала объяснять это знакомым. – Было дело, обращалась, так меня только обругали, потому как он тогда кое с кем загулял. За Оуэном такое водится. Он у меня писатель, – добавила она, как будто этим все и объяснялось.

– Ему и раньше случалось пропадать?

– У него эмоции – через край, – хмуро сказала Леонора Куайн. – В любой момент может куда-нибудь умчаться, но тут десять дней прошло, он сейчас в расстроенных чувствах, а мне нужно его срочно домой вернуть. Во-первых, Орландо ждет, во-вторых, у меня дел по горло, а в-третьих…

– Орландо? – переспросил Страйк: его усталые мозги подсказывали только курорт во Флориде. Лететь в Америку ему было совсем не с руки, да к тому же Леонора Куайн, в своем поношенном пальтишке, вряд ли смогла бы оплатить ему перелет.

– Дочка наша, Орландо, – пояснила Леонора. – Она присмотра требует. Пока я тут с вами беседую, с ней соседка сидит.

После короткого стука дверь приоткрылась; в кабинет просунулась златовласая голова Робин.

– Кофе, мистер Страйк? А для вас, миссис Куайн?

Получив заказы, Робин исчезла.

– Вам это пара пустяков, – сказала Леонора. – Сдается мне, я знаю, где его искать, только адреса найти не могу, а на звонки никто не отвечает. Уж десять дней как, – повторила она, – а нам он дома нужен.

Страйку виделась непозволительная роскошь в том, что эта женщина, в ее-то обстоятельствах, решила нанять частного сыщика, тем более что весь облик посетительницы дышал бедностью.

– Если речь идет лишь о том, чтобы дозвониться по известному вам номеру, – мягко заметил он, – нельзя ли попросить вашу подругу или…

– Эдну, – ответила она, и Страйк непомерно растрогался (усталость подчас делала его излишне чувствительным) от ее молчаливого признания, что подруга у нее всего одна. – Оуэн им запретил говорить, где находится. Мне для этого дела, – попросту заключила она, – мужчина требуется. Чтоб развязал им языки.

– Это ваш муж – Оуэн?

– Он самый, – ответила женщина. – Оуэн Куайн. «Прегрешение Хобарта» – это он написал.

Ни имя писателя, ни заглавие его произведения не говорили Страйку ровным счетом ничего.

– То есть вам известно, где он находится?

– Конечно. Ходили мы с ним на банкет, там издатели были и всякая такая публика… он сперва не хотел меня брать, а я ему: «Зря, что ли, я няню вызвала? Мне тоже пойти охота»… так вот, я сама слыхала, как Кристиан Фишер нашептывал Оуэну про то место – писательский дом отдыха. Потом спрашиваю у мужа: «Что это за местечко он тебе расписывал?» – а Оуэн мне: «Так я и сказал, жди! На то он и дом отдыха – от жены, от детей».

Она почти приглашала Страйка потешиться с ней вместе над ее мужем, подобно тому как матери порой изображают, будто гордятся дерзостью своих отпрысков.

– Кто такой Кристиан Фишер? – спросил Страйк, заставляя себя сосредоточиться.

– Издатель. Молодой парень, но так поднялся, куда там.

– Вы звонили Фишеру, чтобы узнать адрес этого дома отдыха?

– А как же, целую неделю названиваю и слышу одно: ваше сообщение записано, вам перезвонят, – а телефон молчит. Я думаю, это Оуэн запретил им говорить, где схоронился. Но вы-то из Фишера вытянете адресок. Я о вас много хорошего слыхала, – добавила она. – Это ведь вы раскрутили убийство Лулы Лэндри, когда полиция оплошала.

Каких-то восемь месяцев назад у Страйка был один-единственный клиент, бизнес находился на грани краха, виды на будущее не обнадеживали. Но на процессе с участием представителей Королевского прокурорского надзора он сумел доказать, что юная знаменитость не покончила с собой, а была сброшена с балкона четвертого этажа. Известность пришла мгновенно: бизнес тут же пошел в гору, а Страйк сделался самым знаменитым частным сыщиком во всей столице. Джонни Рокби теперь оказался всего лишь примечанием к этой истории; Страйк создал себе имя, которое, впрочем, многие умудрялись исковеркать…

– Я вас перебил, – сказал он, изо всех сил стараясь не потерять мысль.

– Разве?

– Конечно, – подтвердил Страйк, с прищуром глядя на закорючки в блокноте. – Вы сказали: «Во-первых, Орландо ждет, во-вторых, у меня дел по горло, а в-третьих…»

– Ах да, – вспомнила женщина, – после его отъезда обнаружилась какая-то дикость.

– Какая именно дикость?

– Дерьмо, – буднично сообщила Леонора Куайн, – в щели для почты.

– Кто-то протолкнул в дверную прорезь экскременты? – не понял Страйк.

– Вот именно.

– После того, как пропал ваш муж?

– Ага. Дерьмо собачье, – уточнила Леонора, и Страйку на миг почудилось, будто она так припечатала собственного мужа. – Причем не однажды, а раза три-четыре, по ночам. Вот мне радости-то было с утра пораньше. Да еще бабенка незнакомая в дверь стучалась.

Она умолкла, ожидая дальнейших расспросов. Похоже, ей было приятно, что из нее вытягивают информацию. Страйк давно подметил, что люди одинокие бывают только рады завладеть чьим-нибудь безраздельным вниманием и всячески стараются продлить это редкое удовольствие.

– Когда же к вам в дверь стучалась незнакомая женщина?

– На той неделе. Пришла – и Оуэна спрашивает; я ей: мол, нету его, а она такая: «Передайте ему, что Анджела умерла» – и увеялась.

– Эта женщина точно была вам незнакома?

– Никогда в жизни ее не видала.

– А особа по имени Анджела вам знакома?

– Нет. Но вокруг него, бывает, поклонницы вьются. – Леонору вдруг понесло. – Одна, к примеру, повадилась ему в письмах фотки свои присылать, на которых одета точь-в-точь как его героиня. Те, кто ему письма пишут, начитались его книжек и возомнили, будто он их понимает. Вот дурехи-то, а? Это же все выдумки.

– Поклонницы, как правило, знают домашний адрес вашего мужа?

– Нет, откуда? – удивилась Леонора. – Может, это студентка была или еще кто. Он изредка лекциями подрабатывает.

В кабинет вошла Робин с подносом. Поставив кофе перед Страйком и чай – перед Леонорой Куайн, она тут же удалилась и плотно затворила за собой дверь.

– Больше никаких странностей не происходило? – спросил Страйк. – Просунутые в щель экскременты, визит этой женщины?

– Еще за мной, кажись, следили. Дылда какая-то, чернявая, сутулая, – продолжила Леонора.

– Но это была не та же самая женщина, которая…

– Да нет, которая в дверь ломилась – та кубышка. Волосы длинные, рыжие. А эта – чернявая и как бы горбится.

– Вы уверены, что она за вами следила?

– Вроде да. Я ее раза два-три засекла. Она не местная, у нас в Лэдброк-Гроув таких нету, сама-то я тридцать лет там живу.

– Ясно, – протянул Страйк. – Вы, кажется, упомянули, что ваш муж был в расстроенных чувствах? Что же его огорчило?

– С агентом повздорил.

– На какой предмет, не знаете?

– На предмет книжки своей, самой последней. Лиз – агент его – поначалу говорила, что это шедевр, а потом, буквально через день, приглашает его поужинать и заявляет, что печатать такое нельзя.

– Почему она так резко изменила свое мнение?

– Это вы у нее спросите. – Леонора впервые разозлилась. – Понятное дело, он потом на стенку лез. И немудрено. Два года над этой книгой корпел. Пришел он домой – и прямиком к себе в кабинет, схватил все в охапку…

– Что конкретно он схватил?

– Да книгу свою, то бишь рукопись, черновики, все, что было; бранился на чем свет стоит, запихнул бумаги в сумку – и поминай как звали. Больше я его не видела.

– У него есть мобильный телефон? Вы не пытались ему позвонить?

– Пыталась, да он трубку не берет. Он вообще не отвечает, когда вот так с места срывается. А однажды мобильник свой из окна машины выкинул, – сообщила Леонора, опять с нотками гордости за вспыльчивость мужа.

– Миссис Куайн, – начал Страйк, чья любовь к ближнему (что бы он ни говорил Уильяму Бейкеру) имела свои границы, – буду с вами откровенен: мои услуги стоят недешево.

– Понятное дело, – невозмутимо сказала Леонора. – Лиз вам заплатит.

– Лиз?

– Лиз… Элизабет Тассел. Агент Оуэна. Это по ее милости он сбежал. Пусть из своих комиссионных возьмет. Мой муж для нее – золотое дно. Она всяко захочет его вернуть, когда поймет, что натворила.

Страйк не разделял такой уверенности. Он бросил в чашку три куска сахара и залпом выпил кофе, пытаясь прикинуть, как подступиться к этому делу. Леонора Куайн вызывала у него безотчетную жалость: она, похоже, привыкла терпеть истерики мужа, смирилась с тем, что у нее молчит телефон, и полагала, что за любую помощь нужно платить. Если отвлечься от некоторой эксцентричности

ее манер, в ней сквозила воинствующая честность. И все же, с тех пор как дела Страйка пошли в гору, он беспощадно отсекал невыгодные контракты. Те немногие просители, которые поверяли ему душещипательные истории, рассчитывая, что собственный тяжкий опыт Страйка (описанный и раздутый газетами) заставит его поработать на них бесплатно, уходили ни с чем. Но Леонора Куайн (она уже расправилась со своим чаем не менее лихо, чем Страйк – с кофе) встала с таким видом, будто все условия и расценки уже полностью согласованы.

– Пойду я, – сказала она. – Не хочу Орландо надолго оставлять. Девочка и так без папы тоскует. Я ей пообещала, что найму человека, который его отыщет.

За последние месяцы Страйк не раз помогал состоятельным молодым женщинам собирать компромат на банкиров-мужей, утративших былую привлекательность после финансового кризиса в Сити. Теперь его грела мысль о том, чтобы сделать для разнообразия нечто противоположное: вернуть жене мужа.

– Ну хорошо, – сказал он и, зевнув, придвинул к ней блокнот. – Мне понадобятся ваши контактные данные, миссис Куайн. И фото вашего мужа тоже не помешает.

Округлым, детским почерком Леонора внесла в блокнот свой адрес и номер телефона, но просьба о фотографии, по всей видимости, ее удивила.

– А фотка вам для чего? Он же в этом писательском доме. Попытайте Кристиана Фишера – пусть расскажет, как туда добраться.

Не успел Страйк, измотанный усталостью и болью, выбраться из-за письменного стола, как посетительница уже выскользнула в приемную. Он услышал, как она скупо бросила Робин: «Спасибо за чай», потом стеклянная дверь, ведущая на площадку, резко распахнулась и тут же захлопнулась с легкой вибрацией; новая клиентка исчезла.

4

Нет, главное в жизни – иметь умного друга…

Уильям Конгрив.

Двойная игра[1]

Страйк опустился на диван в приемной. Это был почти новый предмет обстановки, стоивший немалых денег: он пришел на смену старому, разбитому, приобретенному в свое время из вторых рук. Диван, обтянутый искусственной кожей, которая подкупила Страйка в мебельном магазине, издавал неприличные звуки, если сидящий делал резкое движение. Помощница Страйка, высокая, статная, цветущая, с лучистыми серо-голубыми глазами, – пристально вгляделась в своего босса поверх кофейной чашки.

– У тебя жуткий вид.

– Всю ночь вытягивал из одной истерички подробности сексуальных отклонений и финансовых махинаций пэра Англии, – широко зевая, объяснил Страйк.

– Лорда Паркера? – ахнула Робин.

– Его самого, – подтвердил Страйк.

– Неужели он…

– Крутил шашни с тремя женщинами одновременно и переводил миллионы в офшорные зоны, – сказал Страйк. – Можешь в воскресенье почитать «Ньюс оф зе уорлд», если тебя не стошнит.

– Но как ты это раскопал?

– Через знакомых своих знакомых, у которых тоже есть знакомые, – заученно произнес Страйк.

От очередного зевка у него едва не разорвался рот.

– Тебе нужно выспаться, – сказала Робин.

– Это точно, – подтвердил Страйк, не двигаясь с места.

– Ганфри придет в четырнадцать часов, а до этого никого больше не будет.

– Ганфри, – вздохнул Страйк и потер глаза. – Почему у меня в клиентах сплошные подлюги?

– Миссис Куайн не производит впечатления подлюги.

Сквозь толстые пальцы Страйк бросил на нее осоловелый взгляд:

– С чего ты взяла, что я буду на нее работать?

– Кто бы сомневался? – Робин не удержалась от лукавой улыбки. – Она в твоем вкусе.

– Эта застарелая отрыжка восьмидесятых?

– В качестве клиентки – она в твоем вкусе. Кроме того, тебе хотелось поставить на место Бейкера.

– И ведь получилось, правда?

Зазвонил телефон. Все еще посмеиваясь, Робин сняла трубку.

– Бюро Корморана Страйка, – сказала она. – А, это ты, привет.

Звонил ее жених, Мэтью. Робин покосилась на босса. Страйк сидел с закрытыми глазами, запрокинув голову и сложив руки на широкой груди.

– Послушай, – сказал ей Мэтью; когда он звонил с работы, его голос звучал сухо, – мне придется перенести встречу с пятницы на четверг.

– Ой, Мэтт… – Робин пыталась не выдавать раздражения и обиды. Назначенная встреча срывалась уже в пятый раз. Робин, единственная из троих запланированных участников, ни разу не потребовала изменения времени, даты или места; каждый раз она подстраивалась под других. – Но почему?

Вдруг с дивана донесся мощный храп. Страйк заснул, как сидел, упираясь мощным затылком в стену и не расцепляя рук.

– У нас девятнадцатого корпоратив, – сказал Мэтью. – Если я не приду, меня не поймут. Там все должны засветиться.

Робин едва сдержалась. Ее жених трудился в крупной финансовой компании, но вел себя так, будто на нем лежали светские обязанности посольского работника.

Истинная причина виделась ей вполне прозрачной. Бывали случаи, когда Робин вынужденно отменяла назначенные у них с Мэтью дела по просьбе Страйка. За те восемь месяцев, что она работала в сыскном агентстве, ее босс и жених ни разу не видели друг друга – даже в тот злополучный вечер, когда Мэтью заехал за ней в травматологическое отделение, куда она привезла Страйка, плотно обмотав его руку своим

пальто, чтобы унять хлеставшую из раны кровь: его полоснул ножом загнанный в угол преступник. Когда Робин, дрожащая, перепачканная кровью, вышла из приемной операционного блока, Мэтью наотрез отказался зайти поздороваться с раненым сыщиком. Эта история привела его в ярость, хотя Робин всеми силами доказывала, что сама никогда не подвергается ни малейшей опасности.

Мэтью был против ее перехода на постоянную работу в сыскное агентство, поскольку Страйк с самого начала вызывал у него подозрения: ни денег, ни жилья, ни достойной профессии. Те обрывки информации, которые приносила домой Робин (служба Страйка в Отделе специальных расследований, а до этого – под прикрытием в Королевской военной полиции; награда за воинскую доблесть; потеря правой голени; обширные познания в сотне областей, о которых Мэтью, привыкший выставлять себя перед ней специалистом по всем вопросам, и понятия не имел), не вызвали, вопреки ее наивным расчетам, никакого интереса, но лишь разделили двух мужчин непреодолимой стеной. А уж когда Страйк взмыл к вершинам успеха, превратившись из неудачника в знаменитость, неприязнь Мэтью перешла все границы. Робин не сразу поняла, что только подливала масла в огонь, когда указывала Мэтью на его непоследовательность: «Раньше тебе не нравилось, что он беден и не имеет крыши над головой, а теперь – что он знаменит и завален работой!»

Но даже Робин понимала, что главным грехом Страйка в глазах Мэтью стала покупка облегающего дизайнерского платья зеленого цвета, которое босс, выйдя из больницы, вручил ей в знак прощания и благодарности. Дома она с горделивой радостью извлекла из пакета этот подарок, но, увидев лицо Мэтью, так и не решилась надеть.

Робин собиралась исправить положение за счет предстоящего знакомства мужчин, но Страйк раз за разом отменял назначенные встречи, крайне раздражая этим Мэтью. А в последний раз просто взял и не пришел. Потом он объяснил, что ему пришлось путать следы, дабы уйти от слежки, организованной ревнивым мужем одной клиентки, и Робин, знавшая все подробности того жесткого бракоразводного процесса, приняла эти объяснения, но Мэтью только укрепился в мысли, что ее работодатель – позер и наглец. Ей стоило больших трудов уломать Мэтью на четвертую попытку. Время и место встречи выбрал он сам, но теперь, когда Робин заручилась согласием

Страйка, Мэтью изменил дату, и у Робин создалось ощущение, что в этом есть определенный умысел: показать Страйку, что у других тоже могут быть неотложные дела и что он, Мэтью, тоже способен – эта мысль настойчиво лезла в голову Робин – помыкать другими.

– Очень хорошо, – выдохнула она в трубку. – Я спрошу Корморана, удобно ли ему в четверг.

– По твоему тону не чувствуется, что это очень хорошо.

– Мэтт, не начинай. Я спрошу, ладно?

– Тогда до встречи.

Робин повесила трубку. Страйк, развалившись с открытым ртом на диване, не расцеплял рук и храпел как трактор. Она вздохнула, глядя на спящего босса. Страйк никогда не выражал неприязненных чувств к ее жениху, не отпускал в его адрес никаких комментариев. Это Мэтью не мог примириться с существованием Страйка и не упускал возможности подчеркнуть, что Робин зарабатывала бы неизмеримо больше, согласись она на другие варианты, которые ей предлагались, но нет, ей приспичило остаться в конторе у этого беспутного частного сыщика, погрязшего в долгах и даже неспособного предложить ей достойную плату за ее труд. Атмосфера у них в доме стала бы намного спокойней, если бы Мэтью разделял ее дружеское и даже восхищенное отношение к Корморану Страйку. Робин не теряла оптимизма: она дорожила обоими, почему же они отворачивались друг от друга?

Захлебнувшись храпом, Страйк вдруг очнулся. Открыв глаза, он прищурился и взглянул на Робин.

– Я храпел, – проговорил он, вытирая рот.

– Совсем чуть-чуть, – солгала Робин. – Послушай, Корморан, ты не против, если мы перенесем встречу с пятницы на четверг?

– Встречу?

– С Мэтью и со мной, – подсказала она. – Ты не забыл? В «Кингз армз», на Раупелл-стрит. Я же оставила тебе памятку, – добавила она со слегка нарочитым оживлением.

– Точно, – сказал он. – Ага. В пятницу.

– Нет, Мэтт хочет… он в пятницу не может. Как насчет четверга?

– Да, отлично, – вяло подтвердил он. – Пойду я к себе, Робин, попробую немного поспать.

– Конечно. Я сделаю пометку насчет четверга.

– А что у нас в четверг?

– Встреча… ладно, не важно. Иди поспи.

За ним закрылась стеклянная дверь, но вскоре распахнулась вновь; Робин, с тоской смотревшая на экран монитора, вздрогнула от неожиданности.

– Робин, сделай одолжение, позвони субъекту по имени Кристиан Фишер, – попросил Страйк. – Объясни, кто я такой, скажи, что я разыскиваю Оуэна Куайна и мне нужен адрес писательского дома отдыха, о котором он рассказал Куайну.

– Кристиан Фишер… Где он работает?

– Черт, – пробормотал Страйк. – Забыл спросить. Совсем нюх потерял. Он издатель, что ли… модный издатель.

– Без проблем, найду. Иди спать.

Стеклянная дверь захлопнулась вторично, и Робин зашла в «Гугл». За тридцать секунд она выяснила, что Кристиан Фишер – основатель небольшого издательства «Кроссфайр», которое находится в Эксмут-Маркете. Набирая телефонный номер, она вспомнила о приглашении на свадьбу, которое уже неделю лежало у нее в сумочке. Робин не сообщила Страйку дату их с Мэтью бракосочетания и не поставила в известность Мэтью, что собирается пригласить своего босса. Вот если встреча в четверг пройдет гладко…

– «Кроссфайр», – ответил пронзительный голос; Робин сосредоточилась.

5

И ничего мучительнее нет,
Чем собственные злые мысли.

Джон Уэбстер.
Белый дьявол[2]

Тем же вечером, в двадцать минут десятого, Страйк, раздевшись до трусов и футболки, валялся на кровати поверх одеяла, доедал купленное в магазине готовое карри и читал спортивные страницы газеты; по телевизору шел выпуск новостей. Металлический стержень, заменивший ему правую голень, отсвечивал серебром под дешевой настольной лампой, водруженной на коробку рядом с кроватью. В среду вечером Англия играла товарищеский матч с французами на стадионе «Уэмбли», но Страйка больше занимал исход назначенного на субботу матча Премьер-лиги «Арсенал» – «Тотнем Хотспур». Он с детства болел за «Арсенал», в подражание дяде Теду. Почему дядя Тед, уроженец и житель Корнуолла, болел за «канониров», Страйк никогда не спрашивал.

В крошечное оконце заглядывало вечернее небо, сквозь его мглистый свет силились пробиться звезды. Краткий сон не принес заметного облегчения, но Страйк еще не был готов отправляться на боковую после сытного бирьяни из баранины и пинты пива. Под рукой у него лежала памятка, которую вручила ему Робин в конце рабочего дня. В ней значилось две встречи. Первая запись гласила: «Кристиан Фишер, завтра в 9:00, издательство „Кроссфайр“, Эксмут-Маркет, EC1».

– С чего это он пожелал со мной встретиться? – удивился Страйк. – Мне от него нужен только адрес писательского дома, о котором он рассказывал Куайну.

– Непонятно, – ответила Робин. – Я спросила открытым текстом, но он почему-то загорелся идеей личной встречи. Назначил ее на девять утра и больше ничего слышать не хотел.

«К чему эти игры?» – раздраженно подумал Страйк.

В то утро он от усталости поддался скверному настроению и выставил за дверь состоятельного клиента, который вполне мог бы приманить к нему новых выгодных заказчиков. А затем повелся на россказни этой Леоноры Куайн и принял весьма сомнительные условия. Сейчас, когда ее не было рядом, он даже затруднялся вспомнить, как именно она вызвала у него жалость, смешанную с любопытством, и передоверила ему свои проблемы. В спартанской, холодной мансарде его согласие заняться поисками обиженного супруга Леоноры уже казалось безответственностью и донкихотством. Разве не для того он положил все силы на выплату долгов, чтобы обеспечить себе хоть немного свободного времени: субботним вечером сходить на футбол, воскресным утром поваляться в постели? Месяц за месяцем он вкалывал день и ночь; клиентов привлекала к нему не столько первоначальная шумиха, сколько негромкая молва. Ну что ему стоило потерпеть Уильяма Бейкера еще три недели? И с какой целью, спрашивал себя Страйк, досадливо изучая записку, этот Кристиан Фишер настаивает на личной встрече? Уж не для того ли, чтобы поглазеть на сыщика, раскрывшего дело Лулы Лэндри, или (еще того хуже) на сына Джонни Рокби? У Страйка не было инструмента, чтобы измерить степень собственной известности.

По его мнению, нежданный всплеск славы давно пошел на убыль. Поначалу журналисты буквально рвали его на части, но теперь отвязались, и он, называя свое имя по какому-нибудь житейскому поводу, все реже слышал в ответ упоминание Лулы Лэндри. Посторонние, как было на протяжении всей его жизни, опять называли его Камерон Стрик или как-то вроде этого. Впрочем, нельзя было исключать, что издатель располагает какими-нибудь сведениями об исчезнувшем Оуэне Куайне и жаждет поделиться ими со Страйком; но почему же он десять дней уклонялся от разговоров с женой Куайна? Ответа на этот вопрос у Страйка не было.

Второе напоминание, которое записала для него Робин, гласило: «Четверг, 18 ноября, 18:30, „Кингз армз“, Раупелл-стрит, дом 25». Страйк догадывался, зачем она с преувеличенной четкостью вывела дату: чтобы на этот раз – с третьей или четвертой попытки – он все же познакомился с ее женихом. Страйк был благодарен судьбе за то, что на свете существует Мэтью (хотя сам безвестный финансовый

работник вряд ли поверил бы такому заверению), а у Робин на среднем пальце сверкает колечко с сапфиром и бриллиантом. Из ее рассказов Страйк сделал вывод, что Мэтью – законченный мудак (Робин даже не подозревала, с какой точностью память Страйка фиксирует все ее случайные высказывания о женихе), но зато он служил надежной преградой между Страйком и этой девушкой, которая в противном случае могла бы нарушить его душевное равновесие. Страйк испытывал невольную теплоту к своей подчиненной, которая не бросила его в самую тяжелую пору и помогла ему переломить судьбу; а помимо всего прочего, у него было нормальное зрение, не позволявшее забыть, что рядом находится симпатичная девушка. Ее помолвка была сродни гардине, которая заслоняет от робкого, но постоянного сквозняка, способного – если ему не поставить заслон – причинить серьезные неудобства. Страйк считал, что в настоящее время должен перевести дух после долгих, изнурительных отношений, которые закончились (как, впрочем, и начались) вследствие обмана. Не собираясь отказываться от удобного и необременительного холостяцкого быта, он успешно отражал попытки своей сестры Люси свести его с разными женщинами, которые виделись ему неудачницами с какого-то сайта знакомств.

Конечно, нельзя было исключать, что Робин в один прекрасный день выйдет за Мэтью и тот, пользуясь своим новым статусом, убедит молодую жену бросить ненавистную ему работу (Страйк верно истолковал уклончивость и недомолвки секретарши). Вместе с тем Страйк не сомневался, что Робин поставит его в известность, как только будет назначена дата бракосочетания, а потому эта опасная перспектива до поры до времени казалась ему весьма далекой.

Широко зевнув, он решил все же посмотреть новости, сложил газету и бросил ее на стул. Спутниковая тарелка была единственной роскошью, которую позволил себе Страйк, перебравшись в тесную мансарду. Небольшой портативный телевизор, больше не зависевший от слабенькой и ненадежной комнатной антенны, стоял на скайбоксе и показывал четкую, нисколько не зернистую картинку. С экрана вещал министр юстиции Кеннет Кларк – требовал сокращения бюджета юридической помощи населению на триста пятьдесят миллионов фунтов стерлингов. В полудреме Страйк смотрел на цветущего

здоровяка с брюшком, объяснявшего членам парламента, что он намерен «отучить людей по любому поводу обращаться к адвокатам и вместе с тем приучить их находить более приемлемые способы урегулирования конфликтов». Это означало, что малообеспеченным слоям населения не придется больше рассчитывать на юридическую поддержку. Но типичные клиенты Страйка и им подобные могли и впредь ни в чем себе не отказывать. Теперь он выполнял поручения недоверчивых, жестоко обманувшихся богачей – добывал информацию для их лощеных адвокатов, которые использовали ее в суде, чтобы повыгодней обстряпать щекотливые бракоразводные дела или скользкие финансовые споры. Тянувшиеся к Страйку нескончаемой чередой состоятельные клиенты рекомендовали его своим знакомым, угодившим в столь же неприятные истории; это говорило о признании его профессионализма. Работа у него была хоть и однообразная, зато прибыльная.

Досмотрев новости, он с трудом поднялся с кровати, убрал со стула остатки ужина и похромал в крошечную кухню, чтобы вымыть посуду: армейская привычка к порядку не позволяла ему распускаться даже в периоды крайнего безденежья, но, вообще говоря, ее основу составляла не только воинская дисциплина. Он с малых лет рос аккуратистом, подражая даже в этом дяде Теду, у которого во всем был порядок, от ящика с инструментами до лодочного сарая; в этом отношении мать Страйка, Леда, была полной противоположностью своему брату: ее повсюду окружал хаос.

Через десять минут, сходив напоследок отлить (в совмещенном санузле всегда было сыро), он почистил зубы над кухонной раковиной, чтобы не стукаться локтями о стенки, вернулся в кровать и отстегнул протез.

Выпуск новостей завершался прогнозом погоды: температура ниже нуля, туман. Страйк натер тальком культю ампутированной ноги; теперь она болела меньше, чем полгода назад. Если не считать сегодняшнего английского завтрака и купленного навынос карри, Страйк в последнее время перешел на домашнюю еду, за счет чего сумел немного сбросить вес и тем самым уменьшить давление на ногу.

Он ткнул пультом в сторону экрана; смеющаяся блондинка вместе со своим стиральным порошком растворилась в темноте. Страйк неуклюже залез под одеяло.

Если Оуэн Куайн и впрямь отсиживается в писательском пансионате, выдернуть его оттуда не составит труда. Судя по всему, эгоист, подлюга, затихарился в глуши со своей драгоценной книжонкой… Зыбкий образ гневного писаки, вылетевшего из дому с дорожной сумкой через плечо, развеялся так же быстро, как и возник. Страйк уже проваливался в желанный, глубокий и безмятежный сон. Слабое уханье бас-гитары, доносившееся из далекого подземелья, вскоре утонуло в раскатистом храпе.

6

Мистер Тэттл, с вами я, конечно, в безопасности.

Уильям Конгрив.

Любовь за любовь[3].

На следующее утро, когда Страйк без десяти минут девять свернул на Эксмут-Маркет, к стенам домов еще липли клочья ледяного тумана. В этой части города ничто не напоминало о Лондоне: ни бесконечные кафе, ни пастельных тонов фасады, ни окутанный дымкой кирпичный храм византийского стиля, с позолотой и синевой, – церковь Святейшего Спасителя. Мглистый холод, антикварные лавчонки, вынесенные на тротуар стулья и столики; добавить сюда запах моря, скорбные вопли чаек – и получится Корнуолл, где Страйк провел оседлые периоды своего детства.

Издательство «Кроссфайр» он нашел по скромной вывеске на неприметной двери возле пекарни. Ровно в девять Страйк нажал кнопку звонка и, когда ему открыли, оказался перед крутой лестницей, по которой стал тяжело карабкаться вверх, подтягиваясь на перилах.

На верхней площадке его поджидал стройный щеголеватый очкарик лет тридцати, с вьющимися волосами до плеч. Он был в джинсах, жилете и рубашке с индийским рисунком и узкой оборочкой на манжетах.

– Приветствую, – сказал он. – Я – Кристиан Фишер. А вы – Камерон?

– Корморан, – машинально поправил Страйк, – но…

Он собирался добавить, что откликается и на Камерона (стандартный ответ, выработанный за долгие годы недоразумений), но Кристиан Фишер мгновенно сориентировался:

– Корморан – это корнуэльский великан.

– Совершенно верно, – с удивлением подтвердил Страйк.

– У нас в прошлом году вышли английские сказки и легенды для детей, – объяснил Фишер, распахивая двустворчатую белую дверь и пропуская Страйка в просторное, но захламленное помещение с постерами на раздвижных перегородках и неряшливыми книжными стеллажами.

Страйка проводила любопытным взглядом молодая женщина с растрепанными темными волосами.

– Кофе? Чай? – предложил Фишер, когда они прошли к нему в кабинет – тесную каморку сбоку от основного зала, выходящую окном на милую сонную улочку, подернутую туманом. – Могу попросить Джейд – она сбегает.

Страйк отказался, честно признавшись, что уже выпил чашку кофе; к его удивлению, Фишер явно рассчитывал на более длительный разговор, чем того требовали обстоятельства.

– Тогда один латте, Джейд, – распорядился с порога своего кабинета Кристиан Фишер. – Прошу вас, садитесь, – обратился он к Страйку и начал рыться на книжных полках, висевших вдоль всех стен. – Жил он, если не ошибаюсь, в горе Святого Михаила – великан Корморан?

– Точно, – подтвердил Страйк. – А убил его, как принято считать, Джек. Взобравшись на бобовый стебель.

– Где-то тут стояла… – бормотал Фишер, обшаривая полки. – «Сказки и легенды Британских островов». У вас дети есть?

– Нет, – ответил Страйк.

– Ну и ладно, – сказал Фишер. – Бог с ней. – И, ухмыльнувшись, сел напротив Страйка. – Итак, могу я спросить: кто вас нанял? Можно высказать предположение?

– Сколько угодно. – Страйк никогда не препятствовал логическим построениям.

– Либо Дэниел Чард, либо Майкл Фэнкорт, – сказал Фишер. – В точку? – Его сосредоточенные глаза поблескивали, как бусины, за линзами очков.

Ничем себя не выдав, Страйк поразился. Майкл Фэнкорт – знаменитый писатель, недавний лауреат престижной литературной премии. Какой у него может быть интерес к исчезнувшему Куайну?

– К сожалению, не угадали, – сказал он вслух. – Меня наняла жена Куайна, Леонора.

Изумление Фишера выглядело почти комичным.

– Жена? – непонимающе переспросил он. – Эта мышь, похожая на Роуз Уэст[{1}]? С чего это она побежала к частному сыщику?

– У нее пропал муж. Вот уже одиннадцать дней, как от него ни слуху ни духу.

– Куайн пропал? Но… но тогда…

Страйк понял, что Фишер не ожидал такого поворота событий: он предвкушал беседу совершенного иного рода.

– Но с какой стати она прислала вас ко мне?

– По ее мнению, вам известно, где сейчас находится Куайн.

– Откуда? – Похоже, Фишер был неподдельно изумлен. – Он мне не друг.

– Миссис Куайн говорит, что слышала, как вы на каком-то банкете рассказывали ее мужу о доме творчества…

– Вот оно что! – выдохнул Фишер. – Ну да, «Бигли-холл». Только Оуэна там нет!

От смеха он сделался похожим на Пака[{2}] в очочках: то же веселье, смешанное с лукавством.

– Оуэна Куайна ни за какие деньги туда не пустят! Прирожденный скандалист. А одна из совладелиц этого дома просто на дух не переносит Оуэна. В свое время он написал разгромную рецензию на ее первый роман, и она этого не забыла.

– Но я тем не менее попрошу вас дать мне тамошний номер телефона, можно? – сказал Страйк.

– Вот он у меня, здесь. – Фишер вытащил из заднего кармана джинсов мобильный телефон. – Прямо сейчас и позвоню…

Он тут же набрал номер и, положив телефон на стол, специально для Страйка включил громкую связь. После продолжительных длинных гудков в трубке раздался запыхавшийся женский голос:

– «Бигли-холл».

– Приветик, это ты, Шеннон? Говорит Крис Фишер из «Кроссфайра».

– Ой, Крис, привет, как дела?

Дверь кабинета открылась: вошла все та же неухоженная девица, поставила перед Фишером кофе латте и удалилась.

– Я что хотел узнать, Шен, – заговорил Фишер, когда дверь со щелчком захлопнулась, – Оуэн Куайн, случайно, не у вас?

– Куайн?

В этом кратком переспросе, эхом отразившемся от книжных полок, прозвучала вся степень отвращения далекой Шеннон.

– Он самый; ты его не видела?

– Я его не видела уже год, если не больше. А что? Уж не собрался ли он к нам? Здесь его никто не ждет, это я тебе точно говорю.

– Не беспокойся, Шен, мне кажется, его жена что-то напутала. Я тебе потом перезвоню.

Не дослушав ее прощания, Фишер поспешил вернуться к разговору со Страйком:

– Вот видите? Я был прав. Ему в «Бигли-холл» путь заказан.

– А почему вы не сказали этого его жене, когда она вам звонила?

– Ах вот оно что – она ради этого названивала?! – Фишера будто осенило. – Я-то думал, она обрывает мне телефон по наущению Оуэна.

– С чего бы он стал просить жену до вас дозвониться?

– А то вы не знаете! – ухмыльнулся Фишер, но, не встретив ответной усмешки, коротко хохотнул и объяснил: – Из-за «Бомбикса Мори». Я бы сказал, это в характере Куайна – напустить на меня жену.

– «Бомбикс Мори», – повторил Страйк, стараясь не показать, что это для него – пустой звук.

– Вот именно. Я думал, Куайн донимает меня, чтобы проверить, не возьму ли я все-таки его книжку. Это его типичный метод: посадить на телефон жену. Но если кто и возьмется публиковать «Бомбикса Мори», то определенно не я. Издательство у нас маленькое. Судебные издержки нам не по карману.

Когда Страйк понял, что, делая умный вид, далеко не продвинется, он изменил тактику:

– «Бомбикс Мори» – это последний роман Куайна?

– Да-да. – Отпив купленного помощницей кофе, Фишер погрузился в раздумье. – Исчез, говорите? Я-то думал, он займет место в партере, чтобы наблюдать за потехой. Как я понимаю, с этой целью все и затевалось. Или он потерял кураж? Нет, Оуэн не таков.

– Давно вы его печатаете? – поинтересовался Страйк.

Фишер уставился на него с ошарашенным видом:

– Да я его вообще никогда не печатал!

– Мне думалось…

– Последние три книги… или четыре?.. он опубликовал в «Роупер Чард». Нет, дело было так: я столкнулся на какой-то тусовке с его агентом, Лиз Тассел, и она мне по секрету призналась… после пары бокалов… что не знает, сколько еще «Роупер Чард» будет терпеть Куайна, а я ответил, что готов рассмотреть его следующий роман. Куайн уже попал в категорию «чем хуже, тем лучше»; можно было бы попытаться так его новый опус и раскручивать. Если уж на то пошло, – продолжил Фишер, – было же у него «Прегрешение Хобарта». Достойная вещь. Я прикинул: у него, возможно, еще хватит пороху.

– И она прислала вам «Бомбикса Мори»? – наобум спросил Страйк и внутренне обругал себя, что накануне расспрашивал Леонору Куайн через пень-колоду.

Вот что происходит, когда ты, полумертвый от усталости, берешься за новое дело. Обычно Страйк перед каждой встречей старался на шаг опережать своих собеседников, но сейчас почувствовал себя странно безоружным.

– Прислала. С курьером на мотоцикле. В позапрошлую пятницу. – Его ухмылка стала еще более плутовской. – Самая большая оплошность бедняжки Лиз.

– Почему?

– Да потому, что она прочла рукопись кое-как и, скорее всего, не до конца. Через пару часов после доставки приходит мне на телефон паническое сообщение: «Крис, по ошибке отправила не ту рукопись. Отошли мне ее, пожалуйста, назад не читая. Когда буду в конторе, заберу». Никогда не получал таких реверансов от Лиз Тассел. Это же бой-баба. Настоящие зубры перед ней робеют.

– И вы тут же отослали рукопись назад?

– Еще чего! – ответил Фишер. – Всю субботу с утра до вечера читал.

– Ну и?.. – спросил Страйк.

– А вам не рассказали?

– Не рассказали?..

– В чем там фишка? На что он замахнулся?

– На что же он замахнулся?

Фишер заулыбался. Опустил чашку на стол.

– Меня предупредили крупнейшие юристы Лондона, – сказал он, – чтобы я этого не разглашал.

– И кто же нанял этих юристов? – спросил Страйк. Не получив ответа, он предположил: – «Чард» и Фэнкорт или еще кто-то?

– Только Чард. – Фишер угодил в расставленную ловушку. – Но я бы на месте Оуэна больше остерегался Фэнкорта. Только на меня не ссылайтесь, – спохватился он.

– Это который Чард? – Страйк все еще блуждал в потемках.

– Дэниел Чард. Глава издательства «Роупер Чард», – с тенью раздражения объяснил Фишер. – Ума не приложу, как Оуэну пришло в голову, что можно безнаказанно проехаться по владельцу издательства, которое его печатает, но в этом весь Оуэн. Такой фантастической наглости, такого апломба я в жизни не встречал. Он возомнил, что может вывести Чарда под видом… – Прервавшись на полуслове, Фишер смущенно хохотнул. – Не буду рисковать своей шкурой. Скажу только, что Оуэн, к моему удивлению, повел себя так, будто рассчитывал выйти сухим из воды. Но когда тайное стало явным, у него, как видно, нервишки сдали, вот он и пустился в бега.

– Боясь, что его привлекут за клевету? – уточнил Страйк.

– С художественной литературой тут своего рода серая зона, понимаете? – произнес Фишер. – Если облекаешь правду в форму гротеска… Не подумайте, – спохватился он, – что я считаю его писанину правдой. В буквальном смысле слова – вряд ли это правда. Но все прототипы узнаваемы; он вывел в своей книге довольно много народу, причем так изобретательно… Чем-то напоминает раннее творчество Фэнкорта. Море крови и тайные символы… местами даже непонятно, на что он намекает, но все равно любопытно: что там в мешке, что там в очаге…

– И что же?..

– Не важно… это всего лишь беллетристика. Разве Леонора вас не просветила?

– Нет, – признался Страйк.

– Ни стыда ни совести, – сказал Кристиан Фишер. – Она, безусловно, в курсе. Мне казалось, Куайн из тех писателей, которые за обедом читают родным лекции на тему своих произведений.

– А почему вы, еще не зная об исчезновении Куайна, решили, что частного сыщика нанял либо Чард, либо Фэнкорт?

Фишер пожал плечами:

– Трудно сказать. Наверное, подумал, что один из них вознамерился разнюхать, какие у Куайна планы относительно этой книги, а затем либо попытаться его остановить, либо пригрозить судом возможному издателю. Либо раскопать какую-нибудь грязишку на Оуэна – ответить ударом на удар.

– Именно поэтому вы с такой готовностью согласились на нашу встречу? – спросил Страйк. – Вы решили, что у меня есть нечто на Куайна?

– Нет, что вы! – рассмеялся Фишер. – Я исключительно из любопытства. Хотел узнать, что к чему.

Взглянув на часы, он перевернул лежавший перед ним макет книжной обложки и слегка отодвинулся назад вместе с креслом. Страйк понял намек.

– Спасибо, что уделили мне время, – сказал он, вставая. – Если у вас будут известия от Оуэна Куайна, дайте мне знать, хорошо?

Он протянул Фишеру свою визитную карточку. Обходя вокруг стола, чтобы проводить Страйка, Фишер хмуро вглядывался в напечатанный на ней текст:

– Корморан Страйк… Страйк… Знакомое имя, а?..

Зерно упало на благодатную почву. Фишер внезапно оживился, как будто у него перезарядились батарейки:

– Черт побери, дело Лулы Лэндри!

Страйк понял, что может спокойно вернуться на свое место, получить кофе латте и не менее часа пользоваться безраздельным вниманием Фишера. Но вместо этого он с вежливой непреклонностью распрощался и через пару минут опять вышел на холодный мглистый воздух.

7

Готов признать, что еще не читал подобного…

Бен Джонсон.

Каждый по-своему[4]

Услышав по телефону, что в писательский дом ее муж не приезжал, Леонора Куайн заволновалась.

– Тогда где же он? – спросила она, скорее (как можно было подумать) у себя, чем у Страйка.

– Где он обычно отсиживается, когда сбегает из дому? – спросил Страйк.

– В гостиницах, – ответила она, – а однажды у женщины отсиделся, но больше он с нею не знается. Орландо, – рявкнула она в сторону, – не трожь, это мое! Кому сказано: это мое! Что? – выкрикнула она в ухо Страйку.

– Я ничего не говорил. Вы по-прежнему настаиваете, чтобы я занимался розыском вашего мужа?

– Да уж конечно, кто, как не вы, его отыщет? Я ж с Орландо сижу как пришитая. Вы Лиз Тассел поспрошайте. Было дело, она сама его нашла. В «Хилтоне», – неожиданно выпалила Леонора. – Он однажды в «Хилтоне» затаился.

– В котором именно?

– Почем я знаю? Вы у Лиз спросите. Он из-за нее сорвался, так пусть она и расстарается, чтоб его вернуть. Когда я звоню, она не отвечает. Орландо, не трожь!

– Кто-нибудь еще, с вашей точки зрения…

– Кабы знала, неужто я б их не спросила? – возмутилась Леонора. – Вы же сыщик, вот и ищите! Орландо!

– Миссис Куайн, нельзя исключать…

– Зовите меня Леонора.

– Леонора, нельзя исключать, что ваш муж попал в беду. Мы найдем его гораздо быстрее, – Страйк повысил голос, перекрикивая домашние шумы на другом конце, – если привлечем полицию.

– Да ну их! Прошлый раз там на меня напустились, когда я заявила, что его неделю дома не было, а они его у любовницы нашли. Если я опять хай подниму, меня съедят. Да и Оуэн не… Орландо, не трожь!

– Но полицейские могут разослать его фотографию и…

– Я одного хочу: чтоб его привезли домой по-тихому. Вернулся бы – и дело с концом, – капризно добавила она. – Сколько можно психовать?

– Вы читали последнюю книгу мужа? – спросил Страйк.

– Нет. Я всегда жду, чтоб книгу напечатали, и уж тогда читаю, в нормальном переплете, как положено.

– Он вам что-нибудь о ней рассказывал?

– Нет, он, пока сочиняет, ничего не рассказывает… Орландо, не трожь!

Повесила она трубку случайно или намеренно – Страйк так и не понял.

Ранний утренний туман рассеялся. В окна конторы бились дождевые капли. Вскоре должна была прийти клиентка: очередная подавшая на развод жена, которая жаждала узнать, где ее почти уже бывший муж прячет свои капиталы.

– Робин, – сказал Страйк, выходя в приемную, – сделай одолжение, распечатай из интернета фотографию Оуэна Куайна, если сумеешь найти. А потом созвонись с его агентом Лиз Тассел и узнай, готова ли она ответить на пару коротких вопросов.

Он уже собирался вернуться к себе в кабинет, но вспомнил кое-что еще:

– И пробей «бомбикс мори» – из какой это оперы?

– Как пишется?

– Бог его знает.

Почти разведенная женщина явилась к назначенному времени – в половине двенадцатого. Это была подозрительно моложавая красотка за сорок, источавшая трепетное очарование и мускусный аромат, от которого Робин начинала задыхаться. Страйк уединился с посетительницей в кабинете, и в течение двух часов оттуда доносились

их оживленные голоса на фоне спокойных, безмятежных звуков: барабанной дроби дождя и стука клавиатуры под пальцами Робин. Она уже привыкла слышать из кабинета босса рыдания, стоны, даже вопли. Но хуже всего была внезапная тишина: к примеру, однажды клиент буквально свалился без чувств (и, как стало известно позже, перенес микроинфаркт), увидев снимок своей жены с любовником, сделанный Страйком при помощи длиннофокусного объектива.

Когда Страйк и его посетительница наконец-то вышли из кабинета и сердечно распрощались, Робин протянула своему боссу большой портрет Оуэна Куайна, который она нашла на сайте Батского литературного фестиваля.

– Боже правый! – вырвалось у Страйка.

Оуэн Куайн оказался грузным, бледным человеком лет шестидесяти, с лохматыми соломенно-желтыми волосами и бородой клинышком. Глаза у него были разных цветов, что придавало странную напряженность его взгляду. Для фотосессии он завернулся в накидку, похожую на тирольский плащ, и надел фетровую шляпу с пером.

– Такому вряд ли удастся долго сохранять инкогнито, – прокомментировал Страйк. – Распечатай, пожалуйста, еще несколько экземпляров, Робин. Нам, вероятно, придется показывать их в отелях. Его жена полагает, что он когда-то останавливался в «Хилтоне», но где именно – она не помнит. Начинай обзванивать все подряд – узнай, нет ли его среди проживающих. Думаю, он не станет регистрироваться под своим именем, но ты попробуй его описать… Что там насчет Элизабет Тассел?

– Неплохо, – ответила Робин. – Хочешь верь, хочешь нет, но я даже не успела набрать номер, как она сама позвонила.

– Элизабет Тассел? Сюда? С чего бы это?

– Кристиан Фишер рассказал ей о твоем посещении.

– Ну и?..

– Сегодня у нее дела, но завтра в одиннадцать она готова встретиться с тобой у себя в офисе.

– Неужели? – Страйк изобразил изумление. – Чем дальше, тем интересней. Ты не спросила, чтó ей известно о местонахождении Куайна?

– Спросила; она говорит, что ровным счетом ничего, и тем не менее настаивает на встрече. Очень властная особа. Этакая директриса. Кстати, «бомбикс мори», – добавила она, – это по-латыни «шелкопряд».

– Шелкопряд?

– Да-да. И знаешь, что еще? Я всегда думала, что шелкопряды плетут свою нить примерно как пауки, но ты вообще в курсе, как на самом деле получают шелк?

– Понятия не имею.

– Кипячением, – сказала Робин. – Червей кипятят живьем, пока они не успели выбраться и при этом повредить кокон. А кокон – это и есть шелковая нить. Не очень-то приятно, согласен? Но с чего тебя вдруг заинтересовали шелкопряды?

– Пытаюсь понять, почему Оуэн Куайн озаглавил свой роман «Бомбикс Мори», – ответил Страйк, – но пока безуспешно.

Во второй половине дня он занимался нудной бумажной работой в связи с делом о наблюдении, надеясь, что погода разгуляется; ему нужно было выйти – у него дома не осталось ничего съестного. После ухода Робин Страйк по-прежнему сидел за работой, а ливень только сильнее стучал в окно. В конце концов Страйк все же снял с вешалки пальто, вышел на дождь и направился по темной, промозглой Черинг-Кросс-роуд в ближайший супермаркет. В последнее время он снова начал злоупотреблять готовыми блюдами; с бумажными пакетами в обеих руках он машинально свернул в букинистический магазин, который закрывался через пару минут. Стоявший за прилавком букинист не смог с уверенностью сказать, если ли у него «Прегрешение Хобарта» – первый и, как считалось, лучший роман Оуэна Куайна, но после невнятного бормотания и неубедительного изучения монитора предложил Страйку другую книгу того же автора: «Братья Бальзак». Усталый, промокший и голодный, Страйк заплатил два фунта за потрепанный томик в твердом переплете и принес его домой.

Убрав продукты и приготовив себе пасту, Страйк растянулся на кровати – за окном уже висела густая, холодная тьма – и открыл книгу исчезнувшего автора.

Готическая, нереальная история была изложена цветистым и вычурным слогом. Двое братьев, носивших имена Варикосель и Ваз,

оказались замурованными в склепе, где медленно разлагался в углу труп их старшего брата. Между пьяными спорами о литературе, верности и творчестве французского писателя Бальзака они пытались в соавторстве создать жизнеописание гниющего брата. Варикосель без конца ощупывал свою ноющую мошонку (Страйк усмотрел в этом метафору творческого тупика); текст писал в основном Ваз.

Одолев страниц пятьдесят, Страйк пробормотал: «За такое и вправду надо яйца оторвать», отшвырнул книжку и начал мучительно погружаться в сон.

Его больше не посещало глубокое и блаженное забытье прошлой ночи. В окно мансарды барабанил дождь, мешая спать; тьма таила в себе смутное предчувствие катастрофы. Утром Страйк проснулся тяжело, будто с похмелья. Дождь точно так же молотил в окно; включив телевизор, Страйк узнал, что в Уэльсе произошло сильное наводнение: людей вызволяли из автомобилей, эвакуировали из домов, размещали в переполненных пунктах экстренной помощи.

Схватив мобильный, Страйк набрал номер, знакомый ему, как собственное отражение в зеркале, и всегда служивший символом безопасности и стабильности.

– Алло? – ответила его тетка.

– Это Корморан. Как у вас там дела, Джоан? Я новости посмотрел.

– Пока держимся, милый, а вот на побережье совсем худо, – сказала она. – У нас дождина хлещет, шторм приближается, но в Сент-Остелле еще хуже. Мы сами только что в новостях видели. А у тебя как дела, Корм? Ты нас совсем забыл. Мы с Тедом как раз вчера вечером говорили, что от тебя ни слуху ни духу. На Рождество-то приедешь?

Держа в руке мобильный, он не мог ни одеться, ни пристегнуть протез. Джоан не умолкала с полчаса, обрушивая на Страйка лавину местных новостей и делая неожиданные, резкие заходы на личную территорию, которую он предпочитал держать за семью печатями. Наконец, завершив последнюю серию допросов насчет его интимной жизни, долгов и ампутированной ноги, тетушка угомонилась. В офис он спустился позже обычного, издерганный и раздраженный, но в темном костюме и при галстуке. Робин оставалось только гадать, куда он отправится после встречи с Элизабет Тассел: уж не на свидание ли с обворожительной брюнеткой, затеявшей бракоразводный процесс?

– Новости слышал?

– Про наводнение в Корнуолле? – уточнил Страйк, включая электрический чайник: заваренный Робин утренний чай успел остыть, пока Джоан трещала как сорока.

– Про помолвку Уильяма и Кейт, – ответила Робин.

– Кого?

– Принца Уильяма, – объяснила Робин, – и Кейт Миддлтон.

– Ну-ну, – холодно сказал Страйк. – Рад за них.

До недавнего времени он и сам был в стане помолвленных. Как складывается новое обручение бывшей невесты, он не знал и предпочитал не задумываться над его финалом (естественно, не таким, как у их романа, когда она в кровь расцарапала Страйку лицо, признав свою измену, а таким, как бракосочетание, какого он не мог ей предложить, сродни королевскому, ожидавшему Уильяма и Кейт).

Только когда Страйк выпил полчашки чая, Робин решилась нарушить угрюмое молчание.

– За минуту до твоего появления звонила Люси – просила напомнить, что на субботу назначен ужин в честь твоего дня рождения, и узнать, придешь ты один или с кем-нибудь.

Настроение Страйка упало еще ниже. Он совершенно забыл про этот ужин в доме сестры.

– Я понял, – мрачно сказал он.

– У тебя в эту субботу день рождения? – спросила Робин.

– Нет, – ответил Страйк.

– А когда?

Он вздохнул. Ему не хотелось ни тортов, ни открыток, ни подарков, но Робин смотрела на него выжидающим взглядом.

– В четверг, – выдавил он.

– Двадцать третьего?

– Угу.

После короткой паузы ему пришло в голову, что в такой ситуации полагается задавать встречный вопрос.

– А у тебя когда? – По какой-то причине замешательство Робин действовало ему на нервы. – Черт, неужели сегодня?

Она рассмеялась:

– Нет, у меня уже прошел. Девятого октября. Между прочим, это действительно была суббота, – добавила она, улыбаясь при виде его

смущения. – Я не сидела на рабочем месте в ожидании букетика.

В ответ Страйк усмехнулся. Решив сделать над собой усилие и сказать какую-нибудь любезность, чтобы искупить свою вину за пропущенный по невнимательности день ее рождения, он добавил:

– Хорошо, что у вас с Мэтью еще не назначена дата. По крайней мере, ваша свадьба не наложится на королевскую.

– Между прочим, – вспыхнула Робин, – дата у нас назначена.

– Серьезно?

– Вполне, – подтвердила Робин. – На восьмое… восьмое января. У меня есть для тебя приглашение, вот, сейчас. – Она торопливо порылась в сумке (Робин даже не спросила согласия Мэтью на то, чтобы позвать Страйка, но теперь пути назад не было). – Держи.

– Восьмое января? – переспросил Стайк, разглядывая серебристый конверт. – Да ведь это уже через… сколько?.. меньше двух месяцев осталось.

– Точно, – подтвердила Робин.

Наступила непонятная краткая пауза. Страйк не сразу вспомнил, какие еще дела он поручил Робин, а сообразив, решил проверить исполнение и деловито постучал по ладони серебристым конвертом.

– Что слышно насчет «Хилтонов»?

– Сколько смогла, обзвонила. Под своим именем Куайн ни в одном из них не проживает и по описанию тоже нигде не опознан. Но ведь «Хилтонов» этих – пруд пруди, я проверяю по списку, один за другим. А что у тебя запланировано после встречи с Элизабет Тассел? – как бы невзначай спросила она.

– Выдать себя за покупателя квартиры в Мэйфере. Муж клиентки собрался обналичить и перевести в офшор кое-какой капитал, пока об этом не прознали женушкины юристы. Ладно, – Страйк засунул нераспечатанный конверт с приглашением глубоко в карман пальто, – я пошел. На поиски скверного писателя.

8

Стоило мне взять эту книгу, как старик исчез.

Джон Лили.
Эндимион, или Человек на Луне

Когда Страйк стоя ехал на метро одну остановку к Элизабет Тассел (во время коротких поездок он никогда не расслаблялся, а, наоборот, сосредоточивался, чтобы не нагружать протезированную ногу и удерживать равновесие), ему пришло в голову, что Робин ни разу не упрекнула его за то, что он взялся расследовать дело Куайна. Нет, разумеется, никто не давал ей права упрекать босса, но она отказалась от более денежного места, чтобы работать с ним в одной связке, и вполне могла ожидать, что он, расплатившись с долгами, хотя бы поднимет ей зарплату. Его секретарша вообще не имела привычки критиковать или хранить критическое молчание – единственная из встречавшихся Страйку женщин, которая не обнаруживала ни малейшего желания его перевоспитать или переломить. Как подсказывал его опыт, женщины обычно пытаются тебе внушить, что их любовь пропорциональна старанию на тебя повлиять.

Значит, через полтора месяца у нее свадьба. Через полтора месяца она станет миссис Мэтью… если Страйк и знал когда-то фамилию ее жениха, то сейчас при всем желании не смог бы вспомнить.

В ожидании лифта у выхода на станции «Гудж-стрит» его охватило внезапное безумное желание позвонить давешней темноволосой клиентке – та не скрывала, что будет только приветствовать такое развитие событий, – чтобы переспать с ней прямо сегодня, утопая в ее мягкой, душистой (так ему представлялось) постели в Найтсбридже. Но идея, не успев созреть, была отброшена. Это же сумасшествие – хуже, чем розыск пропавшего человека, не сулящий никаких гонораров…

А для чего, собственно, тратить время на поиски Куайна? – спросил себя Страйк, пряча лицо от колючего дождя. Для

удовлетворения собственного любопытства, ответил он после минутного раздумья, а возможно, и для чего-то менее очевидного. Шагая по Стор-стрит, он щурился под дождем, старался не поскользнуться на мокром тротуаре и размышлял, долго ли еще сможет выносить алчность и мстительность, которыми буквально сочились его богатые клиенты. Давно не приходилось ему расследовать дело об исчезновении. По крайней мере, он получит профессиональное удовлетворение, когда вернет сбежавшего Куайна в лоно семьи.

Литературное агентство Элизабет Тассел находилось в преимущественно жилом квартале, выстроенном из темного кирпича; здесь, в тупике, отходившем от оживленной Гауэр-стрит, было на удивление тихо. Страйк нажал кнопку звонка рядом со скромной медной табличкой. Послышались легкие шаги, и ему открыл бледный юноша в рубашке апаш.

– Вы частный детектив? – спросил он с восхищением и трепетом.

Страйк последовал за ним вверх по ступеням, оставляя мокрые следы на вытертой ковровой дорожке. За дверью красного дерева оказалось просторное офисное помещение, которое, как понял Страйк, раньше представляло собой отдельный холл с гостиной. Элегантность старины здесь мало-помалу переходила в убожество. Окно запотело; в воздухе висел застарелый табачный запах. Вдоль стен стояли набитые до отказа деревянные книжные шкафы; грязноватых обоев было почти не видно за вставленными в рамки шаржами и карикатурами на литературные темы. Лицом друг к другу, разделенные вытертым ковром, стояли два незанятых письменных стола.

– Разрешите ваше пальто, – сказал молодой человек, и тут из-под одного стола выскочила хрупкая перепуганная девушка. В одной руке она держала грязную губку.

– Не оттирается, Раф! – панически зашептала она юноше.

– Вот паразит! – брезгливо пробормотал Раф. – У Элизабет есть старый пес – его вырвало у Салли под столом, – доверительно объяснил он вполголоса, отведя Страйка в сторону и приняв у него промокшее пальто кромби, чтобы повесить на викторианскую стойку возле порога. – Я сообщу о вашем прибытии. А ты отскребай как следует, – посоветовал он своей коллеге и проскользнул в другую дверь красного дерева. – Лиз, пришел мистер Страйк.

Из-за двери тут же послышался громкий лай, а потом глубокий, дребезжащий кашель, будто раздирающий легкие битого жизнью шахтера.

– Подержи его! – приказал хриплый голос.

Дверь в офис распахнулась; за ней стояли Раф, вцепившийся в ошейник старого, но все еще злобного доберман-пинчера, и рослая, крепкого телосложения дама лет шестидесяти, с крупными, откровенно непривлекательными чертами лица. Подстриженные с геометрической аккуратностью серо-голубые волосы, строгий черный костюм и алая губная помада придавали ей определенный шик. От нее исходила та властность, которая сменяет сексуальную притягательность у добившихся успеха немолодых женщин.

– Его надо вывести, Раф, – велела хозяйка агентства, но при этом ее черные, как маслины, глаза впились в Страйка; за окном по-прежнему лил дождь. – И прихвати побольше гигиенических пакетов: его сегодня немного слабит. Прошу вас, мистер Страйк.

Ее референт с брезгливым видом потащил к выходу крупного, по-бычьи упирающего пса; поравнявшись со Страйком, доберман ощерился.

– Кофе, Салли, – приказала Элизабет Тассел перепуганной девушке, которая успела спрятать губку.

Когда референтка сорвалась с места и скрылась за дверью позади своего стола, Страйк понадеялся, что перед приготовлением кофе она не забудет тщательно вымыть руки.

В душном кабинете литературного агента словно сгустился висевший в приемной застарелый дух табачного дыма и псины. Под столом лежала обтянутая твидом собачья корзина; стены были увешаны старыми фотографиями и репродукциями. На самом большом из многочисленных изображений Страйк узнал Пинклмена – довольно известного, преклонных лет (а может, уже покойного) писателя, автора иллюстрированных детских книжек. Элизабет Тассел молча кивнула на стул по другую сторону своего рабочего стола, но, прежде чем сесть, Страйк вынужден был убрать с него стопку бумаг и старых номеров журнала «Букселлер»; тем временем хозяйка офиса достала сигарету из лежащей на столе пачки, прикурила от ониксовой

зажигалки, набрала полные легкие дыма и надолго зашлась дребезжащим, присвистывающим кашлем.

– Итак, – наконец проскрежетала она из кожаного офисного кресла, – Кристиан Фишер говорит, Оуэн в очередной раз отмочил свой знаменитый номер с исчезновением.

– Совершенно верно, – подтвердил Страйк. – Он исчез в тот вечер, когда вы с ним повздорили из-за его книги.

Ответ литературного агента утонул в кашле; из груди женщины вылетали жуткие, раздирающие горло хрипы. Страйк молча дожидался окончания приступа.

– Вам не позавидуешь, – сказал он, когда в конце концов наступила тишина, воспользовавшись которой его собеседница, как ни странно, тут же сделала новую затяжку.

– Гриппую, – объяснила она. – Ничего не помогает. Когда у вас была Леонора?

– Позавчера.

– Неужели ей по карману ваши услуги? – проскрежетала Элизабет Тассел. – Сомневаюсь, чтобы профессионал, распутавший дело Лулы Лэндри, согласился работать за бесценок.

– Миссис Куайн предположила, что мои услуги, по всей вероятности, оплатите вы, – сказал Страйк.

Бугристые щеки зарделись; слезящиеся от кашля черные глаза сощурились.

– В таком случае отправляйтесь прямиком к Леоноре и скажите… – ее грудь под элегантным черным жакетом опять начала вздыматься в преддверии сдерживаемого приступа, – что я не дам ни г…гроша на розыск этого мерзавца. Передайте ей… передайте… – Она вновь содрогнулась от неудержимого кашля.

Дверь открылась, и в кабинет вошла хрупкая референтка, с трудом удерживая массивный деревянный поднос, нагруженный чашками и кофейными принадлежностями. Поднявшись со стула, Страйк принял у нее поднос, но не нашел куда поставить. Девушка попыталась расчистить место на столе. От волнения она смахнула на пол стопку бумаг. Кашляющая начальница яростным жестом приказала ей убираться с глаз долой, и девушку как ветром сдуло.

– Ру…руки-крюки… – прохрипела Элизабет Тассел.

Не обращая внимания на разлетевшиеся по полу бумаги, Страйк опустил поднос на стол и вернулся на свое место. Владелица литературного агентства принадлежала к тому типу старых грубиянок, которые вольно или невольно нагоняют страх на любого впечатлительного человека, пробуждая детские воспоминания о суровой и всесильной матери. Но запугать Страйка было не так-то просто. Во-первых, его родная мать, при всех своих недостатках, была совсем молодой и, несомненно, любящей; во-вторых, в сидевшей перед ним мегере он интуитивно почувствовал уязвимость. Это безостановочное курение, эти выцветшие фотографии, эта старая собачья корзина – все наводило на мысль о сентиментальности, о внутренней слабости, скрытой от молодых подчиненных. Страйк наполнил чашку и, когда Лиз Тассел откашлялась, протянул ей кофе.

– Спасибо, – буркнула она.

– Значит, вы отказали Куайну в своих услугах? – спросил Страйк. – И объявили ему об этом в тот вечер, когда встретились с ним за ужином, так?

– Не помню, – проскрипела она. – Атмосфера накалилась очень быстро. Оуэн вскочил посреди зала и начал прилюдно на меня орать, а потом бросился прочь, предоставив мне платить по счету. При желании вы можете найти множество свидетелей той сцены. Оуэн расстарался, чтобы устроить спектакль.

Она снова взялась за пачку сигарет и, спохватившись, предложила закурить Страйку. Когда они дружно затянулись, Элизабет Тассел спросила:

– Что вам наговорил Кристиан Фишер?

– Ничего существенного, – ответил Страйк.

– Хорошо, если так, а то вам обоим будет хуже, – бросила она.

Страйк молча курил и пил кофе, а Элизабет выжидала, явно надеясь услышать что-нибудь более внятное.

– Он упомянул о «Бомбиксе Мори»? – не выдержала она.

Страйк кивнул.

– И что сказал?

– Что Куайн вывел в этом романе многих известных личностей, даже не потрудившись их замаскировать.

Повисла напряженная пауза.

– Надеюсь, Чард засудит этого молокососа. Чтобы впредь не болтал лишнего.

– Вы не пытались связаться с Куайном после того, как он сбежал из… где вы с ним ужинали? – уточнил Страйк.

– В «Ривер-кафе», – прохрипела она. – Нет, не пыталась. Мне с ним больше не о чем разговаривать.

– И он тоже не давал о себе знать?

– Нет.

– Леонора утверждает, что вы превозносили книгу Куайна как его шедевр, а потом изменили свое мнение и отказались ею заниматься.

– Что? Ничего похожего… я не го…

На нее накатил пароксизм кашля, еще сильнее прежних. Она содрогалась и брызгала слюной; у Страйка возникло сильное искушение вырвать у нее сигарету. В конце концов приступ прошел. Залпом проглотив полчашки горячего кофе, Лиз, судя по всему, испытала некоторое облегчение и окрепшим голосом закончила:

– Ничего похожего я не говорила. «Шедевр» – это он Леоноре такое выдал?

– Да. А на самом деле что вы сказали?

– Я слегла с гриппом, – сипло начала она, будто не расслышала вопроса. – Неделю не выходила на работу. Оуэн позвонил в офис и объявил, что рукопись готова. Раф сообщил ему, что я больна, так Оуэн, недолго думая, отправил текст с курьером на мой домашний адрес. Я вынуждена была встать с постели, чтобы открыть дверь и расписаться в получении бандероли. В этом – весь Оуэн. У меня температура под сорок, я на ногах не стою. Но он же закончил книгу, а значит, умри, но читай немедленно. – Отпив еще кофе, она продолжила: – Я оставила рукопись на столе в прихожей и вернулась в постель. Оуэн принялся изводить меня звонками, буквально час за часом, чтобы услышать мое мнение. Так прошли среда, четверг… Я тридцать лет в агентском бизнесе – и впервые занемогла, – проскрежетала она. – А в конце недели я собиралась уезжать. И очень ждала той поездки. Отменять ее не собиралась, но и не хотела, чтобы Оуэн каждые три минуты донимал меня звонками. Поэтому… чтобы только от него отделаться… У меня ломило все тело… – Она затянулась сигаретой, прокашлялась, взяла себя в руки и закончила: – Роман оказался не хуже двух его последних опусов. Быть может, в чем-

то даже лучше. У Куайна получилась интересная затравка. Образность тоже местами удалась. Этакий «Путь паломника»[{3}] в готическом изводе.

– Вы узнали кого-нибудь в прочитанных главах?

– Персонажи, на мой взгляд, преимущественно символические, – ответила она с легким вызовом, – в том числе и агиографический автопортрет. Множество сексуальных извращений. – Элизабет в очередной раз откашлялась. – Обычная смесь, как мне показалось… но я… я не собираюсь скрывать, что читала по диагонали.

Страйк понял, что ей нелегко признавать собственные упущения.

– Я… в общем, я не дочитала примерно четверть объема, где описаны Майкл и Дэниел. Посмотрела концовку – совершенно нелепую, глуповатую… Если бы не болезнь, которая мешала мне сосредоточиться, я бы, естественно, сразу ему высказала, что он ищет неприятностей на свою голову. Дэниел – непростой человек, крайне обидчивый… – У нее опять дрогнул голос, но она вознамерилась закончить фразу и с присвистом продолжила: – А Майкл – склочник… такой склочник, каких… – Ее душил кашель.

– А почему мистер Куайн хотел непременно опубликовать это произведение, если за него можно угодить под суд? – дождавшись окончания приступа, поинтересовался Страйк.

– Для Оуэна закон не писан, – резко сказала Элизабет Тассел. – В своих глазах он – гений, баловень судьбы. Ему нравится оскорблять других. В этом он видит смелость, удаль.

– А что вы сделали после ознакомления с рукописью?

– Позвонила Оуэну. – На миг она закрыла глаза – как могло показаться, в бессильной злобе на саму себя. – И сказала: «Да, отлично», а потом приказала Рафу заехать за этой чертовщиной ко мне домой и сделать две ксерокопии: одну отправить в «Роупер Чард» – Джерри Уолдегрейву, редактору Оуэна, а вторую – п… пусть меня Бог простит – Кристиану Фишеру.

– Но почему же вы не отправили рукопись прямо в офис по электронной почте? – удивился Страйк. – Разве у вас не было файла – к примеру, на флешке?

Элизабет Тассел затушила сигарету в стеклянной пепельнице, полной окурков.

– Оуэн не желает отказываться от электрической пишущей машинки, на которой создал «Прегрешение Хобарта». Его техническая безграмотность просто уму непостижима. Не знаю, что здесь на первом месте: показуха или тупость. Может, он и пытался перейти на ноутбук, да не сумел. Это для него еще один способ досадить окружающим.

– А почему вы отослали рукопись сразу двум издателям? – спросил Страйк, уже зная ответ.

– Да потому, что Джерри Уолдегрейв… хотя он и сущий ангел, что большая редкость в издательском бизнесе, – начала она, потягивая кофе, – даже Джерри Уолдегрейв уже дошел до ручки от выкрутасов Оуэна. Последний роман Оуэна продавался у «Роупер Чард» с большим скрипом. Вот я и решила подстраховаться.

– В какой момент вы поняли, о чем на самом деле эта книга?

– В тот же день, ближе к вечеру, – проскрипела она. – Мне позвонил Раф. Он к тому времени отправил обе копии, а затем просмотрел оригинал. Звонит мне и спрашивает: «Лиз, а вы сами это прочли?» – (Страйк без труда представил, как этот бледный парнишка собирался с духом, как в страхе совещался со своей хрупкой напарницей, прежде чем решился сделать такой звонок.) – Мне пришлось сказать, что не до конца… и не слишком внимательно, – пробормотала она. – Тогда он зачитал мне вслух пару отрывков, которые я пропустила, и…

Взяв со стола ониксовую зажигалку, она рассеянно повертела ее в руках и подняла взгляд на Страйка:

– Понимаете, я задергалась. Стала звонить Кристиану Фишеру – там автоответчик. Пришлось оставить сообщение, что к нему поступил черновой вариант, что читать его не нужно, что я ошиблась и убедительно прошу вернуть мне рукопись, причем к…как можно скорее. Вслед за тем я позвонила Джерри, но тоже безрезультатно. Правда, он меня предупреждал, что они с женой по случаю годовщины свадьбы уедут на выходные. Я только надеялась, что в поездке ему будет не до чтения, и оставила примерно такое же сообщение, как и Фишеру. И только после этого перезвонила Оуэну.

Она вновь закурила. Ее крупные ноздри подрагивали при каждой затяжке, морщины в уголках губ обозначились еще резче.

– Я и двух слов сказать не успела, но это уже не играло роли. Оуэн, как никто другой, умеет заткнуть рот собеседнику. Он был страшно доволен собой и потребовал, чтобы мы с ним встретились за ужином и отметили завершение книги. Пришлось мне вылезать из постели, приводить себя в порядок, тащиться в «Ривер-кафе» и ждать. Появился Оуэн. Даже без опоздания. Как правило, он опаздывает. А тут, ликующий, буквально вплывает в зал. Искренне веря, что совершил нечто смелое и достойное восхищения. Не дав мне рта раскрыть, заводит разговор об экранизации…

Выдыхая дым из алого рта и сверкая черными глазами, она сделалась похожей на дракона.

– Стоило мне заикнуться, что его роман пышет злобой и непригоден для печати, как он вскочил, отшвырнул стул и разорался. Вылил на меня поток оскорблений личного и профессионального свойства, заявил, что мне не по уму представлять его интересы, а посему он опубликует свой роман самостоятельно – в интернете. И умчался, предоставив мне оплачивать счет. Собственно говоря, – фыркнула она, – в этом нет ничего у…удиви…

Она злобно скривила рот и содрогнулась от самого сильного за все время приступа кашля. Страйк забеспокоился, как бы владелица литературного агентства не умерла от удушья. Он приподнялся со стула, но Элизабет Тассел жестом отклонила помощь. В конце концов, побагровевшая, со слезящимися глазами, она все же продолжила скрипучим голосом:

– Я сделала все, что в моих силах, чтобы исправить положение. Напрочь испортила себе поездку к морю. Все выходные не расставалась с телефоном, пыталась дозвониться до Фишера и Уолдегрейва. Посылала одно сообщение за другим, но в скалах Гвизиэна, будь они неладны, связи не было…

– Вы родом из тех краев? – Страйк немного удивился, потому что не распознал в ее речи отзвуков своего корнуэльского детства.

– В тех краях живет одна писательница – моя подопечная. Я при ней упомянула, что четыре года не была в отпуске, и она пригласила меня на выходные. Хотела показать мне эти заветные красоты природы, которые описаны во всех ее романах. Пейзажи действительно ве…великолепны, даже не знаю, с чем их сравнить, но у меня из головы не шел этот проклятый «Бомбикс Мори» – как бы

кто-нибудь не стал его читать. Я потеряла сон… не находила себе места… Наконец, в воскресенье днем, прорезался Джерри. Оказалось, поездка у них сорвалась; он божился, что не получал от меня никаких сообщений, а потому взялся читать этот пасквиль. Не испытал ничего, кроме отвращения и злобы. Я пообещала Джерри сделать все возможное, чтобы не допустить публикации этой мерзости… но призналась, что отправила ее Кристиану тоже, и тут Джерри бросил трубку.

– Вы сказали ему, что Куайн планирует интернет-издание?

– Нет, не сказала, – хрипло выговорила она. – Я молила Бога, чтобы это оказалось пустой угрозой, ведь Оуэн даже не знает, как подступиться к компьютеру. Но меня беспокоило…

Ее рассказ прервался.

– Вас беспокоило?.. – напомнил Страйк.

Она не отвечала.

– Его планы самостоятельного издания кое-что проясняют, – как ни в чем не бывало продолжил Страйк. – По словам Леоноры, Куайн в тот вечер забрал свой экземпляр рукописи и все черновики. Я еще подумал: не собирается ли он их сжечь или выбросить в реку, но у него, вероятно, уже созрела идея электронной публикации.

Эти сведения не смягчили агента. Стиснув зубы, Элизабет Тассел процедила:

– У него есть подруга. Они познакомились на его семинаре по литературному мастерству. Свои творения она размещает исключительно в интернете. Мне рассказывал об этом сам Оуэн – пытался заинтересовать меня ее бездарными эротическими фантазиями.

– Вы сейчас ей не звонили? – насторожился Страйк.

– Представьте себе, звонила. Хотела ее припугнуть – объяснить, что, помогая Оуэну оцифровать книгу или продать ее через интернет, она рискует угодить под суд за соучастие.

– И что она?

– Не отвечает. Я набирала ее номер не раз и не два. Возможно, переехала, не знаю.

– Вы разрешите мне записать ее контактные данные? – попросил Страйк.

– Раф даст вам ее визитку. Я поручила ему дозваниваться. Раф! – гаркнула она.

– Он еще выгуливает Бо! – пискнула из-за двери хрупкая помощница.

Закатив глаза, Элизабет Тассел тяжело поднялась со своего места:

– Этой бесполезно поручать что-либо найти.

Как только дверь кабинета распахнулась, а потом захлопнулась за спиной литагента, Страйк вскочил со стула, обогнул письменный стол и принялся разглядывать висевший на стене групповой портрет, приковавший его внимание. Этот цветной снимок частично загораживала поставленная на книжную полку фотография двух доберманов, которую пришлось снять. Заинтересовавший Страйка портрет формата А4 сильно выцвел. Судя по одежде изображенных на нем людей, сфотографировались они по меньшей мере четверть века назад, причем у дверей этого дома. Элизабет, единственная женщина, была вполне узнаваемой: крупная, некрасивая, с длинными, отброшенными назад волосами, в совершенно не украшающем ее платье густо-розовых и бирюзовых тонов, с заниженной талией. По одну сторону от нее стоял стройный, необычайно привлекательный блондин, по другую – невысокий, унылый, болезненного вида человечек, со слишком большой для такого туловища головой. Страйк подумал, что где-то его уже видел: не то в газетах, не то по телевидению. За спиной у этого неопознанного, но, вполне возможно, известного персонажа торчал молодой Оуэн Куайн. Самый высокий из всей четверки, он был одет в жеваный белый костюм, а прическа его представляла собой нечто среднее между рыбьим хвостом и ирокезом. Страйку он напомнил располневшего Дэвида Боуи.

Дверь неслышно распахнулась на хорошо смазанных петлях. Страйк и не подумал скрывать свой интерес; он лишь повернулся к хозяйке кабинета, державшей листок бумаги.

– Это Флетчер, – объяснила она, глядя на фотографию собак в руках у Страйка. – В прошлом году его не стало.

Страйк вернул фото ее питомцев на книжную полку.

– Ах вот оно что, – сообразила Элизабет Тассел. – Вас другое заинтересовало.

Она подошла к выцветшему портрету, остановилась рядом со Страйком, и он прикинул, что в ней примерно шесть футов росту. От

нее пахло сигаретами «Джон Плейер спешиалз» и духами «Арпеж».

– Мы сфотографировались по случаю открытия моего агентства. Здесь трое моих первых клиентов.

– Кто этот человек? – Страйк указал на белокурого красавца.

– Джозеф Норт. Самый талантливый из этой троицы. К сожалению, умер молодым.

– А это?..

– Майкл Фэнкорт, кто же еще? – с удивлением ответила она.

– Я сразу подумал: знакомое лицо. Вы до сих пор его представляете?

– Нет! Я полагала…

Он услышал ее, хотя продолжение повисло в воздухе: «Я полагала, что это знают все». Наверное, весь литературный Лондон об этом и вправду знал, а вот Страйк – нет.

– А почему вы с ним больше не сотрудничаете? – спросил Страйк, возвращаясь на место.

Она протянула ему через стол принесенный листок: это была ксерокопия визитки – похоже, измятой и засаленной.

– Много лет назад мне пришлось выбирать между Майклом и Оуэном, – сказала Элизабет Тассел. – И я как последняя д…дура… – Она вновь зашлась кашлем и гортанно проскрипела: – Выбрала Оуэна. Вот все контактные данные Кэтрин Кент, которыми я располагаю, – твердо закончила она, давая понять, что тема Фэнкорта закрыта.

– Благодарю вас. – Сложив листок, Страйк убрал его в бумажник. – Как по-вашему, давно у них роман?

– Порядочно. Когда Леонора занята с Орландо, он таскает с собой эту лахудру на все приемы. Фантастическое бесстыдство.

– У вас нет никаких предположений, где он скрывается? Леонора говорит, что во всех предыдущих случаях именно вы разыскивали его…

– Не имею привычки «разыскивать» Оуэна, – резко перебила Элизабет Тассел. – Он сам звонит мне где-то через неделю и просит аванс – так у него называется безвозмездный денежный перевод, – чтобы оплатить счет за мини-бар.

– И вы идете ему навстречу? – удивился Страйк. Эта женщина отнюдь не выглядела мягкотелой.

Ее гримаса подтвердила, насколько он мог судить, постыдную слабость, но ответ прозвучал неожиданно:

– А вы видели Орландо?

– Нет.

Элизабет Тассел уже открыла рот, но осеклась.

– Мы с Оуэном знакомы сто лет, – только и сказала она, а потом с ноткой горечи добавила: – Когда-то были добрыми друзьями…

– В каких отелях он раньше отсиживался?

– Всех не припомню. Кенсингтонский «Хилтон» – это раз. «Данубиус» в Сент-Джонс-Вуде – это два. Большие, безликие гостиницы, где можно получить все земные блага, которых он лишен у себя дома. Оуэн сибарит во всем, за исключением личной гигиены.

– Вы очень близко знакомы с Куайном. Как по-вашему, он, случайно, не мог…

С легкой усмешкой она закончила его фразу:

– …«сотворить над собой какую-нибудь глупость?» Еще чего! Разве ему придет в голову лишить этот мир такого гения, как Оуэн Куайн? Нет, он сейчас затаился, придумывает, как бы нам всем отомстить, и сокрушается, что его не разыскивает полиция всей страны.

– Неужели он, регулярно пускаясь в бега, ожидает розыска?

– Естественно, – сказала Элизабет. – Он всякий раз спит и видит, как бы попасть в газетные заголовки. Но вся штука в том, что много лет назад, когда он поскандалил со своим первым редактором и надумал разыграть исчезновение, это сработало. Действительно, тогда поднялось легкое волнение, которое отозвалось в прессе. С тех пор он тешит себя надеждой повторить этот номер.

– Его жена уверена, что он будет вне себя, если она заявит в полицию.

– Не знаю, откуда у нее такие мысли. – Элизабет взялась за очередную сигарету. – Оуэн считает, что ради личности его масштаба страна должна как минимум поднять в воздух вертолеты и пустить по его следу всех служебных собак.

– Что ж, спасибо за уделенное мне время, – сказал Страйк, собираясь встать. – Очень любезно с вашей стороны, что вы согласились на эту встречу.

Элизабет Тассел протянула ему руку и ответила:

– Не стоит преувеличивать. У меня свой интерес.

Страйк выжидал. Эта женщина явно была не из тех, кто просит об одолжении. Некоторое время Элизабет молча курила, потом напряженно откашлялась.

– Эта… эта история… с «Бомбиксом Мори»… нанесла мне значительный ущерб, – прохрипела она. – Мое приглашение на юбилейный банкет «Роупер Чард», это в ближайшую пятницу, аннулировано. Две рукописи моих клиентов, рассматривавшиеся в этом издательстве, завернули без объяснения причин. Теперь я уже начинаю беспокоиться за последнюю книгу бедняги Пинклмена. – Она кивнула в сторону висящей на стене фотографии престарелого детского писателя. – Кто-то распускает гнусные слухи, что я состою в сговоре с Оуэном, что подстрекала его вновь разжечь давний скандал вокруг Майкла Фэнкорта, дабы устроить драку за эту книгу. Вам придется беседовать со всеми знакомыми Оуэна, – сказала она, переходя к делу. – Буду весьма признательна, если вы скажете им – и прежде всего Джерри Уолдегрейву, коль скоро он будет в числе первых, – что я не имела представления о содержании этого романа. Если бы не моя болезнь, я не стала бы показывать рукопись никому, а тем более Кристиану Фишеру. Я проявила… – она помедлила, – неосмотрительность, но не более того.

Так вот, значит, почему Лиз Тассел искала этой встречи. Страйк посчитал, что она назначила вполне умеренную цену за информацию о двух отелях и одной любовнице.

– При первом же удобном случае доведу это до их сведения, – пообещал Страйк, вставая со стула.

– Спасибо, – угрюмо буркнула она. – Я вас провожу.

За порогом кабинета их встретил истошный лай. Старый доберман в сопровождении Рафа вернулся с прогулки. Мокрые волосы Рафа были зачесаны назад; он с трудом удерживал рычащего пса в сером намордник, чтобы тот не бросился на Страйка.

– Он чужих недолюбливает, – равнодушно выговорила Элизабет Тассел.

– А однажды Оуэна покусал, – решился вставить Раф, как будто это могло примирить Страйка с очевидным желанием добермана разорвать его на части.

– Да, – подтвердила Элизабет Тассел, – жаль, что…

Тут на нее в который раз напал дребезжащий, с присвистом кашель. Страйк и пара референтов молча ждали, когда она придет в себя.

– Жаль, что не загрыз, – проскрипела она. – Это избавило бы нас от множества неприятностей.

Ее подчиненные лишились дара речи. Страйк пожал руку литагента и распрощался. Вслед ему неслось рычание добермана.

9

Не здесь ли мистер Петьюлент, хозяюшка?

Уильям Конгрив.

Так поступают в свете[5]

Остановившись в конце залитой дождем улицы, образованной рядами старых домов, перестроенных из конюшен, Страйк позвонил Робин, но у той было занято. Он прислонился к стене, поднял воротник пальто и стал методично нажимать на кнопку повторного набора. В какой-то момент взгляд его упал на прикрепленную к противоположной стене голубую мемориальную доску, которая увековечивала память хозяйки литературного салона леди Оттолайн Моррелл{4}. Несомненно, здесь в свое время обсуждались среди прочего и скабрезные *romans à clef*{5}…

– Привет, Робин, – сказал Страйк, наконец-то пробившись к себе в бюро. – Я опаздываю. Будь добра, позвони Ганфри и передай ему, что на завтра у меня назначена встреча, железно ограниченная по времени. И скажи Кэролайн Инглз, что никакого движения больше не наблюдалось, но завтра я сам ей позвоню и сообщу последние сведения.

Внеся изменения в свой график, он продиктовал ей название отеля в Сент-Джонс-Вуде – «Данубиус» – и поручил выяснить, не проживает ли там Оуэн Куайн.

– А что слышно насчет «Хилтонов»?

– Ничего хорошего, – сказала Робин. – Осталось еще два. Пока результатов нет. Если он и остановился в каком-нибудь «Хилтоне», то либо под чужим именем, либо в гриме – ну или персонал там крайне рассеянный, этого я тоже не исключаю. Такую фигуру трудно не заметить, особенно в мантии.

– А кенсингтонский «Хилтон» проверила?

– Да. Все без толку.

– Ладно, у меня появилась еще наводка: его подруга Кэтрин Кент, самостоятельно издающая свои книжки. Вероятно, чуть позже я к ней наведаюсь. Отвечать на телефонные звонки сегодня не смогу: я веду слежку за мисс Броклхэрст. Если что, присылай эсэмэс.

– Хорошо. Удачной слежки.

Но вечер оказался скучным и бесплодным. Страйк вел наблюдение за высокооплачиваемой референткой, которую чрезмерно подозрительный босс, он же любовник, заподозрил в том, что она ублажает и посвящает в коммерческие тайны одного из конкурентов его фирмы. Однако мисс Броклхэрст, которая после обеда отпросилась с работы под тем предлогом, что хотела, на радость своему возлюбленному, сделать тщательную депиляцию и маникюр, а также заглянуть в солярий, не покривила душой. Страйк битых четыре часа торчал в кофейне «Неро», глядя сквозь залитое дождем оконное стекло на дверь спа-салона, и только навлек на себя гнев молодых мамаш с колясками, которым хотелось посидеть у окошка и посплетничать. В конце концов из дверей появилась мисс Броклхэрст, с бронзовым загаром и, по-видимому, практически без единого волоска от шеи до пят. Пройдя несколько шагов за ней следом, Страйк увидел, как она скользнула в такси. Каким-то чудом (при такой погоде) он сразу же схватил другую машину, но преследование, замедляемое дорожными пробками и потоками дождя, закончилось, как и следовало ожидать, у дома параноика-босса. Страйк всю дорогу скрытно делал фотографии, потом расплатился с таксистом и мысленно прикинул затраты своего рабочего времени. На часах было около шестнадцати; день уже клонился к закату, нескончаемый дождь стал еще холоднее. В окнах траттории, мимо которой лежал путь Страйка, зажглись рождественские огни, и Страйку опять – в третий раз за короткий промежуток времени – вспомнился Корнуолл, шепотом звавший его к себе.

Сколько же лет – неужели пять? – не бывал он в милом приморском городке, где прошли самые мирные годы его детства? Правда, он и потом виделся с тетушкой и дядей, когда те, по их застенчивому выражению, «выбирались в Лондон», останавливались у его сестры Люси и наслаждались видами столицы. В прошлый раз Страйк взял дядю Теда с собой на стадион «Эмирейтс»[{6}] («Арсенал» играл с «Манчестер Сити»).

У него в кармане завибрировал телефон: Робин, неукоснительно соблюдавшая все инструкции, прислала сообщение:

М-р Ганфри просит о встрече завтра в 10 у него в офисе; хочет нечто сообщить. Ц. Р.

«Спасибо», – написал в ответ Страйк. Никаких «целую» он не признавал, разве что в сообщениях, адресованных сестре и тете Джоан.

На подходе к метро Страйк обдумал дальнейшие действия. У него из головы не шло исчезновение Оуэна Куайна – такая неуловимость могла и раздосадовать, и заинтриговать кого угодно. Страйк достал из бумажника листок, полученный от Элизабет Тассел. Под именем «Кэтрин Кент» стояли адрес многоэтажки в Фулеме и номер мобильного телефона. Вдоль нижнего края визитки было напечатано: «Независимый автор».

В отдельных районах Лондона Страйк ориентировался не хуже опытного таксиста. Притом что в детстве его никогда не заносило в фешенебельные кварталы, он обретался в самых разных частях столицы вместе со своей непоседливой, ныне покойной матерью – обычно в сквотах или ночлежках, но порой (если очередной ухажер матери располагал хоть какими-то средствами) и в более завидных условиях. Место жительства Кэтрин Кент было ему хорошо знакомо: на Клемент-Эттли-Корт стояли старые муниципальные дома, многие из которых теперь перешли в частные руки. В Фулеме неказистого вида кирпичные высотки, с круговыми балконами-галереями на всех этажах, располагались в нескольких сотнях ярдов от особняков стоимостью в миллионы фунтов.

Дома его никто не ждал; после кофе и булочек из «Неро» в желудке ощущалась сытость. Вместо того чтобы сесть на поезд Северной ветки, Страйк выбрал линию Дистрикт, доехал до Западного Кенсингтона и в сумерках двинулся пешком по Норт-Энд-роуд, где тянулись не выдержавшие кризиса заколоченные лавчонки. К многоэтажным домам он подошел уже в полной темноте.

Жилой квартал Стаффорд-Криппс-Хаус, находившийся ближе всех к главной дороге, стоял за невысоким современным зданием медицинского центра. Оптимист-проектировщик, увлеченный, по всей

видимости, идеями социализма, предусмотрел для каждой квартиры небольшой балкончик. Не иначе как он воображал, что счастливые жильцы будут разводить цветы и, перегнувшись через перила, радостно приветствовать соседей. Но нет: эти наружные квадратики служили исключительно для хранения всяческого хлама: открытые всем стихиям, там громоздились старые матрасы, коляски, кухонная утварь, вороха грязной одежды – словно кто-то распилил сверху вниз хозяйственные шкафы и выставил их внутренности на всеобщее обозрение.

Возле пластмассовых мусорных бачков сидела горластая компания парней в капюшонах. Страйка проводили оценивающими взглядами. Он был шире в плечах и выше любого из этих юнцов.

– Здоровый бычара, – донеслось до него, когда он уже вошел в подъезд и, даже не нажав на кнопку явно неработающего лифта, направился к бетонным лестничным ступеням.

Квартира Кэтрин Кент находилась на четвертом этаже; попасть в нее можно было только с продуваемой насквозь общей кирпичной галереи, опоясывающей весь дом. Отметив, что у Кэтрин, в отличие от ее соседей, окна задернуты настоящими занавесками, Страйк постучал в дверь.

На стук никто не ответил. Если Оуэн Куайн и прятался внутри, то решительно не хотел себя обнаруживать: свет в комнате не горел, никакого движения не ощущалось. Из-за соседней двери высунулась злобного вида женщина с сигаретой в зубах, окинула Страйка испытующим взглядом и с почти комической быстротой шмыгнула обратно. На галерее свистел холодный ветер. Пальто Страйка поблескивало дождевыми каплями, а непокрытая голова – он это знал – выглядела как обычно: короткие, курчавые, густые волосы дождя не боялись. Засунув руки в карманы, он нащупал в одном из них плотный конверт, о котором совершенно забыл. Лампочка над дверью Кэтрин Кент была разбита, и Страйку пришлось продвинуться на две квартиры дальше, чтобы вскрыть серебристый конверт при электрическом свете.

Мистер и миссис Майкл Эллакотт приглашают Вас на торжественное бракосочетание своей дочери, Робин Венеции, и мистера Мэтью Джона Канлиффа, которое состоится в церкви

Девы Марии (г. Мэссем) в субботу, 8 января 2011 года, в 14:00, а затем на обед в отеле-замке «Суинтон-Парк»

Своей категоричностью приглашение напоминало армейские приказы: «венчание провести в соответствии с вышеуказанными распоряжениями». У них с Шарлоттой дело так и не дошло до той стадии, когда положено рассылать плотные кремовые карточки с блестяще-черным гравированным курсивом текста.

Опустив приглашение поглубже в карман и думая о своем, Страйк вернулся к неосвещенной двери Кэтрин и стал наблюдать за темной Лилли-роуд, по которой неслись фары дальнего и ближнего света и зыбкие рубиновые и янтарные отражения. Тусовавшиеся под балконом юнцы сбились в кучку, потом рассредоточились, приняли к себе других и перегруппировались.

В половине седьмого они всей сворой отделились от дома. Страйк провожал их взглядом, пока они не превратились в смутные силуэты; в этот миг из темноты появилась женщина, идущая им навстречу. Когда она оказалась в лужице света уличного фонаря, Страйк заметил черный зонтик, а под ним – гриву рыжих волос.

При ходьбе женщина, то и дело отбрасывая назад густые, растрепанные ветром локоны, клонилась набок, потому что в одной руке у нее был только зонтик, а в другой – два тяжелых магазинных пакета, но на расстоянии она все же выглядела довольно миловидной, да и ножки, видневшиеся из-под свободного пальто, оказались вполне стройными. Незнакомка приблизилась, пересекла бетонированный двор, не замечая, что за ней следят с высоты четвертого этажа, и скрылась в подъезде. Через пять минут она появилась на галерее, где поджидал Страйк. Вблизи стало заметно, что застежка ее пальто готова лопнуть на полновесном, округлом бюсте. Женщина брела повесив голову, а потому заметила Страйка лишь метров с десяти. Когда она вздернула подбородок, Страйк, вопреки своим ожиданиям, увидел далеко не юное лицо, с морщинами и припухлостями. Женщина приросла к месту и ахнула:

– Ты!

Страйк понял, что в потемках он видится ей лишь неясным силуэтом.

– Ах ты, гад!

Пакеты упали на бетонный пол; послышался звон разбитого стекла. Женщина бросилась прямо на него, размахивая кулаками:

– Ты гад, гад! Я тебя не прощу, никогда не прощу, пошел вон!

Страйку пришлось отразить пару неистовых ударов и на шаг отступить, а она с воплем кидалась на него в тщетных попытках пробить оборону бывалого боксера.

– Ну, погоди… Пиппа тебя убьет, к чертовой матери… дай срок…

Соседская дверь вновь приоткрылась: на пороге стояла все та же мегера с сигаретой в зубах.

– Эй! – окликнула она.

Свет из ее прихожей упал на лицо Страйка. Рыжеволосая незнакомка не то ахнула, не то вскрикнула – и попятилась.

– Чего разорались? – рявкнула соседка.

– Ошибочка вышла, – дружелюбно сказал Страйк.

Соседка захлопнула дверь, оставив Страйка и его противницу в темноте.

– Кто вы такой? – прошептала женщина. – Что вам нужно?

– Вы – Кэтрин Кент?

– Что вам нужно? – Она почему-то запаниковала. – Если это то, что я думаю, я этим больше не занимаюсь!

– Как, простите?

– Да кто вы такой, в конце-то концов? – Она перепугалась еще сильнее.

– Меня зовут Корморан Страйк, я частный детектив.

Он давно перестал удивляться реакции людей, которые заставали его у себя на пороге. Потрясенное молчание Кэтрин было вполне типичным ответом. Пятясь от Страйка, она споткнулась о свои пакеты и чуть не упала.

– Кто натравил на меня частного детектива? Она? – свирепо допытывалась женщина.

– Мне поручили розыск писателя Оуэна Куайна, – объяснил Страйк. – Он исчез почти две недели назад. Я в курсе, что вы с ним дружны…

– Ничего подобного, – выговорила она, поднимая с полу глухо звякающие пакеты. – Так ей и передайте. Пусть она его себе забирает.

– Вы с ним больше не дружны? И не знаете, где он находится?

– Да мне плевать, где он находится.

На кирпичном бортике галереи появилась надменная кошка.

– Можно спросить: когда вы в последний раз…

– Нельзя! – отрезала Кэтрин и остервенело замахнулась пакетом.

Страйк напрягся, опасаясь, как бы она не смахнула с четвертого этажа поравнявшуюся с ней кошку. Но кошка зашипела и спрыгнула на пол, где получила от Кэтрин Кент быстрый, прицельный пинок.

– Гнусная тварь! – бросила Кэтрин Кент; животное умчалось в темноту. – Дайте пройти. Мне домой нужно.

Посторонившись, Страйк пропустил ее к дверям. Она не сразу смогла найти ключ. Неловко порылась в карманах, но вынуждена была поставить пакеты у ног.

– Мистер Куайн исчез после скандала с агентом из-за своей последней книги, – сказал Страйк, пока Кэтрин обшаривала складки пальто. – Вы, случайно, не знаете…

– Плевать мне на его книгу… Я ее не читала, – добавила она.

У нее тряслись руки.

– Миссис Кент…

– Миз, – поправила она.

– Миз Кент, жена мистера Куайна говорит, что к ним домой приходила какая-то женщина и спрашивала ее мужа. По описанию…

Ключ наконец-то нашелся, но тут же выскользнул из пальцев Кэтрин Кент. Страйк наклонился, чтобы его поднять; она вырвала ключ у него из рук.

– Ничего не знаю.

– Вы не заходили на той неделе к нему домой?

– Говорю же, я понятия не имею, где он прячется, ничего не знаю, – отрезала она, повернула ключ в замочной скважине и подхватила оба пакета, в одном из которых по-прежнему что-то глухо брякало.

На пакетах Страйк прочел название ближайшего хозяйственного магазина.

– Тяжело, наверное.

– У меня поплавковый клапан полетел.

И захлопнула дверь у него перед носом.

10

Вердон. Мы будем драться.

Клермон. Так тому и быть, господа, деритесь вволю; но через несколько минут прибудет…

Фрэнсис Бомонт, Филип Мессинджер.
Маленький французский адвокат

Следующим утром Робин, вспотевшая и раскрасневшаяся, вышла из метро с зонтиком, который оказался совершенно лишним. После вереницы дождливых дней, когда в вагонах стоял удушливый запах мокрой ткани, на тротуарах было скользко, а по окнам сбегали капли, внезапное наступление сухой, солнечной погоды застало ее врасплох.

Кто-то, возможно, радовался, получив передышку от ливней и низких свинцовых туч, но Робин не замечала ничего вокруг. Они с Мэтью сильно поссорились. Теперь она испытала едва ли не облегчение, когда за стеклянной входной дверью с выгравированным именем и профессиональным статусом Страйка нашла пустую приемную: босс, уединившись в кабинете, вел телефонные переговоры. Робин чувствовала, что перед началом общения ей необходимо взять себя в руки, поскольку именно Страйк стал предметом вчерашнего раздора.

– Ты пригласила его на свадьбу? – резко спросил Мэтью.

Она побоялась, что Страйк обмолвится об этом приглашении во время их общей встречи, и решила поставить Мэтью в известность заранее, чтобы его недовольство не выплеснулось на Страйка.

– С каких это пор мы раздаем приглашения без ведома друг друга? – завелся Мэтью.

– Я как раз собиралась тебе сказать. А может, даже говорила. – Тут Робин разозлилась на себя: она никогда не обманывала Мэтью. – Это же мой начальник; естественно, он ожидает приглашения!

Еще одна ложь: по ее наблюдениям, Страйку это было глубоко безразлично.

– Знаешь что, я просто хочу, чтобы он присутствовал, – объявила Робин, наконец-то сказав правду.

Ей хотелось, чтобы работа, интереснее которой у нее никогда не было, переплелась с ее личной жизнью, пока еще не допускавшей такого сближения; пусть бы из них образовалось приемлемое для всех единое целое; пусть бы Страйк пришел на венчание и одобрил («одобрил»! С какой стати он должен одобрять?) ее брак с Мэтью.

Она подозревала, что Мэтью будет далеко не в восторге, но надеялась, что к тому времени мужчины успеют познакомиться и сдружиться; если этого еще не произошло, то не по ее вине.

– А кто-то еще устроил истерику, когда я хотел пригласить Сару Шедлок, – заметил Мэтью; это был удар ниже пояса.

– Хорошо, пригласи ее! – разозлилась Робин. – Только это не одно и то же… Корморан никогда не пытался затащить меня в постель… как прикажешь понимать твою ухмылку?

Когда скандал разгорелся не на шутку, позвонил отец Мэтью и сообщил, что странные покалывания, на которые жаловалась неделю назад мать Мэтью, оказались микроинсультом. После этого и до Робин, и до Мэтью дошло, что продолжать перепалку насчет Страйка было бы кощунством, и, теоретически помирившись, они безо всякого настроения легли в постель, хотя оба – как понимала Робин – внутренне кипели.

Страйк появился из кабинета только к полудню. На этот раз он был не в костюме, а в грязном, дырявом свитере, в джинсах и кроссовках. На его лице темнела густая щетина, которая отрастала за сутки. Робин тут же забыла о своих неприятностях и уставилась на босса: даже в ту пору, когда ему приходилось ночевать у себя в кабинете, он никогда не выглядел бомжом.

– Сделал несколько звонков для досье Инглз и раздобыл кое-какие телефонные номера для Лонгмана, – сообщил он Робин, протягивая ей старомодные, от руки пронумерованные на корешках картонные папки, какие привык использовать для подшивки документов еще в Бюро специальных расследований.

– Это… маскарад? – спросила она, разглядывая жирные (или какие-то другие) пятна на коленях его джинсов.

– Угу. Для дела Ганфри. Это долгая история.

Пока Страйк заваривал на двоих чай, они успели обсудить состояние трех текущих дел. Робин узнала последние сведения и планы дальнейших действий.

– А что слышно насчет Оуэна Куайна? – спросила она, принимая горячую кружку. – Что говорит его агент?

Опустившись на диван, который, как обычно, издал под его весом неприличный звук, Страйк поделился с ней подробностями беседы с Элизабет Тассел и встречи с Кэтрин Кент.

– Готов поклясться: в первый момент она приняла меня за Куайна, – сказал Страйк.

Робин засмеялась:

– Ты не настолько толстый.

– Спасибо тебе, Робин, – сухо бросил он. – Когда же до нее дошло, что я – не Куайн, а какой-то незнакомый тип, она сказала: «Я этим больше не занимаюсь». Ты что-нибудь понимаешь?

– Нет… но… – смущенно начала Робин, – я, честно говоря, вчера откопала кое-что насчет Кэтрин Кент.

– Каким образом? – поразился Страйк.

– Ну, ты ведь говорил, что она самостоятельно публикует свои произведения, – напомнила ему Робин, – вот я и решила пошарить в Сети, посмотреть, нет ли там чего-нибудь интересного… – двумя щелчками мыши она открыла нужную страницу, – и наткнулась на ее блог.

– Молодчина! – Страйк с готовностью оторвался от дивана, обошел вокруг письменного стола и остановился за спиной у Робин.

Дилетантски оформленный сайт назывался «Моя литературная жизнь». Главную страницу украшали рисунки гусиных перьев и чрезвычайно лестная фотография Кэтрин Кент, сделанная, по оценке Страйка, добрых десять лет назад. Блог представлял собой список постов, организованный по датам, в форме дневника.

– Основная ее мысль – что издатели-консерваторы не смогут распознать хорошую книгу, даже если получат ею по голове, – сказала Робин, прокручивая страницу вниз, чтобы Страйк составил общее представление. – Эта красавица написала три романа – по ее словам, в жанре эротического фэнтези, – которые образуют серию «Сага о Мелине». Их можно загрузить на «Киндл».

– Совершенно не хочется снова читать скверные книжки, – сказал Страйк. – С меня хватило «Братьев Блудняк». А насчет Куайна здесь что-нибудь есть?

– Полно, – ответила Робин, – если допустить, что он тот самый, кого она называет Великим Писателем. Сокращенно – ВП.

– Вряд ли она спит сразу с двумя писателями, – заметил Страйк. – Наверняка он. «Великий» – это, конечно, громко сказано. Ты, например, до встречи с Леонорой знала имя Куайна?

– Нет, – призналась Робин. – А вот и он, смотри, второго ноября.

Сегодня вечером интересная беседа с ВП на тему Сюжета и Повествования что не одно и тоже. Для тех, кто не знает: Сюжет – это то, что происходит, а Повествование – это сколько ты показываешь читателю и как ты это показываешь.

Приведу пример из моего второго романа «Жертва Мелины».

«Когда они шли к Хардерельскому лесу, Лендор поднял свой точеный профиль, чтобы посмотреть, далеко ли еще до цели. Его тренированное тело, доведенное до совершенства верховой ездой и стрельбой из лука…»

– Прокрути наверх, – не выдержал Страйк, – посмотри, что еще там есть про Куайна.

Робин так и сделала; она остановилась на сообщении от двадцать первого октября.

Итак, звонит ВП, что не может со мной встретиться (опять). По семейным обстоятельствам. Чт’о я могу сказать, кроме того, что все понимаю? Когда мы полюбили друг друга, я знала, что мне будет не легко. Не могу писать открытым текстом, скажу только, что он привязан к нелюбимой жене из-за Третьей Стороны. Это не его вина. И не вина Третьей Стороны. Жена его не отпустит, хоть это

было бы лучше для всех, вот и получается, что мы заперты, как мне иногда кажется в Чистилище Жена про меня знает, но претворяется что нет. Не знаю как можно жить с человеком, чье сердце принадлежит другой, я бы так не смогла. Так же ВП говорит, что для нее Третья Сторона важней всего, даже важней чем Он. Удивительно как часто «Забота» ровняется глубокому Эгоизму.

Кто-то скажет, что я сама виновата: полюбила Женатого мужчину. Вы не сможете сказать мне ничего такого, чтобы не говорили мне подруги, сестра и Мама. Я пыталась разорвать этот круг, но могу только сказать, что у Сердца свой разум, о котором Разум не ведает. И вот сегодня я весь вечер плачу и жду, когда у меня измениться Разум. ВП сказал мне, что почти закончил свой Шедевр и что книга получилась лучше всего написанного им раньше. «Надеюсь, тебе понравится. Там есть про тебя». Что можно сказать, когда Великий Писатель упоминает тебя в своем шедевральном произведении? Он столько мне дает и я это ценю. Мы, писатели, можем впустить в свое сердце кого угодно, даже неписателя, но что бы в свою Книгу?! Это нечто. Это совсем другое.

Не могу разлюбить ВП. У Сердца свой Разум.

Ниже шли комментарии.

Что ты скажешь, если я тебе признаюсь, что он зачитал мне один отрывок? Пиппа2011.

Ты играешь с огнем Пип, мне он ничего не зачитывает!!! Кэт.

Еще не вечер. Пиппа2011 хххх

– А вот это уже интересно, – оживился Страйк. – Очень интересно. Когда Кент вчера бросилась на меня с кулаками, она кричала, что некая

Пиппа собирается меня убить.

– В таком случае посмотри сюда, – заволновалась Робин, переходя к девятому ноября.

В первый день нашего знакомства ВП мне сказал: «Твоему произведению грош цена, если в нем никто не истекает кровью, хотя-бы ты сама». Как известно читателям этого Блога, я Метафорически вскрыла себе вены – и здесь и в своих книгах. Но сегодня у меня такое чувство, будто меня смертельно ранил тот, кому я привыкла доверятся.

«О, Макхит! Ты лишил меня покоя. Мне было бы отрадно видеть, как тебя пытают»

– Откуда эта цитата? – спросил Страйк.

Пальцы Робин проворно забегали по клавиатуре.

– Нашла: Джон Гей, «Опера нищего»[{7}].

– Подумать только, какие встречаются эрудитки среди тех, кто путает «также» и «так же» и без разбора ставит заглавные буквы.

– Не всем же быть гениями пера, – упрекнула его Робин.

– И слава богу. Я о таких наслышан.

– Взгляни на комментарий под этой цитатой, – сказала Робин, возвращаясь к блогу Кэтрин.

Пройдя по ссылке, она вывела на экран одно-единственное предложение.

Когда тебя вздернут на дыбу, Кэт, я своей рукой поверну рычаг.

Этот комментарий тоже был подписан «Пиппа2011».

– Пиппа – та еще штучка, верно? – отметил Страйк. – А нельзя ли узнать, на что живет эта Кент? Вряд ли эротическое фэнтези дает ей возможность платить по счетам.

– Здесь тоже не все так просто. Вот, смотри.

Двадцать восьмого октября Кэтрин написала:

Как и большинство Писателей, я вынуждена подрабатывать. Из соображений безопастности буду краткой. На этой неделе в нашем Учреждении опять усилили охрану, а значит у моего Коллеги по работе следовательно (новоявленный святоша, ханжески суется в мою личную жизнь) получил повод предложить начальству, что бы блоги и т. д. проверялись на предмет утечки информации. К счастью здравый смысл одержал верх и никакие действия не предпринимаются.

– Загадка, – сказал Страйк. – Усилили охрану… женская тюрьма? Психушка? Или мы уже подошли к промышленному шпионажу?

– А вот еще, взгляни: тринадцатое ноября.

Робин прокрутила текст вниз, до самого последнего сообщения, которое следовало за признанием Кэтрин в получении смертельной раны.

Три дня назад моя любимая сестра, которая боролась до последнего, скончалась от рака груди. Заранее спасибо всем-всем за добрые слова и поддержку.

За этим сообщением следовали два комментария, которые Робин тут же открыла.

Пиппа2011 написала:

Как печально Кэт. С любовью ххх.

На что Кэтрин ответила:

Спасибо Пиппа ты настоящий друг хххх

Высказанная авансом благодарность Кэтрин всем-всем уныло висела над этим скупым обменом репликами.

– Зачем это? – с тягостным чувством спросил Страйк.

– Ты о чем? – не поняла Робин и повернулась к нему.

– Зачем люди этим занимаются?

– Ведут блоги? Не знаю… Была же у кого-то фраза, что, мол, неосмысленная жизнь не стоит того, чтобы жить.

– Да, у Платона[{8}], – подтвердил Страйк, – но здесь не осмысление жизни, а сплошной эксгибиционизм.

– Ой! – Робин так вздрогнула от своей забывчивости, что облилась чаем. – Совсем из головы вылетело! Вчера, когда я уходила домой, позвонил Кристиан Фишер. Он интересуется, не собираешься ли ты писать книгу.

– Что-о-о?

– Книгу, – повторила Робин, давясь от смеха при виде перекошенной физиономии Страйка. – Автобиографию. О службе в армии, о расследовании гибели Лулы Лэндри…

– Перезвони ему, – распорядился Страйк, – и скажи, что нет, я не собираюсь писать книгу.

Осушив свою кружку, он направился к стойке для одежды, где рядом с его черным пальто теперь появилась видавшая виды кожаная куртка.

– Насчет сегодняшнего вечера не забыл? – предчувствуя недоброе, спросила Робин.

– А что сегодня вечером?

– Мы хотели встретиться, – обреченно выговорила она. – Втроем, с тобой и с Мэтью. В «Кингз армз».

– Нет, не забыл. – Страйк не понял, почему у нее такой напряженный, жалкий вид. – Во второй половине дня у меня дела, так что увидимся прямо там, ладно? В восемь, правильно?

– В восемнадцать тридцать. – Робин совсем приуныла.

– Точно. В восемнадцать тридцать. Приду… Венеция.

Робин не поверила своим ушам:

– Откуда ты…

– Из приглашения, – ответил Страйк. – Редкое имя. Почему тебя так назвали?

– Потому что я… ну… по всей видимости, меня там зачали. – Робин покраснела. – В Венеции. А у тебя какое второе имя? – спросила она, наполовину любопытствуя, наполовину сердясь за его смешки. – «К. Б. Страйк» – что означает буква «Б»?

– Я пошел, – сказал Страйк. – Увидимся в восемь.

– В шесть тридцать! – выкрикнула она в сторону закрывающейся двери.

Путь Страйка лежал в Крауч-Энд, где находился заштатный магазин электронной техники. В подсобке хранились под замком краденые мобильные телефоны и ноутбуки, из которых заранее были удалены все личные данные, после чего очищенные гаджеты и удаленная из них информация продавались по отдельности любым заинтересованным лицам.

Владелец этой процветающей торговой точки доставлял массу неприятностей мистеру Ганфри – одному из клиентов Страйка. Мистер Ганфри (который сам был похлеще того жулика, что проник, по сведениям Страйка, в его корпоративный центр) совершил ошибку, перейдя кое-кому дорогу. С точки зрения Страйка, мистеру Ганфри лучше было бы убраться с рынка, пока не поздно. Страйк, у которого были общие знакомые с конкурентом мистера Ганфри, знал, что тот не остановится ни перед чем.

Объект встретил Страйка у себя в кабинете над магазином; пахло там примерно так же, как в агентстве Элизабет Тассел; в глубине сидели два парня в спортивных костюмах и чистили ногти. Страйк пришел под видом отморозка, по рекомендации общего знакомого, и выслушал планы своего предполагаемого работодателя относительно несовершеннолетнего сына мистера Ганфри, чьи передвижения уже были установлены с леденящей кровь точностью. Лавочник до того обнаглел, что предложил Страйку за пять сотен фунтов поставить мальца на перо («Мочить не надо, только папашу пугнуть, усек?»)

Когда Страйк закончил переговоры, было уже далеко за шесть часов. Убедившись, что за ним нет хвоста, он первым делом позвонил мистеру Ганфри, чье удрученное молчание подсказало Страйку: клиент наконец-то понял, во что ввязался.

После этого Страйк набрал номер Робин.

– Извини, опаздываю, – сказал он.

– Ты где? – сдавленно спросила она.

Страйк услышал характерный гомон паба: разговоры, смех.

– В Крауч-Энде.

– Господи! – выдохнула она в трубку. – Ты же будешь сто лет сюда доби…

– Такси возьму, – заверил он. – Я мигом.

С какой стати, размышлял Страйк, проезжая на такси по Аппер-стрит, Мэтью выбрал паб в Ватерлоо? Из желания причинить неудобство Страйку? В отместку за то, что прежде Страйк выбирал удобные для себя пабы, где встречи каждый раз срывались? Страйк надеялся, что в «Кингз армз» можно будет нормально поесть. Он почему-то жутко проголодался.

До места назначения он добрался лишь минут через сорок – отчасти потому, что улица, где в девятнадцатом веке селился рабочий люд, была перекрыта для транспорта. Страйк предпочел выйти из такси, чтобы не ждать, пока брюзгливый водитель разберется в неподвластной здравому смыслу нумерации домов, и дальше пошел пешком, на ходу спрашивая себя: не потому ли Мэтью выбрал это место, что сюда хрен доберешься?

Живописный викторианский паб «Кингз армз» располагался в угловом доме; у входов толпились преуспевающие молодые люди в костюмах и – судя по виду – студенты, которые курили и выпивали. При его появлении все машинально расступились; проход получился даже шире, чем требовала его комплекция. Переступив через порог и оказавшись в небольшом баре, Страйк без особой надежды подумал, что ему в таком затрапезном виде вполне могут – если, конечно, повезет – указать на дверь.

Между тем в шумном главном зале, который представлял собой перекрытый стеклянным колпаком внутренний дворик, застенчиво украшенный всяким старьем, Мэтью смотрел на часы.

– Почти четверть восьмого, – сообщил он Робин.

В костюме, при галстуке, он, как и в любой компании, был здесь самым интересным мужчиной. Робин привыкла, что на него вечно заглядываются женщины, но так и не поняла, ощущает ли Мэтью эти мимолетные знаки повышенного внимания. Рослый, голубоглазый, с ямочкой на волевом подбородке, он вынужден был сидеть на одной длинной деревянной скамье с галдящей студенческой компанией – ни дать ни взять чистокровный скаковой жеребец в одном стойле с хайлендскими пони.

– Вот он! – В голосе Робин послышалось облегчение, смешанное с настороженностью.

Ей показалось, что с момента ухода из бюро Страйк сделался еще больше и грубее. Он взял себе кружку эля «Хопхед» и, ориентируясь на рыжевато-золотистую голову Робин, с легкостью проложил путь к их столу. Мэтью встал. Казалось, он делает над собой усилие.

– Корморан… здравствуйте… добрались наконец-то.

– Вы – Мэтью, – сказал Страйк, протягивая ему руку. – Извините за опоздание, я пытался вырваться пораньше, но у меня была встреча с таким типом, к которому лучше не поворачиваться спиной без особого разрешения.

Мэтью ответил ему неопределенной улыбкой. Он так и знал, что Страйк будет драматизировать свой род занятий, нагонять туману. А в каком виде явился: будто в гараже колесо у машины менял.

– Садись, – нервно сказала Страйку Робин, сдвинулась на самый край скамьи и чуть не упала. – Есть хочешь? Мы как раз собирались что-нибудь заказать.

– Здесь неплохо кормят, – сообщил Мэтью. – Тайская кухня. Конечно, не «Манго три»[{9}], но вполне приемлемо.

Страйк холодно улыбнулся. Ничего другого он и не ожидал: Мэтью будет сыпать названиями элитных ресторанов, чтобы, прожив в Лондоне ровно год, выставить себя искушенным столичным жителем.

– Как прошел день? – спросила его Робин.

Она думала, что Мэтью – узнай он, чем занимается Страйк, – проникнется таким же интересом к следственным действиям, как и она сама, и всякие предубеждения развеются.

Но Мэтью с плохо скрываемым равнодушием выслушал скупой ответ Страйка, лишенный каких бы то ни было характерных подробностей. Тогда Страйк, видя перед Робин и Мэтью пустые бокалы, предложил, что пойдет в бар и закажет на всех напитки.

– Ты мог бы хоть из вежливости проявить интерес, – зашипела на своего жениха Робин, как только Страйк отошел на достаточное расстояние.

– Робин, он встречался с торгашом из лавки, – процедил Мэтью. – Вряд ли в ближайшем будущем у них зайдет речь о правах на экранизацию.

Довольный своим остроумием, он уставился на противоположную стену и начал изучать меню, написанное мелом на доске. Когда вернулся Страйк, неся три бокала, Робин объявила, что намерена сама

пробиться к стойке и заказать ужин. Она боялась оставлять мужчин наедине, но в то же время надеялась, что без нее они почувствуют себя свободнее.

В отсутствие Робин всплеск самодовольства Мэтью быстро пошел на убыль.

– Вы служили в армии, – против своей воли выдавил он, хотя заранее решил не допускать, чтобы их разговор вертелся вокруг жизненного опыта Страйка.

– Совершенно верно, – сказал Страйк, – в ОСР.

Мэтью смутно представлял, что это значит.

– А мой отец служил в авиации, – продолжил он. – Кстати, в одно время с Джеффом Янгом.

– Это кто?

– Валлийский регбист, помните? Провел двадцать три матча за сборную, так?

– Да-да, – сказал Страйк.

– Папа, кстати, дослужился до командира эскадрильи. В восемьдесят шестом демобилизовался и с тех пор занимается недвижимостью. Вполне успешный человек. Не настолько, разумеется, как ваш отец, – с легким вызовом добавил он, – но все же.

Козел, подумал Страйк.

– О чем вы тут беседуете? – встревоженно спросила Робин, садясь на прежнее место.

– В основном о папе, – ответил Мэтью.

– Жалко его, – заметила Робин.

– Это еще почему? – взвился Мэтью.

– Ну как же… он так переживает из-за твоей мамы. У нее ведь микроинсульт?

– А, – протянул Мэтью, – вот ты о чем.

С такими, как Мэтью, Страйк нередко сталкивался среди офицеров: под внешним лоском у этих людей скрывался островок неуверенности, побуждавший их проявлять излишнее рвение, а иногда и прогибаться.

– А что слышно в «Лоутер-Френч»? – обратилась Робин к Мэтью, чтобы дать ему возможность раскрыться, предстать перед Страйком настоящим Мэтью, которого она любила. – Мэтью проводит

аудиторскую проверку этого странного маленького издательства. Там творятся забавные вещи, да? – подсказала она жениху.

– Ничего забавного – там полный хаос, – начал Мэтью и разглагольствовал до тех пор, пока им не принесли заказанные блюда.

В свой монолог он то и дело вставлял выражения вроде «девяносто штук», «четверть ляма» и разворачивал каждую фразу, как зеркало, таким образом, чтобы показать себя в выгодном свете: получалось, что он самый умный и самый сообразительный, что дает сто очков вперед медлительным, туповатым, хотя и старшим по должности коллегам, а также поучает недалеких сотрудников той фирмы, где идет аудиторская проверка.

– …списать на рождественский корпоратив, а сами уже второй год едва в ноль выходят; впору не корпоратив, а поминки устраивать.

Мэтью сурово клеймил небольшую фирму, но когда официант принес тарелки, за столом повисло молчание. Робин, которая до последнего надеялась, что ее жених развлечет Страйка уже известными ей добродушными, незлобивыми историями о причудах мелкого издательства, не могла сообразить, что бы еще сказать. Впрочем, упоминание об издательском корпоративе навело Страйка на одну мысль. Он даже стал медленнее работать челюстями. Ему теперь виделась отличная возможность получить информацию о местонахождении Оуэна Куайна: безотказная память подсказала кое-какие факты, давно хранившиеся без пользы.

– У вас есть девушка, Корморан? – без обиняков полюбопытствовал Мэтью; ему хотелось ясности в этом вопросе, а Робин уклонялась от прямых ответов.

– Нет, – рассеянно ответил Страйк. – Извините… Я на минуту: надо сделать один звонок.

– Хоть два, – желчно сказал Мэтью, когда Страйк еще раз оказался вне пределов слышимости. – Сначала ты опоздал на сорок минут, теперь отвалил во время ужина. Ничего страшного, мы подождем, пока ты соизволишь вернуться.

– Мэтт!

На неосвещенном тротуаре Страйк достал из кармана пачку сигарет и мобильный. Щелкнув зажигалкой, он отошел от других курильщиков и остановился в тихом и темном месте, под кирпичными опорами железнодорожного моста.

Калпеппер ответил после третьего звонка.

– Страйк… – сказал он. – Как жизнь?

– Все нормально. У меня к тебе просьба.

– Ну, говори. – Калпеппер не спешил связывать себя обязательствами.

– Твоя двоюродная сестра Нина работает в «Роупер Чард»…

– Черт побери, ты-то откуда знаешь?

– Ты сам упоминал, – невозмутимо ответил Страйк.

– Когда?

– Пару месяцев назад, когда я расследовал по твоему поручению того пройдоху-дантиста.

– Ну и память! – поразился Калпеппер. – Патологическая. Итак, что тебе понадобилось от моей кузины?

– Не мог бы ты меня с ней свести, а? – попросил Страйк. – Завтра вечером «Роупер Чард» устраивает юбилейный прием – хочу туда наведаться.

– Зачем?

– Дело есть, – уклончиво ответил Страйк. Он никогда не посвящал Калпеппера в подробности великосветских разводов и банкротств, хотя тот вечно приставал с расспросами. – Я, между прочим, только что преподнес тебе на блюдечке главную сенсацию всей твоей карьеры, чертяка.

– Так уж и быть, – ворчливо согласился журналист после краткого раздумья. – Постараюсь тебе помочь.

– Она одинокая? – поинтересовался Страйк.

– Что? Ты заодно и перепихнуться хочешь? – возмутился Калпеппер, но Страйк отметил, что журналиста скорее повеселила, чем раздосадовала мысль о том, что сыщик положил глаз на его кузину.

– Нет, я просто хочу понять: если она придет со мной на банкет, не вызовет ли это лишних вопросов?

– Тогда другое дело. По-моему, она только что порвала со своим бывшим. Так мне кажется. Пришлю тебе номер ее телефона эсэмэской. Скорей бы воскресенье, – с плохо скрываемым злорадством добавил Калпеппер. – На лорда Запаркера обрушится лавина дерьма.

– Но вначале свяжи меня с Ниной, ладно? – напомнил ему Страйк. – Объясни ей, кто я такой, чтобы она понимала расклад,

договорились?

Калпеппер ответил согласием и повесил трубку. Совершенно не торопясь возвращаться к Мэтью, Страйк докурил сигарету до самого фильтра и только после этого пошел назад.

Этот битком набитый зал, размышлял Страйк, пробираясь сквозь толпу и наклоняясь, чтобы не удариться головой о подвесные кашпо и указатели, чем-то похож на Мэтью: точно так же лезет вон из кожи. Внутреннее убранство включало старинную печку и допотопный кассовый аппарат, множество корзин для покупок, старинные гравюры, тарелки – все, чем богаты лавки старьевщиков.

Мэтью надеялся доесть лапшу до возвращения Страйка, но не сумел. Робин сидела с несчастным видом, и Страйк, который мог только гадать, что здесь произошло в его отсутствие, пожалел свою помощницу.

– Робин говорит, вы занимаетесь регби, – пересиливая себя, обратился он к Мэтью. – И в свое время могли бы даже попасть в сборную графства, это действительно так?

Их вымученная беседа длилась примерно час и оживлялась лишь в те моменты, когда Мэтью заговаривал о себе. Страйк заметил, что Робин привычно подбрасывает своему жениху новые темы и реплики, чтобы дать ему возможность блеснуть.

– Давно вы вместе? – спросил Страйк.

– Девять лет, – ответил Мэтью, исподволь занимая прежнюю оборонительную позицию.

– Вот как? – удивился Страйк. – Наверное, со студенческой скамьи?

– Со школьной, – вступила Робин. – С выпускного класса.

– Мы учились в небольшой школе, – сказал Мэтью. – Из всех девчонок с мозгами она оказалась единственной, на кого не страшно посмотреть. Так что особого выбора не было.

Гаденыш, подумал Страйк.

Потом они втроем, разговаривая о всякой ерунде, прошлись в темноте до вокзала Ватерлоо и расстались у входа в метро.

– Вот видишь, – удрученно сказала Робин, когда они с Мэтью направились к эскалатору. – Нормальный человек, правда?

– Пусть учится на часы смотреть, – бросил Мэтью: он так и не придумал, за что еще можно поддеть Страйка, не выставив себя идиотом. – Наверняка опоздает на сорок минут и помешает венчанию.

Но за этим стояло молчаливое разрешение пригласить Страйка на свадьбу, и Робин, хоть и не увидела никакого энтузиазма со стороны своего жениха, подумала, что все не так уж плохо.

А Мэтью тем временем размышлял о том, в чем не смог бы признаться ни одной живой душе. Робин точно описала ему внешность своего босса – волосы как на лобке, боксерский профиль, – но не упомянула, что Страйк такой громила. Сантиметров на пять выше Мэтью, который привычно радовался, что среди коллег он самый высокий. И еще одно. Мэтью счел бы дешевым бахвальством рассказы о подвигах в Афганистане и Ираке, о ранении, в результате которого Страйк потерял ногу, о боевой награде, вызывавшей особое восхищение Робин, однако же Страйк обходил эти темы молчанием, что еще сильнее раздражало Мэтью. Героизм Страйка, его насыщенная событиями жизнь, полные опасностей перемещения по свету витали, как призраки, над всеми разговорами.

Робин тоже сидела молча. Вечер произвел на нее тягостное впечатление. Мэтью предстал перед ней в ином свете; прежде она его таким не знала и не видела. Это все Страйк, озадаченно думала она, покачиваясь от толчков поезда. Почему-то она стала смотреть на Мэтью глазами Страйка. Как Страйк этого добился, она не понимала… начал, к примеру, расспрашивать Мэтью о регби… кто-то мог бы счесть это простой вежливостью, но Робин не заблуждалась… или она просто-напросто злилась на Страйка за опоздание и приписывала ему всякие коварные помыслы?

Так обрученная пара и доехала до своей остановки, объединенная молчаливым раздражением в адрес человека, который сейчас громко храпел в вагоне поезда, уносившегося все дальше по Северной ветке.

11

Объясните,
За что вы презираете меня?
Джон Уэбстер.
Герцогиня Амальфи[6]

– Это Корморан Страйк? – спросил на следующее утро, без двадцати девять, интеллигентный девический голос.

– Он самый, – ответил Страйк.

– Это Нина. Нина Ласселс. Ваш номер телефона дал мне Доминик.

– Да-да, – сразу понял Страйк.

Голый по пояс, он стоял над кухонной раковиной перед зеркалом для бритья, поскольку в ванной, где помещался только душ, было темновато и тесно. Вытирая запястьем пену с губ, он сказал:

– Он объяснил вам суть дела, Нина?

– Да, вы хотите проникнуть на юбилейный прием в «Роупер Чард».

– «Проникнуть» – это сильно сказано.

– Зато как таинственно звучит!

– Пожалуй. – Он был приятно удивлен. – Значит, вы согласны?

– Еще бы, это же так интересно. Можно мне высказать догадку, почему вы хотите туда прийти и за всеми шпионить?

– Опять же «шпионить» – это не совсем…

– Прекратите меня расхолаживать. Могу я высказать догадку или нет?

– Высказывайте, – ответил Страйк, отпил чаю и посмотрел в окно.

На улице опять висел туман, загасивший недолгий солнечный свет.

– «Бомбикс Мори»! – выпалила Нина. – Точно? Я угадала? Скажите, что я права.

– Вы правы, – подтвердил Страйк, чем вызвал у нее радостный возглас.

– Мне не положено даже произносить это название. В издательстве вся информация заблокирована, разосланы циркуляры, у Дэниела в

кабинете постоянно толкутся юристы. Где мы с вами встретимся? Нам лучше вначале познакомиться на нейтральной территории, а потом прийти вместе, вы согласны?

– Да, разумеется, – ответил Страйк. – Где вам будет удобно?

Доставая ручку из кармана пальто, висевшего у дверей, он с тоской думал, что мог бы провести этот вечер дома, отоспаться и никуда не спешить, чтобы набраться сил перед субботним утром, когда ему предстояло следить за вероломным мужем привлекательной брюнетки.

– Знаете паб «Старый чеширский сыр»? – спросила Нина. – На Флит-стрит? Никто из наших туда не заходит, а до работы два шага. Я понимаю, это банально, но мне там ужасно нравится.

Они условились встретиться в девятнадцать тридцать. Заканчивая бритье, Страйк размышлял, есть ли у него шанс познакомиться на этом приеме с кем-нибудь из тех, кому известно местонахождение Куайна. Загвоздка в том, мысленно подколол Страйк свое отражение в круглом зеркале, когда они синхронно соскребали щетину со своих подбородков, что ты все еще действуешь по правилам ОСР. Государство больше не платит тебе за беспорочную службу, дружище.

Впрочем, других методов работы он не знал; его краткий, но незыблемый кодекс этики, которого он придерживался всю сознательную жизнь, гласил: любое дело выполняй на совесть.

Страйк намеревался до вечера поработать у себя в офисе – обычно это его не тяготило. Они с Робин делили бумажную волокиту на двоих. Его помощница служила ему толковой и зачастую полезной аудиторией; с первых дней их совместной работы ее увлекала механика расследования. Но сегодня он с определенной неохотой спускался по лестнице к себе в офис, и, конечно же, его тонко настроенные локаторы уловили в ее приветствии смущенное ожидание, которое, как он понимал, очень скоро должно было вылиться в вопрос: «Ну, как тебе Мэтью?» Уже по одной этой причине, рассуждал сам с собой Страйк, уединяясь в кабинете и плотно затворяя дверь (якобы для того, чтобы сделать ряд телефонных звонков), совершенно ни к чему встречаться со своей единственной подчиненной в неформальной обстановке.

Через пару часов голод погнал его в приемную. Как у них было заведено, Робин сходила за сэндвичами, но, принеся их в офис, не постучалась в кабинет, чтобы позвать Страйка перекусить. Такая

ситуация тоже указывала на затянувшееся чувство неловкости. Чтобы отсрочить неизбежный разговор и как можно дольше самому не касаться щекотливой темы (авось пронесет; хотя с женщинами подобная тактика у него никогда не срабатывала), Страйк честно рассказал, как провел телефонные переговоры с мистером Ганфри.

– Он заявит в полицию? – спросила Робин.

– Мм… нет. Ганфри не из тех, кто по любому поводу бежит в полицию. Он почти так же крут, как и тот бандит, что планирует покушение на его сына. Ганфри понял, что дело дрянь.

– А ты не сообразил сделать запись вашего разговора с этим гангстером и собственноручно передать ее в полицию? – не подумав, спросила Робин.

– Нет, Робин, потому что в таком случае сразу станет ясно, откуда у полиции эта наводка, и тогда мне придется на каждом шагу остерегаться наемных убийц, а как тогда вести слежку?

– Но Ганфри не сможет вечно держать сына взаперти!

– И не надо. Ганфри устроит своим родным сюрприз: поездку в Штаты, позвонит из Лос-Анджелеса нашему другу-головорезу и скажет, что все обдумал и больше не намерен ставить палки в колеса чужому бизнесу. Такой ход не вызовет больших подозрений. Этот злодей уже сделал достаточно мерзостей, чтобы Ганфри остыл. В лобовое стекло его машины не раз запускали кирпичом, жену запугивали телефонными угрозами. Думаю, на следующей неделе мне надо будет еще разок прогуляться в Крауч-Энд, сказать, что мальчишка не выходит из дому, и вернуть полученную пятихатку, – вздохнул Страйк. – Не хочу, чтобы меня начали разыскивать, хоть это и маловероятно.

– Он тебе дал…

– Пятихатку… пятьсот фунтов, Робин, – объяснил Страйк. – Разве у вас в Йоркшире так не говорят?

– Неимоверная скупость: тебя ведь подрядили пырнуть ножом школьника, – с нажимом сказала Робин и, не дав Страйку опомниться, спросила: – Ну, как тебе Мэтью?

– Приятный парень, – на автомате солгал Страйк.

От подробностей он воздержался. Робин была далеко не глупа: Страйк и прежде отмечал у нее нюх на ложь, на любую фальшь… Тем не менее он поспешил перевести разговор на другое:

– Я вот о чем подумал: на следующий год, если мы будем в плюсе и я смогу повысить тебе оклад, надо бы взять в штат еще одного сотрудника. У меня дел по горло – так долго продолжаться не может. За последнее время сколько клиентов услышало от тебя отказ?

– Человека два-три, – холодно ответила Робин.

Заключив, что его похвала в адрес Мэтью оказалась недостаточной, но твердо решив больше не лицемерить, Страйк вскоре ушел к себе в кабинет и закрыл дверь. Впрочем, на этот раз он оказался прав лишь отчасти. Робин действительно обескуражил его ответ. Она понимала: если бы Мэтью действительно произвел хорошее впечатление на Страйка, тот ни за что бы не сказал «приятный парень». Он бы выразился так: «А что, нормальный мужик» или «Не понимаю, как ты ухитрилась такого отхватить».

Но еще сильнее задели ее и даже обидели его планы взять на работу нового сотрудника. Повернувшись к монитору, Робин стремительно и яростно, как никогда, застучала по клавишам: ей предстояло составить счет для разводящейся брюнетки на еженедельную оплату услуг сыскного агентства. До сих пор у Робин было ощущение – по всей вероятности, ошибочное, – что она здесь больше чем просто секретарша. Она помогала Страйку собрать улики, чтобы отдать под суд убийцу Лулы Лэндри, причем кое-какие сведения раздобыла самостоятельно, по собственной инициативе. Да и после этого не раз выполняла поручения, выходившие далеко за рамки секретарских обязанностей: во время наблюдения сопровождала Страйка там, где ему нежелательно было появляться в одиночку, очаровывала швейцаров, вызывала на откровенность трудных свидетелей, которых отпугивали грозная фигура и насупленная физиономия Страйка, и много раз совершала телефонные звонки от имени самых разных женщин: Страйк, с его густым басом, при всем желании не справился бы с такой задачей.

Робин считала, что и Страйк рассуждает примерно так же; время от времени он говорил: «Это полезно для отработки твоих следственных навыков», «Тебе не помешало бы овладеть техникой противодействия наблюдению» или что-то в этом духе. После того как бизнес прочно встанет на ноги (кстати, с ее помощью, если уж говорить без ложной скромности), считала она, ей будет предложен необходимый курс обучения. Но теперь выходило, что те брошенные вскользь фразы

ничего не стоили – босс просто хотел погладить по головке секретаря-машинистку.

В таком случае что она здесь делает? Почему отказалась от более денежного места? (В запальчивости Робин предпочла не вспоминать, насколько отталкивающей представлялась ей работа – пусть даже хорошо оплачиваемая – в отделе кадров.)

Новый сотрудник, скорее всего, окажется лицом женского пола, обладающим всеми необходимыми навыками, а она, Робин, будет просиживать днями напролет в приемной, выполняя обязанности секретарши и телефонистки для двух начальников. Не для этого она пожертвовала приличной зарплатой, осталась работать у Страйка и тем самым создала постоянный источник напряжения в своей личной жизни.

Ровно в семнадцать часов Робин прервала печать на полуслове, надела свое неизменное пальто-тренч и ушла домой, с излишней силой хлопнув стеклянной дверью. Этот стук разбудил Страйка, который, положив голову на руки, крепко спал за письменным столом. Сверившись с часами, он убедился, что уже пять, и не понял, кого в такое время принесло к нему в контору. Тогда он выглянул в приемную, увидел, что ни пальто, ни сумки Робин на месте нет, а монитор выключен, и только теперь сообразил, что она ушла не попрощавшись.

– Ой, какие мы нежные, – с досадой буркнул он.

Робин никогда не дулась; это было одним из тех качеств, которые он в ней ценил. Ну не понравился ему этот Мэтью – и что теперь? Им вместе детей не крестить. Тихо ругнувшись, Страйк запер контору и пошел к себе в мансарду, чтобы перекусить и подготовиться к встрече с Ниной Лассел.

12

Она очень смелая женщина, остроумная и словоохотливая.

Бен Джонсон.

Эписин, или Молчаливая женщина[7]

Засунув кулаки в карманы, Страйк торопливо (насколько позволяли усталость и ноющая все сильнее культя правой ноги) шагал по темному, холодному Стрэнду в сторону Флит-стрит. Этот вечер куда приятнее было бы провести в тишине и покое своей квартирки, не раз описанной журналистами; особых надежд на сегодняшний поход он не возлагал, но зато в этой морозной дымке, почти против своей воли, снова и снова поражался извечной красоте старинного города – одного из тех мест, с которыми его связывали воспоминания детства. Морозный ноябрьский вечер стер всю туристическую мишуру: фасад таверны «Олд белл» со светящимися ромбовидными окнами излучал благородное достоинство семнадцатого века; сторожевой дракон на постаменте Темпл-бара{10} свирепым и резким силуэтом выделялся на фоне звездной черноты, а вдали, подобно восходящей луне, поблескивал купол собора Святого Павла. Когда до места встречи оставалось уже немного, на высокой кирпичной стене появились имена, выдающие чернильное прошлое Флит-стрит: «Пиплз френд», «Данди курьер», но вообще журналистскую братию, включая Калпеппера, давно вытеснили отсюда в Уоппинг и Кенэри-Уорф. Теперь в этом районе царствовала юстиция: на проходящего мимо сыщика взирал Королевский суд – верховный храм его ремесла.

В таком великодушном и непонятно сентиментальном настроении Страйк перешел через дорогу – туда, где у входа в «Старый чеширский сыр» желтел круглый фонарь, – и, пригнувшись, чтобы не стукнуться головой о низкую притолоку, двинулся по узкому проходу к дверям.

Тесный, обшитый деревянными панелями вестибюль, украшенный старинными картинами маслом, вел в небольшой основной зал. Страйк

еще раз пригнулся, прошел под выцветшей доской с надписью: «Бар только для мужчин» и сразу заметил, что ему восторженно машет миниатюрная бледная девушка с огромными карими глазами. Кутаясь в черное пальто, она сидела у камина с пустым бокалом в хрупких белых руках.

– Нина?

– Я сразу поняла, что это вы: Доминик очень точно вас описал.

– Вы позволите вас угостить?

Она выбрала белое вино. Себе Страйк взял пинту «Сэма Смита» и втиснулся на неудобную деревянную скамью рядом с девушкой.

По залу гулял лондонский говорок. Будто читая мысли Страйка, Нина сказала:

– Это до сих пор самый настоящий паб. Только те, кто сюда не заходит, считают, что его оккупировали туристы. Здесь ведь бывали и Диккенс, и Джонсон, и Йейтс… Обожаю это место.

Она просияла, и Страйк ответил ей искренней теплой улыбкой, подогретой несколькими глотками пива.

– Далеко отсюда до вашей работы?

– Минут десять пешком, – ответила она. – У нас офис в двух шагах от Стрэнда. Новое здание, на крыше сад. Сегодня будет холодина, – добавила она, заранее содрогаясь и поплотнее запахивая пальто. – Но у начальства есть предлог не арендовать банкетный зал. Издательский бизнес переживает нелегкие времена.

– Вы упоминали, что «Бомбикс Мори» создал какие-то сложности, так? – Страйк вытянул под столом протезированную ногу и приступил к делу.

– Сложности – это очень мягко сказано, – заметила Нина. – Дэниел Чард рвет и мечет. Из Дэниела Чарда не принято делать негодяя, да еще в грязном пасквиле. Не положено, и все. Ни-ни. Это плохая идея. Он – неординарная личность. Говорят, его затянул семейный бизнес, но на самом деле он мечтал стать художником. Есть в нем что-то от Гитлера, – посмеялась она.

В ее огромных глазах плясали отражения горевших над стойкой лампочек. Смахивает, решил Страйк, на резвую, взволнованную мышку.

– От Гитлера? – переспросил он с легкой усмешкой.

– На этой неделе мы увидели воочию: в гневе он начинает бесноваться, как Гитлер. До сих пор Дэниел только бормотал себе под нос. А тут он так орал на Джерри, что через несколько кабинетов было слышно.

– А вы сами читали эту книгу?

Нина смешалась; у нее на губах заиграла озорная усмешка.

– По официальной версии – нет, – выговорила она, помолчав.

– Но неофициально…

– Скажем так: одним глазком подглядела.

– Рукопись хранится под замком?

– Да, конечно, у Джерри в сейфе. – Хитровато косясь в сторону, она приглашала Страйка вместе поиронизировать над недотепой-редактором. – Беда в том, что он всем сообщил шифр, поскольку не надеется на свою память, а так любой может ему напомнить. Джерри – милейший, порядочный человек; ручаюсь, ему и в голову не пришло, что кто-нибудь без разрешения полезет к нему в сейф за рукописью.

– А когда у вас появилась возможность подсмотреть одним глазком?

– В понедельник – Джерри только-только ее получил. Об этой книге уже поползли слухи, потому что Кристиан Фишер за выходные обзвонил полсотни человек и по телефону зачитал избранные места. Мне, кстати, сказали, что он вдобавок отсканировал текст и рассылал отрывки по мейлу.

– Видимо, это произошло до того, как в дело вмешались юристы?

– Конечно. Нас всех согнали в зал и стали запугивать анекдотичными предупреждениями об ответственности, если скажем хоть слово о книге. Такая чушь: якобы издевки над директором издательства ударят по репутации фирмы – издательство, по слухам, хотят преобразовать в открытое акционерное общество – и, следовательно, мы все рискуем остаться без работы. Не знаю, как юрист мог об этом разглагольствовать с такой серьезной миной. У меня папа – адвокат Королевского суда, – беспечно продолжила Нина, – и он говорит, что Чарду будет не так-то просто наказать кого-нибудь из сотрудников, когда эта история уже получила огласку за пределами фирмы.

– А Чард – хороший начальник? – спросил Страйк.

– По-моему, да, – забеспокоилась она, – но уж такой загадочный, такой вальяжный… Понимаете, то, что написал о нем Куайн, – это просто смехотворно.

– А именно?

– Ну, в книге Чард выведен под именем Фаллус Импудикус, а еще…

Страйк поперхнулся пивом. Нина хихикнула.

– Он выведен под именем Наглый Пенис? – со смехом переспросил Страйк и вытер губы тыльной стороной ладони.

Нина тоже расхохоталась; ее смех, похожий на сухое кудахтанье, совершенно не вязался с обликом прилежной школьницы.

– Вы учили латынь? Я начинала, но бросила – мне жутко не нравилось… Но что такое «фаллус», каждый поймет, верно? Я, кстати, нашла, что *Phallus impudicus* – это термин, обозначающий род грибов: весёлку обыкновенную. Если не ошибаюсь, у этого гриба отвратительный запах, а вид… – она вновь хихикнула, – вид как у гниющего мужского органа. Оуэн в своем репертуаре: непотребные имена и полная обнаженность.

– И как же выглядит у него в романе Фаллус Импудикус?

– Походка – как у Дэниела, речь – как у Дэниела, внешность – как у Дэниела, да еще некрофильское влечение к убитому им красавцу-писателю. Мерзкая чернуха. Джерри всегда говорит: Оуэн считает, что прожил день напрасно, если его читателей не стошнило как минимум дважды. Бедняга Джерри, – тихо добавила она.

– Почему «бедняга»? – удивился Страйк.

– Он тоже выведен в книге.

– И каков из него «фаллус»?

Нина опять хихикнула:

– Точно сказать не могу, я не читала те главы, в которых действует Джерри. Быстренько пролистала, чтобы найти про Дэниела, поскольку все говорили, что это самое непристойное и смешное. Джерри ушел из кабинета всего на полчаса, поэтому я торопилась, но всем известно, что он тоже фигурирует в книге: Дэниел вызвал его к себе, представил юристам и вынудил подписать все дурацкие циркуляры насчет того, что за разглашение сведений о «Бомбиксе Мори» нас постигнет вселенская катастрофа. Мне кажется, нападки Оуэна на Джерри немного примиряют Дэниела с действительностью. Джерри –

всеобщий любимец; Дэниел, очевидно, считает, что ради Джерри каждый из нас готов держать рот на замке. Одному Богу известно, – Нина слегка посерьезнела, – с какой стати Куайн ополчился на Джерри. У Джерри врагов нет в принципе. А Оуэн, вообще говоря, порядочный негодяй, – добавила она запоздалое суждение, глядя на свой опустевший бокал.

– Повторить? – предложил Страйк.

Он отошел к бару. На противоположной стене висело в стеклянной витрине чучело попугая – единственная дичь, которая попалась ему на глаза. Но здесь, в уголке старого Лондона, Страйк проникся терпимостью и внушил себе, что бедная птица некогда пронзительно кричала и разговаривала именно в этих стенах, а не была куплена как реквизит из пуха и перьев.

– Вам известно, что Куайн исчез? – спросил Страйк, садясь рядом с Ниной.

– Да, слышала. Ничего удивительного – после такой заварухи.

– Вы с ним знакомы?

– По большому счету нет. Он иногда является в издательство, завернутый в свой дурацкий плащ, пытается флиртовать, вечно рисуется, хочет эпатировать. Мне видится в нем что-то жалкое, а книги его я вообще не признаю. Джерри уговорил меня прочесть «Прегрешение Хобарта», – по-моему, это кошмар.

– А вы, случайно, не в курсе: Куайн после исчезновения поддерживал с кем-нибудь контакты?

– Понятия не имею, – ответила Нина.

– И никто не знает, с какой целью он написал книгу, которая неизбежно повлечет за собой судебное преследование?

– Говорят, у него вышла крупная ссора с Дэниелом. Рано или поздно Куайн ссорится со всеми: одному Богу известно, сколько издателей он сменил за эти годы. Как мне представляется, Дэниел печатает Оуэна только потому, что рассчитывает таким способом показать, будто Оуэн простил ему подлость по отношению к Джо Норту. На самом деле Оуэн и Дэниел друг друга терпеть не могут – это ни для кого не секрет.

Страйк вспомнил изображение молодого белокурого красавца на групповом портрете в агентстве Элизабет Тассел.

– А какую подлость Чард сделал Норту?

– Всех подробностей я не знаю, – сказала Нина. – Но факт такой был. Оуэн клялся, что никогда больше не будет сотрудничать с Дэниелом, но потом ткнулся едва ли не в половину всех издательств и вынужден был сделать вид, что ошибался в отношении Дэниела; а Дэниел пошел ему навстречу потому, что счел это полезным для своего имиджа. Во всяком случае, молва гласит именно так.

– А с Джерри Уолдегрейвом Куайн тоже ссорился?

– Представьте, нет, как это ни удивительно. За что ему нападать на Джерри? У Джерри ангельский характер! Хотя, исходя из того, что я слышала, никто не может с уверенностью…

В первый раз за время их встречи она, как показалось Страйку, взвесила свои слова и заговорила чуть более трезво:

– Никто не может с уверенностью сказать, на что намекает Оуэн, описывая Джерри, но, повторяю, те главы я не читала. Оуэн вывел в книге множество людей, – продолжила Нина. – По моим сведениям, даже собственную жену и, кажется, Лиз Тассел: может, она и стервозина, но за Оуэна стоит горой, это все знают. Теперь Лиз не сможет пристроить в «Роупер Чард» ни одну рукопись: на нее ополчились все. Я знаю, что Дэниел распорядился аннулировать ее приглашение на сегодняшний фуршет, – это для нее крайне унизительно. Правда, через две недели будет чествование Ларри Пинклмена, он тоже ее подопечный, и тут уж никто не сможет помешать ей прийти… Ларри такой лапушка, его все любят… но как встретят Элизабет Тассел – можно только гадать. Ладно, – тряхнув светло-каштановой челкой, Нина резко сменила тему, – что мы скажем, если нас будут спрашивать, как мы познакомились? Вы – мой молодой человек или кто?

– А с гражданским мужем не возбраняется приходить на такие мероприятия?

– Нисколько, но я никому не говорила, что у меня кто-то есть, так что сошлись мы, наверное, совсем недавно. Скажем, что познакомились у общих друзей в прошлые выходные, идет?

В той готовности, с которой она предложила легенду их первой встречи, Страйк различил тревогу пополам с удовлетворенным тщеславием.

– Отлучусь на дорожку. – Тяжело поднявшись с деревянной скамьи, он предоставил Нине осушить третий бокал.

В «Старом чеширском сыре» лестница, ведущая в туалет, оказалась головокружительно крутой, а притолока – такой низкой, что Страйк, хотя и пригнулся, ударился головой. Потирая висок и тихо чертыхаясь, сыщик решил, что эта затрещина – знак свыше: дабы не путал хорошую идею с плохой.

13

Напомню, книгу видели у вас,
Куда, для сведений, вы заносили
Все имена преступников больших,
Что в городе укрылись.

Джон Уэбстер.
Белый дьявол[8]

По опыту Страйк знал, что к нему тянет женщин совершенно определенного типа. Их объединяли два качества: ум и опасные, как в плохо соединенных проводах, вспышки. Среди этих женщин нередко попадались вполне привлекательные и, как любил выражаться его самый старинный друг Дейв Полворт, «ненасытные». Страйк не задумывался, что именно привлекает к нему женщин такого типа, зато Полворт, мастер на многозначительные толкования, утверждал, что эти дамы («нервические породистые кобылки») подсознательно ищут себе «ломового жеребца».

Бывшая невеста Страйка, Шарлотта, была, можно сказать, чемпионкой этой породы. Красивая, умная, переменчивая и неуравновешенная, она много раз уходила от Страйка, а потом, невзирая на протесты родных и плохо скрываемое отвращение друзей, снова и снова возвращалась. В конце концов он сам положил конец этой череде расставаний и примирений длиной в шестнадцать лет, и Шарлотта почти сразу, в марте, обручилась со своим бывшим кавалером, у которого много лет назад, еще в Оксфорде, отбил ее Страйк. После разрыва с Шарлоттой Страйк добровольно поставил крест на своей личной жизни, сделав исключение лишь однажды, зато незабываемое. Все его время занимала работа, что позволяло успешно отражать атаки, скрытые или лобовые, его типичных клиенток, таких как недавняя обворожительная брюнетка: почти разведенная, изнывающая от безделья и одиночества. Тем не менее перед ним всегда маячил риск уступить и, найдя утешение на одну-две ночи,

создать себе новые проблемы. Вот и теперь, на темном Стрэнде, Нина Ласселс, делавшая два шажка на один размашистый шаг Страйка, твердила ему свой адрес в Сент-Джонс-Вуде, «чтобы выглядело так, будто ты там бывал». Она едва доходила ему до плеча, но Страйка никогда не привлекали миниатюрные женщины. Ее неудержимый словесный поток о делах издательства «Роупер Чард» перемежался неуместным хохотком, а когда ей требовалось подчеркнуть какую-то мысль, она трогала Страйка за локоть.

– Пришли, – наконец сообщила Нина, когда они оказались у высокого современного здания с вращающейся стеклянной дверью; на каменной кладке сверкала оранжевая плексигласовая надпись: «Роупер Чард».

Широкий вестибюль, где тут и там ожидали гости в вечерних туалетах, заканчивался стеной раздвижных металлических дверей. Нина достала из сумочки приглашение и предъявила его швейцару (нанятому на один вечер, судя по смокингу с чужого плеча), после чего вошла в зеркальный лифт вместе со Страйком и двумя десятками других.

– На этом этаже – комнаты для переговоров! – прокричала она Страйку, задрав голову, когда они влились в толпу, заполнившую необъятное помещение, где под звуки оркестрика на танцевальной площадке кружились немногочисленные пары. – Просто сейчас убраны все перегородки. Ну… с кем ты хотел познакомиться?

– С любым, кто хорошо знает Куайна и может подсказать, где он находится.

– Разве что Джерри…

Очередная людская волна, хлынувшая из лифта, потеснила их и увлекла в самую гущу приглашенных. Страйку показалось, что Нина совсем по-детски вцепилась сзади в его пальто, но он в ответ не стал брать ее за руку или каким-либо иным способом создавать впечатление близких отношений. Он слышал, как Нина, не замедляя шага, несколько раз с кем-то поздоровалась. В конце концов они пробились к торцевой стене, где ломились от яств фуршетные столы и хлопотали официанты в белых куртках. Разговаривать, не повышая голоса до крика, здесь было невозможно. Страйк взял себе две изящные тарталетки с крабами и тут же отправил их в рот, сокрушаясь об их микроскопических размерах, пока Нина обводила глазами зал.

– Джерри здесь нет – наверное, курит на крыше. Поднимемся? Ого, смотри-ка, вот там – Дэниел Чард, снизошел до стада!

– Который?

– Лысый.

Вокруг главы компании образовалось почтительное свободное пространство, подобное кругу склоненной к земле пшеницы подле взлетающего вертолета. Дэниел Чард беседовал с соблазнительной девушкой в облегающем черном платье. Фаллус Импудикус; Страйк невольно хмыкнул, но лысина совершенно не портила Чарда. Вопреки ожиданиям Страйка этот человек был еще не стар, подтянут и даже в своем роде привлекателен: густые черные брови над глубоко посаженными глазами, орлиный нос, тонкие губы. Темно-серый костюм выглядел непримечательно, зато широкий розовато-лиловый галстук с рисунком из человеческих носов поражал воображение. В одежде Страйк всегда придерживался традиционных вкусов (такое предпочтение только укрепилось в сержантском клубе), однако сейчас его заинтриговало это лаконичное, но красноречивое, то и дело привлекавшее насмешливые или удивленные взгляды заявление большого начальника о своем нонконформизме.

– А где же напитки? – забеспокоилась Нина, тщетно привставая на цыпочки.

– В той стороне. – У окон, выходящих на вечернюю Темзу, Страйк с высоты своего роста увидел барную стойку. – Подожди здесь, я принесу. Белое вино?

– Мне – шампусик, если Дэниел не поскупился.

Протискиваясь сквозь толпу, Страйк как бы ненароком оказался за спиной у Чарда, который предоставил девушке занимать его разговорами. Она делала это как-то вымученно, будто знала, что не блещет остроумием. На руке Чарда, сжимавшей бокал воды, виднелись глянцево-красные пятна экземы. Страйк резко остановился, якобы пропуская стайку молодых женщин, устремившихся в противоположную сторону.

– …И это на самом деле было ужасно смешно, – нервозно говорила девушка в черном платье.

– Да, – скучающим голосом произнес Чард, – могу себе представить.

– А что в Нью-Йорке – все замечательно? То есть… не замечательно, а… с пользой? Интересная была программа? – спрашивала девушка.

– Насыщенная, – ответил Чард, и Страйк, не видевший его лица, угадал зевок. – На тему электронных изданий.

Перед Страйком остановился грузный, уже изрядно выпивший (к половине девятого) человек в костюме-тройке и с преувеличенной любезностью начал пропускать его вперед. Страйку ничего не оставалось, кроме как подчиниться вычурному, безмолвному предложению и двинуться дальше.

– Вот спасибо, – сказала ему Нина, принимая бокал шампанского. – Ну что, можем теперь идти на крышу?

– Конечно. – Страйк тоже взял себе шампанское – не потому, что любил этот напиток, а потому, что не нашел ничего более приемлемого.

– Кто эта девушка, с которой беседует Дэниел Чард?

Ведя Страйка к металлической винтовой лестнице, Нина вытянула шею, чтобы посмотреть.

– Джоанна Уолдегрейв, дочка Джерри. Недавно закончила свой дебютный роман. А что? Она в твоем вкусе? – Нина с придыханием усмехнулась.

– Нет, – отрезал Страйк.

Они поднимались по сетчатым ступеням; Страйк вновь тяжело опирался на перила. На крыше здания ледяной вечерний воздух обжигал легкие. Среди вазонов с цветами, деревьев в кадках и бархатных квадратных лужаек повсюду стояли скамейки; здесь был даже залитый лунный светом пруд, где под черными листьями водяных лилий сновали огненные рыбки. Возле аккуратных лужаек гигантскими стальными грибами высились наружные обогреватели, под каждым из которых собирались курильщики. Повернувшись спиной к этой пасторально-синтетической красоте, они смотрели внутрь круга, образованного огоньками сигарет.

Панорама города, погруженного в бархатистую тьму и украшенного ювелирной подсветкой, захватывала дух: колесо обозрения «Лондонский глаз» сияло неоново-голубыми бриллиантами, Оксо-Тауэр{11} лучился рубинами окон, а с правой стороны уходили

вдаль, сверкая золотом, Саутбэнк-центр, Биг-Бен и Вестминстерский дворец.

– Сюда. – Нина решительно взяла Страйка за руку и подвела к троице женщин, у которых, даже когда они не курили, дыхание клубилось белыми облачками.

– Привет, девочки, – сказала Нина. – Джерри не видели?

– Уже напился, – без обиняков сообщила рыженькая.

– Не может быть, – ахнула Нина, – он же так хорошо держался!

Долговязая блондинка через плечо процедила:

– На прошлой неделе в «Арбутусе»[{12}] едва на ногах стоял.

– Это все из-за «Бомбикса Мори», – сказала раздражительного вида девица с коротко стриженными темными волосами. – У них даже сорвалась поездка в Париж по случаю годовщины свадьбы. Представляю, как распсиховалась Фенелла. Когда же он с ней разведется?

– Она тоже здесь? – оживилась блондинка.

– Да, бродит где-то, – подтвердила темноволосая девица. – Может, познакомишь, Нина?

После суматошной церемонии знакомства Страйк нипочем не сказал бы, кто здесь Миранда, кто Сара, а кто Эмма, но четверка женщин уже смаковала незавидную участь и пагубную привычку Джерри Уолдегрейва.

– Ему давным-давно надо было бросить Фенеллу, – продолжила темноволосая девица. – Такая стерва!

– Тсс, – шикнула Нина, и все четверо застыли как статуи: к ним неторопливо приближался мужчина примерно такого же роста, как Страйк.

Его круглое, одутловатое лицо частично скрывали большие очки в роговой оправе и растрепанные каштановые волосы. В руке он держал полный бокал красного вина, чудом не переливавшегося через край.

– Виноватое молчание, – отметил он с приветливой улыбкой. Такую звучную, нарочито четкую манеру речи Страйк не раз наблюдал у завзятых алкоголиков. – Угадаю с трех попыток, о чем вы тут беседуете: Бомбикс… Мори… Куайн. Здравствуйте, – обратился он к Страйку и протянул ему руку. Их глаза оказались на одном уровне. – Кажется, мы с вами еще не знакомы?

– Джерри, это Корморан. Корморан, это Джерри, – спохватилась Нина. – Мой спутник, – добавила она не столько для высоченного редактора, сколько для трех женщин.

– Камерон? – переспорил Уолдегрейв, прикладывая ладонь рупором к уху.

– Почти, – ответил Страйк.

– Извините, – сказал Уолдегрейв, – на одно ухо туговат. А вы, милые дамы, встретили Таинственного Незнакомца[{13}] – и давай сплетничать, – натужно пошутил он, – в обход строжайших запретов мистера Чарда на разглашение нашей позорной тайны.

– Ты ведь нас не заложишь, Джерри? – заволновалась брюнетка.

– Если бы Дэниел всерьез пожелал замять историю с этой книгой, – взвилась рыженькая, оглянувшись через плечо на случай приближения босса, – он бы не стал гонять по всему городу юристов, чтобы те уладили вопрос. Знакомые уже оборвали мне телефон – все жаждут подробностей.

– Джерри, – собралась с духом брюнетка, – а почему и тебя вызывали к юристам?

– Потому что я тоже выведен в этой книге, Сара, – объяснил Уолдегрейв, сделав широкий жест стаканом и выплеснув часть содержимого на безупречную лужайку. – Влип так, что одни уши торчат, даром что глухие.

В знак протеста женщины возмущенно загалдели.

– Ты сделал Куайну столько добра – что такого он мог про тебя сказать? – настойчиво спрашивала брюнетка.

– Оуэн не желает мириться с моей беспричинной жестокостью… – пальцами свободной руки Уолдегрейв изобразил ножницы, – в отношении своих шедевров.

– И это все? – В голосе блондинки прозвучало легкое разочарование. – Тоже мне! При том, как он себя ведет, пусть скажет спасибо, что с ним самим еще кто-то мирится.

– Кажется, он опять залег на дно, – сказал Уолдегрейв. – Даже на звонки не отвечает.

– Подлый трус, – бросила рыженькая.

– Честно сказать, я за него беспокоюсь.

– За него? – не поверила своим ушам рыженькая. – Ты шутишь, Джерри.

– Прочитав эту книгу, ты бы тоже забеспокоилась, – возразил Уолдегрейв, тихонько икнув. – Сдается мне, Оуэн надломился. Роман больше похож на предсмертную записку.

Блондинка хихикнула, но тут же умолкла под взглядом Уолдегрейва.

– Я не шучу, – продолжил Джерри. – Мне кажется, у него произошел серьезный срыв. Под обычным для Оуэна ерничеством сквозит такой подтекст: весь мир против меня, все на меня ополчились, все меня ненавидят…

– И правильно, – перебила блондинка. – Ни один человек в здравом уме не стал бы рассчитывать, что эта пакость будет опубликована. Вот он и скрылся.

– Не в первый раз, – досадливо сказала рыженькая. – Это его коронный номер. Дейзи Картер мне рассказывала: когда у них в «Дэвис-Грин» готовили к печати «Братьев Бальзак», Куайн дважды хлопал дверью и пропадал.

– Я за него беспокоюсь, – упрямо повторил Уолдегрейв и сделал изрядный глоток вина. – Вдруг он вскрыл себе вены…

– Чтобы Оуэн покончил с собой?! – фыркнула блондинка.

Уолдегрейв посмотрел на нее сверху вниз, и Страйк прочел в его взгляде жалость, смешанную с неприязнью.

– Представь себе, Миранда, люди иногда так и поступают, когда приходят к выводу, что у них отняли смысл жизни. Даже если страдания человека, по мнению окружающих, не стоят выеденного яйца, это его не остановит.

Блондинка с недоверчивым видом обвела глазами подруг, ища поддержки, но никто не встал на ее защиту.

– Писатели – особая порода, – сказал Уолдегрейв. – У человека либо талант, либо нормальный характер. Пускай бы мерзавка Лиз Тассел зарубила это себе на носу.

– Она говорит, что не знала содержания книги, – вступила в разговор Нина. – Рассказывает всем, что приболела и не смогла внимательно прочесть…

– Я знаю Лиз Тассел как облупленную! – рявкнул Уолдегрейв, и Страйк с интересом отметил, что добродушный, подвыпивший редактор вспыхнул неподдельной злостью. – Она прекрасно сознавала, что делает, когда рассылала эту рукопись. Решила напоследок выжать

из Оуэна хоть какие-то деньги. Да и рекламу неплохую себе создала – у него же описан скандал с Фэнкортом, которого она ненавидела много лет, – но теперь ее песенка спета: предав своего клиента, она уже не отмоется. Гнусный поступок.

– Дэниел аннулировал ее приглашение, – сказала брюнетка, – а меня заставил ей дозвониться и сообщить. Вот ужас-то был.

– Джерри, а ты не догадываешься, куда мог податься Оуэн? – спросила Нина.

Уолдегрейв пожал плечами:

– Куда угодно. Только бы с ним ничего не случилось. Несмотря ни на что, я прикипел к этому обормоту.

– А что это за скандал с Фэнкортом, который у него описан? – спросила рыженькая. – Я слышала, все началось с какой-то рецензии…

Тут хором загалдели все, кроме Страйка, но голос Уолдегрейва возвысился над остальными, и подруги умолкли из инстинктивного почтения, какое проявляют женщины к мужчинам с ограниченными возможностями.

– Я думал, эта история уже всем известна, – сказал Уолдегрейв, еще раз тихонько икнув. – Если вкратце, первая жена Майкла, Элспет, написала роман, очень слабый. В одном из литературных журналов сразу появилась анонимная пародия. Элспет вырезала эту пародию, прикрепила к платью и отравилась газом на манер Сильвии Плат.

Рыженькая ахнула:

– Она покончила с собой?

– Вот именно, – сказал Уолдегрейв, отхлебнув еще вина. – Писатели же ненормальные.

– А кто был автором пародии?

– Все считали, что Оуэн. Сам он отпирался, но это и неудивительно, учитывая такой исход, – сказал Уолдегрейв. – Майкл после смерти жены прекратил всякое общение с Оуэном. Но в «Бомбиксе Мори» Оуэн весьма изобретательно намекает, что истинным автором пародии был не кто иной, как Майкл.

– Боже мой! – ужаснулась рыженькая.

– Кстати, о Фэнкорте. – Уолдегрейв посмотрел на часы. – Должен вам сообщить, девушки, что в девять ноль-ноль в главном зале будет сделано важное объявление. Не пропустите.

Джерри отошел. Две подруги загасили сигареты и последовали за ним; блондинка направилась к другой компании.

– Джерри – чудо, правда? – обратилась Нина к Страйку, дрожа от холода в своем просторном шерстяном пальто.

– Великодушный человек, – сказал Страйк. – Как я понял, он один не признает у Куайна злого умысла. Вернемся в тепло?

К Страйку подбиралась усталость. Ему хотелось прийти домой и – как он говорил сам с собой – уложить ногу спать, а потом закрыть глаза и попробовать забыться на восемь часов кряду, чтобы утром с новыми силами отправиться выслеживать очередного неверного мужа.

В зале стало еще многолюднее. Нина несколько раз останавливалась, чтобы, перекрикивая музыку, поздороваться со знакомыми. Страйк был представлен коренастой создательнице женских романов, которую, похоже, ослепил весь этот гламур – дешевое шампанское и грохот музыки, а потом и жене Джерри Уолдегрейва, которая сквозь завесу спутанных черных волос осыпала Нину бурными хмельными приветствиями.

– Вечно стелется, – холодно сказала Нина, отойдя в сторону и направляя Страйка поближе к импровизированной сцене. – Она из очень денежной семьи и всем дает понять, что брак с Джерри для нее мезальянс. Невероятный снобизм.

– Зато, как я вижу, она ценит, что твой отец – адвокат Королевского суда, – отметил Страйк.

– Твоя память меня пугает. – Нина бросила на него восхищенный взгляд. – Нет, здесь другое… я ведь, ко всему прочему, леди Нина Лasселс. Только кого это волнует? Разве что таких, как Фенелла.

Техник уже настраивал микрофон на деревянной трибуне возле бара. На растяжке красовался логотип издательства «Роупер Чард» – веревочный узел между именем и фамилией, а сверху шла надпись: «100 лет со дня основания».

Во время томительного десятиминутного ожидания Страйк вежливо и к месту откликался на болтовню Нины, что давалось ему с трудом, учитывая ее малый рост и нарастающий шум в зале.

– А Ларри Пинклмен здесь? – спросил он, вспомнив престарелого детского писателя с портрета в кабинете Элизабет Тассел.

– Нет, он не выносит шумных сборищ, – радостно сообщила Нина.

– Но вы устраиваете точно такое же в его честь?

– Откуда ты знаешь?

– Ты сама мне сказала, в пабе.

– Ого, кто бы мог подумать, что ты меня слушаешь? Да, в честь переиздания его рождественских историй мы организуем ужин, но только для узкого круга. Ларри терпеть не может толпу, он такой стеснительный.

В конце концов к трибуне подошел Дэниел Чард. Разговоры стихли до шепота, а потом умолкли. Когда Чард положил перед собой заметки и откашлялся, Страйк почувствовал, что в воздухе повисло напряжение. Определенно не впервой выступает на публике, подумал Страйк, а оратор никудышный. Через равные промежутки времени Чард машинально поднимал голову от бумажки и смотрел поверх толпы, чтобы ни с кем не встречаться глазами; порой его было едва слышно. Кратко изложив слушателям блистательную историю предшественников: издательств «Роупер паблишинг» и основанного его родным дедом «Чард букс», – описал их слияние, а также выразил – все так же сухо и монотонно – смиренный восторг и гордость по поводу того, что уже десять лет возглавляет компанию глобального масштаба. Его вялые шутки встречались преувеличенно оживленным смехом, который подогревался, как решил Страйк, чувством неловкости и воздействием алкоголя. Страйк невольно разглядывал красные, как будто обваренные кипятком, руки докладчика. В числе сослуживцев Страйка был в свое время парнишка-рядовой, у которого на нервной почве так обострялась экзема, что беднягу приходилось госпитализировать.

– Нет сомнения в том, – бубнил Чард, переворачивая, насколько мог судить Страйк (самый высокий человек в зале, да к тому же стоявший близко к трибуне), последнюю страницу своей речи, – что на современном этапе для книгоиздательского дела настало время стремительных перемен и новых задач, но одно остается незыблемым, как и сто лет назад: во главу угла ставится содержание. Сотрудничая с лучшими писателями всего мира, издательство «Роупер Чард» будет и впредь восхищать, вдохновлять и радовать. И в этой связи, – на близкое завершение мучений указал не эмоциональный подъем, а облегченный выдох, – имею честь и удовольствие сообщить вам, что на минувшей неделе мы подписали договор с одним из крупнейших

писателей современности. Дамы и господа, встречайте: Майкл Фэнкорт!

По толпе ветерком пробежал ощутимый вдох. Какая-то женщина восторженно взвизгнула. В дальней части зала разразился гром аплодисментов, который трескучим огнем побежал вперед, к трибуне. Страйк успел заметить, как сзади распахнулась какая-то дверь, откуда появилась непомерно большая голова с кислым выражением лица, но сразу после этого восторженные сотрудники издательства сгрудились вокруг Фэнкорта. Прошло несколько минут, прежде чем он появился на сцене и пожал руку Чарду.

– С ума сойти, – взволнованно повторяла Нина, хлопая в ладоши, – с ума сойти!

Джерри Уолдегрейв, который оказался прямо напротив них, по другую сторону сцены, возвышался, подобно Страйку, над толпой, состоявшей преимущественно из женщин. Держа в руке очередной наполненный бокал, лишавший его возможности аплодировать, он без улыбки отпивал вино и наблюдал за Фэнкортом, который уже стоял перед микрофоном и жестом призывал к тишине.

– Спасибо, Дэн, – начал Фэнкорт. – Признаюсь, не ожидал когда-нибудь вновь оказаться здесь, – эти слова были встречены оглушительным взрывом смеха, – но ощущение такое, будто я вернулся домой. Меня издавал «Чард», меня издавал «Роупер», и это были хорошие времена. Я был сердитым молодым человеком…[{14}] – (разрозненные смешки), – теперь я сердитый пожилой человек… – (дружный смех и даже тонкая улыбка Дэниела Чарда), – и с нетерпением жду возможности рассердиться на каждого из вас. – (Заливистый хохот Чарда и толпы; пожалуй, во всем зале только Страйк и Уолдегрейв не сотрясались в конвульсиях.) – Я рад возвращению и буду всеми силами… как ты сказал, Дэн?.. восхищать, вдохновлять и радовать.

Под гром аплодисментов и вспышки камер двое ораторов пожали друг другу руки.

– Зуб даю, пол-лимона огреб, – выговорил за спиной у Страйка чей-то пьяный голос, – да еще штук десять за то, чтобы тут засветиться.

Фэнкорт спустился со сцены прямо перед Страйком. Его кислое лицо почти не меняло выражения перед камерами, но, когда к нему

потянулись руки, он повеселел. Майкл Фэнкорт не отвергал обожателей.

– Ничего себе, – заговорила Нина. – Прямо не верится, да?

Непропорционально большая голова Фэнкорта скрылась в толпе. Откуда ни возьмись появилась Джоанна Уолдегрейв, которая пыталась пробиться к знаменитому писателю. Неожиданно у нее за спиной возник отец; нетрезво покачиваясь, он без церемоний схватил ее за локоть:

– Не приставай к нему, Джо, у него есть с кем поговорить.

– Что же ты маму не хватал за руку, когда она к нему рванулась?

На глазах у Страйка Джоанна, не на шутку разозлившись, зашагала прочь.

Дэниел Чард тоже исчез; Страйк предположил, что тот выскользнул за дверь, пока толпа обхаживала Фэнкорта.

– Ваше начальство не любит быть в центре внимания, – заметил Страйк, обращаясь к Нине.

– Говорят, раньше было еще хуже, – сказала Нина, не сводя взгляда с Фэнкорта. – Лет десять назад Дэниел вообще не отрывался от бумажки. Но при этом он прекрасный бизнесмен. Прозорливый.

Страйка терзала усталость, смешанная с любопытством.

– Нина, – заговорил он, отведя свою спутницу, без всяких возражений с ее стороны, подальше от наседавшей на Фэнкорта толпы, – как ты сказала, где находится рукопись Куайна?

– У Джерри в сейфе, – ответила Нина. – Этажом ниже. – С горящими глазами она потягивала шампанское. – Я правильно поняла, с какой целью ты интересуешься?

– Чем это тебе может грозить?

– Массой неприятностей, – беззаботно ответила она. – Но у меня с собой карточка-ключ, а люди слишком заняты, согласен?

У нее папаша (цинично напомнил себе Страйк) – адвокат Королевского суда. Такую попробуй уволить.

– Как по-твоему, мы сумеем снять копию?

– Попробуем, – сказала она, опрокидывая в себя последние капли.

В лифте они оказались вдвоем; на нужном этаже тоже было безлюдно и к тому же темно. Открыв своей картой дверь редакции, Нина уверенно повела Страйка мимо выключенных компьютерных мониторов и пустых столов к большому угловому отсеку. Свет

проникал только из окон, за которыми сверкали незатухающие огни Лондона, и кое-где – от оранжевой точки, выдающей оставленный в режиме ожидания компьютер.

Кабинет Уолдегрейва оказался незапертым, но сейф, спрятанный за выдвижным книжным шкафом, открывался с кодонаборной панели. Нина ввела шифр. Дверца распахнулась, и Страйк увидел внутри неряшливую стопку бумажных листов.

– Ну вот! – удовлетворенно воскликнула Нина.

– Не шуми, – сказал ей Страйк.

Он стоял на стреме, пока она делала для него копию на ксероксе, установленном за дверью. Как ни странно, шелест страниц и непрерывное жужжание действовали успокаивающе. Никто не появился, никто не засек; через пятнадцать минут Нина вернула рукопись на место и заперла сейф.

– Держи.

Она протянула Страйку ксерокопию, предварительно стянутую прочными конторскими резинками. При этом Нина, слегка пошатнувшись, на миг прижалась к нему всем телом. Он должен был бы сделать ответный жест, но слишком умотался; его совершенно не привлекала возможность поехать с ней по затверженному адресу в Сент-Джонс-Вуд или привести ее к себе в мансарду на Денмарк-стрит. Страйк подумал, что в знак благодарности лучше всего было бы посидеть где-нибудь за бокалом вина завтра вечером. Но потом он вспомнил, что завтра вечером должен идти на день рождения к своей сестре. Люси, между прочим, дала понять, что он может прийти не один.

– Хочешь завтра пойти со мной на скучный ужин? – спросил он.

Явно окрыленная, Нина засмеялась:

– Почему скучный?

– По всему. Только ты сможешь его оживить. Ну как, согласна?

– Что ж… пожалуй, – не в силах скрыть свою радость, выговорила Нина.

Приглашение оказалось очень кстати; Страйк понял, что физического отклика больше не требуется. Они вышли из неосвещенной редакции вполне довольные друг другом. Под пальто Страйк придерживал копию рукописи «Бомбикса Мори». Записав

адрес и телефон Нины, он благополучно посадил ее в такси и тем самым вернул себе легкость и свободу.

14

И там он готов просидеть целый день, читая подлые, поганые (провались они, не могу их терпеть), мерзкие стихи.

Бен Джонсон.

Каждый по-своему[9].

На другой день был марш протеста против войны, на которой Страйк потерял ногу: многотысячная демонстрация с плакатами змеилась через сердце зябкого Лондона; в первых рядах шли семьи военнослужащих. Армейские друзья сообщили, что в числе демонстрантов будут родители Гэри Топли, погибшего при взрыве, который стоил Страйку ноги, но ему не пришло в голову к ним присоединиться. Его чувства не так-то просто было отобразить черным шрифтом на белом квадратном плакате. Любое дело выполняй на совесть – таков был его девиз и тогда, и теперь, а присоединиться к маршу означало бы выразить раскаяние, которого он не чувствовал. Поэтому Страйк пристегнул протез, надел выходной итальянский костюм и отправился на Бонд-стрит.

Вероломный муж, за которым пришлось вести слежку, настаивал, что его отлученная жена (обворожительная брюнетка, нанявшая Страйка), будучи в нетрезвом виде, по собственной небрежности лишилась ряда исключительно ценных ювелирных украшений, когда чета останавливалась в отеле. Страйк вызнал, что у мужа этим утром назначена встреча на Бонд-стрит, и заподозрил, что часть якобы утерянных драгоценностей неожиданно выплывет на свет.

Когда объект зашел в ювелирный магазин, Страйк принялся изучать витрину на противоположной стороне улицы. Через полчаса, зафиксировав его уход, Страйк пошел пить кофе, выждал еще два часа и, уверенной походкой войдя в тот же ювелирный магазин, объявил, что его жена обожает изумруды; полчаса он разглядывал самые разные украшения и в конце концов дождался, чтобы ему показали то самое

ожерелье, которое, как и подозревала брюнетка, прикарманил неверный муж. Страйк тут же выложил за украшение десять тысяч фунтов, выданных ему клиенткой для этой конкретной цели. Женщина, собиравшаяся отсудить миллионы, с легкостью пожертвовала такой суммой, чтобы доказать супружеский обман.

По дороге домой Страйк купил навынос кебаб. Убрав ожерелье в небольшой офисный сейф, обычно служивший для хранения компрометирующих фотографий, он поднялся к себе в мансарду, заварил кружку крепкого чая, снял костюм и включил телевизор, чтобы краем глаза посматривать, как будет развиваться матч «Арсенал» – «Хотспур». Вслед за тем он растянулся на кровати и начал читать рукопись, похищенную вчера вечером.

Как и сказала ему Элизабет Тассел, «Бомбикс Мори» представлял собой извращенную вариацию на тему «Пути паломника». Действие происходило в вымышленной ничейной стране, откуда заглавный герой (даровитый молодой писатель) отправился в своего рода символическое путешествие к некоему дальнему городу; путь его лежал через остров, населенный рожденными в инцесте дебилами, неспособными распознать его талант. Выморочные язык и образность были уже знакомы Страйку по «Братьям Бальзак», но интерес к содержанию заставил его читать дальше.

Продираясь сквозь насыщенные, порой непристойные фразы, раньше других типажей он распознал Леонору Куайн. Блистательный юный Бомбикс, который вершил свой путь через местность, где его подстерегали разные опасности и чудовища, встретил Суккубу, лапидарно описанную как «отставная шлюха»; она захватила его в плен, связала, а потом ухитрилась изнасиловать. Леонора предстала точь-в-точь как в жизни: тщедушная, безвкусно одетая, в больших очках, без эмоций. После нескольких суток беспрестанного насилия Бомбикс вымолил у Суккубы свободу. От предстоящего расставания Суккуба так убивалась, что Бомбикс согласился взять ее с собой: это был первый из множества странных, бредовых эпизодов-перевертышей, где зло и ужас без какого-либо повода или обоснования перетекали в доброе, разумное начало.

Через несколько страниц на Бомбикса и Суккубу напало чудовище по прозванию Пиявка, в котором Страйк без труда узнал Элизабет Тассел: устрашающего вида, с квадратным подбородком и хриплым

голосом. И вновь Бомбикс подвергся насилию, а потом сжалился и разрешил этому чудовищу пойти с ним. У Пиявки была отвратительная привычка сосать грудь Бомбикса, пока тот спал. Бомбикс начал худеть и терять силы.

Половая принадлежность Бомбикса оказалась странно изменчивой. Мало того что он кормил грудью, вскоре у него обнаружились признаки беременности, и все это время он ублажал женщин-нимфоманок, то и дело встречавшихся на его пути.

Сражаясь с этим цветистым непотребством, Страйк мог лишь гадать, сколько портретов реальных лиц он пропустил по незнанию. Кровавые сцены с участием Бомбикса и встреченных им персонажей сбивали с толку; порочность и жестокость доходили до того, что ни одно отверстие не оставалось нетронутым: это была садомазохистская фантасмагория. Однако через все события красной нитью проходила основная тема: чистота и невинность Бомбикса. Вероятно, констатация его гения, хоть и ничем не подкрепленная, должна была заставить читателя простить герою все преступления, которые тот безоглядно совершал в сговоре с малопонятными монстрами. Перекладывая листы, Страйк вспоминал слова Джерри Уолдегрейва о том, что Куайн – ненормальный; теперь такой взгляд казался ему резонным…

С минуты на минуту должен был начаться футбол. Отложив рукопись, Страйк почувствовал себя так, словно долгое время томился в темном, грязном подвале, без света и воздуха. Теперь у него оставалось только одно светлое предчувствие – уверенность в победе «Арсенала»… «Спурсы» вот уже семнадцать лет не могли обыграть этого противника на его поле.

И в течение сорока пяти минут Страйк наслаждался жизнью: он шумно болел за любимую команду и дождался счета два – ноль.

После первого тайма он с неохотой выключил звук и вернулся в причудливый мир, созданный воображением Оуэна Куайна. Никого из знакомых лиц он там не находил до тех самых пор, пока Бомбикс не приблизился к заветному городу. Здесь, на мосту, перекинутом через ров у городских стен, маячила крупная, нескладная, близорукая фигура: Резчик. Такой приметы, как очки в роговой оправе, у Резчика не было, зато он носил мягкую шляпу; на плече у него болтался окровавленный, извивающийся мешок. Резчик предложил провести Бомбикса, Суккубу и Пиявку в город через потайной ход. Уже

притерпевшись к сценам сексуального насилия, Страйк не удивился, когда Резчик задумал кастрировать Бомбикса. Во время их драки Резчик уронил заплечный мешок, из которого выскользнула карлица. Резчик погнался за ней – и упустил Бомбикса, Суккубу и Пиявку. Те нашли в стене лаз, пробрались в город и, оглянувшись, увидели, как Резчик пытается утопить крошечное создание во рву.

Углубившись в чтение, Страйк прозевал начало второго тайма. Он поднял взгляд на безмолвный экран.

– Черт!

Два – два. Уму непостижимо: «спурсы» сравняли счет. Страйк в сердцах отшвырнул рукопись. Защита «Арсенала» рушилась у него на глазах. А ведь победа была так близка. «Канонирам» прочили первое место в лиге.

– БЛИН! – заорал Страйк через десять минут, когда Фабиански пропустил удар головой.

«Спурсы» победили.

Матерясь, он выключил телевизор и сверился с часами. На то, чтобы принять душ, одеться и заехать за Ниной Ласселс в Сент-Джонс-Вуд, оставалось всего тридцать минут; поездка в Бромли и обратно грозила ощутимо ударить по карману. Страйк с отвращением прогнозировал содержание последней четверти романа и сочувствовал Элизабет Тассел, которая вообще не одолела заключительные пассажи. Кроме любопытства, он не смог бы назвать иной причины, побуждавшей его читать дальше.

В досаде и унынии Страйк поплелся в душ, сожалея о невозможности провести этот вечер дома, и при этом, вопреки здравому смыслу, твердил себе, что, не отдай он все свое внимание скабрезному, кошмарному мирку Бомбикса Мори, «Арсенал» мог бы победить.

15

Но послушайте меня: нынче в столице родство не модно.

Уильям Конгрив.

Так поступают в свете[10]

– Ну? Как тебе «Бомбикс Мори»? – спросила Нина, когда они отъезжали от ее дома в такси, на которое у него едва хватало денег. Не пригласи он ее с собой – поехал бы в Бромли и обратно на общественном транспорте, пусть это долго и с неудобствами.

– Плод больного воображения, – ответил Страйк.

Нина рассмеялась:

– Ты еще не читал другие книги Оуэна; они немногим лучше. Здесь хотя бы присутствует элемент мистификации. А как тебе гнойный член Дэниела?

– До этого я еще не дочитал. Предвкушаю с нетерпением.

Под вчерашним шерстяным пальто у Нины было облегающее черное платье на бретельках, которое Страйк рассмотрел со всех сторон у нее в квартире, пока Нина собирала сумочку и искала ключи. Кроме того, она прихватила из холодильника бутылку вина, когда увидела, что Страйк собирается в гости с пустыми руками. Умненькая, симпатичная, воспитанная девушка, но ее готовность бежать за ним по первому зову на следующий день после их знакомства, да еще в субботу вечером, выдавала безрассудство, а то и неприкаянность.

Что за игру он затеял, в который раз спрашивал себя Страйк, когда они выезжали из центра Лондона и двигались в направлении мирка собственников, чьи просторные дома напичканы кофемашинами и телевизорами с высоким разрешением, – в направлении всего, чем он никогда не обладал, но, по мнению своей не в меру заботливой сестры, жаждал разжиться.

До чего же это в духе Люси: устроить празднование его дня рождения у себя в доме. Она была полностью лишена воображения и

считала свой дом, где вечно выглядела загнанной, верхом притягательности. Устроить совершенно не нужное брату застолье – вполне в ее духе: она просто не могла понять, что ему это в тягость.

В том мире, где обитала Люси, дни рождения отмечались неукоснительно: с тортом и свечками, с открытками и подарками, честь честью, как положено, заведенным порядком.

Когда такси проезжало под Темзой по Блэкуоллскому тоннелю, унося их на южную окраину города, Страйк осознал, что привести Нину на семейное торжество равносильно бунту. Пусть на коленях у нее чинно лежала традиционная бутылка вина, Нина была взрывной личностью, готовой на риск и авантюры. Она жила одна и привыкла беседовать о книгах, а не о детях; Люси совсем не так представляла себе настоящую женщину.

Примерно через час после выхода из дома на Денмарк-стрит, облегчив содержимое бумажника на пятьдесят фунтов, Страйк помог Нине выйти из такси в холодные сумерки и повел ее по дорожке под раскидистой магнолией, заполонившей почти весь палисадник. Перед тем как позвонить в дверь, Страйк с неохотой признался:

– Я тебе не сказал: тут отмечается день рождения. Мой.

– Ой, что же ты молчал! Поздравляю…

– У меня – не сегодня, – запротестовал Страйк. – Да и вообще… – И нажал кнопку звонка.

Им открыл зять Страйка, Грег. Последовало хлопанье по плечам и преувеличенное излияние восторга по поводу прихода Нины. Люси, которая с кухонной лопаточкой наперевес и в переднике поверх нарядного платья поспешила навстречу гостям, не разделяла эмоций мужа.

– Мог бы сказать, что придешь не один! – зашипела она Страйку на ухо, когда тот наклонился, чтобы чмокнуть ее в щеку.

Никто не верил, что Люси, невысокая, круглолицая блондинка, приходится ему сестрой. Она родилась от романа его матери с очередным известным музыкантом. Ритм-гитарист по имени Рик, в отличие от отца Страйка, поддерживал добрые отношения со своим потомством.

– Мне казалось, ты сама просила меня кого-нибудь привести, – шепнул ей Страйк, когда Грег повел Нину в гостиную.

– Я только спросила, ты один придешь или нет. – Люси не на шутку рассердилась. – Господи… теперь придется ставить дополнительный… а Маргарита, бедняжка…

– Кто такая Маргарита? – не понял Страйк, но Люси, все с той же лопаткой наперевес, куда-то умчалась, а виновник торжества так и застыл в прихожей.

Ему не оставалось ничего другого, кроме как со вздохом последовать в гостиную за Грегом и Ниной.

– Сюрприз! – воскликнул лысеющий светловолосый человек и поднялся с дивана, где сидела, поблескивая очками, его сияющая от радости жена.

– Кого я вижу! – сказал Страйк и с неподдельным чувством пожал протянутую ему руку. Ник и Илса были его старинными друзьями: в их семье, как нигде, удачно соединились две половины его юности: Лондон и Корнуолл. – Мне никто не сказал, что вы придете!

– И правильно, это же сюрприз, Огги, – говорил Ник, пока Страйк целовал Илсу. – Ты знаком с Маргаритой?

– Нет, – ответил Страйк, – не знаком.

Вот, значит, почему Люси интересовалась, один ли он придет; она пригласила для брата женщину, с которой, по ее мысли, тот должен был сойтись и пожениться, чтобы жить долго и счастливо в таком же доме – с магнолией во весь палисадник. У Маргариты было мрачное, смуглое лицо с жирной кожей; блестящее фиолетовое платье сохранилось, по всей видимости, еще с тех времен, когда его владелица была несколько стройнее. Наметанным глазом Страйк определил, что Маргарита разведена.

– Здрасте, – с горькой обидой сказала женщина; худышка Нина в открытом черном платье болтала с Грегом.

Наконец они всемером сели за стол. С тех пор как Страйк был демобилизован по ранению, он почти не виделся с оставшимися на гражданке друзьями: добровольно взваленная им на себя работа стерла границы между буднями и праздниками. Теперь он заново ощутил, как дороги ему Ник и Илса; куда приятней было бы посидеть где-нибудь втроем, заказав обыкновенное карри.

– Как вы познакомились с Кормораном? – не скрывая любопытства, спросила их Нина.

– Он в Корнуолле бегал со мной вместе в школу, – улыбнулась Илса, глядя через стол на Страйка. – Время от времени. То появлялся, то исчезал, верно я говорю, Корм?

И за копченым лососем начались рассказы о бестолковом детстве Страйка и Люси, об их скитаниях вместе с гулякой-матерью и непременных возвращениях в Сент-Моз, где жили дядя с теткой, заменявшие детям нормальную семью.

– А потом мать окончательно забрала Корма в Лондон. Ему тогда было… сколько – семнадцать? – вспоминала Илса.

Страйк видел, что Люси коробит этот разговор: она не любила вспоминать об их весьма специфическом воспитании, о пресловутой матери.

– И там он попал в нормальную общеобразовательную школу, в мой класс, – подхватил Ник. – Славное было времечко.

– Знакомство с Ником пошло мне на пользу, – вставил Страйк. – Он знает Лондон как свои пять пальцев: у него отец таксист.

– Вы тоже работаете в такси? – спросила Нина, заинтригованная такими экзотическими связями Страйка.

– Нет, – жизнерадостно откликнулся Ник, – я гастроэнтеролог. Мы с Огги вместе отмечали восемнадцатилетие…

– …И Корм позвал двух ребят из Сент-Моза: меня и своего друга Дейва. Я тогда впервые увидела Лондон – вот радости-то было!.. – продолжила Илса.

– …так мы с женой и познакомились, – с улыбкой закончил Ник.

– И за столько лет детей не нажили? – спросил Грег, самодовольный отец троих сыновей.

Наступила едва заметная пауза. Страйк знал, что Ник с Илсой очень хотели ребенка и много чего предпринимали, чтобы стать родителями, но безуспешно.

– Пока нет, – ответил Ник. – А вы чем занимаетесь, Нина?

Заслышав название «Роупер Чард», Маргарита немного оживилась; до этого она не сводила насупленного взгляда со Страйка, словно это был лакомый кусочек, оставленный по злому умыслу на дальнем конце стола.

– В «Роупер Чард» будет теперь печататься Майкл Фэнкорт, – сообщила она. – Я сегодня утром прочла на его сайте.

– Мать честная, только вчера сделали официальное заявление! – воскликнула Нина.

Слетевшее с ее уст выражение «мать честная» напомнило Страйку, как Доминик Калпеппер обращался к официанту «братан». Нина, видимо, решила произвести впечатление на Ника и заодно продемонстрировать Страйку свое умение общаться с пролетариатом. (Шарлотта, бывшая невеста Страйка, ни под каким видом, ни для кого не меняла свою манеру речи. И на дух не выносила его друзей.)

– Ой, до чего мне нравится Майкл Фэнкорт, – сказала Маргарита. – «Дом пустоты» вообще моя любимая вещь. И русских писателей люблю; мне Фэнкорт чем-то Достоевского напоминает…

Люси, как понял Страйк, наговорила, что брат у нее умный, в Оксфорде учился. А ему хотелось, чтобы эту гостью унесло куда-нибудь за тридевять земель и чтобы сестра хоть чуточку его понимала.

– Фэнкорту не даются женские образы, – безапелляционно заявила Нина. – Он старается, но если не дано, так не дано. У него женщины – это сплошные темпераменты, титьки и тампоны.

Заслышав неожиданное «титьки», Ник фыркнул в бокал с вином; Страйк заржал оттого, что заржал Ник; Илса со смешком одернула:

– Господи, по тридцать шесть лет мужикам!

– Я считаю, он великолепно пишет, – без тени улыбки гнула свое Маргарита. У нее только что увели из-под носа потенциального кавалера – пусть толстого и без ноги; отдавать еще и Майкла Фэнкорта она не собиралась. – И собой хорош необыкновенно. Умный, непростой – я всегда на таких западаю, – со вздохом добавила она, явно адресуя Люси намек на какие-то трагедии прошлого.

– У него голова слишком большая, как будто от чужого туловища, – сказала Нина, с легкостью забыв свое вчерашнее благоговение перед Фэнкортом, – а надменность просто феноменальная.

– Я считаю, он очень благородно поступил с этим молодым американским писателем, – продолжила Маргарита, когда Люси стала менять тарелки и жестом позвала Грега помочь ей на кухне. – Докончил за него книгу… а сам этот молодой писатель… он от СПИДа умер… как его?..

– Джо Норт, – подсказала Нина.

– Стесняюсь спросить: как ты нашел в себе силы прийти? – вполголоса обратился к Страйку Ник. – После сегодняшнего позора.

К сожалению, Ник болел за «спурсов».

Грег, появившийся из кухни с бараньим окороком на блюде, мгновенно ухватился за эти слова:

– Какая невезуха, да, Корм? Когда все уже считали, что дело в шляпе!

– Что за разговоры? – ставя на стол блюда с картофелем и овощами, возмутилась Люси, как учительница, призывающая к порядку школяров. – Прошу тебя, Грег, ни слова о футболе!

Маргарита вновь перехватила инициативу:

– Да, роман «Дом пустоты» был навеян образом того дома, который завещал Фэнкорту его покойный друг. Там они в молодости провели много счастливых часов. Это очень трогательно. Настоящая история сожалений, потерь, напрасных чаяний…

– Строго говоря, Джо Норт завещал дом в равных долях Майклу Фэнкорту и Оуэну Куайну, – со знанием дела поправила ее Нина. – И каждый из наследников потом создал роман, навеянный этим домом; роману Майкла дали Букеровскую премию, а роман Оуэна смешали с грязью, – добавила она, повернувшись к Страйку.

– И что сейчас с этим их домом? – спросил у нее Страйк, когда Люси обносила гостей блюдом с бараниной.

– Ох, этой истории сто лет, – ответила Нина. – Продали, наверное. Разве они бы согласились хоть чем-то владеть совместно? Эти двое ненавидят друг друга лютой ненавистью. С того дня, когда Элспет Фэнкорт покончила с собой из-за пресловутой пародии.

– А где находится этот дом, не знаешь?

– *Его* там все равно нет, – полушепотом сказала Нина.

– Кого нет? Где? – спросила Люси с плохо скрываемым раздражением.

Ее планы относительно устройства братовой судьбы сорвались. Она уже невзлюбила Нину на всю оставшуюся жизнь.

– Один из наших авторов куда-то пропал, – объяснила ей Нина. – И его жена попросила Корморана заняться поисками.

– Успешный человек? – поинтересовался Грег.

Жена Грега, несомненно, прожужжала ему все уши насчет своего гениального брата, труженика и бессребреника, но словечко «успешный», получившее особый смысл в устах Грега, будто крапивой обожгло Страйка.

– Нет, – ответил он, – Куайна успешным не назовешь.

– А кто конкретно тебя нанял, Корм? – забеспокоилась Люси. – Издатели?

– Его жена, – сказал Страйк.

– Но денег-то у нее хватит на оплату твоих услуг? – спросил Грег. – Запомни, Корм: никакой благотворительности. В твоем деле это должно стать заповедью номер один.

– Стесняюсь спросить: почему ты не записываешь эти мудрые мысли? – шепнул Страйку Ник, воспользовавшись тем, что Люси пичкала Маргариту всеми угощениями подряд (в качестве компенсации за то, что ее подруга не сможет пригласить Страйка к себе, затащить под венец и обосноваться с ним в соседнем доме, где будет сверкать новенькая кофемашина от Люси-и-Грега).

От стола все перешли в гостиную, где красовался гарнитур мягкой кожаной мебели цвета беж из трех предметов, и там состоялось вручение подарков и открыток. Люси с Грегом подарили Страйку новые часы. «Потому что старые твои, как я помню, свое отслужили», – сказала Люси. Тронутый ее вниманием, Страйк на время даже простил ей и это насильственное торжество, и занудливые упреки по поводу его личной жизни, и брак с Грегом… Он снял свои дешевые, но практичные часы, купленные взамен отслуживших, и надел подаренные родственниками: блестящие, на металлическом браслете, точь-в-точь как у Грега.

Ник с Илсой преподнесли ему «виски, по твоему вкусу»: односолодовый «Арран», вмиг напомнивший ему о Шарлотте, с которой он впервые попробовал этот сорт, но сентиментальные воспоминания были прерваны неожиданным появлением трех фигурок в пижамах. Самый высокий из ребятишек спросил:

– А торт уже можно?

Страйк никогда не хотел иметь детей (за что Люси его осуждала) и с трудом различал своих племянников, с которыми виделся крайне редко. Старший и младший побежали за матерью, чтобы поглазеть на именинный торт; а средний устремился к Страйку и протянул ему самодельную открытку.

– Это ты, – объявил Джек, ткнув пальцем в рисунок, – медаль получаешь.

– У тебя есть медаль? – заулыбалась Нина, широко раскрыв глаза.

– Спасибо, Джек, – сказал Страйк.

– Я, когда вырасту, хочу стать военным, – признался Джек.

– Все из-за тебя, Корм. – В голосе Грега Страйк уловил определенную желчность. – Это ты покупал ему солдатиков. Рассказывал про свое оружие.

– Про два ствола, – уточнил Джек. – У тебя же было два ствола, – обратился он к Страйку. – Только их пришлось сдать.

– Хорошая память, – похвалил его Страйк. – Далеко пойдешь.

Люси внесла домашний торт, мерцающий тридцатью шестью свечками и украшенный сотнями – как могло показаться – разноцветных пастилок. Грег выключил свет, и все запели; Страйку нестерпимо захотелось отсюда убраться. Он решил при первой же возможности выскользнуть из гостиной и заказать такси, но до поры до времени был вынужден растягивать рот в улыбке, задувать свечи и отводить глаза от Маргариты, которая беззастенчиво сверлила его взглядом, сидя в ближайшем к нему кресле. Кто же виноват, что по милости родных и друзей, желающих ему только добра, он невольно прослыл смелым утешителем брошенных женщин.

В службу такси пришлось звонить из ванной комнаты на первом этаже; через полчаса, напустив на себя огорченный вид, Страйк объявил, что им с Ниной пора уходить, поскольку завтра ему вставать чуть свет.

В прихожей, где было шумно и тесно, Страйк едва увернулся от Маргариты, норовившей поцеловать его в губы. Пока племянники, перевозбудившись и объевшись тортом, носились как угорелые, а Грег навязчиво помогал Нине надеть пальто, Ник шепнул на ухо Страйку:

– Стесняюсь спросить: ты теперь неравнодушен к миниатюрным девушкам?

– Равнодушен, – в тон ему ответил Страйк. – Просто эта для меня вчера кое-что стырила.

– Вот как? Стало быть, за тобой ответная любезность: позволь ей лечь сверху, – посоветовал Ник. – А то ведь раздавишь, как букашку.

16

Да не давайте нам сырого ужина: крови мы вам и так до отвалу доставим.

Томас Деккер, Томас Миддлтон.

Добродетельная шлюха[11]

Утром Страйк мгновенно сообразил, что спал в чужой кровати: чересчур удобной, застеленной чересчур гладким бельем. Дневной свет падал на одеяло не с той стороны, а стук дождя приглушали задернутые шторы. Он сел и обвел взглядом Нинину спальню, которую накануне видел только мельком, при свете ночника. В зеркале напротив отражался его обнаженный торс: густо заросшая волосами грудь чернела смоляным пятном на фоне бледно-голубой стены.

Нины рядом не было; в воздухе плыл запах кофе. Как и предполагал Страйк, в постели Нина оказалась восторженной и энергичной; она разогнала тоску, которая охватила его после дня рождения. Но теперь он думал лишь о том, как бы поскорей отсюда убраться. Промедление могло вызвать у нее надежды, которые расходились с его планами.

Протез был прислонен к стене. Рискуя свалиться с кровати, Страйк потянулся за ним, но тут же отпрянул, потому что дверь спальни распахнулась и вошла Нина, полностью одетая, с влажными волосами. Прижимая локтем газету, она несла две чашки кофе в одной руке и тарелку с круассанами в другой.

– Я на улицу выбегала, – учащенно дыша, сообщила она. – Холодина, ужас! Потрогай мой нос – как ледышка.

– Это лишнее, – кивнул Страйк в сторону круассанов.

– Но я умираю от голода, а здесь в двух шагах фантастическая пекарня. Ты лучше сюда посмотри: «Ньюс оф зе уорлд», эксклюзивный материал от Доминика!

С первой полосы смотрел опозоренный пэр, чьи тайные счета раскопал Страйк по заказу Калпеппера. По бокам располагались

снимки двух его любовниц, а также копии банковских документов с Каймановых островов – Страйк вытянул эти бумаги у личной секретарши пэра. «ЛОРД ЗАПАРКЕР-ПЕННИУВЁЛ» – кричал заголовок. Страйк схватил газету и пробежал глазами материал. Калпеппер сдержал слово: обманутая секретарша нигде не упоминалась.

Нина примостилась рядышком на кровати и читала вместе со Страйком, отпуская удивленные комментарии: «Господи, как можно, в голове не укладывается» или «Фу, какая низость».

– Калпепперу это явно не повредит, – заключил Страйк, когда они дочитали до конца, и сложил газету.

Его взгляд упал на число: 21 ноября. День рождения его бывшей невесты. Не сильный, но ощутимый удар под дых и внезапный наплыв ярких, ненужных воспоминаний… год назад, почти час в час, он проснулся рядом с Шарлоттой в квартире на Холланд-Парк-авеню. Ему вспомнились ее длинные черные волосы, широко распахнутые зелено-карие глаза, тело, какого ему больше не видеть и не ласкать… В то утро на них снизошло счастье: постель была как спасательный плот в бурном море их бесконечных ссор… Перед этим Страйк подарил ей браслет, покупка которого вынудила его взять кредит (втайне от Шарлотты) под немыслимые проценты… а двумя днями позже, на его день рождения, она подарила ему итальянский костюм, и они пошли в ресторан, где фактически назначили дату свадьбы – через шестнадцать лет после первой встречи… Но назначенная дата лишь стала началом нового кошмарного этапа в их отношениях, словно нарушив то опасное равновесие, с которым они уже свыклись. Шарлотта стала еще более непредсказуемой, еще более вздорной. Перебранки и сцены, разбитые тарелки, обвинения его в неверности (притом что это она, как теперь виделось Страйку, тайно встречалась с мужчиной, за которого теперь собиралась замуж)… так продолжалось без малого четыре месяца, пока они после безобразного, яростного скандала не расстались окончательно.

Услышав шорох коттоновой ткани, Страйк, можно сказать, удивился, что так замешкался у Нины. Она снимала блузку, явно готовясь нырнуть к нему в постель.

– Мне нужно идти, – сказал он и опять потянулся за протезом.

– С какой стати? – Она сложила руки на груди. – Брось… сегодня же воскресенье!

– Дела, – солгал он. – У сыщика выходных не бывает.

– Понятно. – Нина старалась не выдать своего огорчения.

Страйк выпил кофе, поддерживая живой, но обезличенный разговор. Под ее взглядом он пристегнул протез и направился в ванную; когда он вернулся, Нина, свернувшись клубочком в кресле, с расстроенным видом жевала круассан.

– Ты точно не знаешь, где находился тот дом? Который получили в наследство Куайн и Фэнкорт? – спросил Страйк, натягивая брюки.

– Что? – встрепенулась Нина. – Неужели… господи, неужели ты собираешься его разыскивать? Я же тебе сказала: наверняка его продали сто лет назад!

– Надо, пожалуй, расспросить жену Куайна, – сказал Страйк.

Он обещал позвонить, но скорее из вежливости, как бы между прочим, чтобы Нина не возлагала на это особых надежд, и ушел с чувством определенной благодарности, но без угрызений совести.

Под колючим дождем он шагал незнакомой улицей к станции метро. В витрине пекарни, где Нина покупала круассаны, уже вывесили рождественские гирлянды. Большое, нахохленное отражение Страйка скользнуло по испещренному дождем стеклу. Окоченелая рука крепко держала пластиковый пакет, который вовремя дала ему Люси, чтобы сложить открытки, подарки, именинный виски и коробку с блестящими новыми часами.

Мыслями он неодолимо возвращался к Шарлотте, которая в тридцать шесть выглядела на двадцать пять: сегодня она праздновала день рождения со своим новым женихом. Не иначе как получила в подарок бриллианты, думал Страйк; она вечно заявляла, что ей плевать на такие вещи, но во время скандалов всякий раз тыкала его носом в мишурный блеск всего, что он не мог ей дать…

Успешный человек? – спросил Грег про Оуэна Куайна, подразумевая: «Большой автомобиль? Шикарный дом? Жирный банковский счет?»

Страйк миновал кофейню «Битлз», с вывески которой на него смотрели эффектно расположенные черно-белые изображения Великолепной четверки, и вошел в вестибюль станции метро, где было относительно тепло. Ему не улыбалось провести это дождливое

воскресенье одному в мансарде на Денмарк-стрит. Хотелось чем-нибудь заполнить день рождения Шарлотты Кэмпбелл.

Он остановился, достал мобильный и позвонил Леоноре Куайн.

– Алло! – рявкнула она.

– Здравствуйте, Леонора, это Корморан Страйк…

– Нашли его? – требовательно спросила Леонора.

– К сожалению, нет. Я звоню вот почему: мне стало известно, что ваш муж получил в наследство от своего знакомого дом.

– Какой еще дом?

Она говорила с раздражением. Страйк подумал о толстосумах-мужьях, с которыми сталкивался по роду своей деятельности: многие из них скрывали от жен, что имеют холостяцкие квартиры. Не выдал ли он секрет Куайна, тщательно скрываемый от родных?

– Неужели это ошибка? Разве писатель по имени Джо Норт не завещал свой дом в равных долях…

– А, вот вы о чем, – сказала она. – На Тэлгарт-роуд, было дело. Уж тридцать лет с гаком прошло. А на что он вам сдался?

– Этот дом продали?

– Нет, – с досадой бросила она, – Фэнкорт, паразит, не дает согласия. Чисто из вредности – ему-то на что этот дом? С тех пор и стоит без пользы, если совсем не сгнил.

Страйк прислонился к стене возле билетных автоматов, уставившись в круглый потолок, укрепленный паутиной растяжек.

Вот что бывает, вновь упрекнул он себя, когда вкалываешь без продыху. Надо было первым делом задать вопрос: владеют ли они какой-либо другой недвижимостью? Надо было убедиться самому.

– Кто-нибудь проверял, нет ли там вашего мужа, миссис Куайн?

Леонора издевательски фыркнула:

– Скажете тоже! – Она заговорила так, будто Страйк предположил, что ее муж скрывается в Букингемском дворце. – Он тот дом терпеть не может, на пушечный выстрел к нему не приближается! Как я знаю, там ни мебели нету, ничего.

– У вас есть ключ?

– Не знаю. Только Оуэна там искать бесполезно! Он все эти годы туда носу не совал. Жуткая берлога, старая, заброшенная.

– Не могли бы вы поискать ключ…

– Мне делать нечего, как на Тэлгарт-роуд таскаться! У меня Орландо на руках, – добавила она, как и следовало ожидать. – Говорю же вам, он туда ни ногой…

– У меня к вам такое предложение, – начал Страйк. – Я заеду к вам прямо сейчас, вы дадите мне ключ, если, конечно, найдете, а потом я сам наведаюсь на Тэлгарт-роуд и посмотрю. Просто для очистки совести.

– Так ведь… нынче воскресенье, – озадаченно сказала она.

– Я в курсе. Вы поищете ключ?

– Ладно уж, – после короткой паузы согласилась Леонора. – Да только, – сделала она последнюю попытку, – Оуэна там нету!

Страйк с одной пересадкой доехал до Уэстборн-парка и, подняв воротник, чтобы защититься от ветра и ледяных струй дождя, направился по тому адресу, который при первой встрече нацарапала для него Леонора. Это был один из тех странных уголков Лондона, где миллионеры соседствуют с простым людом, селившимся здесь лет сорок с лишним назад. Умытые дождем кварталы представляли собой удивительную диораму: дорогие многоквартирные башни высились над рядами тихих, неприметных домишек – роскошь современности, уют старины.

Семья Куайн жила на Сазерн-роу, спокойной улочке с небольшими кирпичными домами, неподалеку от паба «Замерзший эскимос». Страйк, окоченевший и промокший, сощурясь, разглядел вывеску, изображавшую веселого эскимоса, устроившегося возле лунки для подледного лова, спиной к восходящему солнцу.

Облезлая дверь Куайнов была когда-то выкрашена грязно-зеленой краской. Весь фасад обветшал, равно как и калитка, болтающаяся на одной петле. Страйк вспомнил, что Куайн питает пристрастие к дорогим отелям, и его мнение об исчезнувшем писателе упало еще на пару делений.

– Быстро вы, – недовольно встретила его Леонора. – Входите.

Он пошел за ней по неосвещенному, узкому коридору. Открытая дверь слева явно вела в кабинет Оуэна Куайна, неприбранный и грязный. Все ящики были выдвинуты; на столе криво стояла допотопная электрическая пишущая машинка. Страйк представил, как Оуэн вырывает из нее отпечатанные листы, кипя от злобы на Элизабет Тассел.

– Удалось найти ключ? – спросил Страйк Леонору, когда та завела его в темную, затхлую кухню в конце коридора.

Вся утварь, похоже, была куплена лет тридцать назад. Страйку показалось, что у его тети Джоан точно такая же темно-коричневая микроволновая печь имелась еще в восьмидесятые годы.

Леонора махнула рукой в сторону полудюжины ключей, выложенных на кухонный стол.

– Вот эти нашла. – Ключи не были собраны в связку, а один оказался таким огромным, что им впору было открывать церковные врата. – Не знаю, который подойдет.

– Какой номер дома по Тэлгарт-роуд? – спросил Страйк.

– Сто семьдесят девять.

– Когда вы в последний раз туда ездили?

– Кто, я? Никогда я туда не ездила, – ответила Леонора, и, похоже, с неподдельным равнодушием. – Чего я там не видела? Надо же было такую глупость придумать!

– Какую?

– Дом завещать. – Видя недоумение Страйка, она раздраженно пояснила: – Этот Джо Норт додумался отписать дом Оуэну и Майклу Фэнкорту. Сказал: пускай, мол, они в нем творят. А они с тех пор туда ни ногой. Так и стоит без толку.

– И вы ни разу не бывали в том доме?

– Нет. Он им достался аккурат в то время, когда у меня Орландо родилась. Чего я там не видела? – повторила она.

– Орландо родилась в то время? – удивился Страйк. Орландо представлялась ему десятилетней егозой.

– Ну да, в восемьдесят шестом, – подтвердила Леонора. – Только у нее замедленное развитие.

– Вот оно что, – сказал Страйк. – Понимаю.

– Наверху сидит, дуется, потому как нагоняй от меня получила, – зачастила Леонора в порыве многословия. – Ворует она. Знает, что нельзя, а все равно. Вчера к нам Эдна, соседка, заходила, так Орландо у ней кошелек стащила, а я ее застукала. Нет, она не из-за денег, – поспешно добавила Леонора, как будто Страйк высказал осуждение. – Просто ей расцветка понравилась. Эдна все понимает, но другим-то людям не объяснишь. Говорю ведь: Орландо, нельзя. А она и сама знает, что нельзя.

– Вы позволите мне взять эти ключи и проверить, какой подойдет? – спросил Страйк, сгребая их в ладонь.

– Делайте что хотите! – бросила Леонора, но тут же с вызовом добавила: – Ну нету его там, нету.

Страйк опустил свою добычу в карман, отказался от запоздалого предложения чая или кофе и опять вышел под ледяной дождь.

Он направился к станции метро «Уэстборн-парк», чтобы ограничиться короткой поездкой с минимальным числом пересадок, и отметил, что стал сильнее хромать. Торопясь уйти от Нины, он пристегнул протез без обычной тщательности, да еще и не воспользовался средством для защиты кожного покрова. Прошло ровно восемь месяцев с того дня, когда он кубарем скатился с лестницы (а после этого был ранен ножом в предплечье). Врач-консультант установил, что Страйк повредил – хотя, по всей видимости, не безнадежно – медиальные связки коленного сустава протезированной ноги и порекомендовал лед, покой и углубленное обследование. Но Страйк не мог позволить себе покой и не имел желания обследоваться дальше, поэтому он тогда лишь наложил на колено повязку и старался поднимать ногу повыше, когда оказывался в сидячем положении. Боль мало-помалу отступила, но иногда, при длительной ходьбе, вновь начинала пульсировать и сопровождалась отеком.

Тротуар сворачивал вправо. Позади Страйка возникла долговязая, худая, сутулая фигура; черный капюшон не позволял разглядеть лицо.

Конечно, разумнее всего было бы сейчас вернуться домой и дать отдых колену. В воскресный день никто не заставлял Страйка тащиться под дождем лондонскими улицами.

В голове звучал голос Леоноры: «Ну нету его там, нету».

А что делать дома, на Денмарк-стрит? Слушать, как дождь барабанит по кровле, как стучится в плохо пригнанное окно у кровати, и знать, что альбомы с фотографиями Шарлотты совсем близко – в коробке, выставленной на лестничную площадку…

Уж лучше двигаться, быть при деле, решать чужие проблемы…

Щурясь под дождевыми струями, он разглядывал окрестные дома и боковым зрением следил за фигурой в бесформенном пальто, державшейся ярдах в двадцати сзади. По семенящим шажкам Страйк понял, что это женщина. Теперь он заметил еще и какую-то

странность, неестественность. Женщина была лишена той погруженности в себя, какая отличает одинокого человека, вышедшего пройтись в ненастный день. Вместо того чтобы без затей шагать своей дорогой и прятать лицо от стихии, она держала голову прямо и постоянно меняла скорость. От Страйка это не укрылось, хотя она не делала резких движений; кроме того, через каждые несколько шагов скрытое капюшоном лицо открывалось порывам ветра и холодным струям дождя, чтобы тотчас же уйти во мрак. Женщина не упускала Страйка из виду. Не об этом ли говорила Леонора, когда впервые обратилась к нему за помощью? «Еще за мной, кажись, следили. Дылда какая-то, чернявая, сутулая». В качестве эксперимента Страйк начал прибавлять шагу и тут же замедлять ход. Расстояние между ним и женщиной не менялось; скрытое капюшоном бледно-розовое пятно ее лица стало показываться и прятаться все чаще – она держала Страйка в поле зрения. Опыта слежки у нее не было. Страйк, специалист в своем деле, шел бы по другой стороне улицы и делал вид, что разговаривает по мобильному, ничем не выдавая своего пристального внимания к объекту…

Просто из интереса он резко остановился и сделал вид, будто забыл дорогу. От неожиданности темная фигура приросла к месту. Страйк двинулся дальше и через пару секунд услышал у себя за спиной стук шагов. У женщины даже не хватило ума понять, что ее засекли.

Впереди показалась станция метро «Уэстборн-парк»: вытянутая, низкая постройка из золотистого кирпича. Страйк решил, что там-то и обернется к своей преследовательнице, спросит, который час, и рассмотрит ее лицо.

В вестибюле он быстро отошел к дальней стене и, скрывшись от наблюдения, стал выжидать. Секунд через тридцать появилась высокая темная фигура, которая, не вынимая рук из карманов, спешила сквозь блестки ливня ко входу. Женщина испугалась, что упустила его, что он уже вскочил в поезд.

Страйк сделал стремительный, уверенный шаг вперед, чтобы оказаться прямо перед незнакомкой, но протезированная нога заскользила по мокрому кафельному полу.

– Черт!

Неуклюже растянувшись в полушпагате, Страйк потерял равновесие; перед глазами, как при замедленной съемке, поплыла

жирная слякоть; он грохнулся на пол и больно ударился о лежавшую в пакете бутылку, но при этом успел заметить, как женский силуэт замер в дверях и тут же перепуганной ланью сорвался с места, чтобы раствориться в темноте.

– Зараза! – выдохнул Страйк, лежа на грязных плитах и привлекая к себе взгляды пассажиров, толпившихся у билетных автоматов.

При падении у него опять подвернулась нога; ощущение было такое, что он порвал связку; колено, которое до этого лишь тихо ныло, теперь протестующе взвыло от боли. Проклиная нерадивых уборщиков и жесткую конструкцию искусственной голени, Страйк пытался подняться. Никто не решался к нему подойти. Оно и неудивительно – все принимали его за пьяного, тем более что подаренная Ником и Илсой бутылка виски теперь выскользнула из пакета и с дребезгом покатилась по полу.

В конце концов ему на помощь пришел дежурный по станции, который стал бормотать что-то насчет сигнальной стойки, призывающей соблюдать осторожность на скользком полу; разве джентльмен ее не заметил; для кого же она размещена на самом видном месте? Дежурный догнал укатившуюся бутылку и подал ее Страйку. Сгорая от стыда, Страйк выдавил слова благодарности и похромал к турникетам, чтобы как можно скорее скрыться от множества любопытных глаз.

В поезде, который следовал в южном направлении, он расположился на свободном месте, вытянул травмированную культю и сквозь ткань костюмных брюк ощупал колено. Оно отозвалось острой болью, в точности как минувшей весной, когда он упал с лестницы. Всерьез разозлившись на свою преследовательницу, Страйк попытался осмыслить все, что произошло.

В какой момент она за ним увязалась? Неужели следила за домом Куайнов и увидела, как Страйк туда зашел? Не могла ли она принять его (нелестное сравнение) за Оуэна Куайна? Ведь именно такую ошибку допустила – пусть в темноте, пусть ненадолго – Кэтрин Кент…

Страйк заблаговременно встал, чтобы подготовиться к пересадке на станции «Хаммерсмит»: в его нынешнем состоянии ожидавший там спуск мог даться нелегко. Доехав наконец до «Бэронз-Корт», он начал сильно хромать и пожалел, что не может опереться на трость. В

вестибюле, облицованном зеленой викторианской плиткой, он с осторожностью ступал по мокрому, черному от грязи полу. С излишней поспешностью он покинул это небольшое убежище, расцвеченное огнями, украшенное надписями в стиле ар-нуво и каменными фронтонами, и под нескончаемым дождем побрел в сторону грохочущей автострады, проходившей совсем рядом.

Страйк благодарил судьбу, что оказался именно в той части Тэлгарт-роуд, где стоял нужный ему дом.

Хотя Лондон на каждом шагу демонстрировал всяческие архитектурные аномалии, Страйк еще не видел таких градостроительных контрастов. Старинные дома из темно-красного кирпича сомкнулись в шеренгу, как свидетели более стабильной и творческой поры, а мимо них с беспощадным ревом в обе стороны неслись машины, поскольку это была главная транспортная артерия, ведущая в Лондон с запада. Многие из этих вычурных викторианских домов служили художественными мастерскими: окна первых этажей были закрыты витражами и коваными решетками, а огромные, выходящие на северную сторону арочные окна смотрелись как фрагменты утраченного «Хрустального дворца»[{15}].

Промокший, замерзший, истерзанный болью, Страйк все же помедлил, разглядывая уникального вида дом номер 179 и прикидывая, сколько могли бы выручить за такую недвижимость Куайны, если бы Фэнкорт смягчился и дал разрешение на продажу.

Страйк тяжело взбирался по ступеням. Парадная дверь была защищена от непогоды кирпичным навесом, богато украшенным резными каменными фестонами, завитками и медальонами. Окоченевшими, непослушными пальцами Страйк начал один за другим проверять ключи. Четвертый без возражений вошел в замочную скважину и повернулся с такой легкостью, будто использовался годами. Мягкий щелчок – и путь оказался свободен. Страйк переступил через порог и затворил за собой дверь.

Шок, резкий, как пощечина, как ушат холодной воды. Немного повозившись, Страйк поднял воротник пальто как можно выше, чтобы закрыть рот и нос. Там, где должно было пахнуть только пылью и старой древесиной, на него хлынул острый химический запах, липнущий к ноздрям и горлу. Страйк сощурился, ощупью нашел выключатель и зажег две голые лампочки, свисающие с потолка. Узкий

пустой коридор был обшит деревянными панелями медового цвета. Витые столбики из такого же дерева поддерживали арку высотой в половину стены. На первый взгляд здесь царили покой, благородство и гармония. Но Страйк, приглядевшись повнимательнее, заметил на обшивке стен широкие, вроде как выжженные потеки. Стало быть, все стены были облиты – видимо, в припадке бессмысленного вандализма – едкой, зловонной жидкостью, от которой плавился неподвижный, удушливый воздух. Она уничтожила некогда покрывавший старые половицы лак, лишила налета старины голые деревянные ступени, видневшиеся впереди, и даже попала под потолок: крашеная штукатурка в верхней части стен покрылась обесцвеченными, белесыми пятнами.

Через несколько секунд, когда Страйк приноровился дышать через плотный габардиновый воротник, ему пришло в голову, что для необитаемого строения в доме слишком тепло. Отопление было включено на полную мощность, отчего невыносимый химический запах, который мог бы развеяться на холоде, сгустился до предела.

Под ногами зашуршала бумага. Опустив взгляд, Страйк заметил ворох рекламных листовок с предложениями доставки блюд и еще конверт, адресованный АРЕНДАТОРУ/УПРАВЛЯЮЩЕМУ. Страйк поднял конверт с пола и нашел в нем гневное, написанное от руки требование соседей устранить запах.

Оставив эту записку лежать на коврике в прихожей, Страйк двинулся по коридору и стал отмечать для себя все дефекты поверхностей, образованные разбрызганным химическим составом. Слева была какая-то дверь; он толкнул ее. Темная, пустая комната не пострадала от этого вещества. На первом этаже оказалось еще только одно помещение – обшарпанная кухня, также без мебели. Здесь, напротив, химический дождь не пощадил ничего и пролился даже на половину буханки черствого хлеба.

Страйк пошел наверх. Тот, кто втаскивал или, наоборот, спускал по ступеням объемистую канистру с беспощадной, едкой жидкостью, постарался облить все, что только возможно, даже подоконник на лестничной площадке, да так, что краска вздулась пузырями и отслоилась.

На втором этаже Страйк остановился. Даже через толстую ткань воротника он почувствовал какой-то другой запах, неподвластный

жгучему промышленному химическому составу. Сладковатый, гнилостный, тухлый: запах разлагающейся плоти.

Дергать две ближайшие к нему закрытые двери Страйк не стал. Вместо этого, не выпуская из рук злосчастный пластиковый пакет с бутылкой именинного виски, он медленно пошел по следам злоумышленника, которые тянулись еще выше, по следующему лестничному пролету, где даже резные балясины лишились своего воскового блеска. С каждой ступенькой трупный запах крепчал. Страйку вспомнилось, как в Боснии они загоняли в землю длинные шесты, а потом вытаскивали и нюхали заостренные концы – это был верный способ обнаружить массовые захоронения. Поплотнее прижав воротник к губам, он поднялся на последний этаж – в студию, где в Викторианскую эпоху работал художник, которому был на руку неизменный северный свет.

Если Страйк и помедлил на пороге, то считаные мгновения: он лишь поддернул вниз рукав сорочки и закрыл кисть руки, чтобы не оставить отпечатков на деревянной двери.

Не считая слабого скрипа дверных петель – тишина, потом ленивое жужжание мух.

Он ожидал увидеть смерть, но не такую.

На полу валялась туша, какие мясники подвешивают на железных крюках: перевязанная веревками, зловонная, выпотрошенная – ни дать ни взять забитая свинья.

Только в одежде.

Труп лежал под высокими балками, залитый светом из огромного стрельчатого окна в романском стиле. Притом что это было частное жилище, а за оконными стеклами проносился по слякоти городской транспорт, Страйк, едва сдерживая дурноту, ощущал себя как в осквернённом храме, где совершилось ритуальное убийство.

Вокруг разлагающегося тела, похожего на гигантский окорок, стояло семь столовых приборов. Торс был распорот от горла до костей таза, и Страйк уже с порога увидел зияющую черную полость. Внутренности словно кто-то выгрыз. Одежда и кожа, облитые кислотой, усиливали зловещее сходство с адской копченостью. Кое-где поблескивала уцелевшая плоть, с виду почти жидкая. Разложению способствовали четыре включенных обогревателя.

Сгнившее лицо оказалось у окна – дальше всего от Страйка. Он разглядывал его, щурясь и стараясь не дышать. На подбородке желтел клок бороды; еще можно было кое-как различить одну выжженную глазницу. Не раз видевший смерть и увечья, Страйк еле-еле сдерживал рвоту, задыхаясь в химических и трупных миазмах. Он повесил пластиковый пакет на мощную руку, достал из кармана мобильный и, не заходя в комнату, сделал снимки с различных ракурсов. Затем попятился, дождался, когда сама собой захлопнется дверь, которая, впрочем, не отсекла густую вонь, и набрал 999.

Больше всего Страйку хотелось опрометью броситься на свежий, чистый после дождя воздух, но спускаться приходилось медленно и осторожно, чтобы не упасть. На улице он остановился в ожидании полицейских.

17

Покуда пьешь, смакуй букет:
Вина в загробном мире нет.

Джон Флетчер.

Кровожадный брат, или Ролло, герцог Нормандский

По требованию Центрального управления полиции Страйк уже являлся в Новый Скотленд-Ярд. В прошлый раз ему, как и теперь, пришлось давать показания насчет трупа, и сейчас, когда после длительного ожидания в допросной боль в колене слегка утихла от вынужденной неподвижности, детективу пришло в голову, что накануне того случая он тоже провел ночь с женщиной.

В каморке размером со средний офисный шкаф мысли Страйка, подобно мухам, вились вокруг непотребной гниющей плоти, обнаруженной им в художественной мастерской. Его не отпускал ужас. За годы службы он видел мертвые тела с кошмарными следами попыток замаскировать учиненные зверства; он видел обезображенных и расчлененных мужчин, женщин и детей; но то зрелище, которое предстало перед ним в доме номер 179 по Тэлгарт-роуд, оказалось не похожим ни на что. Это злодеяние граничило с разнузданным, тщательно продуманным садистским спектаклем. И уж вовсе невыносимо было прикидывать, в какой последовательности выплескивали кислоту и потрошили туловище: может, жертву сперва пытали? Когда были расставлены столовые приборы: после смерти Куайна или до?

Просторную сводчатую комнату, где лежало тело Куайна, сейчас, вне сомнения, наводнили люди в защитных костюмах, занимающиеся сбором улик. Страйк многое бы отдал, чтобы оказаться сейчас рядом с ними. Сидеть сложа руки после такой находки было для него невыносимо. Его терзала профессиональная ревность. Полицейские сразу оттерли его в сторону, выставили каким-то праздношатающимся, который случайно увидел последствия разыгравшейся там сцены

(слово «сцена», внезапно подумал он, точно отражало самую суть: связанное веревками тело, оставленное на свету, под гигантским, почти церковным окном… жертва, принесенная темным силам… семь тарелок, семь ножей, семь вилок…).

Матовое оконное стекло допросной позволяло разглядеть только цвет неба: сейчас – черный. В этой клетушке Страйк уже извелся от безделья, но к нему так никто и не возвращался, чтобы завершить допрос. Трудно сказать, почему его так долго мурыжили: то ли в чем-то подозревали, то ли просто из вредности. Естественно, тот, кто обнаружил труп с признаками насильственной смерти, должен быть допрошен с предельной тщательностью: такой человек нередко знает больше, чем говорит, а порой даже знает все. Однако Страйк, распутавший дело Лулы Лэндри, можно сказать, посрамил Центральное управление полиции, которое с апломбом констатировало самоубийство. Страйк был не склонен к параноидальным подозрениям в адрес коротко стриженной женщины-следователя, которая только что вышла из допросной: вряд ли она ставила перед собой цель помотать ему нервы. Но вместе с тем он не считал, что ее сослуживцы непременно должны тянуться к нему такой чередой: одни – просто поглазеть, другие – отпустить какую-нибудь колкость. Напрасно они думали, что такими подходцами могут вывести его из равновесия. Спешить ему было некуда, а предложенный ужин оказался вполне съедобным. Еще бы сигарету – и вообще кайф. Следачка после часового допроса предложила ему выйти во двор (естественно, под охраной) и покурить под дождем, но инерция и любопытство приковали Страйка к месту. На полу возле его стула стоял все тот же пакет. Если ожидание затянется, думал Страйк, можно будет откупорить подаренную бутылку, тем более что перед ним поставили высокий пластиковый стакан с водой.

Дверь у него за спиной зашуршала по плотному серому ковру.

– Мистик Боб, – окликнул чей-то голос.

В допросную, усмехаясь, вошел с пачкой бумаг мокрый от дождя Ричард Энстис, офицер Главного полицейского управления и Территориальной армии. Одна сторона его лица была сплошь исполосована шрамами, а кожа под правым глазом стянута до предела. Пока врачи полевого госпиталя в Кабуле спасали ему зрение,

Страйк лежал без сознания, а хирурги делали все возможное, чтобы сохранить колено его изувеченной ноги.

– Энстис! – воскликнул Страйк, пожимая протянутую ему руку. – Какого…

– Использую служебное положение в личных целях, дружище: вот решил взять дело в свои руки, – ответил Энстис, опускаясь на стул следователя. – Ты здесь, видишь ли, фигура непопулярная. Скажи спасибо, что дядя Дикки за тебя поручился.

Он всегда говорил, что Страйк спас ему жизнь; наверное, так и было. На желтой от пыли афганской дороге они попали под обстрел. Страйк и сам не знал, каким чувством угадал неминуемый взрыв. Мальчишка-подросток, который улепетывал вперед по обочине, волоча за собой, как могло показаться, младшего брата, вполне возможно, просто бежал от огня. Страйк запомнил, как прокричал водителю «викинга» приказ тормозить, но тот не подчинился – видимо, не расслышал, – и тогда он схватил Энстиса за рубашку и одной рукой отбросил в задний отсек вездехода. Останься Энстис на прежнем месте, его бы наверняка постигла участь сидевшего непосредственно перед Страйком молодого бойца Гэри Топли: от него нашли только голову и торс – так и похоронили.

– Давай-ка еще раз по порядку, дружище, – сказал Энстис, – раскладывая перед собой показания, перехваченные, как видно, у предшественницы.

– Ничего, если я выпью? – устало спросил Страйк и под изумленным взглядом Энстиса, достав из пакета бутылку односолодового «Аррана», плеснул немного виски в пластиковый стакан с тепловатой водой.

– Итак: тебя наняла жена покойного, чтобы ты нашел ее мужа… допустим, что обнаруженный труп – это и есть тот писатель… как его…

– Да-да, Оуэн Куайн, – подсказал Страйк, видя, что почерк предшественницы Энстис разбирает с трудом. – Его жена обратилась ко мне шесть дней назад.

– И на тот момент от него не было никаких сведений в течение…

– Десяти дней.

– Она заявила в полицию?

– Нет. Он проделывал такие номера постоянно: исчезал, никому не сказав ни слова, а потом возвращался домой и не признавался, где был. Любил без жены покутить в отелях.

– Почему на этот раз она решила обратиться к тебе?

– У нее дома тяжелое положение. Дочка – инвалид, денег нет. Муж отсутствовал несколько дольше обычного. Она подумала, что он укатил в писательский дом творчества. Точного названия не помнила, но я проверил – Куайн там не появлялся.

– И все же не понимаю: почему она обратилась к тебе, а не к нам?

– Она говорит, что однажды приходила к вашим ребятам по такому же вопросу, но муж на нее разъярился. Вроде он развлекался где-то с любовницей.

– Я проверю, – сказал Энстис, делая пометку. – А с чего тебя понесло в этот дом?

– Вчера вечером я узнал, что Куайн был его совладельцем.

Небольшая пауза.

– А жена об этом умолчала?

– Именно так, – подтвердил Страйк. – По ее версии, он ненавидел эту берлогу и не приближался к ней на пушечный выстрел. У меня такое впечатление, что жена вообще забыла о существовании этого дома…

– Неужели такое возможно? – пробормотал Энстис, почесывая подбородок. – Если они сидят без гроша?

– Тут сложная штука, – начал Страйк. – Второй совладелец – Майкл Фэнкорт.

– Слышал о таком.

– И он, по ее словам, не дает согласия на продажу. Куайн и Фэнкорт давно на ножах. – Страйк отхлебнул виски; в горле и в животе сразу стало тепло. (Живот Куайна, весь пищеварительный тракт, был вырезан. Куда, черт возьми, что подевалось?) – Короче, решил я днем туда наведаться; там его и нашел. Хотя не целиком. – От виски Страйку еще сильнее захотелось курить.

– Как я слышал, труп выглядел хреново, – отметил Энстис.

– Вот, полюбуйся.

Достав из кармана мобильный, Страйк вывел на дисплей фотографии трупа и через стол протянул телефон Энстису.

– Ни фига себе! – вырвалось у Энстиса. После молчаливого изучения снимков он брезгливо спросил: – А это что вокруг него… тарелки?

– Как видишь, – сказал Страйк.

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Ничего, – ответил Страйк.

– Есть какие-нибудь мысли: когда его в последний раз видели живым?

– Жена в последний раз видела его вечером пятого числа. Он ужинал со своей агентшей, которая сказала, что его последний роман издавать нельзя, поскольку в нем оклеветана масса народу, в том числе и пара-тройка завзятых сутяг.

Энстис опустил взгляд на записи, сделанные инспектором Ролинз:

– Бриджет ты ничего такого не говорил.

– Она не спрашивала. У нас с ней контакта не получилось.

– Давно эта книга продается?

– Она не продается. – Страйк долил себе еще виски. – И даже не опубликована. Говорю же тебе, агентша ему заявила, что это печатать нельзя, и они разругались.

– А ты сам читал эту вещь?

– Частично.

– Взял экземпляр у его жены?

– Нет, она говорит, что не читала.

– Про второй дом не помнит, книжек мужа не читает, – без выражения перечислил Энстис.

– По ее словам, читает, но только когда они уже изданы, в нормальном переплете, – объяснил Страйк. – Почему-то я склонен ей верить.

– Ага. – Энстис вносил новые записи в протокол допроса Страйка. – Где ты взял рукопись книги?

– Мне бы не хотелось отвечать.

– Это может создать проблемы, – сказал Энстис, поднимая глаза.

– Для меня – нет, – ответил Страйк.

– Возможно, нам придется к этому вернуться, Боб.

Страйк пожал плечами, а потом спросил:

– Жене сообщили?

– К этому времени, наверное, да.

Страйк ей не звонил. Весть о смерти мужа должны были передать Леоноре при личной встрече специально обученные люди. Раньше он и сам нередко выполнял такую миссию, но за последнее время утратил все навыки; единственное, что он смог сегодня сделать ради осквернённых останков Оуэна Куайна, – это посторожить их до прибытия полиции.

Он понимал, через что пришлось пройти Леоноре, пока его допрашивали в Скотленд-Ярде. Вот она отворяет входную дверь и видит полицейского… или, возможно, двоих: первый укол тревоги при виде формы; удар в самое сердце, нанесенный спокойным, участливым, сочувственным предложением пройти в дом; ужасающее известие. (Впрочем, ей, по-видимому, до поры до времени не расскажут о толстых лиловых веревках, опутавших тело ее мужа, и о зияющей темной полости, которую проделал убийца, вспоровший грудь и живот Оуэна; ей не расскажут, что лицо его разъела кислота и что вокруг тела – будто это гигантский окорок – стояли тарелки… Страйку вспомнилась запеченная баранина, которой Люси всего сутки назад обносила гостей. Хотя Страйк не считал себя слабонервным, мягкий солодовый виски застрял у него в горле; пришлось опустить стакан на стол.)

– По твоим прикидкам, сколько народу знает о содержании книги? – медленно выговорил Энстис.

– Понятия не имею, – ответил Страйк. – Сейчас уже, наверное, немало. Агент Куайна, Элизабет Тассел – два «с», одно «л», – добавил он, видя, что Энстис берет это имя на заметку, – отправила рукопись в издательство «Кроссфайр» Кристиану Фишеру, а он известный сплетник. Чтобы поставить заслон слухам, в дело уже вступили юристы.

– Чем дальше в лес, тем больше интерес, – пробормотал Энстис, быстро записывая услышанное. – Есть хочешь, Боб?

– Курить хочу.

– Уже недолго осталось, – заверил его Энстис. – Так кого он там оклеветал?

– Вопрос в том, – Страйк сгибал и разгибал искалеченную ногу, – как это расценивать: как клевету или же как правдивое разоблачение целого ряда лиц. Но если взять тех, кого я распознал… Дай-ка сюда бумагу и ручку, – попросил он, зная, что ему быстрее написать, чем

диктовать по буквам, и стал проговаривать имена вслух: – Майкл Фэнкорт, писатель; Дэниел Чард, директор издательства, где печатался Куайн; Кэтрин Кент, любовница Куайна…

– Там даже любовница есть?

– А как же – вроде уже год с лишним. Я к ней съездил: Стаффорд-Криппс-Хаус в Клемент-Эттли-Корте. Она заявила, что у нее в квартире его нет и вообще они сто лет не виделись… Далее: Лиз Тассел, его литературный агент; Джерри Уолдегрейв, его редактор, а также… – секундное колебание, – его жена.

– Он и жену не пощадил?

– Выходит, так. – Страйк подтолкнул листок через стол к Энстису. – Но я, конечно, всех вычислить не могу. Кого только он не пнул в своей книге.

– У тебя сохранилась его рукопись?

– Нет, – с легкостью солгал Страйк, ожидавший этого вопроса. Энстису, решил он, не вредно потрудиться: пускай раздобудет экземпляр, на котором отсутствуют отпечатки пальцев Нины.

– Еще что-нибудь полезное можешь сообщить? – спросил, распрямляясь, Энстис.

– Могу, – ответил Страйк. – По-моему, его жена не при делах.

Энстис испытующе, но дружески посмотрел на Страйка. Тот был крестным отцом его сына, появившегося на свет за два дня до рокового взрыва. Страйк несколько раз заезжал проведать Тимоти Корморана Энстиса, но не выказывал особых восторгов.

– Ладно, Боб, подписывай – и валим отсюда. Я тебя подброшу.

Страйк внимательно изучил протокол, с удовлетворением исправил в нескольких местах орфографические ошибки следователя Ролинз и поставил свою подпись.

Его мобильный зазвонил в тот момент, когда они с Энстисом шли длинным коридором к лифту, и у Страйка заныло колено.

– Корморан Страйк слушает.

– Это я, Леонора, – послышался в трубке ее обычный, разве что чуть более выразительный голос.

Страйк жестом попросил Энстиса придержать лифт и отошел в сторону, к темному окну, за которым под нескончаемым дождем змеился поток транспорта.

– С вами беседовали полицейские? – спросил он.

– Да. Они и сейчас рядом.

– Мои соболезнования, Леонора, – сказал он.

– Вы как там? – ворчливо спросила она.

– Я? – удивился Страйк. – Я в порядке.

– Не обижают вас? Мне сказали, вы сейчас на допросе. Я им и говорю: «За что ж человека под арест, коли я сама его наняла Оуэна разыскать?»

– Никто меня не арестовывал, – объяснил Страйк. – Просто взяли показания.

– Сколько ж можно вам душу мотать?

– А откуда вы знаете, сколько…

– Да я тут, – недослушала она. – Внизу, в вестибюле. Хотела с вами повидаться, вот и потребовала, чтоб меня подвезли.

Изумленный, да еще хлебнувший виски на голодный желудок, Страйк выпалил первое, что пришло на ум:

– А на кого осталась Орландо?

– На Эдну. – Беспокойство Страйка о чужой дочери Леонора восприняла как должное. – Так когда вас отпустят?

– Уже иду, – сказал он.

– Кто это был? – спросил Энстис, когда Страйк отсоединился. – Шарлотта беспокоится?

– Скажешь тоже! – бросил Страйк, входя за ним в лифт. У него совершенно вылетело из головы, что он ни словом не обмолвился Энстису насчет их разрыва; став сотрудником Центрального управления, Энстис попал в отдельную категорию, куда не проникали слухи личного свойства. – Там все кончено. Уже восемь месяцев прошло.

– Да ну? Жесть! – Энстис искренне огорчился.

Лифт поехал вниз. Страйку подумалось, что у Энстиса есть собственные причины для расстройства. Из всех его знакомых Шарлотта больше всех зацепила именно Энстиса: и своей необычайной красотой, и вульгарным смехом. «Заходите с Шарлоттой», – рефреном повторял Энстис, когда они со Страйком оба выписались из госпиталя, демобилизовались и осели в городе, с которым сроднились.

Страйк почувствовал неодолимое желание оградить Леонору от Энстиса, но из этого ничего не вышло. Когда двери лифта скользнули в

стороны, она уже стояла на виду: худенькая, серая, как мышь, с гребнями в жидких волосах, закутанная в старомодное пальто. На первый взгляд могло показаться, что она приехала в домашних тапках, но на самом деле это были разношенные черные туфли. По бокам от нее стояли офицеры полиции, мужчина и женщина. Женщина, как видно, известила ее о смерти Куайна и согласилась подбросить в управление. По настороженным взглядам, устремленным на Энстиса, Страйк понял, что Леонора ошарашила полицейских своей нестандартной реакцией на известие о смерти мужа.

Деловитая, без единой слезинки, она с облегчением обратилась к Страйку:

– Ну наконец-то. Что так долго?

Энстис смотрел на нее с любопытством, но Страйк не стал их знакомить.

– Давайте отойдем вот туда. – Страйк указал на стоявшую у стены скамью.

Когда он, прихрамывая, шагал рядом с Леонорой, трое полицейских сгрудились у него за спиной.

– Как вы? – спросил Страйк, отчасти для того, чтобы Леонора обнаружила хоть какие-нибудь признаки скорби и тем самым удовлетворила любопытство наблюдателей.

– Сама не знаю, – ответила Леонора, опускаясь на пластмассовое сиденье. – Не верится как-то. Мне и невдомек было, что он в том доме отсиживается, шельмец этакий. Не иначе как туда грабитель какой пробрался, а там хозяин. Ехал бы себе в гостиницу, как всегда, правда же?

То есть подробностей она не знала. Страйк подумал, что Леонора потрясена сильнее, чем показывает, сильнее, чем сама понимает. То, что она искала встречи с ним, выдавало растерянность одинокой женщины, которая может обратиться лишь к тому, кто помогает ей по долгу службы.

– Проводить вас домой? – предложил Страйк.

– Да меня эти подвезут, – сказала она все с той же непоколебимой уверенностью, с какой заявила, что Элизабет Тассел оплатит счет за услуги Страйка. – Я только хотела убедиться, что вы живы-здоровы, что не пострадали по моей милости. И еще спросить хочу: вы работать-то на меня не откажетесь?

– Работать на вас? – повторил Страйк.

На долю секунды ему показалось, что она не отдает себе отчета в происшедшем и настаивает на продолжении поисков. Но не могла ли ее эксцентричность скрывать какой-то более серьезный, более глубинный умысел?

– Они думают, я их за нос вожу, – сказала Леонора. – Я это нутром чую.

Страйк чуть не ответил: «Я уверен, они ошибаются», но это было бы ложью. Он не сомневался, что Леонора, жена вздорного изменника-мужа, которая не обратилась в полицию и только через десять дней начала изображать поиски, которая хранила ключ от пустующего дома, где нашли тело, и без труда могла бы застукать там супруга, окажется первой и главной подозреваемой. Но вслух он лишь спросил:

– Почему вы так думаете?

– Нутром чую, – повторила она. – Как они со мной разговаривали. Как потребовали, чтоб я им дала осмотреть наш дом, его кабинет.

Такова была рутинная процедура, но Страйк понимал, что Леоноре эти действия показались бесцеремонными и даже зловещими.

– Орландо в курсе? – спросил он.

– Я ей сказала, но до нее, по-моему, не доходит, – ответила Леонора, и он впервые заметил у нее в глазах слезы. – Все свое твердит: «Как Мистер Пук» – так кота нашего звали, он под машину попал… а понимает она или нет – откуда мне знать. Кто ее разберет, нашу Орландо. А что он не своей смертью умер, я рассказывать не стала. Язык не поворачивается.

Наступила краткая пауза, и Страйк понадеялся (видимо, напрасно), что от него не разит спиртным.

– Так согласны вы на меня работать или нет? – в лоб спросила Леонора. – Вы-то поболее смыслите, чем эти, потому я вас и подрядила. Что скажете?

– Согласен, – ответил Страйк.

– Эти считают, что без меня тут не обошлось, – вставая, повторила она. – Слышали бы вы, как со мной разговаривали. – Леонора поплотнее запахнула пальто. – Ладно, поеду, меня Орландо ждет. Хорошо, что от вас отстали.

Она зашаркала к своим провожатым. Женщина-офицер лишилась дара речи, когда к ней обратились, как в службу такси, но,

переглянувшись с Энстисом, согласилась отвезти Леонору домой.

– Что за чертовщина? – обратился Энстис к Страйку, когда женщины удалились на достаточное расстояние.

– Она побоялась, что меня арестуют.

– Несколько эксцентричная особа, верно?

– Самую малость.

– Ты ей ничего не сболтнул? – спросил Энстис.

– Нет. – Страйку не понравилась такая постановка вопроса. У него хватало ума не обсуждать с подозреваемыми детали преступления.

– Будь осторожен, Боб, – смущенно выговорил Энстис, когда они вышли через вращающуюся дверь под струи дождя. – Чтобы кому-нибудь не перейти дорожку. Это, как ни крути, убийство, а друзей у тебя в городе – раз-два и обчелся.

– Ты переоцениваешь мою популярность. Слушай, возьму-ка я такси… нет, – твердо перебил он сам себя, не слушая возражений Энстиса, – первым делом надо покурить. Спасибо тебе за все, Рич.

Они пожали друг другу руки; Страйк поднял воротник, махнул на прощанье Энстису и, прихрамывая, ушел по мокрому тротуару в темноту. Он в равной степени был доволен тем, что отвязался от Энстиса, и тем, что сделал первую вожделенную затяжку.

18

Рогов на лбу – «рога в воображенье»
Гораздо хуже – это мое мненье.
Бен Джонсон.
Каждый по-своему[12]

Страйк совершенно забыл, что в пятницу вечером Робин была, по его определению, не в духе. Он думал лишь о том, что она – единственная, с кем можно обсудить последние события; без особой нужды он никогда не звонил ей в выходные, но по такому исключительному случаю решил отправить эсэмэску. И сделал это минут через пятнадцать – как только поймал такси после скитаний по мокрым и холодным улицам.

Робин у себя дома, свернувшись калачиком в кресле, читала купленную по интернету книгу «Допрос как следственное действие: психология и практика». Мэтью сидел на диване и по домашнему телефону разговаривал со своей матерью, живущей в Йоркшире: той опять нездоровилось. Всякий раз, когда Робин вспоминала, что нужно поднять взгляд и сочувственно улыбнуться в знак поддержки, он страдальчески закатывал глаза.

У Робин завибрировал мобильный, она с неохотой отложила захвативший ее том «Допрос как следственное действие».

Нашел Куайна. Убийство. К.

У Робин вырвался не то вздох, не то крик, отчего Мэтью даже вздрогнул. Книга соскользнула у нее с колен и упала на пол. Схватив мобильный, Робин помчалась в спальню. Через двадцать минут Мэтью закончил разговор с матерью, подкрался к спальне и приложил ухо к двери. Он определил, что Робин задает вопросы и, очевидно, выслушивает длинные, непростые ответы. Что-то в ее тоне подсказывало: она беседует со Страйком. Мэтью стиснул зубы.

Когда Робин, сама не своя, наконец-то появилась из спальни, она сообщила жениху, что Страйк нашел труп исчезнувшего человека. Врожденное любопытство тянуло Мэтью в одну сторону, а неприязнь к Страйку, возмущение оттого, что сыщик осмелился воскресным вечером побеспокоить Робин, – в другую.

– Приятно слышать, что за целый вечер ты хоть к чему-то проявила интерес, – съязвил Мэтью. – Я же знаю, что состояние здоровья моей мамы нагоняет на тебя только смертную тоску.

– Лицемер несчастный! – ахнула Робин от такой несправедливости.

Конфликт разгорался устрашающими темпами. Приглашение Страйка на свадьбу; глумливое отношение Мэтью к работе Робин; на что будет похожа их совместная жизнь; чем один обязан другому. Робин пришла в ужас от того, как быстро самые основания их отношений были вытащены на свет для пересмотра под аккомпанемент взаимных упреков, но она не отступалась. Ее охватило знакомое чувство гнева и досады по отношению к двоим мужчинам, которые только и присутствовали в ее жизни: к Мэтью, не способному понять, как много значит для нее эта работа, и к Страйку, не способному оценить ее возможности. (Хотя… обнаружив труп, он дал знать именно ей… Робин сумела как бы невзначай спросить: «Кому еще ты рассказал?» – и он ответил: «Только тебе», ничем не показав, что знает, насколько для нее это важно.)

Мэтью между тем был уязвлен до глубины души. В последнее время ему открылось нечто такое, на что даже нельзя жаловаться, а можно только закрывать глаза: до того как Робин начала работать у Страйка, она всегда первой делала шаг к примирению, первой извинялась, но ее мягкий характер словно затвердел от этого проклятого, дурацкого рода занятий…

У них в квартире была только одна спальня. Робин сняла со шкафа сложенные там запасные одеяла, взяла с полки постельное белье и заявила, что ляжет на диване. В полной уверенности, что надолго ее не хватит (спать на диване было жестко и неудобно), Мэтью даже не стал возражать.

Напрасно он думал, что вскоре она успокоится. Наутро при виде пустого дивана ему сразу стало ясно, что Робин уже ушла. Мэтью вскипел. Она сорвалась на час раньше обычного и, вне сомнения, умчалась на работу; его воображение (вообще говоря, Мэтью не

отличался живым воображением) рисовало этого жирного урода, который впускает ее не в агентство, а в свою квартиру этажом выше…

19

...я тебе открою
Ту книгу черного греха, что спрятана во мне.
...ведь сей недуг – в моей душе.

Томас Деккер.
Благородный испанский воин

Страйк поставил будильник на более ранний час, чтобы спокойно поработать, не отвлекаясь на клиентов и телефонные звонки. Проснулся он легко, принял душ, позавтракал, с особой тщательностью прикрепил протез к сильно распухшему колену и через сорок пять минут после пробуждения уже входил, прихрамывая, к себе в контору с недочитанными главами «Бомбикса Мори» под мышкой. Одно подозрение, которым Страйк не стал делиться с Энстисом, настоятельно требовало как можно скорее завершить знакомство с текстом.

Заварив себе крепкого чая, Страйк уселся на место Робин, где было самое лучшее освещение, и начал читать.

Убежав от Резчика и войдя в заповедный город, Бомбикс решил избавиться от своих попутчиц – Суккубы и Пиявки. С этой целью он, к общей радости, пристроил их на работу в бордель. Дальше Бомбикс пошел один, вознамерившись разыскать именитого писателя Фанфарона, к которому хотел определиться в ученики. В темном переулке к Бомбиксу подошла демонического вида рыжеволосая женщина, которая несла себе на ужин связку дохлых крыс. Опознав Бомбикса, Гарпия позвала его в гости; оказалось, что живет она в пещере, усыпанной крысиными черепами. Страйк пробежал глазами растянутую на четыре страницы эротическую сцену, в которой Бомбикса, свисающего с потолка, лупцевали розгами. Затем Гарпия, на манер Пиявки, захотела присосаться к груди Бомбикса, но тот, даром что подвешенный к потолку, сумел ее отогнать. Из сосков Бомбикса

струился ослепительный, сверхъестественный свет; Гарпия, зарыдав, тоже обнажила грудь, но оттуда потекло нечто бурое и липкое.

Страйк нахмурился. Мало того что стиль романа теперь стал пародийным и, по его мнению, назойливым до тошноты, так само повествование уже полыхало злобой, если не откровенным садизмом. Неужели Куайн угробил многие месяцы, а то и годы, чтобы побольнее ранить и оскорбить как можно больше людей? Что у него было с головой? И можно ли считать безумцем человека, который мастерски владеет слогом, пусть даже на весьма изощренный вкус?

Отхлебнув еще не остывшего и приятно чистого чая, Страйк продолжил чтение.

Когда Бомбикс, содрогаясь от омерзения, уже собирался покинуть дом Гарпии, в дверь ворвалась новая героиня, Эписин, которую рыдающая Гарпия представила как свою приемную дочь. Эта девушка, у которой из-под хитона выглядывал пенис, твердила, что они с Бомбиксом – родственные души, не чуждые как женского, так и мужского начала. Она предложила Бомбиксу насладиться ее телом гермафродита, но для начала – ее пением. Считая, видимо, что у нее дивный голос, она залилась тюленьим тявканьем. Бомбикс заткнул уши и вынужден был спасаться бегством.

В центре города, высоко на холме, Бомбикс впервые увидел Замок света. Только он двинулся крутыми улочками в ту сторону, как из темной подворотни его окликнул лилипут, назвавшийся писателем Фанфароном. Брови у него были точь-в-точь как у Фэнкорта, мрачное выражение лица и глумливые манеры – точь-в-точь как у Фэнкорта; «наслышанный о несравненном таланте Бомбикса», Фанфарон залучил его к себе на ночлег.

В доме потрясенный Бомбикс увидел прикованную цепями девушку, которая что-то писала за кабинетным столом. В очаге лежали раскаленные клейма с фразами из гнутой проволоки, как то: «безнадежнейшая тупица» и «златоустные сношения». Не иначе как рассчитывая повеселить Бомбикса, Фанфарон поведал, что засадил свою молодую жену Чучелку писать книгу, чтобы самому без помех создавать очередной шедевр. К несчастью, объяснил Фанфарон, Чучелка не проявляла должных способностей, а потому заслуживала наказания. С этими словами он достал из огня раскаленное клеймо, но Бомбикс под адские вопли Чучелки выскочил за дверь и сломя голову

бросился к Замку света, где рассчитывал найти убежище. Над входом было начертано: «Фаллус Импудикус», но на стук Бомбикса никто не ответил. Тогда он решил обойти замок кругом и в окне увидел нагого лысого мужчину, стоящего над трупом золотого юноши, чье тело было изувечено бесчисленными ранами, струившими тот же ослепительный свет, что и соски Бомбикса. Возбужденный пенис Фаллуса истекал гноем.

– Привет!

Страйк вздрогнул и оторвался от рукописи. Перед ним стояла Робин, в своем неизменном тренче, раскрасневшаяся, с длинными золотисто-рыжеватыми волосами, тронутыми падающим из окна утренним светом. В этот миг Страйку даже подумалось, что она чудо как хороша.

– Что так рано? – наобум спросил он.

– Спешила узнать новости.

Она сняла пальто, и Страйк отвел глаза, мысленно проклиная себя за идиотизм. Разумеется, она выглядела неплохо, да к тому же появилась неожиданно, когда перед ним маячил образ нагого лысого мужчины с торчащим воспаленным пенисом…

– Еще чаю заварить?

– Да, будь добра, – ответил Страйк, не поднимая взгляда от рукописи. – Через пять минут. Хочу покончить с этим… – И он вернулся в причудливый мир Бомбикса Мори, словно вновь нырнул в отравленную реку.

Пока Бомбикс глазел через окно замка, ошеломленный кошмарным зрелищем Фаллуса Импудикуса и мертвого тела, его окружили стражники в капюшонах, грубо скрутили, поволокли в замок и, поставив перед Фаллусом Импудикусом, раздели догола. К этому времени Бомбикс, чей живот успел вырасти до невероятных размеров, уже готов был разродиться. Фаллус Импудикус отдавал грозные приказы страже, и Бомбикс по наивности решил, что ему готовят торжественный прием.

К шестерке опознанных Страйком персонажей – Суккубе, Пиявке, Резчику, Гарпии, Фанфарону, Импудикусу – теперь добавилась Эписин. Всемером они уселись за большой стол, на котором стояли необъятный сосуд с дымящимся содержимым и пустое блюдо размером с человеческий рост. Войдя в обеденный зал, Бомбикс

отметил, что для него нет кресла. Гости, разжившиеся веревками, повскакали с мест, набросились на Бомбикса и связали по рукам и ногам. Вслед за тем его водрузили на блюдо и взрезали. В животе у него обнаружился шар небывалого света, который Фаллус Импудикус вырвал собственными руками и запер в ларец.

В сосуде оказался купорос, и гости начали с энтузиазмом поливать еще живого, орущего Бомбикса. Когда тот в конце концов умолк, они отведали его на вкус. Роман заканчивался тем, что едоки гуськом выходят из замка и беззастенчиво делятся впечатлениями от Бомбикса Мори, оставив позади пустой зал, дымящийся труп и запертый ларец света, подвешенный к потолку наподобие фонаря.

– Что за чертовщина? – пробормотал Страйк и поднял глаза.

Он даже не заметил, как Робин поставила перед ним свежезаваренный чай. Сама она примостилась на диване и терпеливо ждала, когда он закончит чтение.

– Здесь все описано, – выдавил Страйк. – Все, что случилось с Куайном. Один к одному.

– Ты о чем?

– Герой книги Куайна погибает точно так же, как сам Куайн. Связанный, выпотрошенный, облитый кислотой. В книге его пожирают знакомые.

Робин замерла, глядя на босса:

– Тарелки. Столовые приборы…

– Вот-вот, – кивнул Страйк.

Не подумав, он достал из кармана мобильный, вывел на дисплей сделанные на месте преступления снимки и только теперь заметил, что лицо Робин исказилось от ужаса.

– Не надо, – сказал он, – прости, я забыл, что ты не…

– Дай сюда, – потребовала она.

Что именно он забыл? Что она не имеет ни подготовки, ни опыта, что никогда не работала в полиции, не служила в армии? Ею вдруг овладело желание соответствовать этой минутной забывчивости. Подтянуться, превзойти себя.

– Нет, я хочу посмотреть, – солгала Робин.

С дурными предчувствиями Страйк передал ей телефон. Робин не дрогнула, но при виде черной полости в груди трупа у нее самой от страха сжались все внутренности. Поднеся к губам кружку, она

поняла, что чай пойдет не впрок. Страшнее всего оказалось снятое крупным планом лицо, разъеденное вылитой на него жидкостью. Почерневшее, с этой выжженной глазницей… Столовые приборы выглядели как надругательство. Страйк увеличил один снимок: все предметы были разложены безупречно.

– Господи, – ошалело выговорила Робин, возвращая Страйку телефон.

– А теперь прочти вот это. – Страйк выбрал для нее несколько страниц.

Робин читала молча. Дойдя до конца, она подняла на Страйка глаза, увеличившиеся вдвое.

– Боже, – только и сказала она.

У нее зазвонил мобильный. Достав его из сумки, она проверила номер. Звонил Мэтью. Не простив ему вечерней сцены, Робин нажала на сброс.

– Как по-твоему, – обратилась она к Страйку, – сколько народу прочло эту книгу?

– Сейчас, по всей вероятности, уже много. Избранные места Фишер отправлял по электронной почте всем кому не лень; а на фоне адвокатских запретов эти куски и вовсе пошли нарасхват.

Тут Страйку пришла в голову странная, непрошеная мысль: Куайн при всем желании не смог бы придумать лучшей рекламы… но человеку, связанному по рукам и ногам, было бы затруднительно облиться кислотой и выпотрошить себе живот…

– Рукопись хранится в издательстве «Роупер Чард», где половине сотрудников известен код сейфа, – продолжил он. – Таким путем я ее и раздобыл.

– А тебе не кажется, что убийца – это один из…

У Робин снова трезвонил мобильный. Она посмотрела: опять Мэтью. И вновь сбросила звонок.

– Не обязательно, – ответил Страйк на ее прерванный вопрос. – Но все, кого Куайн вывел в книге, непременно попадут в поле зрения полиции. Среди тех, кого я сумел распознать, – Леонора, которая утверждает, что не читала, равно как и Кэтрин Кент…

– И ты им веришь? – спросила Робин.

– Леоноре верю. Насчет Кэтрин Кент сомневаюсь. Вспомни ту цитату: «Мне было бы отрадно видеть, как тебя пытают».

– Невозможно представить, что это сделала женщина, – быстро ответила Робин, косясь на мобильный Страйка, лежащий между ними на столе.

– А ты не слышала, как в Австралии одна дама освежевала своего любовника, обезглавила, сварила голову и ягодицы, а затем попыталась скормить это варево его детям?

– Выдумки.

– Ничего подобного. Посмотри в Сети. Если женщину довести до ручки, то мало не покажется, – сказал Страйк.

– Но он был таким здоровенным…

– А что, если он доверял этой женщине? И встречался с ней ради секса?

– Кто из тех, кого мы знаем, наверняка читал эту вещь?

– Кристиан Фишер, это раз; помощник Элизабет Тассел, Раф, это два; затем сама Тассел, Джерри Уолдегрейв, Дэниел Чард – все они, кроме Рафа и Фишера, выведены в романе. Нина Ласселс…

– Кто такие Уолдегрейв и Чард? Кто такая Нина Ласселс?

– Редактор Куайна, директор издательства и девушка, которая помогла мне раздобыть вот это. – Страйк похлопал ладонью по стопке листов.

Мобильный Робин зазвонил в третий раз.

– Прости, – отвлеклась она и раздраженно сказала в трубку: – Да?

– Робин…

Голос Мэтью звучал как-то сдавленно. Он никогда не давал воли слезам и никогда прежде не раскаивался после ссоры.

– Да? – Она немного смягчилась.

– У мамы случился второй инсульт. Она… она…

У Робин что-то оборвалось внутри.

– Мэтт?

Он плакал.

– Мэтт? – настойчиво повторила Робин.

– Она умерла, – совсем по-детски выдавил Мэтью.

– Я сейчас приеду, – сказала Робин. – Где ты находишься? Я уже еду.

Страйк наблюдал за выражением ее лица. Он увидел предвестие смерти и понадеялся, что беда обошла стороной тех, кого Робин любит: ее родителей, братьев…

– Поняла, – говорила Робин. – Оставайся там. Я еду.

– У Мэтью, – сообщила она Страйку, – мама умерла.

Это не укладывалось у нее в голове.

– Только вчера вечером они разговаривали по телефону, – сказала Робин. Вспоминая, как Мэтт закатывал глаза, как он сейчас плакал в трубку, она преисполнилась нежностью и сочувствием. – Извини, пожалуйста, но…

– Поезжай, – сказал Страйк. – Передай ему мои соболезнования, хорошо?

– Конечно, – ответила Робин; от волнения ей было никак не застегнуть сумку. С миссис Канлифф она познакомилась еще девчонкой-школьницей.

Перебросив через руку пальто, Робин исчезла за сверкнувшей стеклянной дверью.

Страйк проводил ее взглядом. Затем посмотрел на часы. Еще не было и девяти. До прихода почти разведенной брюнетки, чьи изумруды лежали у него в сейфе, оставалось более получаса.

Он ополоснул кружки, потом достал выкупленное ожерелье, положил на его место рукопись «Бомбикса Мори», поставил чайник и проверил электронную почту.

Сейчас им будет не до свадьбы.

Впрочем, Страйк не хотел этому радоваться. Взяв мобильный, он позвонил Энстису; тот ответил почти мгновенно:

– Ты, Боб?

– Энстис, не знаю, известно тебе или нет, но на всякий случай. Убийство Куайна описано в его последнем романе.

– Как это?

Страйк объяснил. Пауза, которая наступила после окончания рассказа, свидетельствовала, что Энстис пока не владеет этой информацией.

– Боб, мне позарез нужна его рукопись. Если я прямо сейчас кого-нибудь пришлю…

– Через сорок пять минут, – сказал Страйк.

Когда явилась брюнетка, он все еще стоял у ксерокса.

– А где же секретарша? – первым делом спросила она, кокетливо изображая удивление, как будто полагала, что Страйк нарочно подстроил встречу наедине.

– Разболелась. Понос, рвота, – сурово сказал Страйк. – Что ж, к делу?

20

Подруга ли Совесть старому Солдату?
Фрэнсис Бомонт, Джон Флетчер.
Предатель

Вечером Страйк сидел в одиночестве за письменным столом; на улице сквозь дождь проносились автомобили. В одной руке он держал вилку, которой ел сингапурскую лапшу, в другой – ручку, которой набрасывал план. Покончив с текущими делами, Страйк полностью переключился на убийство Оуэна Куайна и своим угловатым, неразборчивым почерком записывал первоочередные задачи. Рядом с некоторыми пунктами он ставил пометку «Э» (Энстис); если Страйку и приходило в голову, что не обладающий никакими полномочиями частный детектив, который вздумал давать поручения офицеру полиции, ведущему то же самое дело, выглядит по меньшей мере наглецом или прожектером, это его ничуть не волновало.

За время их совместной службы в Афганистане Страйк не заметил у Энстиса каких-либо выдающихся способностей. У парня была выучка, но без смекалки: он исправно раскладывал по полочкам шаблонные ситуации, планомерно отрабатывал очевидные версии. Страйк ничего не имел против таких методов: очевидное, как правило, наводило на искомый ответ, а галочки, проставленные в соответствующих графах, обеспечивали доказательность… Но это убийство, подсказанное беллетристикой и совершенное с особой жестокостью, выглядело изощренным, необъяснимым, циничным и в то же время карикатурным. Сумеет ли Энстис постичь тот ум, который просчитал все стадии убийства, созревшего на гнилостной почве воображения самого Куайна?

Тишину прорезала трель мобильного. Страйк услышал в трубке голос Леоноры Куайн и только тогда понял, что надеялся на звонок от Робин.

– Как у вас дела? – спросил он.

– Полицейские нагрянули, – ответила Леонора, не отвлекаясь на обмен любезностями. – В кабинете Оуэна перевернули все вверх дном. Будь моя воля, я б их на порог не пустила, да Эдна говорит: так, мол, нельзя. Когда же нас оставят в покое? Мы и так натерпелись.

– У них есть основания для обыска: в кабинете могут обнаружиться улики, которые наведут их на след убийцы, – растолковал ей Страйк.

– Какие, например?

– Точно не знаю, – терпеливо ответил Страйк, – но Эдна, я считаю, права. Лучше им не препятствовать.

За этим последовало молчание.

– Вы меня слышите? – спросил Страйк.

– Ну, – подтвердила она. – Час от часу не легче: на дверь свой замок навесили, мне теперь туда вообще не попасть. А одна тут и вовсе обнаглела, – возмущалась Леонора, – вам бы, говорит, съехать отсюда на некоторое время. Я ей и говорю: Орландо, мол, этого не вынесет, она никогда в других местах не жила. Так что не дождетесь.

– Полицейские не сказали, что собираются вас допросить?

– Нет, – ответила она. – Только потребовали в кабинет их впустить.

– Это хорошо. Если вам начнут задавать вопросы…

– Знаю, знаю: только в присутствии адвоката. Мне Эдна подсказала.

– Удобно будет, если я завтра прямо с утра к вам зайду? – спросил Страйк.

– Конечно. – Она, похоже, обрадовалась. – Заходите часиков в десять, мне до вас нужно будет в магазин сбегать. Я сегодня весь день к дому была привязана. Не хотела при них выходить.

Страйк повесил трубку и опять подумал, что такая манера поведения вряд ли сможет расположить полицию к Леоноре. Заметит ли Энстис, как заметил это Страйк, что некоторая туповатость Леоноры, неумение вести себя сообразно обстоятельствам, упрямое нежелание считаться с грубыми фактами – по-видимому, именно те качества, которые позволяли ей приспосабливаться к невыносимой жизни с Куайном, – делают ее маловероятной кандидатурой на роль убийцы? Или же наоборот: ее странности, отсутствие у нее нормальной реакции на смерть близкого человека только усилят те

подозрения, которые уже зреют в тривиальном уме Энстиса, заслоняя собой все другие версии?

Энергично, почти лихорадочно Страйк возобновил свои записи, не забывая при этом отправлять в рот лапшу. Мысли текли бегло, связно: вопросы, которые необходимо задать; места, к которым следует присмотреться; маршруты, которыми надо пройти. Это был план его собственных действий и одновременно способ подтолкнуть Энстиса в нужном направлении, показать ему, что убийство мужа далеко не всегда совершается женой, даже если муж – вздорный, ненадежный и распутный.

В конце концов Страйк отложил ручку, в два присеста доел лапшу и навел порядок на столе. Все записи убрал в картонную папку с именем Оуэна Куайна, предварительно зачеркнув на корешке слово «Розыск» и заменив его на «Убийство». Выключил свет и уже собирался запереть стеклянную дверь, когда что-то заставило его вернуться и сесть за компьютер Робин.

Вот оно, на сайте Би-би-си. Разумеется, не в первых строках, поскольку Куайн, как бы высоко он себя ни ставил, все же не был мировой знаменитостью. На четвертом месте от главной новости дня – постановления Евросоюза об антикризисных мерах в отношении Ирландской республики.

Вчера в доме на лондонской Тэлгарт-роуд найден труп мужчины, предварительно идентифицированного как писатель Оуэн Куайн, 58 лет. Тело обнаружил друг семьи. Ведется следствие по делу об убийстве.

К заметке даже не прилагалось фото Куайна в тирольском плаще; подробности зверских истязаний также отсутствовали. Но волна еще не пошла – это было только начало.

У себя в квартире под самой крышей Страйк почувствовал, что совсем выдохся. Он сел на кровать и устало потер глаза, потом рухнул на спину и остался лежать, не раздеваясь и не снимая протеза. Его угнетали мысли, которые он гнал от себя весь день… Почему он умолчал, что Страйк исчез почти две недели назад? Почему сразу не заподозрил убийство? Когда его допрашивала следователь Ролинз,

ответы были у него наготове, вполне разумные, убедительные ответы, но убедить самого себя оказалось куда труднее.

Ему не требовалось повторно просматривать сделанные на телефон снимки тела. Связанный гниющий труп стоял у него перед глазами. Какой же изворотливый, злобный, извращенный ум смог реализовать уродливые литературные фантазии Куайна? Что это должен быть за человек, если он способен вспороть свою жертву ножом, облить кислотой, а потом вырезать внутренности и после этого расставить тарелки вокруг выпотрошенного тела?

Страйк не мог отделаться от гнетущего чувства вины за то, что он, опытный стервятник, не учуял кровь издали, как был обучен. Почему же он, некогда славившийся своей интуицией в отношении всего необычного, опасного, подозрительного, не осознал, что Куайн, шумливый, хвастливый позер, слишком долго отсутствовал и непривычно молчал?

«Да потому, что этот прохиндей вечно поднимал ложную тревогу… и еще потому, что я был, да весь вышел».

Он перекатился на бок, тяжело встал с кровати и направился в ванную. Из головы не шел этот труп: зияющая дыра в груди, выжженные глазницы. Пока вопли Куайна, вероятно, еще отдавались эхом под высокими сводами, убийца хлопотал вокруг этой жуткой, кровоточащей плоти, методично выравнивая ножи и вилки… вот, кстати, еще один вопрос для списка: не слышал ли кто-нибудь из соседей, что происходило в доме перед смертью Куайна?

Страйк в конце концов лег спать, накрыл глаза толстой волосатой рукой и прислушался к собственным мыслям, которые дергали его со всех сторон, как суетливые близнецы-трудоголики. У криминалистов было больше суток, чтобы высказать определенные предположения, хотя результаты лабораторных исследований еще не поступили. Надо бы позвонить Энстису, выяснить, что там слышно…

«Хватит, – приказал он своему усталому, но не в меру активному рассудку. – Хватит».

И тем же усилием воли, какое позволяло ему в армии мгновенно засыпать на голом бетонном полу, на каменистой земле, на комковатой походной койке, жалобно скрипевшей под его весом, плавно скользнул в сон, как боевой корабль в темный фарватер.

21

Так он, выходит, мертв?
Неужто наконец совсем, навеки мертв?
Уильям Конгрив.
Невеста в трауре

Следующим утром, без четверти девять, Страйк медленно спускался по металлической лестнице, в который раз спрашивая себя, почему он до сих пор не сделал заявку на ремонт лифта, пусть даже тесного, как птичья клетка. Распухшее колено до сих пор болело после вчерашнего падения, поэтому он отвел себе час, чтобы добраться до Лэдброк-Гроув: каждый раз брать такси выходило слишком накладно.

На тротуаре порыв ледяного ветра полоснул его по щекам – и тут же перед глазами побелело: в считаных дюймах от его лица заполыхали вспышки фотокамеры. Он моргнул и загородился ладонью: на морозе приплясывали трое.

– Мистер Страйк, почему вы сразу не заявили в полицию об исчезновении Оуэна Куайна?

– У вас были сведения, что его нет в живых, мистер Страйк?

Ему на мгновение захотелось отпрянуть назад и захлопнуть дверь, но это означало бы только одно: что его загнали в ловушку и теперь не оставят в покое.

– Без комментариев, – холодно бросил он и, не меняя курса, двинулся вперед.

Репортеры волей-неволей расступились; двое продолжали сыпать вопросами, а один бежал спиной вперед и делал снимок за снимком. Из витрины гитарного магазина за этой сценой, разинув рот, наблюдала девушка-продавщица, частенько выходившая покурить вместе со Страйком.

– Почему вы никому не сказали, что он пропал две недели назад, мистер Страйк?

– Почему вы не уведомили полицейских?

Засунув руки в карманы, Страйк с каменным лицом шагал дальше. Репортеры не оставляли надежды добиться своего и вились рядом, как пара остроклювых бакланов, пикирующих на траулер.

– Опять хотите утереть им нос, мистер Страйк?

– Решили опередить правоохранительные органы?

– Неплохая реклама для вашего бизнеса, верно, мистер Страйк?

В армии Страйк занимался боксом. Сейчас он представил, как развернется и боковым ударом слева в ребра нокаутирует этого червяка…

– Такси! – прокричал Страйк.

Когда он садился в машину, вспышки слепили его раз за разом; к счастью, на светофоре загорелся зеленый, такси мягко отъехало от тротуара, и преследователи вскоре отстали.

Сволочи, думал Страйк, глядя через плечо, пока машина не свернула за угол. Наверняка какой-то ублюдок из Центрального управления выболтал, кто нашел тело. Вряд ли Энстис – тот даже для официального заявления дал минимум информации; должно быть, это сделал в отместку какой-то недоумок, проколовшийся в свое время на убийстве Лулы Лэндри.

– Да вы, как я погляжу, знаменитость? – предположил таксист, изучая своего пассажира в зеркале заднего вида.

– Нет, – отрезал Страйк. – Высадите меня на Оксфорд-Серкус.

Огорченный столь невыгодным заказом, таксист пробормотал что-то себе под нос.

Страйк достал мобильный и снова отправил сообщение Робин:

У подъезда репортеры. Говори, что работаешь на Крауди.

Вслед за тем он позвонил Энстису.

– Ты, Боб?

– Меня у дверей атаковали журналюги. Они знают, что это я нашел труп.

– Откуда?

– Ты у меня спрашиваешь?

Пауза.

– Все равно это бы рано или поздно всплыло, Боб, но я никому информацию не сливал.

– Да, я видел: «друг семьи». По их мнению, я утаиваю факты от полиции, чтобы потом не делиться славой.

– Дружище, я тебя никогда не…

– Если не сложно, Рич, дай опровержение в каких-нибудь официальных источниках. А то я потом не отмоюсь – на что я тогда жить буду?

– Сделаю, – пообещал Энстис. – Кстати, заходи сегодня к нам на ужин, а? У криминалистов появились кое-какие соображения, заодно и обсудим.

– Отлично, – сказал Страйк; такси уже подъезжало к Оксфорд-Серкус. – В котором часу?

В метро он ехал стоя, чтобы лишний раз не сгибать и не разгибать больную ногу. На подъезде к станции «Ройял-Оук» у него задребезжал мобильный. Пришло два сообщения: первое – от его сестры Люси.

С днем рождения, Стик! Целую

Он и забыл, что у него сегодня день рождения.

Во втором сообщении говорилось:

Привет, Корморан, спасибо, что предупредил, журги еще тут. До встречи. Ц. Р.

Радуясь, что день выдался относительно сухим, Страйк добрался до дома Куайнов без нескольких минут десять. В слабом солнечном свете дом выглядел таким же запущенным и унылым, как и в прошлый раз, с одной только разницей: у входа дежурил полицейский. При виде слегка хромающего Страйка рослый молодой полисмен с задиристым подбородком нахмурил брови:

– Можно узнать, кто вы такой, сэр?

– Узнай, – сказал Страйк, проходя мимо него и нажимая на звонок. Хотя он и согласился на встречу с Энстисом, в данный момент ему было совершенно некстати общаться с полицией. – Думаю, на это у тебя способностей хватит.

Дверь открылась; на пороге стояла нескладная, долговязая, большеротая девица, с землистой кожей, копной вьющихся каштановых волос и безыскусным выражением лица. На Страйка смотрели большие, чистые, широко посаженные глаза бледно-зеленого цвета. Ее балахон – то ли длинный джемпер, то ли короткое платье – открывал острые коленки и пушистые розовые носки. Девушка прижимала к плоской груди плюшевого орангутанга. Благодаря липучкам обезьяньи лапы обнимали ее за шею.

– Здрасте, – сказала девушка. Она едва заметно раскачивалась из стороны в сторону, перенося вес тела с одной ноги на другую.

– Здравствуйте, – ответил Страйк. – Вы – Орлан…

– Скажите, пожалуйста, как вас зовут, сэр? – громко спросил полицейский.

– Ладно, скажу… если ты скажешь, зачем стоишь у этого дома, – с улыбкой парировал Страйк.

– Чтобы не допускать вторжения прессы в частную жизнь граждан, – отчеканил парнишка.

– Тут дядька приходил, – пояснила Орландо, – с фотиком, и мама сказала…

– Орландо! – раздалось из глубины дома. – Ты что там делаешь?

Громко топая, по коридору бежала Леонора, тщедушная, бледная, в старом темно-синем платье с вытянутым подолом.

– А, – успокоилась она, – это вы. Заходите.

Переступая через порог, Страйк еще раз улыбнулся полисмену, однако встретил только гневный взгляд.

– Тебя как зовут? – спросила Орландо, когда за ними захлопнулась входная дверь.

– Корморан, – ответил он.

– Интересно.

– Пожалуй, – сказал Страйк и зачем-то добавил: – Меня так назвали в честь одного великана.

– Интересно, – раскачиваясь, повторила Орландо.

– Проходите вон туда. – Леонора без лишних церемоний направила Страйка в кухню. – Мне в туалет нужно. Я сейчас.

Страйк пошел дальше по узкому коридору. Дверь в кабинет была закрыта и, как он подозревал, все еще заперта.

К своему удивлению, в кухне Страйк застал еще одного посетителя. За кухонным столом, сжимая в руках букетик темно-лиловых и голубых цветов, сидел бледный, встревоженный Джерри Уолдегрейв, редактор из «Роупер Чард». Второй букет, еще в целлофановой обертке, торчал из раковины с грязной посудой. По бокам от мойки стояли неразобранные пакеты из супермаркета.

– Доброе утро, – сказал Уолдегрейв, неловко вставая со стула и щурясь сквозь очки в роговой оправе. По всей видимости, он не запомнил сыщика после той первой встречи в вечернем саду на крыше и сейчас шагнул ему навстречу для приветствия. – Вы – родственник?

– Друг семьи, – ответил Страйк, пожимая ему руку.

– Страшная трагедия, – выговорил Уолдегрейв. – Вот, заехал помощь предложить. А она из туалета не выходит.

– Понятно, – сказал Страйк.

Уолдегрейв вернулся к столу. В кухню боком, как краб, проскользнула Орландо, прижимая к груди орангутанга. Ожидание затягивалось; Орландо, ничуть не смущаясь, разглядывала в упор обоих мужчин.

– У тебя волосы красивые, – объявила она Джерри Уолдегрейву. – Целая охапка.

– Наверное, – улыбнулся ей Уолдегрейв, и она ушла.

Повисла еще одна затяжная пауза; Уолдегрейв теребил цветы и стрелял глазами по кухне.

– Прямо не верится, – в конце концов произнес он.

В туалете наверху спустили воду. Протопав по лестнице, в кухню вошла Леонора, а за ней, как привязанная, Орландо.

– Извиняюсь, – обратилась Леонора к обоим посетителям. – У меня небольшое расстройство.

Очевидно, имелось в виду несварение желудка.

– Леонора, – отчаянно смущаясь, начал Джерри Уолдегрейв и поднялся со своего места, – не хочу вам мешать, коль скоро пришел ваш друг…

– Он? Какой же он друг, это сыщик, – брякнула Леонора.

– Простите?

Страйк вспомнил, что Уолдегрейв туговат на одно ухо.

– Его назвали в честь великана, – встряла Орландо.

– Сыщик, говорю! – перекрикивая дочку, повторила Леонора.

– Вот как! – Уолдегрейв был поражен. – Я не… но зачем же…

– Так надо, – коротко ответила Леонора. – Полиция считает, что это я Оуэна угробила.

Все смолкли. Неловкость Уолдегрейва ощущалась почти физически.

– А у меня папа умер, – проговорила в никуда Орландо.

Она не прятала глаза и жадно искала отклика. Страйк почувствовал, что нужно хоть как-то отреагировать, и сказал:

– Я знаю. Это очень грустно.

– Эдна тоже говорит, что грустно. – Орландо будто бы хотела чего-то более оригинального, но не дождалась и опять выскользнула в коридор.

– Да вы присаживайтесь, – обратилась к мужчинам Леонора. – Это мне? – Она указала пальцем на букет Уолдегрейва.

– Разумеется, – подтвердил он и, немного поерзав, протянул ей цветы, но садиться не стал. – Послушайте, Леонора, не хочу быть назойливым, у вас, вероятно, масса дел… с организацией…

– Мне еще тело не отдали, – с обезоруживающей честностью призналась Леонора, – так что организовывать покамест нечего.

– Да, возьмите вот эту открытку. – Он удрученно шарил в карманах. – Держите, Леонора… если потребуется какая-нибудь помощь… какая угодно…

– Чего уж теперь, – скупо ответила Леонора, принимая протянутый конверт и садясь за стол, к которому Страйк тоже пододвинул для себя стул, чтобы не напрягать ногу.

– Ну что ж, тогда я вас покидаю, – сказал Уолдегрейв. – Извините, Леонора, мне очень неловко в такой ситуации приставать к вам с вопросами, но… нет ли у вас дома экземпляра «Бомбикса Мори»?

– Нету, – ответила она. – Оуэн с собой забрал.

– К сожалению, это может обернуться против нас… нельзя ли мне посмотреть… быть может, отдельные главы все же остались?

Леонора уставилась на него сквозь большие старомодные очки.

– Что после него осталось – все полиция забрала, – ответила она. – Вчера весь кабинет перелопатили. А потом замок навесили и ключ унесли – мне теперь и самой туда не попасть.

– Что ж, если полицейские так решили… Нет-нет, – сказал Уолдегрейв, – я все понимаю. Не надо, не провожайте, я за собой

закрою.

Он прошагал по коридору, и они услышали, как хлопнула входная дверь.

– И чего приходил? – насупилась Леонора. – Не иначе как отметиться, что доброе дело сделал.

Она извлекла из конверта открытку. На лицевой стороне красовались акварельные фиалки. Внутри были многочисленные подписи сотрудников.

– Прогибаются теперь, чуют, что виноваты, – сказала Леонора, бросая открытку на пластмассовую столешницу.

– Виноваты?

– Они его не ценили. Книги нужно рекламировать, – в несвойственной ей манере продолжила она. – Книги продвигать нужно. Об этом издатели должны позаботиться. А они даже интервью на телевидении не могли для него устроить, да вообще ничего, что в таких случаях полагается.

Страйк догадался, что она поет с голоса мужа.

– Леонора, – он достал из кармана блокнот, – вы не возражаете, если я задам вам пару вопросов?

– Ну, задавайте. Только я ничего не знаю.

– После того как Оуэн пятого числа ушел из дому, вы получали какие-нибудь известия от людей, которые с ним встречались или беседовали?

Она помотала головой.

– Ни от знакомых, ни от родственников?

– Ни от кого, – сказала она. – Чаю выпьете?

– С удовольствием, – ответил Страйк, не представляя, как можно есть и пить в такой грязи, но ему требовалось разговорить Леонору. – Насколько близко вы знали сотрудников издательства, где печатался Оуэн? – спросил он, пока хозяйка с шумом наполняла из-под крана чайник.

Она пожала плечами:

– Да кого я там знала? Видела раз этого Джерри, когда Оуэн автографы раздавал.

– Значит, в «Роупер Чард» вы ни с кем не сдружились?

– Нет. А с какой стати? К ним Оуэн ходил, а не я.

– И «Бомбикса Мори» не читали? – как бы между прочим уточнил Страйк.

– Я ведь уже говорила. Я не читаю книжки, покуда они не изданы. И что ко мне все пристают с одним и тем же? – Леонора подняла голову от пластикового пакета, в котором пыталась раскопать печенье. – А с телом-то что случилось? – внезапно спросила она. – Как Оуэн помер? От меня скрывают. Зубную щетку его забрали, чтобы пробу на ДНК сделать для опознания. И почему меня не пускают на мужа посмотреть?

Подобные вопросы Страйку не раз доводилось слышать от вдов, от безутешных родителей. Как всегда, он отделался полуправдой.

– Тело долго пролежало в помещении, – сказал он.

– Что значит «долго»?

– Еще точно не установлено.

– А что с ним случилось-то?

– Думаю, пока что и об этом нельзя судить наверняка.

– Но должны же они…

Леонора осеклась, потому что в кухню вернулась Орландо – уже без орангутанга, но с ворохом ярких рисунков.

– А Джерри где?

– На работу пошел, – ответила Леонора.

– Волосы у него красивые. А у тебя – некрасивые, – сообщила она Страйку. – Голова вся курчавая.

– Я и сам не рад, – подыграл ей Страйк.

– Некогда ему сейчас картинки рассматривать, Додо, – раздраженно одернула ее мать, но Орландо как ни в чем не бывало разложила листки на столе.

– Это я сама нарисовала.

В этих каракулях можно было различить цветы, рыбок и птиц. На оборотной стороне одного листка просвечивало детское меню.

– Очень красиво, – похвалил Страйк. – Леонора, как вы считаете, полицейские во время обыска в кабинете нашли хоть что-нибудь, имеющее отношение к «Бомбиксу Мори»?

– Нашли, – сказала она, опуская чайные пакетики в кружки со сколами по краям. – Две старые ленты от пишущей машинки – за стол завалились. А эти из кабинета выходят и спрашивают: где, мол, остальное, а я им говорю: он, уходя, все с собой забрал.

– Мне нравится у папы в кабинете, – объявила Орландо. – Папа мне бумажку для рисования дает.

– В кабинете у него такая свалка, – посетовала Леонора, включая чайник. – Полицейские долго там копались.

– А еще тетя Лиз туда заходила, – сказала Орландо.

– Когда это? – Леонора, держа в руках две кружки, испепелила взглядом дочь.

– Когда ты в уборной сидела, – ответила Орландо. – Она тогда пришла – и к папе в кабинет. Я сама видала.

– Какое у ней право туда заходить? – вспылила Леонора. – Она в бумагах рылась?

– Нет, – сказала Орландо. – Зашла да вышла. На меня посмотрела, а сама плачет.

– То-то же, – с довольным видом протянула Леонора. – Она и при мне слезу пустила. У ней тоже рыльце в пушку.

– Когда она приходила? – обратился к Леоноре Страйк.

– В понедельник, с утра пораньше. Помощь предлагала. Это надо же! Уж как она ему помогла!

В кружке оказалась водянистая, мутно-молочная бурда, словно и не видавшая чайного пакетика; Страйк предпочитал заварку цвета дегтя. Сделав из вежливости видимость глотка, он вспомнил, как Элизабет Тассел высказала сожаление, что ее доберман не загрыз Куайна до смерти.

– У нее помада красивая, – сообщила Орландо.

– Послушать тебя – сегодня все у всех красивое, – туманно изрекла Леонора, усаживаясь за стол с кружкой жидкого чая. – Я, между прочим, у ней спросила, зачем она это сделала – зачем сказала Оуэну, что книгу его печатать нельзя. Он ведь расстроился.

– И что она вам ответила?

– Дескать, он в этой книжке вывел слишком много разных людей, – сказала Леонора. – Ну и что такого? Оуэн всегда так делает. – Она отпила чаю. – Даже меня много раз изображал.

Страйк вспомнил Суккубу – «отставную шлюху» – и поймал себя на том, что еще больше запрезирал Оуэна Куайна.

– Еще хотел спросить насчет Тэлгарт-роуд…

– Не знаю, за каким лешим его туда понесло, – без промедления ответила Леонора. – Он тот дом на дух не выносил. Хотел его продать,

да Фэнкорт уперся.

– Да, меня это тоже удивило.

Устроившись рядом с ним на стуле и достав откуда-то фломастеры, Орландо поджала под себя голую ногу и стала пририсовывать одной из рыб многоцветные плавники.

– Как получилось, что Майкл Фэнкорт столько лет блокировал все попытки продать дом?

– Завещание было составлено как-то хитро. Этот парнишка, Джо, поставил жесткие условия. Я точно не знаю. Вы поспрошайте Лиз, она в этом досконально разбирается.

– Вы, случайно, не знаете, когда Оуэн был там в последний раз?

– Давным-давно, – ответила она. – Точней не скажу. Много лет назад.

– Мне еще бумажку надо, – потребовала Орландо.

– Больше нету, – сказала Леонора. – Вся у папы в кабинете осталась. Ты на другой стороне рисуй.

Она схватила с захламленной рабочей поверхности какой-то рекламный листок и подтолкнула через стол к Орландо, но та отшвырнула его и ленивой походкой вышла. Почти сразу они услышали, как она ломится в кабинет.

– Орландо, не смей! – рявкнула Леонора, вскочила и бросилась в коридор.

Воспользовавшись ее отсутствием, Страйк развернулся к раковине и выплеснул туда бледную жижу, которая предательски повисла каплями на целлофановой обертке букета.

– Не смей, Додо! Нельзя. Нет. Нам же запретили, ступай отсюда!..

Пронзительный визг и громкий топот по лестнице возвестили, что Орландо побежала наверх. Раскрасневшаяся мать вернулась на кухню.

– Теперь мне целый день расплачиваться, – сказала она. – У ней истерика. После прихода полиции она сама не своя.

Леонора нервно подавила зевок.

– Вы сегодня спали? – спросил Страйк.

– Почти не спала. Все думала: кто? Кто мог с ним такое сделать? Он многим досадил, я понимаю, – рассеянно продолжала Леонора, – но что поделаешь, раз характер такой. Несдержанный. Как порох. Он всегда таким был, это же не со зла. Разве за это убивают? А ведь у Майкла Фэнкорта, как пить дать, до сих пор ключ имеется. –

Заламывая пальцы, она резко сменила тему. – Об этом я тоже ночью думала. Майкл Фэнкорт Оуэна терпеть не мог, но это старая история. Ведь Оуэн не делал того, в чем его Майкл обвинял. Ничего он такого не писал. Да только Майкл Фэнкорт на убийство не пойдет. – Она подняла на Страйка взгляд, безыскусный, как у дочери. – Он богатый, правда же? Знаменитый… Нет, он на такое не пойдет.

Страйк много раз поражался, как публика удивительным образом идеализирует знаменитостей, даже тех, кого унижают, высмеивают или травят газеты. Тот, кто успел прославиться, может быть осужден за изнасилование или убийство, а в народе все равно будет жить твердое, почти языческое в своей непоколебимости убеждение: это не он. *Он* не мог. Он же *знаменитость*.

– А Чард, подлец такой, – взорвалась Леонора, – письма с угрозами Оуэну слал! Оуэн его никогда не жаловал. А тут, нате вам, открыточку подписал: «если что-нибудь понадобится…». Где она, кстати?

Открытки с фиалками на столе не оказалось.

– Стащила! – Леонора вспыхнула от возмущения. – Как пить дать она стащила. – И так оглушительно, что Страйк даже вздрогнул, закричала в потолок: – ДОДО!

Это был безотчетный гнев человека, вступившего в первую фазу скорби. И расстройство желудка, и этот всплеск обнажили страдание под маской недовольства.

– ДОДО! – повторно выкрикнула Леонора. – Кому было сказано: нельзя чужое брать!..

Орландо в обнимку с орангутангом появилась на удивление быстро. Должно быть, она давно спустилась – неслышно, как кошка.

– Ты мою открытку взяла! – стала в сердцах выговаривать ей Леонора. – Кому было сказано: нельзя брать чужое! Где она?

– Цветочки красивые, – захныкала Орландо, доставая глянцевую, но уже измятую открытку, которую тут же выхватила у нее мать.

– Это мое, – сказала она дочери. – Вот, полюбуйтесь, – обратилась она к Страйку и указала на самую длинную запись, сделанную безупречным каллиграфическим почерком: «Если что-нибудь понадобится, непременно дайте мне знать. Дэниел Чард». – Вот ханжа!

– Данилчар плохой, – вставила Орландо. – Мне папа сказал.

– Вот и я говорю, притворщик, – подтвердила Леонора, изучая остальные подписи.

– Зато он мне кисточку для красок подарил, – похвалилась Орландо, – когда меня стиснул.

Наступила короткая, взрывоопасная пауза. Леонора подняла глаза на дочку. Страйк застыл с кружкой в руке.

– Что?

– Я не люблю, когда меня тискают.

– Ты о чем? Кто тебя тискал?

– У папы на работе.

– Не болтай глупостей! – одернула мать.

– Когда папа взял меня с собой на работу, я там стала смотреть…

– Он ее месяц назад или около того с собой брал, потому как мне к врачу надо было, – разволновалась Леонора. – Не знаю, что она мелет.

– …стала смотреть картинки для книжек, разноцветные, – продолжила Орландо, – и Данилчар меня стиснул, честно…

– Ты даже не знаешь, как он выглядит, этот Дэниел Чард! – взвилась Леонора.

– У него совсем волос нету, – сказала Орландо. – Сперва папа меня привел к одной тете, и я ей подарила самый лучший рисунок. У нее волосы красивые были.

– Какая еще тетя? О чем ты?..

– А потом Данилчар меня стиснул, – повысила голос Орландо, – Он меня стиснул, а я закричала, и тогда он мне кисточку подарил.

– Ну что ты выдумываешь? – упрекнула Леонора, и ее напряженный голос дрогнул. – У нас и без того… Не глупи, Орландо.

Орландо вспыхнула. Уничтожив мать взглядом, она выбежала из кухни. В этот раз она с силой хлопнула дверью, но дверь тут же распахнулась сама собой. Страйк услышал шаги по лестнице. На полпути Орландо стала выкрикивать что-то нечленораздельное.

– Разобиделась, – глухо выговорила Леонора, и ее блеклые глаза наполнились слезами.

Страйк протянул руку, оторвал лоскут неопрятного бумажного полотенца и вложил в руку Леоноры. Она беззвучно плакала, ее худые плечи вздрагивали, а Страйк молча допивал последние капли отвратительной чайной бурды.

– Мы с Оуэном в пабе познакомились, – ни с того ни с сего забормотала Леонора, сдвигая на лоб очки, чтобы промокнуть заплаканное лицо. – Он на фестиваль приехал. В Хэй-он-Уай[{16}]. А я

даже имени его не знала, но сразу поняла, что он важная птица: как одет был, как разговаривал.

В ее усталых глазах на миг засветилось благоговение, погашенное годами равнодушия и бед, несчастливой жизни с сумасбродным, заносчивым мужем в этом обшарпанном домишке, годами безденежья и неустанных забот о дочери. Видимо, ее благоговение вспыхнуло с новой силой оттого, что герой ее романа, как и все настоящие герои, погиб; видимо, оно обещало отныне гореть всегда, как вечный огонь; видимо, Леоноре суждено было забыть все плохое и лелеять милый ее сердцу образ мужа… до тех пор, пока она не прочтет его последнюю рукопись и гнусное описание самой себя…

– Леонора, должен спросить кое-что еще, – мягко сказал Страйк, – напоследок. Скажите, на прошлой неделе у вас в прорези для почты больше не было собачьих экскрементов?

– На прошлой неделе? – хрипло переспросила она, вытирая глаза. – Были, были. Вроде в четверг. Или в среду? Ну, не важно. Один раз.

– А женщина, которая, как вам показалось, за вами следила, больше не появлялась?

Леонора отрицательно покачала головой и высморкалась.

– Не знаю, может, померещилось тогда…

– Как у вас сейчас с деньгами?

– Да ничего. – Женщина промокнула слезы. – Оуэн застраховался на случай смерти. Это я его уговорила, ради Орландо. Перебьемся как-нибудь. Эдна, если что, мне взаймы даст, пока страховку не выплатят.

– Теперь я могу идти. – Страйк поднялся со стула.

Всхлипывая, она засеменила следом по закопченному коридору. Не успел Страйк затворить за собой входную дверь, как из прихожей донесся крик Леоноры:

– Додо! Спускайся, Додо, я не нарочно!

Молодой полицейский плечом преградил Страйку путь.

– Я знаю, кто вы такой, – гневно произнес он, сжимая в руке мобильный телефон. – Вы – Корморан Страйк.

– Ишь какой догадливый, – отозвался Страйк. – Посторонись, голубчик, у людей работы по горло.

22

…что это за негодяй и изверг рода человеческого?

Бен Джонсон.

Эписин, или Молчаливая женщина[13]

Забыв, как тяжело вставать при боли в колене, Страйк занял угловое место в вагоне метро и позвонил Робин.

– Привет, – сказал он. – Журналюги убрались?

– Нет, все еще караулят у подъезда. Тебя пропечатали в новостях, ты в курсе?

– Да, видел на сайте Би-би-си. Я позвонил Энстису и попросил не раздувать мою роль. Он проникся?

В трубке послышался стук ее пальцев по клавиатуре.

– Вот тут его цитируют: «Следователь Ричард Энстис подтвердил, что тело нашел частный детектив Корморан Страйк, о котором в начале года…

– Это можешь пропустить.

– «Мистера Страйка привлекли к розыску члены семьи писателя, который неоднократно уходил из дома, не ставя в известность своих близких. Мистер Страйк не входит в число подозреваемых; следственные органы приняли к сведению его отчет об обнаружении тела».

– Молодчина Дикки, – сказал Страйк. – Сегодня утром еще считалось, что я скрываю трупы ради будущей раскрутки. Ума не приложу, чем вызвано такое внимание прессы к исписавшемуся беллетристу пятидесяти восьми лет. Непохоже, чтобы кто-то докопался до мрачных подробностей.

– Куайн никому не интересен, – растолковала ему Робин. – Всем интересен ты.

Эта мысль нисколько не обрадовала Страйка. В его планы не входило светиться в газетах и на телевидении. Его фотографии,

опубликованные после раскрытия дела Лулы Лэндри, были небольшого формата (газетчики отдавали предпочтение снимкам красавицы-модели, желательно полуобнаженной), а смуглые, угрюмые черты плохо передавались типографской краской; кроме того, входя в здание суда, чтобы дать показания против убийцы Лэндри, он отворачивался от камер. Журналисты отыскали старые армейские фотографии, на которых он был гораздо стройнее. Краткий всплеск славы не сделал Страйка узнаваемым, и это его вполне устраивало.

– Не хочу бегать от продажных щелкоперов. Хотя, – поморщился Страйк от боли в колене, – далеко я все равно не убегу. Ты не могла бы подойти…

Его излюбленным местом встречи был паб «Тотнем», но Страйк, предвидя интерес газетчиков к своей персоне, решил пока там не появляться.

– …в «Кембридж» минут через сорок?

– Без проблем, – ответила Робин.

Только закончив разговор, Страйк сообразил, что, во-первых, не посочувствовал убитому горем Мэтью, а во-вторых, не попросил Робин захватить из офиса костыли.

Паб, сохранившийся с девятнадцатого века, стоял на Кембридж-Серкус. Робин поджидала на втором этаже, в кожаном кресле, среди бронзовых канделябров и зеркал в золоченых рамах.

– Болит? – тревожно спросила она, когда Страйк, хромая, подошел к ней.

– Я забыл, что ты не в курсе. – Едва сдерживаясь, чтобы не застонать, Страйк осторожно сел в кресло напротив. – В воскресенье меня угораздило снова разбить колено: я хотел задержать женщину, которая за мной следила.

– Что за женщина?

– Шла за мной по пятам от дома Куайна до станции метро – там я и навернулся, а она скрылась. По рассказам Леоноры, очень похожая дамочка крутится поблизости от нее с того самого дня, когда исчез Куайн. Мне бы сейчас горло промочить.

– Сиди, я принесу, – сказала Робин, – в честь твоего дня рождения. У меня, кстати, для тебя подарок есть.

Она выложила на стол перевязанный лентой целлофановый сверток, в котором виднелась небольшая корзинка с традиционными

корнуэльскими угощениями: пивом, сидром, сластями и горчицей. Страйк до смешного растрогался.

– Ну зачем же…

Робин, которая уже отошла к стойке, этого не услышала. Когда она вернулась с бокалом вина и пинтой эля «Лондон прайд», Страйк сказал:

– Большое спасибо.

– На здоровье. Так, значит, ты считаешь, что эта странная особа вела тебя от дома Леоноры?

Страйк сделал несколько больших, желанных глотков.

– Да-да, и, скорее всего, она же засовывала собачье дерьмо в прорезь для почты, – сказал Страйк. – Не понимаю, какого черта она за мной увязалась – разве что надеялась через меня выйти на Куайна.

Поморщившись, он закинул ногу на стоявший под столом табурет.

– На эту неделю у меня запланирована слежка за Броклхэрст и за мужем Бёрнетт. Надо же было именно сейчас травмировать колено!

– Проследить и я могу.

Это восторженное предложение своих услуг слетело у нее с языка прежде, чем она сама поняла, что сказала, но Страйк пропустил ее слова мимо ушей.

– Как там Мэтью?

– Так себе, – ответила Робин, не понимая, услышал ли ее Страйк. – На время переехал к отцу и сестре, чтобы их поддержать.

– В Мэссем?

– Да. – Помедлив, она добавила: – Свадьбу придется отложить.

– Обидно.

Робин пожала плечами:

– Нужно, чтобы прошло какое-то время… Для родных это страшный удар.

– У тебя были хорошие отношения с матерью Мэтью? – спросил Страйк.

– Да, вполне. Она…

На самом деле характер у миссис Канлифф был тяжелый. Ее отличала крайняя мнительность, – во всяком случае, так полагала будущая невестка, которая в течение истекших суток мучилась угрызениями совести.

– …была замечательным человеком, – закончила Робин. – А что слышно у бедной миссис Куайн?

Страйк описал свой визит к Леоноре, упомянув краткую встречу с Джерри Уолдегрейвом и впечатления от Орландо.

– А если точнее: что с ней такое? – спросила Робин.

– Пониженная обучаемость – так, кажется, сейчас принято говорить. – Страйк помолчал, вспоминая наивную девчоночью улыбку и плюшевого орангутанга. – Она при мне сказала кое-что странное, и мать, если я правильно понял, этому поразилась. Якобы отец как-то взял Орландо с собой в издательство, и там ее стал тискать директор. Зовут его Дэниел Чард.

На лице Робин отразился тот же невысказанный ужас, который повис при этих словах в грязной кухне.

– В каком смысле «тискать»?

– Это не уточнялось. Она только сказала: «Он меня стиснул», а потом: «Я не люблю, когда меня тискают». И еще: после этого он подарил ей кисточку для красок. Возможно, это не то, о чем ты думаешь, – добавил Страйк в ответ на тягостное молчание потрясенной Робин. – Нельзя исключать, что он случайно на нее налетел и решил как-то успокоить. Она довольно возбудима: в моем присутствии постоянно истерила, начинала вопить в ответ на любое замечание или отказ.

Робин не отвечала. От голода Страйк не удержался и надорвал целлофановую упаковку ее подарка, чтобы вытащить из корзины плитку шоколада.

– Тут вот какая штука, – нарушил молчание Страйк. – В «Бомбиксе Мори» Куайн намекает, что Чард – гей. По крайней мере, я так понял.

– Ну-у-у, – без выражения протянула Робин. – Неужели ты принимаешь за чистую монету все, что он написал в этой книжке?

– Судя по тому, что на Куайна хотели напустить юристов, Чард не на шутку всполошился, – сказал Страйк и положил на язык большой кусок шоколада. – Не забывай, – проговорил он с набитым ртом, – что Чард выведен в «Бомбиксе Мори» как убийца и возможный насильник, причем гниющий заживо. Поэтому весьма вероятно, что намеки на гомосексуализм – это вовсе не главная причина его злости.

– В творчестве Куайна есть сквозная тема: сексуальная амбивалентность, – сказала Робин, и Страйк, не переставая жевать,

изумленно поднял брови. – По пути на работу я забежала в книжный магазин и купила «Прегрешение Хобарта», – объяснила она. – Это роман про гермафродита.

Страйк чуть не подавился.

– Видно, Куайн на этом зациклился: в «Бомбиксе Мори» тоже есть подобный герой, – отметил он, изучая обертку шоколадки. – Произведено в Мальоне. Это на побережье, к югу от тех мест, где я вырос… И как тебе «Прегрешение Хобарта» – сильная вещь?

– Если бы не убийство Куайна, я бы бросила после первых десяти страниц, – призналась Робин.

– Стало быть, лучший способ увеличить продажи – это грохнуть автора.

– И тем не менее, – упрямо стояла на своем Робин, – не стоит верить всему, что Куайн пишет об интимной жизни других людей, поскольку его персонажи могут совокупляться с кем – и с чем – угодно. О нем есть статья в Википедии, я посмотрела. У него во всех книгах герои постоянно меняют половую принадлежность и сексуальную ориентацию.

– В «Бомбиксе Мори» – то же самое, – промямлил Страйк, вторично набив рот шоколадом. – Вкуснотища, хочешь попробовать?

– Я вроде как на диете, – загрустила Робин. – К свадьбе нужно похудеть.

С точки зрения Страйка, ей вовсе не требовалось худеть; он промолчал, когда она отломила квадратик шоколада.

– Я все время думаю, – смущенно призналась Робин, – о личности убийцы.

– Мнение настоящего психолога всегда ценно. Продолжай.

– Я не настоящий психолог, – усмехнулась Робин.

У нее не было университетского диплома. Страйк никогда не спрашивал, почему она недоучилась, а сама Робин не рассказывала. Это их объединяло – неоконченный курс наук. Страйк бросил университет, когда потерял мать, умершую от сомнительного передоза; возможно, поэтому ему казалось, что в семье Робин тоже произошел какой-то трагический случай.

– Не могу понять, почему его убийство напрямую связывают с этой книгой. С одной стороны, здесь действительно просматривается

умышленный акт мести и злобы: желание показать, что Куайн получил по заслугам за свою писанину.

– Вполне возможно, – согласился Страйк, которому от шоколада еще больше захотелось есть; протянув руку, он достал с соседнего столика меню. – Я, пожалуй, закажу стейк с картофелем фри, а ты?

Робин выбрала первый попавшийся салат и, щадя колено Страйка, опять подошла к стойке бара, чтобы сделать заказ.

– Но с другой стороны, – продолжила Робин, вернувшись на свое место, – копирование заключительной сцены романа вполне могло маскировать совершенно иной мотив, ты согласен?

Она старалась говорить без эмоций, словно об отвлеченных материях, но перед глазами у нее стояли фотографии трупа: черная полость в середине торса, выжженные впадины вместо рта и глаз. Робин понимала, что от этих мыслей она, скорее всего, напрочь лишится аппетита и, кроме того, не сумеет больше скрывать свое потрясение от Страйка, который буравил ее опасно-проницательным взглядом черных глаз.

– Не нужно стесняться признать, что от этого дела тебя вот-вот вырвет, – проговорил Страйк, дожевывая плитку шоколада.

– Чепуха, – машинально солгала Робин. А потом: – Нет, ну конечно… То есть… зрелище действительно было жуткое…

– Это точно.

Окажись рядом парни из Отдела специальных расследований, он уже давно сыпал бы шуточками по поводу изувеченного трупа. Страйк хорошо усвоил этот густо-черный юмор – единственный способ не сойти с ума на такой работе. Но у Робин пока отсутствовал профессиональный панцирь бесчувственности, о чем наглядно свидетельствовал теперешний разговор о человеке, у которого вырезали кишки.

– Мотив – это сволочная штука, Робин. В девяти случаях из десяти ты сначала выясняешь кто и лишь после этого – зачем. Лучше сразу рассмотреть соотношение средств и возможностей. Я лично считаю, – он отхлебнул пива, – что в этом деле замешан некто с познаниями в медицине.

– В медицине?..

– Или в анатомии. Там чувствуется рука профессионала. Другое дело, если бы Куайна изрубили на куски, чтобы вытащить

внутренности, но я не заметил ни одного фальстарта: разрез сделан чисто, уверенно.

– Да, – подтвердила Робин, из последних сил сохраняя объективный, клинический тон. – Это правда.

– Если, конечно, мы имеем дело не с маньяком от литературы, который нашел для себя ценное пособие, – вслух размышлял Страйк. – На первый взгляд такая версия притянута за уши, но как знать… Если Куайна связали и накачали мощными препаратами, то дальше человек с железными нервами мог устроить себе урок анатомии…

Робин не выдержала.

– Я знаю, ты всегда твердишь: «Мотив – это для адвокатов», – с нотками отчаяния в голосе сказала она (за время их совместной работы Страйк и в самом деле не раз повторял этот тезис). – Но сейчас в порядке исключения послушай меня. Убийца вполне мог просчитать, что разделаться с Куайном так, как сказано в книге, будет целесообразнее всего – в силу какой-то причины, перевешивающей очевидные недостатки описанного способа…

– И в чем они заключаются?

– Ну, например, – сказала Робин, – в том, что провернуть столь *безупречное* убийство технически сложно, а также в том, что круг подозреваемых будет ограничен теми, кто читал книгу…

– Или в подробностях знает ее содержание, – подхватил Страйк. – Но ты сказала «ограничен», а я думаю, что круг этих лиц очень широк. Кристиан Фишер постарался ознакомить с содержанием романа всех, кого только возможно. В издательстве «Роупер Чард» рукопись хранилась в сейфе, к которому имела доступ чуть ли не половина сотрудников.

– Но… – заговорила Робин.

И тут же умолкла, потому что хмурый бармен принялся небрежно раскладывать перед ними столовые приборы и бумажные салфетки.

– Но, – повторила она, когда бармен вразвалку отошел, – Куайна ведь убили раньше, правда? Я, конечно, не специалист…

– Я тоже. – Умяв шоколад, Страйк присматривался, хотя и с меньшим энтузиазмом, к грильяжу с арахисом. – Но я понимаю, о чем ты говоришь. Тело пролежало там с неделю, если не дольше.

– Не будем забывать, – сказала Робин, – что между прочтением «Бомбикса Мори» и убийством Куайна преступнику требовался определенный промежуток времени. Ему нужно было тщательно подготовиться. Доставить в необитаемый дом веревки, кислоту, посуду…

– Преступник мог и не знать, что Куайн собирается на Тэлгарт-роуд, тогда он должен был как-то его выследить, – Страйк передумал начинать грильяж, поскольку из кухни уже несли мясо с картошкой, – или заманить в тот дом.

Бармен поставил на стол тарелку со стейком и плошку с салатом, неопределенно хмыкнул в ответ на благодарности и удалился.

– Итак, чтобы предусмотреть все практические нюансы, убийца должен был прочесть книгу не позднее чем за два-три дня до исчезновения Куайна. – Страйк взялся за вилку. – Сложность в том, что, сдвигая назад время подготовки убийства, мы подставляем мою клиентку. Как только Куайн завершил книгу, рукопись оказалась в паре шагов от Леоноры – бери не хочу. А если вдуматься, он ведь мог рассказать жене, как именно собирается закончить роман, и много месяцев назад.

Робин жевала салат, не ощущая вкуса.

– Как по-твоему… – осторожно начала она, – Леонора Куайн… похожа на женщину, которая выпотрошила собственного мужа?

– Нет, но полицейские к ней приглядываются, и если они станут искать мотив, то ей придется несладко. Куайн был отвратительным мужем: он ее подводил, обманывал, да еще и поливал грязью в своих книгах.

– Однако *ты* не считаешь, что это она?

– Нет, – ответил Страйк, – но, чтобы спасти ее от тюрьмы, одного моего мнения будет недостаточно.

Робин, не спросив, взяла свой бокал, пивной стакан Страйка и пошла к бару, чтобы повторить заказ; Страйк проникся нежными чувствами, когда она поставила перед ним вторую пинту.

– А еще кто-то мог испугаться возможной интернет-публикации, – выговорил Страйк с полным ртом жареного картофеля, – поскольку Куайн во всеуслышание заявил о своих планах в переполненном ресторане. При определенном стечении обстоятельств это тоже могло стать мотивом для убийства.

– Ты хочешь сказать, – медленно произнесла Робин, – что убийца распознал в тексте нежелательные для себя факты и решил не допустить их огласки?

– Именно так. Книга местами весьма загадочна. Что, если Куайн раскопал какую-нибудь грязишку и в завуалированном виде включил эти сведения в роман?

– Знаешь, такое вполне возможно, – так же медленно сказала Робин. – Я все время думаю: зачем его убивать-то? Почти у всех, кто выведен в романе, были действенные способы поставить заслон его пасквилю, правда? Эти люди могли отказаться представлять интересы Куайна, издавать его книги, могли, в конце концов, пригрозить судом, как этот пресловутый Чард. Смерть Куайна сделала всем, кто фигурирует в рукописи, только хуже. Теперь им уж точно не избежать огласки, а весь все могло быть шито-крыто.

– Согласен, – кивнул Страйк. – Но ты исходишь из того, что убийца мыслит рационально.

– Это ведь не убийство на почве страсти, – парировала Робин. – Оно тщательно спланировано. Убийца очень хотел, чтобы все прошло гладко. И скорее всего, предусмотрел возможные последствия.

– Опять же согласен, – нажимая на картофель фри, сказал Страйк.

– Я сегодня утром повнимательнее ознакомилась с рукописью.

– Неужели тебе не хватило «Прегрешения Хобарта»?

– Хватило… но раз уж она лежала в сейфе…

– …Ты решила не отказывать себе в удовольствии, – опередил ее Страйк. – И до какого места ты дошла?

– Я читала не подряд, – сказала Робин. – Глянула вот эпизоды с Пиявкой и Суккубой. Эти отрывки действительно пышут злобой, но у меня было ощущение, что в них нет никакого… *скрытого смысла*. Фактически Куайн объявляет, что они обе на нем паразитируют, так?

Страйк кивнул.

– Но потом, когда появляется Эпи… Эпси… как правильно?

– Эписин? Гермафродит?

– Как по-твоему, это реальное лицо? И какую роль играет пение? Которое даже пением нельзя назвать.

– А почему возлюбленная Бомбикса, Гарпия, живет в пещере с крысами? Это символизм или нечто более жизненное?

– А пропитанный кровью заплечный мешок Резчика, – напомнила Робин, – и карлица, которую он хочет утопить…

– И клейма в очаге Фанфарона, – продолжил Страйк, но Робин посмотрела на него с недоумением. – Ты до этого места еще не дочитала? На фуршете в издательстве Джерри Уолдегрейв растолковал нам, что к чему. Это намек на Майкла Фэнкорта и его первую…

У Страйка зазвонил мобильный. Увидев номер Доминика Калпеппера, он со вздохом ответил.

– Это ты, Страйк?

– Я тебя слушаю.

– Как, черт подери, это понимать?

Страйк не стал делать вид, будто не знает, о чем речь.

– Я дал подписку о неразглашении, Калпеппер. Это тайна следствия.

– Да плевать мне на тайну следствия – у нас в полиции есть свой человечек. По его словам, этого Куайна укокошили точно так же, как хмыря из его последней книги.

– Неужели? И сколько вы заплатили этому барану, чтобы он развязал свой поганый язык и развалил дело?

– Офигеть, Страйк: ты расследуешь громкое убийство – и даже не подумал мне позвонить!

– Не знаю, что ты себе возомнил, парень, – сказал Страйк, – но мне наши отношения видятся следующим образом: я выполняю для тебя конкретную работу, а ты мне платишь. И точка.

– А кто тебя познакомил с Ниной, чтобы ты мог проникнуть на издательский банкет?

– Это самое меньшее, что ты мог для меня сделать в благодарность за горы дополнительных материалов по Паркеру, – сказал Страйк, насаживая на вилку последний кусочек картофеля фри. – Мне ничто не мешало их придержать, а потом запродать какому-нибудь таблоиду.

– Если ты хочешь денег…

– Нет, я не хочу денег, идиот! – вскипел Страйк; Робин тактично включила свой смартфон и просматривала сайт Би-би-си. – Просто я не собираюсь ложиться под вашу газетенку, чтобы развалить дело об убийстве.

– Я тебе предлагаю десять кусков за эксклюзивное интервью.

– Бывай, Калп…

– Погоди! Скажи хотя бы, как называется книга, где описано убийство.

Страйк притворился, будто старается вспомнить.

– «Братья Бард… Бальзак», – сказал он наконец.

Ухмыляясь, он дал отбой и потянулся за меню, чтобы изучить десерты. А Калпеппер пусть себе разбирается с непроломным синтаксисом и ощупыванием мошонки.

– Что пишут? – спросил он, когда Робин подняла голову.

– Ничего особенного; «Дейли мейл», например, сообщает, что Пиппа Миддлтон, по мнению друзей дома, должна была сделать более выигрышную партию, чем Кейт.

Страйк нахмурился.

– Я просматривала все подряд – ты же разговаривал по телефону. – Она немного обиделась.

– Да нет, – сказал Страйк, – не в том дело. Я вспомнил: Пиппа две тысячи одиннадцать.

– Я не… – Робин запуталась; мыслями она была еще с Пиппой Миддлтон.

– Пиппа две тысячи одиннадцать – в блоге Кэтрин Кент. Она заявила, что прослушала отрывок из «Бомбикса Мори».

Робин ахнула и забегала пальцами по кнопкам.

– Нашла! – воскликнула она через пару минут. – «Что ты скажешь, если я тебе признаюсь, что он зачитал мне один отрывок»! И написано это… – Робин проскролила сообщение наверх, – двадцать первого октября. Двадцать первого октября! Она вполне могла знать финал еще до исчезновения Куайна.

– То-то и оно, – сказал Страйк. – Я бы съел песочный пирог с яблоками, а ты?

Когда Робин, сделав очередной заказ, вернулась к столу, Страйк сообщил:

– Энстис приглашает меня сегодня на ужин. Говорит, у него есть предварительные сведения от криминалистов.

– Он знает, что у тебя сегодня день рождения? – спросила Робин.

– Боже упаси! – вырвалось у Страйка; в его тоне прозвучало такое отвращение, что Робин невольно рассмеялась.

– А что такого?

– Одно торжество для меня уже устроили, – мрачно сказал Страйк. – Лучший подарок, который может сделать мне Энстис, – это сообщить точную дату смерти Куайна. Чем скорее она будет установлена, тем меньше останется подозреваемых: мы займемся теми, кто раньше других имел возможность прочесть рукопись. К сожалению, в их число войдет и Леонора, но есть еще и эта загадочная Пиппа, и Кристиан Фишер…

– А Фишер с какого бока?

– Сочетание средств и возможностей, Робин: он увидел рукопись одним из первых и в силу этого попадает в наш список. Далее: Раф, помощник Элизабет Тассел, сама Тассел и Джерри Уолдегрейв. Дэниел Чард, похоже, ознакомился с текстом вскоре после Уолдегрейва. Кэтрин Кент отрицает, что читала роман, но у меня на этот счет большие сомнения. Наконец, есть еще Майкл Фэнкорт.

Робин в недоумении подняла глаза:

– А какое отношение…

И вновь у Страйка зазвонил мобильный: это была Нина Ласселс. Страйк заколебался, но подумал, что ее двоюродный брат вполне мог сообщить ей об их недавнем разговоре, и решил ответить:

– Привет.

– Привет, Великий Сыщик. – (Страйк угадал некоторую резкость, умело спрятанную под маской оживления.) – Даже боюсь звонить: думаю, тебя осаждают журналисты, фанатки и прочие.

– Да не особенно, – сказал Страйк. – Как дела в издательстве?

– Сумасшедший дом. Никто не работает; у всех мысли об одном. Его действительно убили?

– Похоже на то.

– Господи, прямо не верится… Но ты, наверное, ничего не расскажешь? – предположила она, с трудом подавляя вопросительные нотки.

– Полиция запрещает разглашать подробности.

– К этому имеет отношение его книга, да? – не унималась Нина. – «Бомбикс Мори»?

– Не могу сказать.

– А Дэниел Чард ногу сломал.

– Прости? – Его сбила с толку очевидная непоследовательность.

– Да тут просто сумасшедший дом, – повторила Нина. Ее голос выдавал взвинченность и напряжение. – Джерри мечется. Дэниел только что позвонил ему из Девона, опять наорал… половина сотрудников это слышала, потому что Джерри случайно включил громкую связь, а потом не мог сообразить, как ее отключить. Со сломанной ногой ему не выехать из загородного дома. Я имею в виду Дэниела.

– Из-за чего он орал на Уолдегрейва?

– Из-за утечки «Бомбикса Мори», – ответила она. – Полицейские где-то раздобыли полный текст, и Дэниел, мягко говоря, *недоволен*. Ладно, – продолжила она, – это все не важно. Я просто хотела тебя поздравить… Надеюсь, полиция не запрещает поздравлений по случаю обнаружения трупа или как? Будет минутка – звони. – Она повесила трубку, не дав ему раскрыть рта.

– Нина Ласселс, – сообщил он, когда ему подали яблочный пирог, а Робин – чашку кофе. – Та девушка…

– …Которая украла для тебя рукопись, – подхватила Робин.

– Да, в отделе кадров такая память тебе бы не пригодилась, – отметил Страйк, берясь за ложку.

– Насчет Майкла Фэнкорта – ты серьезно? – тихо спросила она.

– Абсолютно, – подтвердил Страйк. – Дэниел Чард наверняка рассказал ему, что отмочил Куайн, просто чтобы Фэнкорт услышал это от него, а не от других, логично? Фэнкорт для их издательства – слишком лакомый кусок. Нет, мы определенно должны учитывать, что Фэнкорт раньше многих узнал…

Теперь телефон зазвонил у Робин.

– Привет, – сказал ей Мэтью.

– Привет, ну как ты? – в тревоге спросила она.

– Так себе.

Фоновая музыка вдруг сделалась громче: «First day that I saw you, thought you were beautiful…»[14]

– Ты где? – резко спросил Мэтью.

– Да тут… в пабе, – ответила Робин.

Только сейчас она сообразила, что вынуждена перекрывать характерные шумы: звон бокалов, пронзительный смех у стойки бара.

– Сегодня у Корморана день рождения, – беспокойно добавила она (ну в самом-то деле: Мэтью и его коллеги все дни рождения отмечали

в пабах…).

– Рад за тебя! – Мэтью был в ярости. – Я перезвоню позже.

– Мэтт, не надо… подожди!..

Набив рот яблочным пирогом, Страйк краем глаза наблюдал, как она без объяснения причин отошла в сторону и, по всей видимости, пыталась дозвониться до Мэтью. Аудитор был недоволен, что его невеста пошла перекусить, вместо того чтобы убиваться по его матушке.

Робин раз за разом набирала номер. В конце концов Мэтью ответил. Страйк, расправившись и с яблочным пирогом, и с третьей пинтой, почувствовал, что надо бы выйти в туалет.

Колено, не дававшее о себе знать, пока он ел, пил и беседовал с Робин, решительно запротестовало, когда он встал. На обратном пути Страйка даже прошибла легкая испарина. Робин, судя по ее лицу, все еще пыталась задобрить жениха. Окончив разговор, она присоединилась к Страйку и получила от него короткий ответ на свой вопрос о его самочувствии.

– Я вполне могу последить за этой девицей – за Броклхэрст, – вновь предложила Робин, – если у тебя не пройдет…

– Сказано тебе: нет, – отрезал Страйк.

К боли, злости на себя и досаде на Мэтью вдруг добавилась тошнота. Зря он наелся шоколада перед тем, как заказать стейк с картошкой, пирог и три пинты пива.

– Мне нужно, чтобы ты вернулась в контору и распечатала последний счет для Ганфри. Если у входа еще топчутся журналюги, пришли мне сообщение – тогда я прямо отсюда поеду к Энстису. В самом деле, надо нам взять на работу еще одного человека, – вполголоса добавил он.

Лицо Робин приняло ожесточенное выражение.

– Что ж, пойду печатать, – сказала она и, схватив пальто и сумку, вышла на улицу.

Страйк успел заметить недовольство помощницы, но безотчетное раздражение помешало ему окликнуть Робин.

23

Не нахожу в ней черноты душевной,
Способной побудить на этот грех.

Джон Уэбстер.
Белый дьявол[15]

За то время, что Страйк провел в пабе, боль не утихла, притом что ногу он держал на табурете. Купив по дороге к метро анальгетики и бутылку дешевого красного, Страйк отправился в Гринвич, где жил Энстис со своей женой Хелен, в обиходе именуемой Хелли. До улицы Эшбернем-Гроув пришлось добираться больше часа: на Центральной линии была задержка движения. Всю дорогу он стоял, пытаясь не нагружать правую ногу, и в который раз сокрушался о сотне фунтов, потраченной на такси до дома сестры и обратно.

Когда Страйк выходил из Доклендского легкого метро, на лицо опять посыпалась морось. Он поднял воротник и захромал в темноту; путь, обычно занимавший у него пять минут, растянулся почти на пятнадцать.

Только на подходе к аккуратным домам с ухоженными палисадниками Страйк сообразил, что нужно было, наверное, купить подарок крестнику. Светская сторона этого вечера занимала его куда меньше, чем предстоящее обсуждение результатов криминалистической экспертизы.

Жену Энстиса Страйк недолюбливал. Даже ее участливость, порой слащавая, не могла скрыть любопытства, которое Хелли время от времени выхватывала из-за пазухи, как пружинный нож. В присутствии Страйка эта женщина всегда лучилась благодарностью и заботой, но он-то видел, что она жаждет подробностей его пестрой биографии, сведений о его отце – рок-идоле, о покойной матери-наркоманке, а также – он готов был поспорить – о его разрыве с Шарлоттой, которую она встречала с преувеличенной радостью, не способной замаскировать неприязнь и подозрительность.

Во время застолья, устроенного по случаю крещения Тимоти Корморана Энстиса (ребенку тогда исполнилось уже полтора года: семья выжидала, чтобы его отца и крестного доставили самолетом из Афганистана и после лечения выписали каждого из своего госпиталя), Хелли в подпитии взяла слово и начала слезливо распространяться о том, как Страйк спас жизнь их папочке и как много значило для них его согласие стать еще и ангелом-хранителем Тимми. Страйк, не сумевший придумать ни одной убедительной отговорки, чтобы избавить себя от роли крестного, во время этого тоста смотрел на скатерть, избегая встречаться глазами с Шарлоттой, чтобы та его не рассмешила. Шарлотта – он помнил это, как сейчас, – пришла в его любимом запахивающемся платье цвета индиго, которое подчеркивало каждый дюйм ее великолепной фигуры. Он тогда передвигался на костылях, и появление с такой красоткой отвлекало внимание от его пустой брючины – культя еще недостаточно затянулась для протезирования. Из Человека-Без-Ноги он волшебным образом превратился в глазах окружающих (и это чувствовалось) в счастливчика, сумевшего урвать такую ослепительную невесту, что все мужчины при ее появлении умолкали на полуслове.

– Ко́рми, голубчик, – заворковала Хелли, открывая ему дверь. – Надо же, весь из себя знаменитый… мы уж думали, ты нас забыл.

Никто, кроме нее, никогда не называл его Корми. Его тошнило от такого обращения, но придираться не было охоты.

Без каких-либо телодвижений с его стороны она распахнула руки для нежных объятий, призванных, как понял Страйк, выразить ему жалость и сочувствие в связи с его одиноким статусом. В ярко освещенном доме было тепло, особенно после суровой, почти зимней погоды. Высвободившись из объятий Хелли, Страйк с радостью увидел шагавшего по коридору Энстиса, который в качестве приветствия протягивал ему пинту «Дум-бара».

– Ричи, дай ему хотя бы войти. Нет, ну в самом деле…

Но Страйк охотно взял у него высокий стакан и, прежде чем снять пальто, с удовольствием сделал несколько глотков.

Его крестник, трех с половиной лет от роду, выбежал в коридор, изображая паровоз. Мальчуган стал точной копией матери, чьи черты лица, мелкие и не лишенные миловидности, были странно

приплюснуты в середине. Одетый в пижаму с портретом Супермена, Тимоти рубил стены пластмассовым световым мечом.

– Ой, Тимоти, солнышко, прекрати, мы только что ремонт сделали, смотри, как красиво… Не могли сегодня его уложить: он обязательно хотел повидать дядю Корморана. Мы постоянно ему о тебе рассказываем, – говорила Хелли.

Страйк без восторга взирал на маленькую фигурку и не видел никакого интереса со стороны крестника. Тимоти был единственным ребенком, чей день рождения Страйк надеялся запомнить, но при этом ни разу не удосужился купить ему подарок. Мальчик родился за два дня до того, как в результате взрыва Страйк лишился ноги, а Энстис – части лица.

Ни одной живой душе Страйк не мог признаться, что в госпитале долгими часами размышлял, почему схватил за рубашку и отбросил в задний отсек «викинга» не кого-нибудь, а Энстиса. Он раз за разом прокручивал это в уме: как на него нахлынуло странное предчувствие взрыва, граничившее с уверенностью; как он протянул руку и схватил Энстиса, хотя мог бы спасти сержанта Гэри Топли. Не потому ли, что накануне Энстис в присутствии Страйка долго разговаривал по скайпу с Хелен и разглядывал новорожденного сына? Не по этой ли причине Страйк машинально потянулся рукой к более зрелому однополчанину, полицейскому Территориальной армии, а не к салаге Топли, помолвленному, но бездетному? Ответить на этот вопрос Страйк не мог. К детям он не испытывал никаких сентиментальных чувств, а женщину, спасенную им от вдовьей участи, откровенно не любил. Он знал одно: миллионы солдат, и вернувшихся с войны, и павших в бою, точно так же, за долю секунды принимали подсказанное инстинктом и выучкой решение, от которого зависели человеческие судьбы.

– Хочешь почитать Тиму сказку на ночь, Корми? У нас есть новая книжечка, правда, Тимми?

Этого Страйку хотелось меньше всего на свете: он предвидел, что гиперактивный ребенок, которого придется держать на руках, непременно будет молотить ему ногами по правому колену.

Хозяин дома повел Страйка в кухню-столовую. Здесь были стены кремового цвета и голые половицы; в торце, у застекленных дверей, стоял длинный деревянный стол в окружении стульев с черной обивкой. Страйку смутно помнилось, что, когда он приходил сюда с

Шарлоттой, стулья были другого цвета. Хелли увязалась следом и всучила гостю аляповато-яркую книжицу. Он волей-неволей присел к столу и, когда ему под бок силком усадили крестника, взялся за сказку «Кенгуру, который любил прыгать», выпущенную (в другое время он бы не обратил внимания) издательством «Роупер Чард». Проделки кенгуру совершенно не заинтересовали Тимоти, поглощенного световым мечом.

– А теперь – спатеньки, Тимми, только сперва поцелуй Корми, – велела сыну Хелли, но тот, с молчаливого согласия Страйка, выбрался из кресла и с протестующим воплем бросился из кухни.

Хелли побежала за ним. С лестницы крики матери и сына уже не так резали слух.

– Он разбудит Тилли, – предсказал Энстис, и действительно, Хелли вскоре появилась на пороге, неся на руках ревущую годовалую дочку, которую тут же сунула мужу, чтобы проверить томившееся в духовке мясо.

Страйк тупо сидел за кухонным столом и, ощущая нарастающий голод, благодарил судьбу, что у него нет детей. Примерно через три четверти часа Энстисы уговорили Тилли вернуться в кроватку. В конце концов подали жаркое, а к нему еще одну пинту «Дум-бара». Казалось бы, можно было расслабиться, но Страйка не покидало чувство, что Хелли Энстис готовится к атаке.

– Я ужасно, ужасно расстроилась, когда узнала про вас с Шарлоттой, – обратилась она к нему.

Страйк с полным ртом поблагодарил ее за сочувствие неопределенным жестом.

– Ричи! – кокетливо одернула она мужа, когда тот попытался налить ей вина. – Ни-ни! У нас опять будет прибавление, – гордо сообщила она Страйку, положив ладонь на живот.

Страйк проглотил мясо.

– Поздравляю. – Он не мог уразуметь, какая в этом радость.

Тут, как по условному сигналу, в кухню вбежал сын хозяев и заявил, что хочет кушать. К огорчению Страйка, из-за стола поднялся Энстис, а Хелли, поддев вилкой говядину по-бургундски, осталась сидеть и сверлить гостя глазами-бусинками.

– Значит, свадьба – четвертого. Представляю, *насколько* тебе тяжело.

– У кого свадьба? – не понял Страйк.

Хелли изумилась:

– У Шарлотты, у кого же еще?

Сверху доносилось приглушенное нытье его крестника.

– Шарлотта выходит замуж четвертого декабря, – повторила Хелли и только сейчас поняла, что первой сообщила ему эту весть; но на лице Страйка промелькнуло нечто такое, отчего ее радостное возбуждение тут же сменилось нервозностью.

– Я… так я слышала, – пробормотала она, опуская глаза, когда в кухню вернулся Энстис.

– Разбойник маленький, – сказал он. – Я ему пригрозил, что отшлепаю, если он снова вылезет из кровати.

– Он просто разволновался, – вступилась Хелли, которая еще не оправилась после молнии, промелькнувшей в глазах Страйка, – потому что у нас в гостях Корми.

Говядина у Страйка во рту превратилась в резину с пенопластом. Как Хелли Энстис разнюхала, когда у Шарлотты свадьба? Энстисы не принадлежали к одному кругу с Шарлоттой и ее будущим мужем, который (Страйк презирал себя за услужливую память) был сыном четырнадцатого виконта Кроя. Что могла знать Хелли Энстис об элитных мужских клубах, дорогих ателье Сэвил-роу и накокаиненных супермоделях – о том, что составляло особый мир, проплаченный для достопочтенного Джейго Росса с рождения? Ровным счетом ничего, как и сам Страйк. Шарлотта, которая чувствовала себя в том мире как рыба в воде, сошлась со Страйком на нейтральной территории, где каждому было чуждо окружение другого, где сталкивались два несовместимых круга и не прекращалось перетягивание каната.

Тимоти с истошным ревом опять вбежал в кухню. На этот раз родители встали из-за стола вдвоем, чтобы совместными усилиями водворить его в спальню, а Страйк, даже не заметив их ухода, погрузился в духоту воспоминаний.

Шарлотта была настолько взрывной, что один из отчимов даже рискнул направить ее на принудительное лечение. Она лгала, как другие дышат; она была порочна до мозга костей. Самый длительный срок, который они со Страйком смогли провести без расставаний, составил два года, и все же, едва оправившись от разбитого доверия, они начинали тянуться друг к другу и всякий раз (как казалось

Страйку) становились еще более уязвимыми, чем прежде, но от этого их взаимное влечение только крепло. Шарлотта, невзирая на возмущение отчаявшихся родных и близких, целых шестнадцать лет снова и снова возвращалась к грузному, незаконнорожденному, а с недавних пор еще и увечному солдату. Окажись в такой ситуации любой из его друзей, Страйк посоветовал бы ему уйти и не оглядываться, но Шарлотта проникла к нему в кровь, как вирус, бороться с которым бесполезно – можно лишь попытаться контролировать симптомы. Окончательный разрыв произошел восемь месяцев назад, перед тем как на Страйка обрушилась известность в связи с делом Лэндри. После непростительного обмана Шарлотты он хлопнул дверью и ушел насовсем, а она вернулась в тот мир, где мужчины до сих пор охотятся на куропаток, а женщины хранят в сейфах фамильные диадемы, в тот мир, который, по ее заверениям, она презирала (хотя и это теперь обернулось ложью…).

Энстисы вернулись без Тимоти, но зато с плачущей, икающей Тилли.

– Радуешься небось, что сам такими не обзавелся? – игриво спросила Хелли, присаживаясь к столу с Тилли на коленях.

Страйк равнодушно усмехнулся, но возражать не стал.

Ребенок когда-то был: вернее, только призрак, обещание, а потом такая же призрачная смерть. Шарлотта сказала ему, что беременна, отказалась идти к врачу, стала путаться в датах, а потом объявила, что все закончилось, ничем не подтвердив правдивость этой истории. Большинство мужчин не смирились бы с таким враньем; для Страйка (она безусловно это предвидела) тот обман положил конец всем обманам и убил те крохи доверия, которые еще оставались после долгих лет ее патологической лживости.

Свадьба – четвертого, то есть через одиннадцать дней… Как об этом прознала Хелли Энстис?

У него даже всколыхнулась странная благодарность к обоим Энстисам-младшим, которые своим нытьем и непослушанием лишали взрослых возможности вести нормальный разговор за десертом, состоявшим из пирога с ревенем и пудинга со сладким соусом. Долгожданный миг настал лишь тогда, когда Энстис предложил, чтобы они вдвоем взяли еще по пинте и перешли к нему в кабинет, чтобы обсудить заключение судебно-медицинской экспертизы. Сонная Тилли

и вконец разбушевавшийся Тимоти, который прибежал сообщить, что разлил на кровать стакан воды, остались на попечении Хелли; та слегка надулась, не сумев вытянуть из Страйка никаких свежих подробностей.

Кабинетом служила заставленная книгами каморка рядом с прихожей. Уступив компьютерное кресло гостю, Энстис сел на старый топчан. Задергивать занавески они не стали; в оранжевом свете уличного фонаря за окном моросил мелкий, как туча пылинок, дождь.

– Криминалисты жалуются, что такой холерной работы у них еще не было, – начал Энстис, и Страйк весь обратился в слух. – Учти, это неофициальные сведения, окончательного заключения пока нет.

– Они смогли хотя бы установить, от чего наступила смерть?

– От удара по голове, – сказал Энстис. – У него проломлена задняя часть черепа. Смерть, возможно, не была мгновенной, но повреждения мозга так или иначе несовместимы с жизнью. Был ли он мертв, когда ему вспороли живот, точно сказать нельзя, но почти наверняка он был без сознания.

– Это утешает. А связали его до или после того, как огрели по башке?

– На этот счет мнения разошлись. На коже запястья под веревкой обнаружена гематома; вроде бы она указывает, что связали его еще живым, но был ли он при этом в сознании, установить невозможно. Сложность в том, что из-за этой чертовой кислоты, разлитой повсюду, на полу не осталось никаких следов возможной борьбы или перетаскивания тела. Убитый был грузным, тяжелым…

– Такого, конечно, проще было вначале обездвижить, – согласился Страйк, вспоминая невысокую, тщедушную Леонору. – Хотелось бы еще узнать, под каким углом был нанесен удар.

– Немного сверху, – сказал Энстис, – но мы же не знаем, получил он по голове стоя, сидя или опустившись на колени…

– Зато мы можем утверждать, что убили его в той самой комнате, – проговорил Страйк в ответ своим мыслям. – Не знаю, у кого бы хватило сил втащить такой тяжеленный труп по лестнице.

– По общему мнению, труп лежал примерно там, где наступила смерть. В этом месте наибольшая концентрация кислоты.

– А какая кислота, выяснили?

– Разве я не сказал? Соляная.

Страйк напряг мозги и припомнил кое-что из школьных уроков химии.

– Она используется при гальванизации стали?

– В частности. Это самое едкое вещество, какое только можно приобрести легально; применяется для различных производственных целей. Служит также мощным очистителем. Как ни странно, в природе она вырабатывается человеческим организмом. Это важнейшая составляющая желудочного сока.

Страйк в задумчивости потягивал пиво.

– В книге говорится, что труп поливали купоросом.

– Купорос – это сульфат некоторых металлов; а соляная кислота – его производная. Сильно разъедает ткани тела… да ты и сам видел.

– Откуда же убийца приволок столько этой дряни?

– Ты не поверишь, но она, судя по всему, хранилась в доме.

– За каким чертом?..

– На этот вопрос пока никто ответа не дает. На кухонном полу обнаружены пустые пятилитровые канистры; такие же канистры, только полные, неоткупоренные, пылились в стенном шкафу под лестницей. На всех клеймо бирмингемской фирмы, выпускающей химикаты для производственных нужд. Пустые канистры, судя по обнаруженным следам, брали руками в перчатках.

– Очень интересно. – Страйк почесал подбородок.

– Мы сейчас пытаемся установить, когда и как была сделана закупка.

– А что это за тупой предмет, которым ему проломили голову?

– В студии найден антикварный дверной стопор – литой, железный, в форме утюга, даже с рукояткой: почти на сто процентов это он и есть. Соответствует форме раны. Полностью облит кислотой, как практически и все остальное.

– А время смерти?

– Понимаешь, тут такая хитрая штука. Энтомолог не решается делать окончательные выводы: говорит, что состояние трупа сбивает все стандартные вычисления. Пары́ соляной кислоты сами по себе некоторое время отпугивают насекомых, поэтому при установлении даты смерти на инфестацию полагаться нельзя. Ни одна уважающая себя мясная муха не станет откладывать яйца в кислоту. На тех участках тела, которые пострадали меньше, найдены две-три личинки,

но обычной инфестации не произошло. Далее, обогреватели в доме были включены на полную мощность, так что труп, наверное, разлагался быстрее, чем обычно бывает в такую погоду. В то же время нормальному разложению препятствовала соляная кислота. Ткани кое-где разъело до костей. Окончательный ответ мог бы дать кишечник со следами последнего приема пищи, но он исчез. По-видимому, вместе с убийцей, – заключил Энстис. – Я в жизни не слыхал ничего подобного, а ты? Чтобы убийца с собой кишки унес.

– Я тоже, – сказал Страйк. – Это что-то новое.

– Итак: точную дату эксперты называть отказываются – говорят только, что смерть наступила примерно десять дней назад. Но я побеседовал один на один с Андерхиллом – он среди них самый толковый – и узнал, что у него особое мнение: это не для протокола, но он считает, что тело Куайна пролежало как минимум две недели. При этом он говорит, что даже по завершении экспертизы результаты в любом случае окажутся неоднозначными, так что адвокатам будет где разгуляться.

– А что показала фармакология? – спросил Страйк, возвращаясь мыслями к грузному телу, какое непросто сдвинуть с места.

– Ну, не исключено, что его чем-то опоили, – подтвердил Энстис. – Анализ крови еще не готов; сейчас мы исследуем содержимое найденных в кухне бутылок. Но… – он допил пиво и триумфально поставил стакан, – покойник мог сам облегчить задачу убийцы. Куайн любил сексуальные игры… в которых его связывали.

– Ты-то откуда знаешь?

– От его любовницы, – ответил Энстис. – От Кэтрин Кент.

– Стало быть, ты успел на нее выйти?

– А как же. Мы нашли таксиста, который пятого ноября подвозил Куайна: тот сел к нему в двух кварталах от дома и вышел на Лилли-роуд.

– То есть у Стаффорд-Криппс-Хауса, – подхватил Страйк. – Значит, от Леоноры он отправился прямиком к любовнице?

– Да нет, не все так просто. Дома он ее не застал – Кент сидела с умирающей сестрой; мы проверили: ту ночь она действительно провела в хосписе. Клялась, что не видела Куайна больше месяца, но весьма охотно делилась интимными подробностями.

– Надеюсь, ты вытянул из нее все детали?

– Мне показалось, она переоценивает нашу осведомленность. Но на подробности она не скупилась, вытягивать их клещами не пришлось.

– Наводит на некоторые мысли, – сказал Страйк. – Мне она вкручивала, что не читала «Бомбикса Мори»…

– И нам тоже.

– …но именно она послужила прототипом той героини, которая связывает и терзает заглавного персонажа. Возможно, ей просто хотелось широковещательно заявить, что она связывает людей ради секса, а не ради истязания или убийства. Куда, интересно, делась рукопись, которую Куайн, по словам Леоноры, уходя, забрал с собой? Где черновики, где использованные ленты от пишущей машинки? Вы их нашли?

– Нет, – сказал Энстис. – Пока мы не докажем, что Куайн по пути на Тэлгарт-роуд заходил куда-то еще, будет считаться, что все материалы забрал убийца. В доме было пусто, если не считать минимума съестных припасов в кухне и спального мешка на походном матрасе в одной из комнат. Похоже, Куайн там устроил себе лежбище. Эта комната, включая постель Куайна, тоже облита кислотой.

– Отпечатки пальцев? Следы? Чужие волосы, грязь?

– Ничего. Наши еще пытаются что-то найти, но кислота уничтожила все улики. Ребятам приходится работать в респираторах, чтобы пары́ не разъедали горло.

– Кто, кроме таксиста, видел Куайна после исчезновения?

– Как он входил в дом на Тэлгарт-роуд, не видел никто, но соседка из дома сто восемьдесят три клянется, что видела, как Куайн *уходил* в час ночи. То есть в ночь с пятого на шестое. Соседка возвращалась с гуляний по случаю Ночи костров.

– На улице было темно, соседка живет через два дома; значит, реально она могла видеть…

– …Силуэт или закутанную в плащ высокую фигуру с дорожной сумкой.

– С дорожной сумкой, – повторил Страйк.

– Ага, – подтвердил Энстис.

– И закутанная в плащ фигура села в машину?

– Нет, просто скрылась из виду, но машина могла стоять за углом.

– Так, кто еще?

– У меня на примете есть старикан-букинист из Патни – божится, что видел Куайна восьмого ноября. Позвонил в районный отдел полиции, дал подробное описание.

– И чем же занимался Куайн?

– Покупал книги в магазине «Бридлингтон», где работает этот старичок.

– Он надежный свидетель?

– Как тебе сказать: возраст, конечно, солидный, но якобы помнит все сделанные Куайном покупки, да и внешность описал точно. А помимо всего прочего, одна женщина из многоэтажки напротив утверждает, что возле того дома столкнулась с Майклом Фэнкортом, причем тоже утром восьмого. Ты его знаешь? Писатель, большеголовый такой. Известный.

– Знаю, знаю, – медленно произнес Страйк.

– Так вот, свидетельница говорит, что обернулась ему вслед просто поглазеть – именно потому, что узнала.

– А он как ни в чем не бывало прошагал мимо?

– По ее словам – да.

– Сам Фэнкорт это подтверждает? Вы проверяли?

– Он сейчас в Германии, но сказал, что после возвращения охотно с нами побеседует. Жаждет быть полезным – прямо стелется.

– Больше никаких подозрительных событий в районе Тэлгарт-роуд не зафиксировали? Там есть камеры видеонаблюдения?

– Всего одна, да и та направлена на проезжую часть, а дом не захватывает. Но главный козырь я приберег напоследок. Есть еще один сосед – живет через четыре дома, если идти к началу улицы; он якобы видел, как во второй половине дня в дверь входила толстая женщина в парандже, с полиэтиленовым пакетом из халяльной кулинарии. Сосед говорит, что насторожился, потому как этот дом не один год пустовал. По его наблюдениям, она пробыла там примерно час, а потом ушла.

– Он уверен, что она заходила именно в дом Куайна?

– Говорит, что уверен.

– И отперла дверь своим ключом?

– Так он считает.

– В парандже, – повторил Страйк. – Час от часу не легче.

– Не поручусь, что у него соколиный глаз: человек носит очки с очень толстыми линзами. Как он мне сказал, у них на улице

мусульмане, по его сведениям, не живут, потому он и обратил внимание.

– Значит, после ухода от жены Куайн, согласно свидетельским показаниям, засветился дважды: в ночь на шестое ноября – в своем доме и потом, восьмого числа, в Патни.

– Ага, – подтвердил Энстис, – только я бы не ликовал раньше времени, Боб.

– Ты считаешь, что он погиб в ту же ночь, когда ушел из дому, – сказал Страйк, скорее утверждая, нежели спрашивая, и Энстис кивнул:

– Андерхилл считает так же.

– Нож не нашли?

– Нет. Единственный в доме нож валялся на кухне – затупившийся, самый простецкий. Фактически уже ничего не режет.

– У кого, по нашим сведениям, есть ключ от входной двери?

– У твоей клиентки, это само собой разумеется, – напомнил Энстис. – Наверняка у Куайна был свой. У Фэнкорта – два, как он сообщил в телефонном разговоре. Агент Куайна тоже получила от них с женой ключ, чтобы организовать какой-то ремонт; она утверждает, что ключ вернула. Наконец, ключ есть у одного из ближайших соседей – просто на всякий пожарный.

– Что же он не зашел в дом, когда оттуда завоняло?

– Другие соседи просунули в дверь записку с жалобой, а хранитель ключа две недели назад улетел в Новую Зеландию. Мы до него дозвонились. В последний раз он воспользовался ключом в мае, когда по этому адресу доставили какой-то заказ, и на виду у ремонтников сложил пакеты в прихожей. Миссис Куайн затрудняется сказать, кому еще давали ключ на протяжении всех этих лет. Специфическая она женщина, миссис Куайн, – не меняя тона, добавил Энстис, – ты не находишь?

– Не обращал внимания, – солгал Страйк.

– Тебе известно, что соседи слышали, как в тот вечер, когда Куайн исчез, жена его преследовала?

– Нет, этого я не знал.

– Так знай. Она с криком выскочила из дому и бросилась вслед за мужем. Соседи в один голос утверждают, – Энстис пристально наблюдал за Страйком, – что она вопила: «Я знаю, куда ты собрался, Оуэн!»

– Ну, жена считает, что и в самом деле знала, – пожал плечами Страйк. – Она думала, он направляется в писательский дом творчества, о котором узнал от Кристиана Фишера. «Бигли-холл».

– Она отказывается съехать из дома.

– У нее умственно отсталая дочь, которая никогда в жизни не ночевала в других местах. Ты можешь себе представить, чтобы Леонора одолела Куайна?

– Нет, не могу, – честно признался Энстис, – но мы знаем, что его возбуждали веревки, и сомневаюсь, что жена, прожив с ним тридцать с лишним лет, была не в курсе.

– Не хочешь ли ты сказать, что они разругались – и она тут же побежала за ним, чтобы ублажить связыванием?

Из вежливости Энстис усмехнулся, а потом сказал:

– Нехорошо это для нее выглядит, Боб. Разгневанная жена, имеющая, во-первых, ключ от заброшенного дома; во-вторых, возможность ознакомиться с рукописью раньше других и, в-третьих, дополнительный мотив, если она знала про любовницу, а тем более – если Куайн собирался бросить жену и дочь ради Кент. А если жена скажет, что, крича: «Я знаю, куда ты собрался!» – подразумевала не дом на Тэлгарт-роуд, а писательское убежище, кто поверит ей на слово?

– Когда ты так излагаешь, звучит убедительно, – сказал Страйк.

– Но тебя лично это не убеждает.

– Она – моя клиентка, – возразил Страйк. – Мне платят за то, чтобы я находил альтернативы.

– А она тебе не рассказывала, где работала до замужества? – спросил Энстис с видом игрока, готового бить козырем. – Когда еще жила в городке Хэй-он-Уай?

– Не тяни. – Страйк насторожился.

– У своего дяди, в мясной лавке, – закончил Энстис.

За дверью кабинета опять топал по лестнице Тимоти Корморан Энстис, ревущий во все горло из-за какого-то очередного недовольства. Впервые за всю историю их безрадостного знакомства Страйк был с ним солидарен.

24

Благовоспитанные люди всегда лгут. К тому же вы женщина, а женщины не говорят, что думают.

Уильям Конгрив.

Любовь за любовь[16]

В ту ночь, после разговоров под пиво насчет крови, кислоты и мясных мух, Страйка мучили путаные, безобразные сны.

Шарлотта выходила замуж, и он, Страйк, бежал к причудливому готическому собору – бежал на своих здоровых ногах, потому что знал: она только что родила от него ребенка, которого необходимо увидеть и спасти. Она стояла в темной пустоте у алтаря, совершенно одна, и втискивалась в кроваво-красное свадебное платье, а дитя, скрытое от глаз, лежало совсем в другом месте – наверное, в холодной ризнице, голое, беспомощное, всеми брошенное.

– Где? – спросил он.

– Ты его не увидишь. Ты его не хотел. И потом, с ним кое-что неладно, – ответила она.

Он в страхе подумал, что за ужасное зрелище его ждет. Жениха поблизости не оказалось, но Шарлотта, надевшая плотную алую фату, была готова к венчанию.

– Забудь о нем, он уродец, – холодно сказала Шарлотта, отстраняя его, чтобы отойти от алтаря, и в одиночестве направилась по проходу к далекому порталу. – Тебе лишь бы его потискать! – выкрикнула она через плечо. – Я не допущу, чтобы ты его тискал. Со временем ты его увидишь. Но вначале нужно дать объявление, – добавила она затухающим голосом и превратилась в луч алого света, танцующий на фоне распахнутых дверей, – в газетах…

Тут он вдруг проснулся в утренней мгле; во рту пересохло, колено угрожающе пульсировало, невзирая на ночной отдых.

За ночь Лондон сковало морозом. Окно мансарды с наружной стороны затянуло плотным инеем; в квартире с плохо пригнанными рамами и дверями, с полным отсутствием утепления под кровлей температура резко упала.

Приподнявшись, Страйк потянулся за свитером, валявшимся в изножье кровати. Когда дело дошло до протеза, он обнаружил, что после поездки в Гринвич и обратно колено распухло, как шар. Вода в душе грелась невыносимо долго; он поставил термостат на максимум, предвидя, что это чревато лопнувшими трубами, замерзшими стояками, минусовой температурой в комнатах и затратами на водопроводчика.

Растершись полотенцем, Страйк откопал в стоявшей на лестнице коробке старые эластичные бинты, чтобы стянуть колено.

Теперь он понял – так отчетливо, как будто всю ночь только об этом и думал, – откуда Хелли Энстис узнала о матримониальных планах Шарлотты. Как же ему не пришло в голову? Но подсознательно он чувствовал.

Умывшись и одевшись, он позавтракал и отправился вниз. Из окна кабинета он удостоверился, что жгучий холод прогнал от подъезда кучку репортеров, которые накануне понапрасну дожидались его возвращения.

В окна бился мокрый снег. Страйк перешел в приемную, сел за компьютер Робин и вбил в строку поиска: *шарлотта кэмпбелл джейго росс свадьба*.

Безжалостные результаты были получены мгновенно.

«Татлер», декабрь 2010: Красотка Шарлотта Кэмпбелл выходит замуж за будущего виконта Кроя…

– «Татлер», – вслух сказал Страйк в тишине офиса.

О существовании этого журнала он знал только потому, что в разделе светской хроники постоянно мелькали друзья Шарлотты. Иногда она покупала очередной номер и демонстративно погружалась в чтение перед Страйком, отпуская комментарии в адрес мужчин, в чьих постелях или фамильных замках успела побывать.

А теперь она попала на обложку рождественского выпуска.

Колено, даже перебинтованное, жаловалось на крутую металлическую лестницу и предательскую слякоть. К газетному киоску выстроилась обычная утренняя очередь. Страйк неспешно обвел глазами журнальные стенды: обложки дешевых изданий украшали звезды сериалов, а дорогих – кинозвезды; декабрьские номера были почти полностью распроданы, хотя еще не кончился ноябрь. На обложке «Вог» – Эмма Уотсон в белом (подзаголовок: «Суперзвезды этого номера»), на обложке «Мари Клэр» – Рианна в розовом (подзаголовок: «Гламур этого номера»), а на обложке «Татлера»…

Бледная, идеальная кожа, отброшенные назад черные волосы, высокие скулы и широко посаженные зелено-карие глаза в рыжеватую крапинку. В ушах – два гигантских бриллианта, третий – на пальце руки, легко касающейся лица. Глухой, тупой удар молотком в сердце, принятый без малейших внешних признаков. Страйк взял журнал (последний экземпляр), расплатился и вернулся к себе на Денмарк-стрит.

На часах было без двадцати девять. Страйк заперся в кабинете, сел за свой письменный стол и положил перед собой журнал.

ОТ-КРОЙ СЕКРЕТ!

Бывшая попрыгунья, без пяти минут виконтесса Шарлотта Кэмпбелл.

Подзаголовок пересекал лебединую шею Шарлотты. Страйк смотрел на нее впервые с того дня, когда она разодрала ему ногтями лицо в этом самом кабинете, а потом убежала – прямиком в объятия достопочтенного Джейго Росса. Страйк подумал, что все журнальные фотографии обязательно ретушируются. Ее кожа не могла быть столь безупречной, а белки глаз – столь чистыми, но в остальном ничто не приукрашено: ни черты лица, ни (это уж точно) размер бриллианта на пальце.

Страйк неторопливо изучил оглавление и перешел к статье. Портрет на полный разворот: очень тоненькая, в серебристом вечернем платье, Шарлотта была сфотографирована в середине длинной галереи, увешанной шпалерами; рядом, опираясь на ломберный стол, стоял похожий на песца Джейго Росс. На обороте были и другие снимки: Шарлотта сидит на старинной кровати под балдахином и

смеется запрокинув голову – из ворота тонкой кремовой блузы поднимается точеная белая шея; Шарлотта и Джейго, в резиновых сапогах и джинсах, обходят, взявшись за руки, угодья своей будущей резиденции, а у их ног резвятся два джек-рассел-терьера; Шарлотта, обдуваемая ветром, стоит на главной башне замка, глядя через плечо, задрапированное шотландским пледом в цветах клана виконта.

Понятно, за что Хелли Энстис с готовностью выложила четыре фунта.

> 4 декабря нынешнего года часовня XVII века в замке Крой (НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ «Кройский замок» – владельцам это претит) во всем своем блеске впервые за последнее столетие станет местом венчания. Ослепительная Шарлотта Кэмпбелл, дочь светской львицы шестидесятых Тулы Клермонт и деятеля науки, телеведущего Энтони Кэмпбелла, выходит замуж за достопочтенного Джейго Росса, наследника замка и всех титулов своего отца, виконта Кроя. Будущая виконтесса – несколько противоречивая кандидатура на вхождение в семейство Росс из клана Крой, но Джейго со смехом заявляет, что никто из близких, принадлежащих к старинному, прославленному шотландскому роду, не возражает против его выбора. «Честно говоря, моя мать всегда надеялась, что мы поженимся, – говорит он. – Мы дружили еще в Оксфорде, но были, наверное, слишком молоды… вновь нашли друг друга в Лондоне… оба только что разорвали предыдущие отношения…»

«Вот как? – подумал Страйк. – Вы оба только что разорвали предыдущие отношения? Или ты спал с ней в то же время, что и я, – потому она и психовала, не зная, от кого забеременела? Меняла даты, чтобы можно было повернуть дело в любую сторону, оставляла себе свободу маневра…»

> …история попала в газеты: совсем еще юная Шарлотта была объявлена в общенациональный розыск, когда на неделю исчезла из старейшей частной общеобразовательной школы «Бидейлз»… в возрасте 25 лет лечилась в наркологическом диспансере… «Старые новости, ничего интересного, надо идти вперед, – оживленно говорит Шарлотта. – Да, в юности я развлекалась без устали, но

сейчас настало время остепениться, и я, честно говоря, в нетерпении».

«Развлекалась, говоришь? – молча обратился Страйк к ее блистательному изображению. – Развлекалась, когда стояла на крыше и хотела броситься вниз? Развлекалась, когда звонила мне из дурдома и умоляла, чтобы я тебя вытащил?»

Росс, который только что пережил весьма сложный бракоразводный процесс, не сходивший со страниц светской хроники… «Жаль, что не удалось достичь соглашения без адвокатов», – вздыхает он… «Не могу дождаться, когда стану второй мамой его ребятишкам!» – взволнованно признается Шарлотта…

(«Если ты еще раз потащишь меня к Энстисам, клянусь, я прибью их спиногрыза, так и знай, Корм». А потом, наблюдая, как на заднем дворе у Люси мальчишки гоняют в футбол: «Ну почему эти дети – такие гнусы?» Надо было видеть лицо их матери, оказавшейся поблизости…)

На той же странице промелькнуло и его имя.

…в том числе и необъяснимое увлечение – старший сын Джонни Рокби – Корморан Страйк, о котором много писали в прошлом году…

…необъяснимое увлечение – старший сын Джонни Рокби…

…сын Джонни Рокби…

Резким, импульсивным движением он закрыл журнал и отправил его в корзину для бумаг.

Шестнадцать лет, с перерывами. Шестнадцать лет муки, безумства и редких вспышек восторга. А потом, после бесчисленных случаев, когда она от него уходила, чтобы броситься в чужие объятия, как другие женщины бросаются на рельсы, он оставил ее по собственной воле. И тем самым перешел запретный Рубикон, поскольку всегда считалось, что он должен стоять незыблемо, как утес, не содрогаясь и не сходя с места, чтобы она в любой момент могла вернуться. Но в тот вечер, когда она бросила ему в лицо клубок лжи насчет ребенка, которого якобы носила под сердцем, да еще стала яростно биться в истерике, утес в конце концов содрогнулся, получил в бровь пепельницей и хлопнул дверью.

У него еще не прошел фингал, а она уже объявила о помолвке с Россом. Шарлотта уложилась в каких-то три недели, потому что знала, как облегчить свою боль: любой ценой сделать так, чтобы обидчику стало еще больнее. А он, хотя и понимал, что друзья будут упрекать его за самонадеянность, нутром чувствовал: эти фотографии в «Татлере», это пренебрежительное описание их отношений в убийственных для него выражениях (Страйк так и слышал, как она отчетливо говорит корреспонденту «Татлера»: «он – сын Джонни Рокби»), этот замок Крой-Перекрой – все это, абсолютно все имело своей целью побольнее уколоть его, чтобы опомнился и увидел, чтобы пожалел и раскаялся. Она прекрасно знала, что представляет собой этот Росс: сама же, со слов заядлых сплетников голубых кровей, много лет рассказывала, что он скрытый алкоголик, известный своей жестокостью. Хохотала, повторяя, что легко отделалась. Хохотала.

Самосожжение в подвенечном платье. *Смотри, как я сгораю, Вояка*. До свадьбы оставалось десять дней, но если у него и была в чем-то стопроцентная уверенность, то лишь в одном: позвони он Шарлотте прямо сейчас и предложи убежать с ним вдвоем, она, невзирая на все омерзительные сцены, на грязные оскорбления, которые бросала ему в лицо, на все обманы и хитрости – на весь этот многотонный груз, разбивший в щепки их отношения, сказала бы «да». Убегать было у нее в крови, а Страйк оставался излюбленным пунктом назначения, где соединялись свобода и безопасность, – так она сама говорила ему не раз и не два, после ссор, которые давно убили бы их обоих, если бы душевные раны могли кровоточить: «Ты мне нужен. Ты для меня все, и сам это знаешь. Ты – мое единственное пристанище, Вояка…»

Он услышал, как открылась и закрылась стеклянная дверь в приемную, после чего уловил знакомые звуки прихода Робин: сняла пальто, поставила чайник.

Работа всегда была для него спасением. Шарлотта ненавидела, когда он после ее сумасшедших, буйных сцен, со слезами, мольбами и угрозами, тут же с головой погружался в материалы дела. Ей было не под силу заставить его не надевать форму, не возвращаться к работе, отодвинуть расследование на второй план. Его сосредоточенность, верность армии, способность отстраняться виделись ей

предательством, равнодушием. Этим холодным утром, сидя у себя в офисе, где в корзине для бумаг лежал ее портрет, Страйк жалел о том, что армейское командование больше не отдает ему приказы, не отправляет в длительную командировку для расследования нового дела в другой части света. Ему обрыдло выслеживать неверных мужей и любовниц или встревать в конфликты всякого жулья. Для него существовала лишь одна тема, которая по своей притягательности могла соперничать с Шарлоттой: насильственная смерть.

– Доброе утро. – Он, прихрамывая, вышел в приемную, где Робин уже заваривала чай. – Сегодня рассиживаться некогда. Мы сейчас выходим.

– Куда? – удивилась Робин.

Окна залепило снегом. У нее до сих пор горели щеки: она бежала по мокрым тротуарам, чтобы поскорее оказаться в тепле.

– Нужно кое-что предпринять по делу Куайна.

Страйк солгал. Дело Куайна оказалось целиком и полностью под контролем полиции; что такого он мог предпринять, чтобы обойти этих ребят? Но в глубине души он понимал: Энстису не хватает нюха на странное и изломанное, чтобы выйти на убийцу.

– На десять часов у тебя назначена Кэролайн Инглз.

– Черт! Придется отменить. Тут такая штука: эксперты установили, что смерть Куайна наступила почти сразу после его исчезновения. – Он сделал глоток обжигающего, крепкого чая; Робин давно не видела у своего босса такой целеустремленности и бьющей через край энергии. – А значит, нужно вторично проверить тех, кто раньше других получил доступ к рукописи. Я должен выяснить, где они живут – и с кем. После этого надо будет осмотреть их дома и квартиры. Установить, позволяют ли их жилищные условия войти и выйти с мешком потрохов. И есть ли у них возможность закопать или сжечь улики.

Задача представлялась несложной, но на сегодня и этого было достаточно, а ему требовалось хоть чем-то себя занять.

– Ты поедешь со мной, – добавил он. – В этом качестве ты незаменима.

– В каком – в качестве твоего Ватсона? – уточнила она, изображая равнодушие. В ней еще не перегорела обида, с которой она вчера ушла

из «Кембриджа». – Где они живут – можно посмотреть, не выходя из офиса, по картам «Гугла».

– А что, мысль интересная, – поддакнул ей Страйк. – Зачем ноги топтать, если можно взять да посмотреть залежалые картинки?

Робин смутилась:

– Да я буду только рада…

– Отлично. Я позвоню Инглз. А ты садись за компьютер и пробей домашние адреса Кристиана Фишера, Элизабет Тассел, Дэниела Чарда, Джерри Уолдегрейва и Майкла Фэнкорта. Кроме того, мы с тобой наведаемся в Клемент-Эттли-Корт на предмет сокрытых улик – я там был в темное время суток, но видел и помойки, и кусты… Да, кстати, позвони-ка в книжный магазин «Бридлингтон», это в Патни. Надо бы потолковать с букинистом, который якобы видел Куайна восьмого числа.

Страйк ушел к себе в кабинет, а Робин села за компьютер. С шарфа, который она только что повесила на крючок, стекали ледяные капли, но она не обращала внимания. Ее преследовало зрелище изуродованного тела Куайна и в то же время не покидало навязчивое желание (скрываемое, как грязная тайна, от Мэтью) узнать как можно больше – узнать все. Злило ее только одно: что Страйк – единственный, кто мог бы это понять, – не видел в ней того же азарта, каким определенно горел он сам.

25

Так всегда бывает, когда человек, не зная, в чем дело, желает быть услужливым и, не спросясь, лезет исполнять поручения…

Бен Джонсон.

Эписин, или Молчаливая женщина[17]

Выйдя на воздух, они вдруг оказались в вихре пушистых снежинок. В памяти мобильного телефона Робин были сохранены адреса, найденные в интернет-справочнике. Страйк хотел первым делом еще раз смотаться на Тэлгарт-роуд, поэтому Робин начала докладывать ему о результатах поиска прямо на платформе подземки, где в это время – близко к окончанию утреннего часа пик – было многолюдно, но не катастрофически. В вагоне их встретили запахи мокрой шерсти, сажи и прорезиненной ткани. Робин и Страйк продолжили разговор, держась за ту же стойку, что и трое замученных туристов-итальянцев с рюкзаками.

– Старик, который работает в книжном магазине, сейчас в отпуске, – говорила Робин, – до понедельника.

– Хорошо, пока о нем забудем. А другие подозреваемые?

Услышав это слово, Робин вопросительно подняла одну бровь, но продолжила:

– Кристиан Фишер живет в Кэмдене с женщиной тридцати двух лет – видимо, с подругой, как ты считаешь?

– Похоже, – согласился Страйк. – И это создает определенные помехи… наш убийца нуждался в покое и уединении, чтобы избавиться от окровавленной одежды, не говоря уже об изрядном количестве человеческих внутренностей. Мне хотелось бы обнаружить такое место, где можно ходить туда-сюда без посторонних глаз.

– Вообще говоря, на «Гугл-стрит-вью» есть изображение этого дома, – с легким вызовом объявила Робин. – В нем на три квартиры один общий вход.

– И от Тэлгарт-роуд путь неблизкий.

– Но ты же не считаешь, что это сделал Кристиан Фишер? – спросила Робин.

– Такое, конечно, маловероятно, – признал Страйк. – Он ведь почти не знал Куайна, да и в романе о нем ничего не сказано, – по крайней мере, я не распознал.

На станции «Холборн» им предстояло сделать пересадку; Робин тактично замедлила шаг, приспосабливаясь к походке Страйка, и не стала комментировать ни его хромоту, ни движения корпуса, помогавшие ему двигаться вперед.

– А что насчет Элизабет Тассел? – на ходу спросил он.

– Живет на Фулем-Пэлас-роуд, одна.

– Это хорошо, – сказал Страйк. – Надо будет посмотреть, не разбила ли она свежую клумбу.

– Разве Скотленд-Ярд этим не поинтересуется? – спросила Робин.

Страйк нахмурился. Он-то понимал, что выглядит шакалом, который кружит рядом со львами в надежде поживиться необглоданной косточкой.

– Возможно, поинтересуется, – сказал он, – а возможно, и нет. Энстису втемяшилось, что убийца – Леонора, а он не из тех, кого легко переубедить, уж я-то знаю: в Афганистане мы с ним вместе расследовали одно дело. Кстати, о Леоноре, – небрежно добавил он. – Энстис выяснил, что она когда-то работала в мясной лавке.

– Ой, страсти-мордасти! – вырвалось у Робин.

Страйк усмехнулся. От волнения у нее иногда прорезался йоркширский говорок; вот и сейчас он услышал «мурдасти».

На линии Пиккадилли, в поезде, который должен был доставить их на «Бэронз-Корт», народу оказалось гораздо меньше, и Страйк с большим облечением плюхнулся на свободное место.

– А Джерри Уолдегрейв проживает с женой, верно? – спросил он.

– Если ее имя – Фенелла, то да. У них квартира на Хэзлитт-роуд в Кенсингтоне. И в том же доме, только в квартире цокольного этажа, проживает некая Джоанна Уолдегрейв…

– Их дочь, – пояснил Страйк. – Начинающая писательница. Она была на фуршете в издательстве. А где, кстати, обретается Дэниел Чард?

– В Пимлико, на Сассекс-стрит, вместе с некими Рамос – Ненитой и Мэнни…

– Видимо, это прислуга.

– …к тому же у него имеется недвижимость в Девоне: Тайзбарн-Хаус. Предположительно, там он сейчас и застрял со сломанной ногой. Остается еще Фэнкорт, но его адрес засекречен, – подытожила Робин. – Правда, в Сети на него масса биографических ссылок. У него есть усадьба Елизаветинской эпохи Эндзор-Корт близ Чу-Магна.

– Чу-Магна?

– Это в Сомерсете. Он там живет со своей третьей женой.

– Сегодня уже не успеть, – огорчился Страйк. – Нет ли у него поблизости от Тэлгарт-роуд какой-нибудь холостяцкой берлоги, где можно спрятать кишки в морозильник?

– Я не нашла.

– А где же он базировался, когда приходил поглазеть на место преступления? Или просто приехал на денек в ностальгическое путешествие?

– Если это действительно был он.

– Да, если это был он… а ведь есть еще Кэтрин Кент. Ну, нам известно, где она живет, причем одна. Вечером восьмого числа Куайн, по словам Энстиса, вышел из такси неподалеку от ее дома, но подругу свою не застал. Возможно, забыл, что она дежурит у сестры, – размышлял вслух Страйк, – и, возможно, не застав ее дома, отправился к себе на Тэлгарт-роуд, так? Она вполне могла приехать туда к нему на свидание прямо из хосписа. Осмотр ее квартиры у нас на второй очереди.

Пока они двигались в западном направлении, Страйк рассказал Робин, что один из свидетелей заметил женщину в парандже, входившую в дом четвертого ноября, а другой – самого Куайна, выходившего на улицу в ночь с пятого на шестое.

– Но они могут ошибаться – и оба сразу, и каждый в отдельности, – заключил он.

– Женщина в парандже. Как по-твоему, – осторожно спросила Робин, – не окажется ли на поверку тот свидетель психом-исламофобом?

Работа у Страйка открыла ей глаза на разнообразие и силу бурлящих в обществе фобий и предрассудков. На волне огласки,

которую получило дело Лэндри, через руки Робин прошло немало писем, которые одно за другим вызывали у нее то тревогу, то смех. Например, один мужчина заклинал Страйка обратить свой недюжинный талант на изобличение «всемирного еврейского заговора» в банковской сфере, сожалел о нехватке средств на оплату такого расследования, но выражал надежду, что оно принесет Страйку международное признание. Другое письмо пришло от юной пациентки психиатрической клиники со строгим наблюдением: девушка на двадцати страницах умоляла Страйка помочь ей доказать, что все ее родственники таинственным образом похищены и заменены двойниками. Анонимный корреспондент неопределенного пола требовал, чтобы Страйк вывел на чистую воду сатанинскую сеть злоумышленников, орудующих, как ему стало известно, под видом Бюро консультации населения.

– Может, они и психи, – соглашался Страйк. – Безумцев хлебом не корми – подавай им убийство. Что-то они в этом находят. Но для начала им необходимо выговориться.

К этой беседе прислушивалась сидевшая напротив молодая женщина в хиджабе. У нее были большие сентиментальные маслянисто-карие глаза.

– Если допустить, что четвертого ноября кто-то действительно входил в дом, то надо признать, что паранджа – на редкость удачный способ маскировки. Как еще можно полностью скрыть лицо и фигуру, не насторожив при этом окружающих?

– И у вошедшего была с собой еда из мусульманской кулинарии?

– Видимо, да. Значит, Куайн напоследок закусил халяльной продукцией? Не потому ли ему вырезали нутро?

– То есть этой женщины…

– Или этого мужчины…

– Через час уже там не было?

– Так утверждает Энстис.

– Выходит, Куайна там никто не ожидал?

– Там банкета ожидали – даже приборы заранее расставили, – сказал Страйк, и Робин поморщилась.

Молодая женщина в хиджабе вышла на «Глостер-роуд».

– В книжном магазине вряд ли установлены камеры наблюдения, – вздохнула Робин. После дела Лэндри камеры стали ее пунктиком.

– Вряд ли, иначе Энстис бы упомянул, – согласился Страйк.

Бэронз-Корт встретил их настоящей метелью. Страйк указывал дорогу, и они, щурясь от бьющих в лицо пушистых снежинок, шли в сторону Тэлгарт-роуд. Страйк все сильнее ощущал необходимость опоры. При выписке из госпиталя он получил в подарок от Шарлотты элегантную старинную трость из ротанга. Якобы принадлежавшая еще прадеду Шарлотты, трость оказалась коротковата: Страйк, выходя с ней на улицу, клонился на правый бок. Когда Шарлотта собрала его вещи, чтобы вышвырнуть из квартиры, трости среди них не оказалось.

На подходе к дому номер сто семьдесят девять стало ясно, что там еще работает бригада криминалистов. Вход был обнесен ленточным заграждением, а снаружи дежурила съежившаяся от холода женщина-офицер. При их появлении она повернула голову, впилась глазами в Страйка, сощурилась и жестко бросила:

– Мистер Страйк.

Рыжеволосый полицейский в штатском, который стоял в дверях и разговаривал с кем-то находившимся сразу за порогом, резко обернулся и, завидев Страйка, поспешил вниз по обледенелым ступеням.

– Утро доброе, – как ни в чем не бывало сказал Страйк.

Такая дерзость вызвала у Робин восхищение, смешанное с тревогой: уважение к закону было у нее в крови.

– Что вас повторно привело к этому дому? – с подчеркнутой вежливостью спросил рыжеволосый и обшарил Робин взглядом, в котором ей почудилось нечто оскорбительное. – Сюда нельзя.

– Жаль, – сказал Страйк. – Тогда займемся обходом прилегающей территории.

Игнорируя пару полицейских, следивших за каждым его шагом, Страйк похромал мимо них к дому номер сто восемьдесят три, вошел в калитку и поднялся на крыльцо. Робин оставалось только следовать за ним; она смущалась, чувствуя спиной чужие взгляды.

– Зачем мы сюда идем? – шепнула она, когда они оказались под кирпичным козырьком, вне поля зрения настороженных полицейских.

С виду дом выглядел пустым, но Робин опасалась, что кто-нибудь все же распахнет дверь.

– Чтобы прикинуть, могла ли хозяйка в два часа ночи рассмотреть закутанную фигуру, выходившую с дорожной сумкой из дома сто

семьдесят девять, – объяснил Страйк. – И знаешь что? Вполне могла, если вот тот фонарь горит как положено. Ладно, пройдемся теперь в другую сторону.

– Сегодня довольно свежо, правда? – сказал Страйк хмурой женщине-констеблю и ее коллеге, еще раз проходя мимо вместе с Робин. – Через четыре дома к началу улицы – так Энстис говорил, – шепнул он своей помощнице. – Значит, это будет номер сто семьдесят один…

И опять Страйк начал подниматься по ступеням, а Робин как прибитая плелась сзади.

– Слушай, не мог ли он ошибиться?.. Нет, вряд ли. Перед домом сто семьдесят семь стоит красный пластмассовый бачок для мусора. Если паранджа шла по лестнице, бачок как раз должен был ее заслонить, тогда понятно, что…

Входная дверь открылась.

– Чем могу служить? – спросил интеллигентный мужчина в очках с толстыми линзами.

Когда Страйк стал извиняться, что ошибся домом, рыжеволосый полисмен, стоявший на тротуаре у номера сто семьдесят девять, выкрикнул что-то невнятное. Не получив ответа, он перемахнул через ленточное заграждение и рысцой побежал в их сторону.

– Этот человек, – вскричал он как безумный, тыча пальцем в Страйка, – не из полиции!

– А он и не говорил, что из полиции, – с легким удивлением ответил мужчина в очках.

– Ну что ж, здесь мы, похоже, закончили, – обратился Страйк к Робин.

– А тебя не беспокоит, – на обратном пути Робин приободрилась, но спешила унести ноги, – как отнесется твой друг Энстис к тому, что ты ошивался возле места преступления?

– Думаю, без особой радости, – сказал Страйк, озираясь в поисках камер видеонаблюдения, – но в мои обязанности не входит радовать Энстиса.

– Он, как приличный человек, поделился с тобой результатами экспертизы, – заметила Робин.

– Только для того, чтобы я не совался в это дело. По его мнению, все указывает на Леонору. И проблема в том, что на данном этапе так

оно и есть.

По мостовой сплошным потоком двигался транспорт, за которым, насколько мог судить Страйк, наблюдала одна-единственная камера, зато в любом из многочисленных переулков фигура в тирольском плаще Оуэна Куайна или в парандже могла скрыться от ее ока, сохранив свою анонимность.

В кафе «Метро», под крышей станции, Страйк купил им с собой по стаканчику кофе, после чего они прошли через ярко-зеленый вестибюль и поехали в Западный Бромптон.

– Нужно помнить, – заговорил Страйк, когда они делали пересадку на «Эрлз-Корт» и Робин заметила, как ее босс постоянно переносит вес на здоровую ногу, – что Куайн исчез пятого ноября. В Ночь костров[{17}].

– Помню-помню! – заверила Робин.

– Когда повсюду рвутся петарды и вспыхивают огни, – продолжал Страйк, торопясь допить кофе, пока не подошел поезд: сохранять равновесие на мокром, скользком полу, да еще удерживать на ходу стаканчик с кофе, могло оказаться непосильной задачей. – Кругом запускали фейерверки, отвлекавшие внимание прохожих. Неудивительно, что в такую ночь никто не заметил, как в дом входил закутанный человек.

– То есть Куайн?

– Совсем не обязательно.

Робин ненадолго задумалась.

– По-твоему, книготорговец лжет, что Куайн восьмого числа явился к нему в магазин?

– Не знаю, – проговорил Страйк. – Пока рано судить.

Но в действительности, как он сейчас понял, эти показания шли вразрез с его собственными мыслями. Слишком уж очевидным было внезапное оживление вокруг заброшенного дома четвертого и пятого ноября.

– Интересно все-таки, как человек запоминает одно, а не другое, – рассуждала Робин, когда они поднимались по красно-зеленой лестнице в Западном Бромптоне; Страйк, наступая на правую ногу, всякий раз морщился. – Странная штука память, вер…

Правое колено Страйка вдруг будто обожгло огнем, и детектив привалился к перилам мостика-перехода. Шагавший сзади мужчина в

костюме раздраженно выругался, наткнувшись на массивную преграду, а Робин, которая не прерывала своих рассуждений, ушла на несколько шагов вперед, пока не сообразила, что Страйка рядом нет. Она поспешила назад и увидела, что он побледнел и покрылся испариной; пассажиры аккуратно обходили его стороной.

– Что-то лопнуло, – процедил он, стиснув зубы, – у меня в колене. Черт… *черт*!

– Давай попробуем взять такси.

– В такую погоду это дохлый номер.

– Тогда поехали в обратную сторону – вернемся в контору.

– Нет, мне позарез нужно еще…

Никогда еще он не ощущал скудости своих ресурсов так остро, как сейчас, стоя на ажурном железном мостике под заснеженным стеклянным куполом. Раньше в его распоряжении всегда была служебная машина. Он имел право вызывать к себе свидетелей. В Отделе специальных расследований он рулил, а другие ему подчинялись.

– Если позарез нужно, значит возьмем такси, – твердо сказала Робин. – По Лилли-роуд путь неблизкий. У тебя… – Она осеклась. Между собой они никогда не упоминали – разве что косвенно – инвалидность Страйка. – У тебя, наверное, есть палка или…

– Если бы, – пробормотал он бескровными губами.

Притворяться не имело смысла. Он не представлял, как доберется до конца мостика.

– Сейчас купим, – сказала Робин. – В аптеках иногда продаются. Найдем. – А после секундного колебания предложила: – Обопрись на меня.

– Я слишком тяжелый.

– Просто для равновесия. Как на трость. Давай, – решительно скомандовала она.

Одной рукой Страйк обхватил ее за плечи и медленно заковылял по мостику рядом с ней. У выхода он остановился. Метель на время утихла, но мороз только крепчал.

– Почему же нигде нет скамеек? – рассердилась Робин, вертя головой.

– Вот так и живем, – сказал Страйк и, как только они остановились, поспешил убрать руку с ее плеча.

– Как по-твоему, что это было? – спросила Робин, глядя на его правую ногу.

– Понятия не имею. Колено еще утром распухло. Не надо было вообще надевать этот протез, но я ненавижу костыли.

– Ну, знаешь, на Лилли-роуд в такую погоду недолго шею сломать. Мы сейчас возьмем такси, и ты вернешься в контору…

– Нет. Я должен еще кое-что сделать, – рассердился Страйк. – Энстис подозревает Леонору. Но она ни при чем. – От боли у него пропала охота темнить.

– Хорошо, – сказала Робин. – Тогда мы разделимся, и ты поедешь на такси. Согласен? *Ты согласен?* – не отступалась она.

– Ладно, – сдался он. – А ты езжай в Клемент-Эттли-Корт.

– И что там искать?

– Камеры видеонаблюдения. Укромные места, где можно спрятать одежду и потроха. Кент – если она уволокла и то и другое с собой – не стала бы заносить это в квартиру, чтобы не завоняло. Поснимай на мобильный – фотографируй все, что сочтешь подозрительным…

Перечисляя эти задачи, Страйк думал, насколько же они незначительны, но ведь нужно было хоть что-нибудь делать. Почему-то у него из головы не шла Орландо со своим мягким орангутангом.

– А что дальше? – спросила Робин.

– Дальше – на Сассекс-стрит, – после короткого раздумья ответил Страйк. – Задачи – те же. Когда управишься – позвони, встретимся в городе. Дай-ка мне адреса Тассел и Уолдегрейва.

Робин протянула ему листок бумаги:

– Я пошла за такси.

Не успел он ее поблагодарить, как она размашистым шагом вышла на промерзшую улицу.

26

Обдумывать я должен каждый шаг,
Хожу я как по льду, и мне нужны
Подбитые гвоздями башмаки,
Иль оступлюсь я и сломаю шею.

Джон Уэбстер.

Герцогиня Амальфи[18]

К счастью, пятьсот фунтов, полученных наличными в качестве аванса за нападение на мальчишку-школьника, еще лежали у Страйка в бумажнике. Назвав таксисту адрес Элизабет Тассел, он внимательно отслеживал маршрут и добрался бы до ее дома на Фулем-Пэлас-роуд буквально за четыре минуты, если бы не увидел из окна аптеку. Он попросил водителя остановиться и очень скоро стал владельцем регулируемой по высоте трости, которая заметно облегчила его передвижения.

По его прикидкам, женщина в хорошей физической форме проделала бы такой путь пешком меньше чем за полчаса. Элизабет Тассел жила дальше от места преступления, чем Кэтрин Кент, но Страйк, довольно хорошо знавший этот район, не сомневался, что она могла бы добраться к себе домой переулками (и на своих двоих, и на автомобиле), не попадая в камеры видеонаблюдения.

В этот унылый, холодный день ее дом выглядел обшарпанным и безликим. Рядовая викторианская постройка из красного кирпича не шла ни в какое сравнение с величественной, оригинальной архитектурой Тэлгарт-роуд. Дом стоял на углу; сад заполонили разросшиеся кусты ракитника. Страйк разглядывал садовую калитку, прикрывая сигарету ладонью, потому что опять повалил мокрый снег. И палисадник, и задний двор были скрыты от посторонних глаз темной живой изгородью, отяжелевшей от наледи. Окна верхнего этажа выходили на кладбище; в преддверии зимы вид был

удручающий: голые деревья тянулись костлявыми руками к блеклому небу, старые надгробья уходили в бесконечность.

Мыслимо ли было представить, чтобы кипящая от нескрываемой ненависти к Оуэну Куайну Элизабет Тассел, в черном деловом костюме, с алой помадой на губах, тайком возвращалась сюда под покровом тьмы, в пятнах кислоты и крови, да еще с пакетом кишок?

Холод злобно щипал шею и пальцы. Затоптав окурок, Страйк попросил водителя, с любопытством и подозрением наблюдавшего, как странный пассажир изучает дом Элизабет Тассел, отвезти его в Кенсингтон, на Хэзлитт-роуд.

Ссутулившись на заднем сиденье, он глотал обезболивающее и запивал минеральной водой – все это было куплено в той же аптеке.

В такси удушающе пахло застарелым табаком, въевшейся грязью и старой кожей. Дворники шуршали, как приглушенные метрономы, ритмично расчищая мутную картинку широкой, оживленной Хаммерсмит-роуд, где перемежались короткие ряды скромных офисных зданий и шеренги жилых домов. Страйк обратил внимание на дом сестринского ухода «Назарет-хаус»: безмятежное, похожее на собор здание из того же красного кирпича, только с проходной, надежно отделяющей тех, кому обеспечен сестринский уход, от всех прочих.

Сквозь запотевшие окна Страйк разглядел Блайз-Хаус{18}: величественный, как дворец, с белыми куполами, он напоминал гигантский розоватый торт в серых лужах слякоти. Насколько помнилось Страйку, сейчас в этом здании размещалось фондохранилище какого-то крупного музея. Такси свернуло прямо на Хэзлитт-роуд.

– Какой номер дома? – спросил водитель.

– Остановите прямо здесь, – ответил Страйк, чтобы не светиться перед домом, и вспомнил, что транжирит деньги, хотя на нем еще висит долг.

Тяжело опираясь на трость со спасительным резиновым наконечником, обеспечивающим надежное сцепление со скользким тротуаром, он расплатился с таксистом и пошел дальше по улице, чтобы с близкого расстояния присмотреться к жилищу Уолдегрейва.

На этой улице стояли типичные таунхаусы из золотистого кирпича, четырехэтажные, каждый с цоколем и классическим белым фронтоном, с резными венками под окнами верхнего этажа и с коваными балюстрадами. По большей части они были преобразованы в обычные многоквартирные дома. Палисадников перед ними не было; к цокольным этажам спускались каменные ступеньки. Здесь ощущалась атмосфера какой-то непродуманности, едва заметной обывательской небрежности: на одном балконе – разномастные цветочные горшки, на другом – велосипед, на третьем – мокрое, готовое заледенеть белье, оставленное на морозе после стирки.

Дом, который занимали Уолдегрейв с женой, был в числе тех немногих, что избежали дробления на квартиры. Окидывая его взглядом, Стайк размышлял, сколько же может зарабатывать ведущий редактор, и вспоминал слова Нины о том, что жена Уолдегрейва – «из очень денежной семьи». На балконе второго этажа (чтобы его рассмотреть, Страйку пришлось перейти на другую сторону) стояли два намокших парусиновых стула с рисунком, имитирующим старые книжные обложки издательства «Пингвин», а между ними – железный столик, какие попадаются в парижских бистро.

Закурив следующую сигарету, Страйк вернулся к дому, чтобы заглянуть в цокольный этаж, где проживала дочка Уолдегрейва, а сам думал, не обсуждал ли Куайн с редактором сюжет «Бомбикса Мори» перед сдачей рукописи. Что мешало ему поделиться с Уолдегрейвом своими мыслями насчет заключительной сцены? И не мог ли милейший человек в роговых очках восторженно покивать и дать ряд советов по совершенствованию этой кровавой белиберды, которую сам решил воплотить в жизнь?

У входа в квартиру цокольного этажа громоздились черные мешки для мусора. Можно было подумать, Джоанна Уолдегрейв вознамерилась разом избавиться от лишнего хлама. Страйк повернулся спиной к дому и прикинул, что с противоположной стороны улицы на оба входа в дом семейства Уолдегрейв смотрят по меньшей мере полсотни окон. Чтобы при таком обзоре выбраться на улицу и вернуться незамеченным, Уолдегрейву требовалась сказочная удача. Но загвоздка в том, угрюмо размышлял Страйк, что даже показания бдительных соседей, которые могли засечь Джерри в два часа ночи, когда тот украдкой подходил к дому с подозрительным объемистым

мешком в руках, вряд ли убедят присяжных, что Оуэна Куайна тогда уже не было в живых. Слишком уж большие разногласия вызывало время смерти. Теперь выходило, что у преступника было целых девятнадцать дней – более чем достаточно, чтобы избавиться от улик.

Куда могли подеваться кишки Куайна? Каким способом, спрашивал себя Страйк, можно избавиться от полновесных, свежевырезанных человеческих внутренностей? Закопать? Бросить в реку? Вынести вместе с мусором на ближайшую помойку? Сжечь было бы трудновато…

Входная дверь дома Уолдегрейвов распахнулась, и по трем ступенькам крыльца спустилась черноволосая женщина с глубокой морщиной на переносице. Одетая в короткое алое пальто, она явно злилась.

– Я вас давно заметила! – выкрикнула она, идя к Страйку, и он узнал в ней Фенеллу, жену Уолдегрейва. – Что вам здесь надо? Почему такой интерес к нашему дому?

– Да у меня тут с риелтором встреча, – не моргнув глазом сочинил Страйк. – Это у вас квартира в цокольном этаже сдается?

– Ах вот оно что. – Такой ответ застал женщину врасплох. – Нет… это через три дома, – указала она в нужную сторону.

Хозяйка дома уже собралась извиниться, но передумала. Она прошагала мимо на каблучках-шпильках – совершенно не по погоде – к припаркованному невдалеке «вольво». Страйк успел заметить отросшие седые корни волос; на какой-то миг его обдало дурным запахом изо рта, смешанным с алкогольными парами. Поскольку она могла проследить за ним, глядя в зеркало заднего вида, Страйк похромал в указанную сторону, убедился, что женщина отъехала, чудом не зацепив стоявший впереди «ситроен», а потом осторожно дошел до конца улицы и свернул в переулок, где сумел рассмотреть поверх стены длинный ряд небольших задних двориков. Во дворе Уолдегрейвов не было ничего примечательного, разве что старый сарай. В дальнем конце неухоженной, с проплешинами, лужайки уныло примостился комплект садовой мебели – похоже, всеми забытый. Разглядывая этот неопрятный участок, Страйк мрачно размышлял, что осмотрел далеко не все: у людей могли быть еще бытовки, земельные наделы, гаражи.

Мысленно застонав от перспективы долгой дороги по сырому, мерзлому тротуару, он перебрал в уме разные варианты. Ближе всего была станция метро «Кенсингтон-Олимпия», однако нужный ему переход на линию Дистрикт открывали только по выходным. На «Хаммерсмит», где поезда выходили на поверхность, передвигаться было проще, чем на «Бэронз-Корт», поэтому он предпочел более длительную поездку.

Как только он дошел до Блайз-роуд, содрогаясь от каждого шага правой ноги, у него зазвонил мобильный: Энстис.

– Что ты затеял, Боб?

– В смысле? – на ходу переспросил Страйк, морщась от резкой боли в колене.

– Ты ошиваешься вокруг места преступления.

– Ну и что? Имею право. Ничего противозаконного.

– Ты пытался допросить соседа…

– Его никто не заставлял открывать дверь, – заметил Страйк. – И про Куайна я не сказал ни слова.

– Послушай, Страйк…

Сыщик без малейшего сожаления отметил, что собеседник переключился на обращение по фамилии. Ему никогда не нравилось прозвище, которым наградил его Энстис.

– Я же предупреждал, чтобы ты держался подальше от этого дела.

– Не получится, Энстис, – будничным тоном ответил Страйк. – Моя клиентка…

– Забей на свою клиентку, – прервал его Энстис. – Она вот-вот будет переквалифицирована в обвиняемую – у нас на нее достаточно фактов. Мой тебе совет: остерегись, ты наживаешь врагов. Мое дело предупредить…

– Считай, что предупредил, – сказал Страйк. – Открытым текстом. Ни у кого не повернется язык тебя упрекнуть, Энстис.

– Я не для того тебя предупреждаю, чтобы прикрыть свою задницу! – взорвался тот.

Страйк молча шел вперед, неловко прижимая к уху мобильный. После короткой паузы Энстис вновь заговорил:

– Получены результаты фармакологической экспертизы. В крови незначительное количество алкоголя и больше ничего.

– Ясно.

– А сегодня после обеда кинологи выедут на Макинг-Маршиз. Чтобы опередить погоду. Говорят, надвигается сильный снегопад.

Территория Макинг-Маршиз, как было известно Страйку, служила крупнейшей мусорной свалкой, куда уродливыми баржами свозились по Темзе бытовые и промышленные отходы со всего Лондона.

– Вы там думаете, что внутренности были выброшены в мусорный бачок?

– В большой контейнер. За углом от Тэлгарт-роуд идет капитальный ремонт дома. Вплоть до восьмого числа там стояли два контейнера. В такой холод человеческие внутренности могли не привлечь мух. Мы проверили: весь строительный мусор вывозится в Макинг-Маршиз.

– Ну, тогда удачи вам, – сказал Страйк.

– Стараюсь сберечь твои силы и время, дружище.

– Ага. Ценю.

Натужно поблагодарив Энстиса за вчерашнее гостеприимство, Страйк отсоединился. Потом сделал остановку и прислонился к стене, чтобы удобнее было набирать номер. Крошечная азиатка с детской коляской, бесшумно семенившая сзади, вынужденно вильнула в сторону, чтобы избежать столкновения, но ругаться не стала, в отличие от того пассажира в Западном Бромптоне. Трость, равно как и паранджа, обеспечивала неприкосновенность; проходя мимо, женщина робко улыбнулась.

Леонора Куайн подошла к телефону только после третьего длинного гудка.

– Полицейские, черти, опять тут отираются, – буркнула она вместо приветствия.

– Что им надо?

– Хотят прямо сейчас осмотреть весь дом и сад, – ответила Леонора. – Разве я обязана их впускать?

Страйк колебался.

– Наверное, правильнее будет позволить им сделать все, что они считают нужным. Скажите, Леонора, – он без угрызений совести переключился на армейскую прямоту, – у вас есть адвокат?

– Это еще зачем? Меня покамест не арестовали.

– Думаю, он вам понадобится.

Наступила пауза.

– А у вас на примете есть толковый? – спросила Леонора.

– Конечно, – ответил Страйк. – Позвоните Илсе Герберт. Я вам сейчас пришлю ее номер.

– Орландо нервничает – полицейские суются…

– Я пришлю вам эсэмэску с ее номером. Вы должны позвонить по нему сию же минуту. Это понятно? Сию же минуту!

– Ладно, – ворчливо согласилась она.

Страйк нашел телефон своей бывшей одноклассницы и отправил его Леоноре, а затем сам позвонил Илсе и с извинениями объяснил ситуацию.

– Можешь не извиняться, – бодро сказала она. – Мы любим тех, у кого на хвосте полиция, это же наш хлеб с маслом.

– Возможно, она имеет право на бесплатного адвоката.

– Льготных категорий населения уже почти не осталось, – возразила Илса. – Будем надеяться, она малоимущая.

У Страйка мерзли руки и от голода подводило живот. Опустив мобильный в карман пальто, он похромал в сторону Хаммерсмит-роуд. На другой стороне улицы показался довольно уютный с виду паб с черным фасадом и круглой металлической вывеской, изображавшей летящий на всех парусах галеон. Страйк ринулся через проезжую часть, заметив про себя, что автомобилисты проявляют намного больше терпения, если ты опираешься на трость.

Два захода в паб за два дня… но погода стояла мерзкая, а боль в колене не отпускала. Страйк не чувствовал за собой вины. Внутри «Альбион» оказался таким же привлекательным, как и снаружи. В торце длинного, узкого зала горел камин; наверху – галерея с балюстрадой, всюду полированное дерево. Под черной винтовой лестницей виднелись два усилителя и стойка для микрофона. Одна стена, выкрашенная в кремовый цвет, была увешана черно-белыми фотографиями знаменитых музыкантов.

Все места у камина были заняты. Страйк взял пинту пива, прихватил с собой меню и направился к выходившему на улицу окну, где стоял высокий стол, окруженный барными стульями. Не успел он сесть, как в глаза ему бросилось висевшее между портретами Дюка Эллингтона и Роберта Планта изображение его родного отца: тот, длинноволосый, еще потный после концерта, вроде как шутил с

басистом, которого, если верить матери Страйка, однажды попытался придушить. («На спидах у Джонни всегда сносило крышу», – по секрету говорила Леда ничего не понимавшему девятилетнему сыну.)

В кармане опять задребезжал мобильный. Не сводя глаз с отцовского портрета, Страйк ответил.

– Привет, – сказала Робин. – Я уже в конторе. А ты где?

– В «Альбионе» на Хаммерсмит-роуд.

– Тебе был странный звонок. Оставили сообщение на автоответчике.

– Продолжай.

– Это Дэниел Чард, – объявила Робин. – Хочет с тобой встретиться.

Нахмурившись, Страйк перевел взгляд с кожаного прикида отца на огонь в камине.

– Дэниел Чард хочет со мной встретиться? Откуда Дэниел Чард знает о моем существовании?

– Я тебя умоляю – ты же нашел тело! Об этом трубили по всем каналам.

– А, да, в самом деле. Он не сказал, что ему нужно?

– Говорит, у него есть к тебе предложение.

У Страйка в мозгу на мгновение вспыхнул проектор, услужливо подсказавший ему яркий образ голого, лысого человека с торчащим гнойным пенисом.

– Мне казалось, он застрял в Девоне со сломанной ногой.

– Так и есть. Поэтому он просит тебя приехать к нему.

– Вот как?

Страйк обдумал этот вариант, перебрав в уме дела и встречи, запланированные на текущую неделю. В конце концов он сказал:

– Если отменить Бёрнетт, я бы мог освободить пятницу. Но какого черта ему так приспичило? Мне понадобится взять напрокат машину. Причем с автоматической коробкой передач, – добавил он, остро чувствуя пульсацию в колене. – Устроишь?

– Без проблем, – сказала Робин; он услышал чирканье ручки.

– У меня масса новостей, – продолжил Страйк. – Может, пообедаем вместе? Тут вполне приличное меню. Если на такси, ты будешь здесь через двадцать минут.

– Второй день подряд? Мы не можем постоянно разъезжать на такси и обедать в пабах, – смутилась Робин, но по ее голосу было ясно,

что она не против.

– Не сомневайся. Бёрнетт любит сорить деньгами своего бывшего. Я повешу это на ее счет.

Страйк дал отбой и, выбрав для себя стейк и яблочный пирог, похромал к стойке, чтобы сделать заказ.

Вернувшись на прежнее место, он рассеянно пробежал глазами по фотографии отца: затянутая в черную кожу фигура, худощавое смеющееся лицо, облепленное волосами.

Жена про меня знает, но претворяется что нет… она его не отпустит, хоть это было бы лучше для всех…

Я знаю, куда ты собрался, Оуэн!

Страйк обвел взглядом черно-белые фотографии мегазвезд, взиравшие на него со стены.

Неужели я заблуждаюсь? – молча спросил он у Джона Леннона, который саркастически смотрел сверху вниз сквозь круглые очки на тонком носу.

Почему, вопреки косвенным уликам, так трудно было поверить, что Леонора – убийца? Почему в нем засело убеждение, что она пришла к нему в офис не для того, чтобы обеспечить себе прикрытие, а просто потому, что искренне разозлилась на Куайна, который сбежал, как обиженный мальчишка? Страйк готов был поклясться чем угодно, что мысль о смерти мужа даже не приходила ей в голову… Погрузившись в свои раздумья, он даже не заметил, как прикончил пинту.

– Привет, – сказала Робин.

– Быстро ты! – удивился Страйк.

– Да я бы не сказала, – возразила Робин. – Повсюду пробки. Я закажу?

Пока она шла к бару, мужские головы поворачивались ей вслед, но Страйк ничего не замечал. Его мысли занимала Леонора Куайн: тщедушная, невзрачная, седеющая, загнанная.

Вернувшись за столик с пинтой пива для босса и стаканом томатного сока для себя, Робин показала Страйку сделанные на мобильный фотографии городской резиденции Дэниела Чарда. Это была оштукатуренная белая вилла, с балюстрадой и с колоннами по обеим сторонам от сверкающей черной двери.

– Там есть необычный внутренний дворик, с улицы его не видно, – прокомментировала Робин один из снимков,

изображавший кустарники в пузатых греческих урнах. – По-моему, в такую емкость Чард вполне мог спрятать внутренности, – осмелев, добавила она. – Вытащил куст да и закопал их в землю.

– Трудно представить, чтобы Чард занимался таким трудоемким и грязным делом, но мысль интересная, мы ее проработаем, – сказал Страйк, вспоминая безупречный костюм и вызывающий галстук издателя. – А что в Клемент-Эттли-Корте – я правильно помню, там тоже есть подходящие места?

– Полно, – ответила Робин, демонстрируя следующую серию снимков. – Муниципальные помойки с бачками, кусты и прочее. Только я не представляю, как там что-нибудь спрятать без свидетелей или решить, что туда не сунется кто-нибудь другой, и притом очень скоро. Место слишком людное, кругом десятки окон. Можно было бы провернуть такое дело ночью, но там есть камеры. Правда, я заметила кое-что еще. Ну… это только предположение…

– Говори.

– Прямо напротив жилого дома находится медицинский центр. Не исключено, что оттуда выносят…

– …медицинские отходы! – подхватил Страйк, опуская стакан. – Черт, а ведь это мысль!

– Давай я этим займусь? – предложила Робин с плохо скрываемой радостью и гордостью. – Выясню, каким путем, в какое время…

– Обязательно! – сказал босс. – У Энстиса версия куда более хилая. Он считает, – объяснил Страйк, видя недоумение Робин, – что потроха выкинули в контейнер для строительного мусора вблизи Тэлгарт-роуд: якобы убийца просто отнес их за угол – и дело с концом.

– А что, вполне возможно… – начала Робин, но Страйк нахмурился точно так же, как это делал Мэтью, когда она упоминала какие-нибудь идеи или мнения Страйка.

– Убийство было просчитано от начала до конца. Это не тот случай, когда злодей взял и выкинул сумку с кишками за углом от того места, где остался труп.

Они помолчали; Робин с иронией размышляла о том, что неприязнь Страйка к версиям Энстиса объясняется скорее духом соперничества, чем объективной оценкой. О такой вещи, как мужское самолюбие, она знала не понаслышке, насмотревшись на Мэтью и троицу своих братьев.

– А что примечательного там, где живут Элизабет Тассел и Джерри Уолдегрейв?

Страйк рассказал ей, как жена Уолдегрейва подумала, будто он следит за ее домом.

– Прямо затряслась.

– Странно, – заметила Робин. – Если бы я увидела, что кто-то глазеет на наш дом, мне бы и в голову не пришло, что человек… ну, ты понимаешь… *следит*.

– Эта дама – алкоголичка, под стать мужу, – сказал Страйк. – Она на меня дыхнула. А что касается дома Элизабет Тассел, это мечта убийцы.

– В каком смысле? – улыбнулась, но вместе с тем и насторожилась Робин.

– Место уединенное, скрытое от посторонних глаз.

– Нет, я все-таки не верю…

– …Что это сделала женщина. Ты уже говорила.

Пару минут Страйк молча потягивал пиво и обдумывал план, который, по его расчетам, должен был взбесить Энстиса, как никакой другой. Да, он не имеет права допрашивать подозреваемых. Да, ему было сказано не путаться под ногами у полиции. Покрутив в руках мобильный, он все же набрал номер издательства «Роупер Чард» и попросил, чтобы его соединили с Джерри Уолдегрейвом.

– Энстис тебя предупреждал! – забеспокоилась Робин.

– Ага, – сказал Страйк, пока линия молчала, – и не раз, только ты не знаешь и половины того, что происходит. Потом расскажу…

– Алло? – раздался в трубке голос Джерри Уолдегрейва.

– Мистер Уолдегрейв… – Страйк представился, хотя уже назвал свое имя секретарю. – Вчера мы с вами встретились у миссис Куайн.

– Как же, как же, – сказал Уолдегрейв с вежливым недоумением.

– Полагаю, миссис Куайн с вами поделилась: она прибегла к моей помощи в связи с тем, что ее подозревают в убийстве.

– Это ошибка, я уверен, – быстро отреагировал Уолдегрейв.

– Что ее подозревают или что она убила мужа?

– Ну… и то и другое, – выдавил Уолдегрейв.

– В случае смерти женатого мужчины прежде всего проверяют его супругу, – сказал Страйк.

– Это понятно, но я не могу… знаете, просто в голове не укладывается, – сказал Уолдегрейв. – Невероятная, жуткая история.

– Вот именно, – поддакнул Страйк. – Я тут подумал, что нам с вами надо бы встретиться – у меня есть пара вопросов. Буду рад, – он покосился на Робин, – если вы разрешите мне зайти к вам домой… после работы… в любое удобное для вас время.

Уолдегрейв ответил не сразу.

– Естественно, я сделаю все, чтобы помочь Леоноре, только не понимаю, что вы надеетесь от меня узнать?

– Меня интересует «Бомбикс Мори», – сказал Страйк. – Мистер Куайн вывел в этом романе множество своих знакомых в очень нелестном свете.

– Да уж, – подтвердил Уолдегрейв. – Так оно и есть.

Страйк не хотел спрашивать напрямую, пришлось ли Уолдегрейву отвечать на вопросы полицейских и объяснять, как ему видится содержимое пропитанного кровью мешка и что символизирует утопленная карлица.

– Хорошо, – решился Уолдегрейв, – давайте встретимся. Только на этой неделе у меня все расписано. Вам удобно… сейчас посмотрю… в понедельник, во время обеденного перерыва?

– Конечно, – сказал Страйк, уныло прикидывая в уме сумму счета; куда предпочтительнее было бы встретиться в доме Уолдегрейва. – Где?

– Поближе к издательству – во второй половине дня у меня еще будет много дел. Вас устроит «Симпсонс-на-Стрэнде»?

Страйка удивил такой выбор, но делать было нечего; он переглянулся с Робин.

– Тогда в час? Я поручу своему секретарю заказать столик. До встречи.

– Он согласился прийти? – уточнила Робин, как только Страйк отсоединился.

– Угу, – ответил Страйк. – Даже подозрительно.

Робин усмехнулась и покачала головой:

– Судя по тому, что я услышала, он не жаждет этой встречи. Тебе не кажется, что его согласие – признак чистой совести?

– Нет, не кажется, – сказал Страйк. – Я же тебе говорил: вокруг нашего брата крутятся самые разные люди, чтобы разнюхать, как

продвигается расследование. И при этом у них прямо зуд: снова и снова объясняться. Оставлю тебя на минуту… подожди… я тебе еще кое-что расскажу…

Пока Страйк шел к дверям, опираясь на новую трость, Робин тянула томатный сок.

За окном опять разыгралась метель, но вскоре немного утихла.

Подняв глаза на черно-белые фотографии, Робин даже вздрогнула: она узнала отца Страйка, Джонни Рокби. Сходство между отцом и сыном ограничивалось высоким ростом; для установления отцовства потребовался анализ ДНК. В Википедии Страйк числился в списке потомства рок-идола. Робин со слов босса знала, что тот за всю жизнь встречался с отцом дважды. Задержав взгляд на узких до неприличия кожаных брюках, она приказала себе переключиться на снегопад за окном, чтобы Страйк не застукал ее за разглядыванием ширинки его отца.

Как раз когда Страйк вернулся за стол, им подали горячее.

– У Леоноры сейчас делают обыск, – сообщил он, берясь за вилку и нож.

– Зачем? – Робин застыла с вилкой в руке.

– А сама-то как думаешь? Ищут окровавленную одежду. Проверяют, нет ли в саду свежих ям, где закопаны внутренности ее мужа. Я нашел для нее адвоката. В данный момент полицейским нечего ей предъявить, но они не отстанут.

– Ты даже не допускаешь, что это ее рук дело?

– Не допускаю.

Страйк подчистил тарелку и лишь потом заговорил:

– С кем мне нужно побеседовать, так это с Фэнкортом. Хочу выяснить, почему его потянуло в «Роупер Чард», если в этом издательстве печатался ненавистный ему Куайн. Ясно же, что там им было бы не разминуться.

– По-твоему, Фэнкорт прикончил Куайна, чтобы не встречаться с ним на издательских тусовках?

– Мысль интересная, – саркастически усмехнулся Страйк.

Осушив свой стакан, он опять взялся за мобильный, набрал номер городской справочной службы, и вскоре его соединили с «Литературным агентством Элизабет Тассел».

На звонок ответил помощник, Раф. Когда Страйк назвался, в голосе юноши зазвучал страх, смешанный с восторгом.

– Ой, даже не знаю… Сейчас выясню… А пока переведу вас в режим ожидания…

Но он, как оказалось, был не в ладах с техникой: после громкого щелчка линия осталась открытой. Страйк услышал, как Раф где-то поодаль сообщает начальнице, кто ей звонит, а та отвечает с раздражением, на повышенных тонах:

– Какого черта ему опять приспичило?

– Он не сказал.

На том конце застучали тяжелые шаги; чья-то рука схватила со стола трубку.

– Алло!

– Элизабет, – ласково произнес детектив, – это я, Корморан Страйк.

– Да, Раф мне сказал. В чем дело?

– Просто хотел попросить вас о встрече. Я по-прежнему работаю на Леонору Куайн. Она убеждена, что полицейские подозревают ее в убийстве мужа.

– А от меня что вам нужно? Я понятия не имею, кого она там убила, а кого нет.

Стайк представил себе перекошенные от ужаса физиономии Рафа и Салли, слушающих этот разговор в душной, обшарпанной приемной.

– У меня появилась еще пара вопросов насчет Куайна.

– Господи, сколько можно? – с досадой бросила Элизабет. – Ну ладно, постараюсь выкроить время завтра в обед, если вас это устроит. Или уже после…

– Нет-нет, завтра – отлично, – сказал Страйк. – Причем совсем не обязательно в обед, я бы мог…

– Мне удобно в обед.

– Отлично, – тут же согласился Страйк.

– В «Пескатори» на Шарлотт-стрит, – сказала она. – В половине второго. Если у меня что-то изменится, я сообщу. – И бросила трубку.

– Что за публика: лишь бы пожрать, – огорчился Страйк. – Может, они боятся впускать меня в дом, чтобы я не нашел у них в морозильнике кишки Куайна? Или это слишком большая натяжка?

Улыбка Робин погасла.

– Послушай, ты рискуешь потерять друга, – сказала она, надевая пальто, – если будешь названивать свидетелям и задавать вопросы.

Страйк хмыкнул.

– Тебя это не волнует? – спросила Робин, когда они вышли из тепла на пронизывающий холод и почувствовали на щеках колючий снег.

– Друзей у меня хватает, – честно и без рисовки сказал Страйк. – Надо нам с тобой взять за правило в середине рабочего дня пить пиво, – добавил он по пути к метро, тяжело опираясь на трость и пряча лицо от белой мглы. – Для разнообразия.

Робин улыбнулась, приспосабливаясь к его шагам. За все время работы у Страйка сегодняшний день принес ей, пожалуй, самое большое удовлетворение, только нужно было держать язык за зубами, чтобы Мэтью, который все еще занимался организацией маминых похорон в Йоркшире, не прознал, что она два дня подряд ходила в паб.

27

Чтобы я доверилась тому, кто, как мне известно, предал своего друга!

Уильям Конгрив.

Двойная игра[19]

По всей Британии разматывался необъятный снежный ковер. В утренних новостях показали северо-восток Англии, накрытый пологом пушистой белизны: машины, похожие на замерзших овец, не могли сдвинуться с места, уличные фонари едва мерцали. Лондон под угрожающим небом ждал своей очереди. Страйк одевался и поглядывал на метеокарту, не зная, сможет ли он завтра выехать в Девон, будет ли проходимой трасса М5.

Притом что он не утратил решимости повидаться с обездвиженным Дэниелом Чардом, чье приглашение выглядело весьма экстравагантным, ему было страшно подумать, как он будет управлять автомобилем, пусть даже с автоматической коробкой передач, когда нога в таком состоянии.

Наверное, по городской свалке и сейчас рыскали ищейки. Пока Страйк пристегивал протез к распухшей, ноющей культе, перед глазами у него возникали чуткие собачьи носы, которые под мрачно-свинцовыми тучами и стаями чаек тыкались в самые свежие отбросы. Кинологов подстегивал короткий световой день; держа в руках натянутые поводки, они, по всей вероятности, уже спешили за своими питомцами по кучам замерзшего мусора в поисках внутренностей Оуэна Куайна. Страйку доводилось наблюдать за работой служебных собак. Их виляющие зады и хвосты порой вносили в расследование несуразно веселые нотки.

Спуск по лестнице его доконал. Что и говорить, в идеале он должен был бы вчера лежать в постели и прикладывать лед к поднятой кверху ноге, а не мотаться по Лондону, отгоняя от себя мысли о Шарлотте и ее предстоящем венчании в обновленной часовне замка Крой… и ни в

коем случае не «Кройского замка», ведь это претит гнусной семейке. Уже через девять дней…

Когда он отпирал стеклянную дверь, в офисе зазвонил телефон. Содрогаясь от боли, Страйк поспешил ответить. Ревнивый любовник – он же начальник – мисс Броклхэрст сообщал, что его секретарша сильно простудилась и сейчас лежит дома в постели, а потому оплата услуг сыскного агентства будет приостановлена вплоть до полного выздоровления девушки.

Не успел Страйк положить трубку, как раздался второй звонок. Кэролайн Инглз дрожащим от волнения голосом объявила, что помирилась с гулякой-мужем. Пока Страйк бормотал неискренние поздравления, в офисе появилась румяная от мороза Робин.

– Погода портится, – сказала она, дождавшись окончания телефонного разговора. – Кто звонил?

– Кэролайн Инглз. Она помирилась с Рупертом.

– Что?! – Робин не поверила своим ушам. – После его шашней с этими стриптизершами?

– Ради детей они решили приложить усилия к сохранению семьи.

Робин недоверчиво фыркнула.

– В Йоркшире, похоже, сильнейшие заносы, – сообщил Страйк. – Если тебе понадобится уйти пораньше и завтра взять выходной…

– Нет, – перебила Робин. – Я еду поездом в ночь с пятницы на субботу, так что все в порядке. Если Инглз отвалилась, я могу позвонить следующему клиенту, который у нас на очереди.

– Повременим. – Ссутулившись на диване, Страйк помимо своей воли массировал распухшее колено, отзывающееся только новой болью.

– Болит? – застенчиво спросила Робин, делая вид, что не замечает его мучений.

– Да, – ответил Страйк. – Но я не потому отказываюсь от следующего клиента, – резко добавил он.

– Я знаю. – Стоя к нему спиной, Робин включила чайник. – Ты хочешь вплотную заняться делом Куайна.

Если в ее голосе и прозвучал упрек, Страйк этого не расслышал.

– Леонора сможет мне заплатить, – сказал он после паузы. – Куайн по ее настоянию застраховал свою жизнь. Теперь его семья при деньгах.

Робин не понравилось, что Страйк будто бы оправдывается. Тем самым он намекал, что для нее главное – деньги. Неужели она не доказала обратное, когда отвергла предложение хорошо оплачиваемой работы, чтобы остаться в его агентстве? Неужели он не заметил, с какой готовностью она помогает ему доказать, что Леонора Куайн непричастна к убийству мужа?

Она принесла ему на журнальный столик кружку с чаем, стакан воды и упаковку парацетамола.

– Спасибо, – процедил он сквозь зубы; его задело, что она дала ему болеутоляющее, хотя он как раз намеревался принять двойную дозу.

– Так я заказываю на тринадцать часов такси до «Пескатори»?

– Это же за углом, – возразил Страйк.

– Знаешь что, не путай гордость и глупость, – сказала Робин, впервые не сумев подавить вспышку раздражения в присутствии босса.

– Ну хорошо. – Он удивленно поднял брови. – Поеду как дурак на такси.

Прошло три часа, и Страйк, если честно, был только рад, что в конце Денмарк-стрит, которую еще нужно было преодолеть, опираясь на дешевую, уже искривленную под его весом трость, в назначенное время ожидало такси. Теперь он твердо знал, что протез надевать не стоило. Несколько минут спустя, когда он пытался выбраться из машины, таксист уже начал проявлять нетерпение. Только оказавшись в теплом и шумном «Пескатори», Страйк облегченно вздохнул.

Элизабет еще не пришла, но на ее имя был заказан столик на двоих. Официант отодвинул для Страйка кресло у побеленной стены, выложенной мелкими камешками. Потолок пересекали голые балки, как в деревенском доме; над барной стойкой висела лодочка с веслами. Вдоль противоположной стены были устроены элегантные кабинеты с оранжевой кожаной отделкой. В силу привычки Страйк заказал себе пинту пива и принялся с удовольствием изучать светлый и жизнерадостный средиземноморский интерьер, скрытый от бушующей вьюги.

Владелица литературного агентства опоздала совсем ненамного. При ее появлении Страйк привстал, но тут же опустился в кресло. Элизабет, похоже, ничего не заметила. С момента их первой встречи

она как-то осунулась: облегающий черный костюм, алая помада и асимметричная стрижка стального цвета сегодня не прибавляли ей шика, а выглядели какой-то неудачной маскировкой. Пергаментное лицо опухло.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– А как я, по-вашему, должна себя чувствовать? – грубо прохрипела Элизабет. – Что? – окрысилась она на учтивого официанта. – А. Воду. Без газа.

Она взяла меню с таким видом, будто сболтнула лишнего, и Страйк понял, что любое выражение жалости или сочувствия будет неуместным.

– Мне только суп, – сказала Элизабет, когда официант подошел принять заказ.

– Благодарю вас, что согласились на повторную встречу, – сказал Страйк, дождавшись ухода официанта.

– Видит бог, Леоноре сейчас пригодится любая помощь, – сказала Элизабет.

– Почему вы так считаете?

Элизабет прищурилась:

– Не стройте из себя идиота. Она мне рассказала, как, услышав об Оуэне, заставила полицейских отвезти ее в Скотленд-Ярд, чтобы только повидаться с вами.

– Да, все верно.

– И что она себе думала? Наверняка фараоны ожидали, что она рухнет без чувств, а она помчалась на… на встречу со своим другом-сыщиком. – Элизабет едва сдерживала кашель.

– По-моему, Леонору меньше всего заботит, какое впечатление она производит на окружающих, – заметил Страйк.

– Тут вы… вы правы. Она всегда была невеликого ума.

Страйку стало любопытно: как Элизабет Тассел расценивает то впечатление, которое сама производит на окружающих, понимает ли, насколько им трудно ей симпатизировать?

Не в силах больше сдерживаться, она зашлась в приступе кашля; Страйк выждал, пока не закончился этот громкий тюлений лай, а потом спросил:

– С вашей точки зрения, ей следовало изображать скорбь?

– Почему «изображать»? – взвилась Элизабет. – Я уверена, что она, в силу своих скудных возможностей, по-настоящему скорбит. Просто ей бы не помешало показать себя безутешной вдовой. Люди этого ждут.

– Полагаю, вас уже допрашивала полиция?

– Естественно. Мы долго мусолили скандал в «Ривер-кафе» и те причины, которые помешали мне внимательно прочесть эту проклятую книгу. Кроме того, меня подробно расспрашивали обо всех моих перемещениях после нашей с Оуэном последней встречи. Особенно три дня спустя. – Она бросила гневно-вопросительный взгляд на Страйка, но тот сидел с каменным лицом. – Если не ошибаюсь, полицейские считают, что он скончался через три дня после нашей ссоры?

– Понятия не имею, – солгал Страйк. – А что вы им рассказали о своих перемещениях?

– Рассказала, что после той сцены, которую закатил мне Оуэн, я тут же отправилась домой, а на следующее утро взяла такси до Паддингтона и уехала погостить к Доркус.

– Это одна из ваших подопечных – так, кажется, вы говорили?

– Да, Доркус Пенгелли, которая… – Заметив тонкую усмешку детектива, Элизабет впервые за время их знакомства расцвела мимолетной улыбкой. – Хотите верьте, хотите нет, но это настоящее имя, а не псевдоним. Она пишет порнографию, замаскированную под романтические повести. Оуэн плевался насчет этих книг, но бешено завидовал ее успеху. Такую беллетристику сметают с прилавков, – пояснила Элизабет.

– И когда вы вернулись от Доркус?

– К вечеру понедельника. Считалось, что я устроила себе приятные длинные выходные, но *приятного* было мало, – жестко заявила она, – из-за «Бомбикса Мори». Живу я одна, – продолжила Элизабет. – Поэтому не могу *доказать*, что из ресторана отправилась прямо домой, а по возвращении в Лондон не убивала Оуэна. Притом что руки чесались…

Отпив еще воды, Элизабет Тассел продолжила:

– Полицию главным образом интересовала его книга. По-моему, считается, что она многим дает повод для убийства. – Элизабет Тассел впервые сделала попытку вытянуть из Страйка информацию.

– Это только поначалу так думали, – сказал он, – но если дата смерти установлена правильно и Куайн умер через три дня после вашей с ним ссоры в «Ривер-кафе», то круг подозреваемых значительно сужается.

– То есть? – резко спросила Элизабет, чем напомнила Страйку одного беспощадного оксфордского преподавателя, который использовал этот короткий вопрос как гигантский шприц, нацеленный на слабое место в аргументации.

– К сожалению, раскрывать информацию не имею права, – с любезностью ответил Страйк, – чтобы не повлиять на ход полицейского расследования.

Как он заметил через маленький столик, бледная, жирная, с крупными порами кожа Элизабет была покрыта угрями; темные глаза-маслины смотрели настороженно.

– У меня допытывались, – сообщила она, – кому я показывала рукопись, прежде чем отправить ее Кристиану и Джерри. Ответ: никому. Потом стали спрашивать, с кем советовался Оуэн во время работы над своими романами. Не знаю, почему это так важно. – Ее черные глаза по-прежнему буравили Страйка. – Неужели считается, что кто-то его подзуживал?

– Право, не знаю, – опять солгал Страйк. – А он и в самом деле с кем-то советовался по поводу своих произведений?

– Частные вопросы он мог обсуждать с Джерри Уолдегрейвом. А я удостаивалась только заглавий.

– Вот даже как? Неужели он ни разу не спросил вашего совета? Вы ведь изучали английскую филологию в Оксфорде?..

– Я окончила только бакалавриат, – раздраженно сказала Элизабет, – но Оуэн это в грош не ставил. А сам, кстати, с треском вылетел из Лафсборо или какой-то подобной дыры, так и не дойдя до диплома. Да, Майкл когда-то любезно сообщил Оуэну, что в студенческие годы я как литератор была «до боли вторична», и Оуэн не упускал случая об этом напомнить. – От старой обиды она даже порозовела. – Оуэн разделял предрассудки Майкла насчет места женщин в литературном процессе. При этом, естественно, женщинам не возбранялось восхищаться творчеством обоих… – Она закашлялась в салфетку, а когда подняла голову, лицо ее было красным от злости. –

Оуэн, как никто другой, был падок на лесть, хотя практически все писатели в этом смысле ненасытны.

Им принесли горячее: томатный суп с базиликом для Элизабет и треску с жареным картофелем для Страйка.

– Во время нашей предыдущей встречи вы упомянули… – Страйк разом проглотил изрядный кусок рыбы, – что в какой-то момент вам пришлось выбирать между Фэнкортом и Куайном. Почему вы предпочли Куайна?

Элизабет подула на ложку супа и, видимо, со всей серьезностью обдумала свой ответ.

– У меня создалось ощущение… в тот период… что он больше страдал от чужих грехов, нежели грешил сам.

– К этому имеет какое-нибудь отношение анонимная пародия на роман жены Фэнкорта?

– Почему же «анонимная»? – тихо проговорила она. – Ее написал Оуэн.

– Вы точно знаете?

– Он показал ее мне, прежде чем отослать в журнал. Стыдно сказать, – Элизабет с холодным вызовом встретила взгляд Страйка, – но я тогда посмеялась. Пародия вышла совершенно уморительной, не в бровь, а в глаз. У Оуэна был недюжинный талант литературного имитатора.

– Но в итоге жена Фэнкорта покончила с собой.

– Это, конечно, трагедия, – сказала Элизабет без видимых эмоций, – никто не мог ожидать такого исхода. Но положа руку на сердце: если ты готова лишить себя жизни из-за нелестного отзыва, лучше тебе не браться за перо. Майкл, конечно, вызверился на Оуэна, тем более что тот, узнав о самоубийстве Элспет, струсил и начал отрицать свое авторство. Поразительное малодушие для того, кто всегда любил выставлять себя бесстрашным и необузданным. Майкл стал требовать, чтобы я разорвала контракт с Оуэном. Я отказалась. С тех пор мы не общаемся.

– Скажите, в ту пору Куайн зарабатывал больше Фэнкорта? – поинтересовался Страйк.

– Господи, конечно нет! Я предпочла Оуэна вовсе не из меркантильных соображений.

– А из каких?

– Я же вам сказала! – нетерпеливо бросила она. – И потом, я отстаиваю свободу самовыражения, даже когда она задевает или ущемляет чьи-либо интересы. А кроме всего прочего, Леонора через считаные дни после самоубийства Элспет преждевременно родила близнецов. Роды прошли тяжело: мальчик умер, а Орландо… полагаю, теперь-то вы с ней познакомились?

Страйк кивнул – и тут же вспомнил свой недавний сон про дитя, рожденное Шарлоттой, на которое ему даже не разрешили взглянуть…

– Повреждение мозга, – продолжила Элизабет. – Так что Оуэн в ту пору переживал и свою личную трагедию, но, в отличие от Майкла, был ни в чем… ни в чем не повинен…

Закашлявшись, она поймала на себе слегка удивленный взгляд Страйка и сделала нетерпеливый жест рукой, показывая, что готова все объяснить, как только пройдет приступ. В конце концов, отпив немного воды, она проскрипела:

– Майкл побуждал Элспет к писательству только для того, чтобы она не мешала ему работать. У этой пары не было ничего общего. Майкл женился на ней лишь потому, что болезненно переживал свое скромное происхождение. А она была дочерью графа и возомнила, что, выйдя замуж за Майкла, станет блистать в литературных кругах и проводить все свое время в искрометных интеллектуальных беседах. Она не могла взять в толк, что Майкл должен постоянно работать, а ее удел – одиночество. Эта женщина, – пренебрежительно заключила Элизабет, – отличалась скудоумием. Но ее взбудоражила перспектива стать писательницей. Вы никогда не задумывались, – жестко спросила она, – как много людей мнят себя гениями? Вам даже не представить, какую галиматью мне изо дня в день присылают по почте. В рядовых обстоятельствах роман Элспет, глупый и претенциозный, был бы отвергнут с ходу, но обстоятельства оказались не рядовыми. Подтолкнув жену к созданию этой ахинеи, Майкл так и не решился открыть ей глаза. Он послал рукопись своему издателю, а тот – чтобы только не обижать Майкла – принял ее к публикации. Но через неделю после выхода книги появилась эта пародия.

– В «Бомбиксе Мори» Куайн дает понять, что на самом-то деле пародию сочинил сам Фэнкорт, – сказал Страйк.

– Да, я тоже заметила… но лично я не стала бы задевать Майкла Фэнкорта, – добавила она с явным подтекстом.

– Что вы имеете в виду?

Последовала короткая пауза; Страйк почти физически ощущал, как Элизабет взвешивает, что можно сказать.

– С Майклом, – медленно начала она, – мы познакомились на семинаре по елизаветинской «трагедии мести»[{19}]. Скажем так: для него это была родная стихия. Он обожает елизаветинцев, у которых что ни страница, то садизм или мстительность… изнасилование, каннибализм, отравленные скелеты в женском платье… Майкл одержим кровавым возмездием.

Элизабет взглянула на Страйка: тот не сводил с нее глаз.

– Что? – только и спросила она.

Когда, интересно, пронеслось у него в голове, подробности убийства Куайна прорвутся в прессу? Плотина уже на пределе, да и Калпеппер не дремлет.

– Неужели Фэнкорт опустился до кровавого возмездия, когда вы предпочли ему Куайна?

Опустив взгляд на пиалу с красной жидкостью, Элизабет резко отставила ее от себя.

– Мы с ним были близкими друзьями, очень близкими, но он полностью прекратил общение, когда я отказалась разорвать контракт с Оуэном. Фэнкорт делал все возможное, чтобы опорочить мое агентство в глазах других писателей, распускал слухи, что я бесчестная, беспринципная особа. А ведь он знал, что у меня есть священный принцип, – твердо сказала она. – Написав ту пародию, Оуэн не совершил ничего такого, чего не делал бы Майкл по отношению к своим собратьям по перу. Разумеется, я горько сожалела о последствиях, но это был как раз тот случай, один из немногих, когда я сознавала, что Оуэн морально чист.

– И все же для вас, наверное, это был болезненный выбор, – сказал Страйк. – Как-никак вы познакомились с Фэнкортом даже раньше, чем с Куайном.

– На сегодняшний день мы с ним дольше враждуем, чем когда-то дружили.

Довольно расплывчато, заметил про себя Страйк.

– Только не подумайте… Оуэн не всегда… не всегда был насквозь порочным, – беспокойно добавила Элизабет. – Знаете, у него был пунктик и в жизни, и в творчестве: мужское начало. Иногда это

служило просто метафорой созидательного гения, но чаще виделось как преграда для художественного самовыражения. В центре сюжета «Прегрешения Хобарта» стоит Хобарт, носитель как мужского, так и женского начала. Он должен выбирать: стать родителем – или отказаться от литературы; убить свое дитя – или бросить свое детище. Но когда в реальной жизни дело дошло до отцовства… поймите, Орландо не могла стать… никто бы не пожелал себе ребенка, который… у которого… но Оуэн ее любил, и она отвечала ему тем же…

– Что не мешало ему раз за разом уходить из семьи, чтобы развлекаться с любовницей и сорить деньгами в дорогих отелях, – вставил Страйк.

– Да уж, не самый образцовый отец, – сказала Элизабет, – но дочь была ему дорога.

За столом наступило молчание, и Страйк решил не нарушать его. Он не сомневался, что Элизабет Тассел, соглашаясь на вторую беседу, равно как и прося о первой, преследовала собственные цели, и намеревался выяснить, в чем они заключаются. Поэтому он ел рыбу и выжидал.

– Полицейские спрашивали, – сказала в конце концов Элизабет, когда его тарелка почти полностью опустела, – не шантажировал ли меня Оуэн.

– В самом деле? – спросил Страйк.

В ресторане стоял звон и гвалт; на улице бушевала метель. Страйк отметил все то же явление, о котором он рассказывал Робин: подозреваемый жаждет объясниться повторно, беспокоясь, что с первой попытки не произвел благоприятного впечатления.

– Они установили, что с моего счета на протяжении ряда лет перечислялись значительные суммы на счет Оуэна, – уточнила Элизабет.

Страйк промолчал. Его и в прошлый раз удивило, что она с готовностью оплачивала гостиничные счета Куайна.

– Не знаю, откуда у них такие мысли. За что меня шантажировать? – Она скривила ярко-алые губы. – Моя профессиональная деятельность абсолютно прозрачна. Личной жизни у меня, по сути, нет. Безгрешная старая дева, вы согласны?

Страйк рассудил, что на такой вопрос – вероятно, риторический – невозможно ответить, не оскорбив собеседницу, и промолчал.

– Это началось с рождением Орландо, – сказала Элизабет. – Оуэн потратил все свои средства, Леонора после родов две недели провела в реанимации, а Майкл Фэнкорт трубил направо и налево, что Оуэн – убийца его жены. Оуэн сделался изгоем. Родных ни у него, ни у Леоноры не было. Я по дружбе одолжила ему денег на покупку детского приданого. Потом выдала ему аванс, чтобы он мог приобрести закладную на более просторный дом. Затем, когда стало ясно, что Орландо отстает в развитии, потребовались деньги на психиатров. Я сама не заметила, как из меня сделали семейный банк. Получая гонорары, Оуэн всякий раз с помпой обещал отдать мне все долги, а иногда и возвращал пару тысяч. В глубине души, – продолжила владелица литературного агентства, и ее речь полилась рекой, – Оуэн был большим ребенком, то невыносимым, то очаровательным. Безответственный, импульсивный, эгоистичный, на удивление бессовестный, он все же оставался забавным, восторженным и обаятельным. Было в нем что-то щемящее, странно уязвимое, поэтому людям всегда хотелось подставить ему плечо, невзирая на все его выходки. Это чувствовал Джерри Уолдегрейв. Это чувствовали женщины. Это чувствовала я. Положа руку на сердце я не теряла надежды и даже уверенности, что когда-нибудь он создаст второе «Прегрешение Хобарта». В каждой из его чудовищных, жутких книжек всегда находилось нечто такое, что не позволяло сбросить его со счетов.

Тут подошел официант, чтобы убрать посуду. Элизабет отмахнулась от его участливого вопроса насчет качества супа и заказала кофе. Страйк согласился посмотреть десертное меню.

– Как бы то ни было, Орландо – чудесная девочка, – хрипло выговорила Элизабет. – Орландо просто чудесная.

– Угу… ей показалось, – начал Страйк, не сводя глаз с Элизабет, – что она видела, как вы на днях заходили в кабинет Куайна, пока Леонора была в туалете. – Он мог поручиться, что она не ожидала такого поворота и нисколько ему не обрадовалась. – Она и вправду это видела?

Элизабет сделала маленький глоток воды, помедлила, а затем сказала:

– Никто из тех, кого Оуэн приложил в «Бомбиксе Мори», не упустил бы возможности проверить – а вдруг на поверхности валяются еще какие-нибудь мерзкие измышления?

– И что вы нашли?

– Ничего, – сказала она, – потому что в кабинете все было перевернуто вверх дном. Я сразу поняла, что поиски могут слишком затянуться, а кроме того, если уж совсем честно, – она дерзко вздернула подбородок, – не хотела оставлять отпечатки пальцев. Поэтому я просто вошла – и вышла. Мною двигал… наверное, предосудительный… сиюминутный порыв.

По ощущениям Страйка, она сказала все, что приберегла для этого раза. Он заказал песочный пирог с яблоками и клубникой, а потом перехватил инициативу.

– Со мной ищет встречи Дэниел Чард, – сообщил он.

Ее глаза-маслины широко раскрылись от удивления.

– Зачем?

– Не знаю. Если дороги не завалит снегом, завтра поеду к нему в Девон. Но прежде хотелось бы понять, почему в «Бомбиксе Мори» он изображен убийцей белокурого юноши.

– Я не собираюсь давать вам ключ к этому грязному пасквилю. – К Элизабет разом вернулась прежняя агрессивность и подозрительность. – Нет. Не дождетесь.

– А жаль, – сказал Страйк, – потому что уже пошли разговоры.

– Что же получается: дав ход этим бредням, я и так совершила вопиющий промах, а теперь еще должна усугубить его сплетнями?

– Я умею молчать, – заверил ее Страйк, – и не разглашаю своих источников.

Но она лишь уничтожила его ледяным, бесстрастным взглядом.

– А что вы можете сказать о Кэтрин Кент?

– В каком смысле?

– Почему в «Бомбиксе Мори» говорится, что ее логово усеяно крысиными черепами?

Элизабет молчала.

– Я же знаю, что Кэтрин Кент выведена как Гарпия, – терпеливо объяснил Страйк, – более того, я с ней встречался. Ваш ответ всего лишь сэкономит мое время. Полагаю, вам бы тоже хотелось узнать, кто убил Куайна?

– Господи, какая банальная уловка, – высокомерно процедила она. – Неужели хоть раз кто-нибудь на нее клюнул?

– Угу, – буднично подтвердил он. – И не раз.

Элизабет нахмурилась и внезапно – однако, по его мнению, вполне предсказуемо – заговорила:

– В конце-то концов, у меня нет никаких обязательств перед Кэтрин Кент. Если хотите знать, Оуэн просто-напросто грубо намекнул на род ее деятельности: она работает в лаборатории, где ставят опыты на животных. Крысы, собаки и обезьяны подвергаются там гнусным зверствам. Я услышала об этом на фуршете, куда притащил ее Оуэн. Она из кожи вон лезла, чтобы мне понравиться, – презрительно бросила Элизабет. – Я читала ее тексты. В сравнении с ней Доркус Пенгелли – это Айрис Мердок. Типичный мусор… мусор… – пока она кашляла в салфетку, Страйк воздал должное яблочно-клубничному пирогу, – который плавает в интернете. – У нее слезились глаза. – И что, наверное, еще хуже – она хотела, чтобы я приняла ее сторону в конфликте с неумытыми студентами, которые воюют против таких лабораторий. Страшная личность эта Кэтрин Кент.

– А вы, случайно, не знаете, кто послужил прототипом Эписин, дочки Гарпии? – спросил Страйк.

– Нет! – отрезала Элизабет.

– А карлица в мешке у Резчика?

– Я не собираюсь больше обсуждать эти мерзости!

– По вашим сведениям, у Куайна была знакомая по имени Пиппа?

– Я с такой не встречалась. Но он вел курсы литературного мастерства, которые привлекали немолодых дамочек, жаждущих самореализации. Кстати, так он подцепил и Кэтрин Кент.

Пригубив кофе, она посмотрела на часы.

– Каково ваше мнение насчет Джо Норта? – спросил Страйк.

Она задержала на нем подозрительный взгляд:

– А что?

– Просто интересуюсь, – сказал Страйк.

Он так и не понял, почему она все же решила ответить: возможно, потому, что Норта давно не было в живых, или потому, что у нее сохранились сентиментальные воспоминания, которые она выдала еще при первой встрече в своем захламленном офисе.

– Родился он в Калифорнии, – начала она. – Приехал в Лондон, чтобы отыскать свои английские корни. Джо был геем, по возрасту немного моложе нас с Оуэном и Майклом; он писал очень откровенный роман о жизни в Сан-Франциско. Познакомил нас Майкл. Майкл считал, что Джо – первоклассный прозаик; так оно и было, но работал он медленно. Постоянно уходил в загулы, а ко всему – года два мы об этом не знали – у него нашли ВИЧ, но он не принимал никаких мер. И в какой-то момент болезнь вступила в активную фазу: СПИД. – Элизабет прочистила горло. – Вы же помните, какую истерию раздули вокруг ВИЧ, когда впервые о нем стало широко известно.

Страйк привык, что люди дают ему лет на десять больше его возраста. На самом деле об этом вирусе он узнал от матери: она рассказывала (не выбирая выражений даже при детях), что есть такая смертельная болезнь, которая поражает тех, кто трахается и колется с кем попало.

– Джо был совсем плох, и люди, которые заискивали перед ним, пока он оставался перспективным, остроумным, красивым, тут же ушли в кусты, за исключением, надо отдать им должное, – нехотя добавила Элизабет, – Майкла и Оуэна. Эти двое боролись за него до последнего, но Джо умер и оставил после себя неоконченный роман. Майкл тогда болел и не смог прийти на похороны, а Оуэн нес гроб. Джо в благодарность за их заботу оставил им в наследство прекрасный дом, где они прежде кутили и ночами напролет спорили о книгах. Несколько раз я и сама при том присутствовала. Это было… счастливое время, – закончила Элизабет.

– Они и после смерти Норта часто бывали в том доме?

– За Майкла не поручусь, но думаю, он перестал туда приходить после ссоры с Оуэном, которая произошла вскоре после похорон Джо. – Элизабет повела плечами. – А Оуэн и носу туда не показывал: боялся столкнуться с Майклом. Условия завещания оказались довольно своеобразными: насколько я знаю, есть такой термин – «рестриктивное условие». Джо оговорил, что дом должен принадлежать только людям искусства. Майкл все эти годы блокировал его продажу, поскольку Куайны так и не смогли найти покупателя – или покупателей – среди людей искусства. Какое-то время дом арендовал некий скульптор, но что-то у них не срослось. Конечно, Майкл был крайне придирчив к потенциальным арендаторам,

чтобы только не дать Оуэну выкарабкаться из бедности, и даже нанимал юристов для обоснования своих придирок.

– А какова судьба неоконченного романа Норта? – спросил Страйк.

– Ах да, Майкл забросил работу над собственной книгой и закончил роман Джо. Называется он «К вершинам» и опубликован «Гарольдом Уивером». Это уже классика, культовая вещь, постоянно переиздается.

Элизабет опять сверилась с часами.

– Мне пора, – сказала она. – В половине третьего у меня встреча. Будьте любезны, мое пальто, – обратилась она к оказавшемуся поблизости официанту.

– От кого-то я слышал, – Страйк прекрасно помнил, что слышал это от Энстиса, – что вы некоторое время тому назад присматривали за ремонтом в доме на Тэлгарт-роуд. Это так?

– Да, – равнодушно подтвердила она. – Чем только не приходилось заниматься агенту Куайна ради своего подопечного. Нужно было определить порядок работ, нанять мастеров. Я выставила Майклу счет на половину стоимости, и он произвел оплату через своих юристов.

– У вас был ключ от дома?

– Я отдала его бригадиру, – холодно сказала она, – а потом вернула Куайнам.

– Разве вы не заезжали туда принимать работу?

– Конечно заезжала. И не раз. Нужно же было проверить качество.

– Скажите, пожалуйста, в ходе ремонта использовалась соляная кислота?

– Полицейские тоже спрашивали про соляную кислоту, – сказала она. – Откуда такой интерес?

– Я не вправе отвечать.

Она взвилась. Страйк подумал, что Элизабет Тассел не привыкла, чтобы ее вопросы оставались без ответа.

– Могу только повторить то, что сказала полиции: по всей видимости, кислоту оставил в доме Тодд Харкнесс.

– Кто-кто?

– Скульптор, который устроил там мастерскую. Этого арендатора нашел Оуэн, и даже адвокаты Фэнкорта не смогли придраться. Только никто не учел, что Харкнесс работает с ржавым металлом и пользуется едкими веществами. Он успел причинить значительный ущерб, пока

его не выдворили. Этим занималась сторона Фэнкорта, которая впоследствии переправила счет *нам*.

Официант принес ее пальто с прилипшими собачьими шерстинками. Когда Элизабет поднималась из-за стола, Страйк услышал, что она дышит с присвистом. Небрежно махнув рукой, Элизабет Тассел ушла.

Взяв такси до офиса, Страйк смутно вспомнил, что собирался быть с Робин помягче: утром у них вышла какая-то размолвка – он даже не мог сказать из-за чего. Однако, добравшись до приемной, он перепотел от боли в ноге, да еще Робин первой же своей фразой перечеркнула его благие намерения.

– Только что звонили из фирмы по прокату автомобилей. Ни одной машины с автоматической коробкой передач у них сейчас нет, но они могут…

– Мне нужен автомат! – рявкнул он и упал на диван, который отозвался раскатами неприличных звуков, отчего Страйк разозлился еще больше. – На кой черт мне ручка, если я в таком состоянии? Ты хотя бы обзвонила…

– Разумеется, я обзвонила другие фирмы, – сухо сказала Робин. – На завтра автоматов нет. Прогноз погоды отвратительный. Думаю, будет лучше, если ты…

– Я во что бы то ни стало должен встретиться с Чардом, – перебил ее Страйк.

Он бесился не только от боли, но и от страха, что придется отказаться от протеза и опять встать на костыли, подкалывать штанину булавкой и ловить на себе жалостливые взгляды. Он терпеть не мог жесткие пластмассовые стулья в воняющих дезинфекцией коридорах, ненавидел, когда медики вытаскивают на свет его историю болезни и принимаются изучать этот пухлый том, когда бормочут невесть что про корректировку протеза, советуют побольше отдыхать и оберегать культю – как будто это больной ребенок, которого приходится всюду таскать с собой. Во сне он ни разу не видел себя безногим: во сне он всегда был цел и невредим.

Приглашение Чарда свалилось на него нежданным подарком, пренебречь которым было бы непростительно. У Страйка накопилось много вопросов к издателю Куайна. Сам факт такого приглашения не

мог не удивлять. Страйку хотелось услышать из первых уст, по какой причине Чард затребовал его в Девон.

– Ты меня слышишь? – спросила Робин.

– Что?

– Я сказала: «…если ты позволишь мне сесть за руль».

– Не позволю! – грубо отрезал Страйк.

– Почему?

– Потому что тебе нужно в Йоркшир.

– Мой поезд отходит от Кингз-Кросс в одиннадцать вечера.

– На дорогах будут заносы.

– А мы выедем пораньше. Ну, – пожала плечами Робин, – или отменяй Чарда. Только прогноз на следующую неделю ничуть не лучше.

Под пристальным взглядом серо-голубых глаз Робин ему было не так-то легко сдвинуться от неблагодарности в другую сторону.

– Ладно, – натянуто выговорил он. – Спасибо.

– Тогда я пошла за машиной, – сказала Робин.

– Ладно, – выдавил Страйк, стиснув зубы.

Оуэн Куайн считал, что женщинам нет места в литературном процессе; у Страйка тоже было тайное предубеждение, но что ему оставалось, если колено молило о пощаде, а машину предлагали только с ручной коробкой передач?

28

...Это из всех было самое ужасное и опасное дело, в котором я принимал участие, с тех пор как взял оружие в руки перед лицом врага.

Бен Джонсон.

Каждый по-своему[20].

В пять утра Робин, в теплом шарфе и перчатках, с поблескивающими в волосах снежинками, села в один из первых поездов метро. Через одно плечо она перекинула рюкзачок, а в руке держала дорожную сумку, в которую упаковала траурное платье, черное пальто и туфли, чтобы переодеться для прощания с миссис Канлифф. После поездки в Девон и обратно времени могло остаться в обрез: только-только сдать взятую напрокат машину – и сразу на вокзал.

В почти пустом вагоне Робин со смешанными чувствами раздумывала о запланированных на этот день событиях. Она могла только радоваться, что у Страйка нашлись веские, безотлагательные причины для встречи с Чардом. Но в то же время ее мучили угрызения совести: всецело доверяя суждениям и чутью своего босса, она несказанно раздражала Мэтью.

Мэтью… Ее пальцы в черных перчатках вцепились в ручку стоявшей рядом сумки. Робин опять его обманывала. По натуре правдивая, за те девять лет, что они были с ним вместе, она никогда не подвирала – вплоть до недавнего времени. А порой просто недоговаривала. Например, в среду вечером, когда Мэтью по телефону спросил, что было на работе, она выдала скупую, сильно отредактированную версию, ни словом не обмолвившись, как ездила со Страйком на место убийства Куайна, как обедала в «Альбионе» и уж тем более – как босс тяжело опирался на ее плечо, когда они шли по мостику-переходу.

Но порой дело доходило и до неприкрытой лжи. Только вчера вечером Мэтью спросил (в точности как Страйк), не собирается ли она взять выходной, приехать более ранним поездом.

– Билетов нет, – ответила она, и эта ложь сама собой слетела у нее с языка. – Поезда переполнены. Наверное, из-за снега, да? Никто не рискует садиться за руль. Придется мне ехать ночным.

«А что еще я могла сказать? – спросила Робин у своего отражения в темном окне. – Он бы с катушек сорвался».

На самом деле ей просто хотелось поехать в Девон; хотелось помочь Страйку; хотелось оторваться от компьютера (хотя она и находила тихое удовольствие в решении деловых вопросов) и погрузиться в расследование. Разве это плохо? Мэтью считал, что плохо. Ему представлялось, что для нее куда больше подходит место в отделе кадров рекламного агентства, где оклад почти вдвое выше. Лондон – дорогой город. Мэтью хотел найти жилье получше. А она, как видно, сидела у него на шее…

А Страйк тоже хорош… В ней шевельнулось знакомое негодование: *надо бы взять в штат еще одного сотрудника.* От постоянных упоминаний о предстоящем расширении штата у Робин в голове уже сложился образ будущей коллеги: коротко стриженная, строптивая женщина, совсем как та полицейская, что охраняла место преступления на Тэлгарт-роуд. Знающая, подготовленная так, как Робин и не снилось, не обремененная (в полупустом вагоне метро с темными окнами, под лязг и грохот колес Робин впервые сказала себе это в открытую) таким женихом, как Мэтью. Но Мэтью был стержнем ее жизни, устойчивым центром. Она его любила; любила всегда. Он оставался с ней в самую тяжелую пору ее жизни, когда многие другие слиняли бы тут же. Она хотела и планировала выйти за него замуж. Загвоздка была только в том, что у них в последнее время стали возникать серьезные разногласия, каких прежде не бывало – никогда. Все, что касалось ее работы, Страйка, принятого ею решения остаться у него в агентстве, подтачивало их отношения, грозило чем-то худшим…

Взятый напрокат «лендкрузер» остался с вечера на парковке в Чайнатауне – ближайшей к Денмарк-стрит, где парковочных мест вообще не было. Поскальзываясь и оступаясь в своих лучших туфлях на плоской подошве, размахивая дорожной сумкой, Робин спешила

сквозь темноту к многоэтажному паркингу с твердым намерением не размышлять больше о Мэтью и не гадать, какие мысли возникли бы у него в голове, узнай он, что его невеста собирается провести шесть часов в автомобиле наедине со Страйком. Она убрала сумку в багажник, села за руль «тойоты», включила навигатор, отрегулировала отопление и прогрела двигатель.

Страйк немного опаздывал, что было ему несвойственно. Чтобы скоротать время, Робин изучала панель управления. Она любила машины, любила вождение. В десятилетнем возрасте, на ферме у дяди, она уже разъезжала на тракторе, если кто-нибудь помогал ей снять его с ручного тормоза. В отличие от Мэтью, она сдала на права с первой попытки, но никогда этим не бравировала.

Уловив в зеркале заднего вида какое-то движение, Робин подняла голову. К машине с трудом продвигался одетый в выходной костюм Страйк: на костылях, с подколотой правой штаниной. У нее внутри что-то оборвалось: не потому, что у него была ампутирована нога – Робин видела его культю и в более суровых обстоятельствах, – а потому, что это был первый случай, когда Страйк при ней решил выйти на люди без протеза.

Она выскочила из машины и тут же об этом пожалела, встретив его хмурый взгляд.

– Какая предусмотрительность: взяла полный привод, – сказал он, давая ей понять, что о ноге лучше не спрашивать.

– Да, учитывая погоду, – ответила Робин.

Он направился к пассажирскому месту, и она сообразила, что помогать не нужно: вокруг него образовалась запретная зона, исключавшая и помощь, и сочувствие, но Робин беспокоилась, что он не сможет сам сесть в машину. Страйк бросил костыли на заднее сиденье, немного постоял, удерживая равновесие, а потом на удивление сильным движением торса плавно скользнул в машину.

Робин торопливо впрыгнула на водительское место, захлопнула дверцу, пристегнулась и задним ходом выехала из паркинга. Упреждающий сигнал Страйка о запрете на оказание помощи воздвиг между ними стену; к сочувствию Робин теперь примешивалась легкая обида: он даже на такую малость не подпускал ее к себе. Разве она когда-нибудь хлопала крыльями, разве навязывала ему свою опеку? Самое большее – принесла парацетамол…

Страйк понимал, что ведет себя неразумно, но от этого раздражался еще сильнее. Проснувшись, он понял, что будет сущим идиотом, если попытается надеть протез, когда колено раздулось, покраснело и дико болит. По железной лестнице пришлось спускаться на заду, как в детстве. Переходя обледенелую Черинг-Кросс-роуд на костылях, он ловил на себе взгляды ранних пешеходов, рискнувшись выйти в морозную темень. Не хотелось, конечно, возвращаться к такому положению, но никуда не деться: он просто забыл, что жизнь – это не сон, в котором он цел и невредим.

Хорошо еще, с облегчением отметил Страйк, что Робин умеет водить. Его сестра Люси за рулем была рассеянной и суматошной. Шарлотта гоняла на своем «лексусе» так, что причиняла Страйку почти физические мучения: пролетала на красный, сворачивала на улицы с односторонним встречным движением, чудом не задевала мотоциклистов и открытые дверцы припаркованных автомобилей… С того дня, когда на желтой песчаной дороге взорвался их «викинг», Страйк чувствовал себя спокойно только рядом с водителями-профессионалами.

После долгого молчания Робин сказала:

– В рюкзаке кофе.

– Что?

– В рюкзаке термос. Я подумала, что останавливаться нам будет не с руки. И печенье.

Дворники прорезали дуги в налипающей на лобовое стекло снежной массе.

– Черт возьми, ты прямо сокровище, – смягчился Страйк.

Он вышел из дому без завтрака: пока повертел в руках бесполезный протез, пока нашел булавку, чтобы подколоть брючину, пока разыскал костыли, пока спустился – сборы заняли вдвое дольше обычного. Робин невольно улыбнулась.

Страйк налил себе кофе и заел его песочным печеньем; по мере того как отступал голод, оценка водительских способностей Робин, севшей за руль незнакомого автомобиля, повышалась.

– А Мэтью на какой машине ездит? – спросил он, когда они на скорости проезжали по виадуку Бостон-Мэнор.

– Ни на какой, – ответила Робин. – В Лондоне мы без машины.

– Да, смысла нет, – сказал Страйк, а сам подумал, что они бы, возможно, и обзавелись машиной, положи он своей секретарше достойную зарплату.

– Итак, о чем ты планируешь расспросить Дэниела Чарда? – поинтересовалась Робин.

– О многом, – ответил он, стряхивая крошки с темного пиджака. – Во-первых: правда ли, что он разругался с Куайном, и если да, то из-за чего. До меня не доходит, почему Куайн – хоть он и был полным охламоном – решил облить грязью человека, от которого зависело его материальное благополучие и который к тому же мог стереть его в порошок. – Страйк пожевал печенье, проглотил, а потом добавил: – Разве что Джерри Уолдегрейв прав и Куайн писал эту книгу в состоянии нервного срыва, обрушиваясь на всех, кого считал виновными в своих мизерных продажах.

Робин, которая накануне закончила «Бомбикса Мори», пока Страйк обедал с Элизабет Тассел, сказала:

– Написано слишком уж гладко для человека в состоянии нервного срыва, ты не находишь?

– Слог, возможно, ровный, но вряд ли кто-нибудь станет утверждать, что такую чернуху мог придумать вменяемый человек.

– У него и другие произведения в том же духе.

– Но «Бомбикс Мори» – это верх идиотизма, – сказал Страйк. – В «Прегрешении Хобарта» и «Братьях Бальзак» хотя бы есть сюжет.

– И здесь есть сюжет.

– Неужели? Маленькая прогулка Бомбикса – это просто удобный способ связать воедино нападки на самых разных людей. Разве нет?

Снегопад усиливался; они уже миновали поворот на Хитроу, вспоминая абсурдные детали романа, потешаясь над смехотворными зигзагами логики и откровенными нелепостями. Деревья по обеим сторонам магистрали будто покрылись тоннами сахарной глазури.

– Куайн опоздал родиться на четыре столетия, – выговорил Страйк, не отрываясь от печенья. – Элизабет Тассел рассказала про елизаветинскую трагедию мести, в которой присутствует отравленный скелет в женском платье. Видимо, кто-то должен был спутать его с настоящей женщиной, поиметь и погибнуть. Это почти то же самое, как Фаллус Импудикус готовится…

– Не продолжай! – с полусмехом-полусодроганием взмолилась Робин.

Страйк прикусил язык, но не потому, что она запротестовала, и не потому, что сам испытывал отвращение. Что-то заискрило у него в подкорке… Ведь он слышал… от кого же он слышал… но воспоминание ускользнуло дразнящей серебристой вспышкой, как рыба, исчезающая в водорослях.

– Отравленный скелет, – бормотал Страйк, пытаясь поймать за хвост обрывок разговора, но все напрасно.

– Я, между прочим, вчера вечером и «Прегрешение Хобарта» дочитала, – похвалилась Робин, обгоняя ползущую еле-еле «тойоту-приус».

– Зачем же так себя истязать? – Страйк потянулся за шестым квадратиком печенья. – Вряд ли тебе такое могло понравиться.

– Мне и не понравилось. Чем дальше, тем хуже. Главный герой там…

– …гермафродит, который забеременел и сделал аборт, чтобы ребенок не мешал ему творить, – подхватил Страйк.

– Ты читал!

– Нет, мне Элизабет Тассел рассказывала.

– Там, кстати, упоминается пропитанный кровью мешок, – сообщила Робин.

Страйк покосился на ее бледный профиль; она сосредоточенно следила за дорогой, не забывая поглядывать в зеркало заднего вида.

– А что в нем лежит?

– Вырезанный из чрева плод, – ответила Робин. – Кошмар!

Возле съезда на Мейденхед Страйк переварил эту информацию.

– Необъяснимо, – выговорил он, помолчав.

– Чудовищно, – сказала Робин.

– Нет, именно что необъяснимо, – настаивал Страйк. – Куайн повторяется. Это уже вторая деталь из «Прегрешения Хобарта», которую он перенес в «Бомбикс Мори». И тут и там – гермафродит, и тут и там – окровавленный мешок… Зачем?

– Видишь ли, – начала Робин, – это не совсем одно и то же. В «Бомбиксе Мори» окровавленный мешок принадлежит не гермафродиту, и находится в нем не абортированный плод… Вероятно,

у автора иссякло воображение, – предположила она. – Вероятно, «Бомбикс Мори» стал… как бы это сказать… прощальным костром всех его идей. Точнее, погребальным факелом его карьеры.

Страйк впал в глубокую задумчивость. Придорожный ландшафт все менее напоминал о большом городе; за деревьями виднелись заснеженные поля, белые на белом под жемчужно-серым небом, но метель не утихала и неслась наперегонки с автомобилем.

– Знаешь что? – заговорил наконец Страйк. – Тут возможны два варианта. Либо у Куайна действительно случился нервный срыв, из-за чего он утратил связь с реальностью и возомнил, что «Бомбикс Мори» – это шедевр, либо он хотел наделать как можно больше шуму и ввел эти повторы с определенным умыслом.

– С каким?

– Он дал читателю ключ, – сказал Страйк. – Перекрестные отсылки к другим его книгам помогают понять, к чему клонит «Бомбикс Мори». Куайн хотел и выговориться, и уйти от обвинений в клевете.

Не отрывая взгляда от дороги, Робин едва заметно повернула лицо к Страйку и нахмурилась:

– По-твоему, в этом был особый расчет? Куайн действительно хотел поднять шумиху?

– Если вдуматься, – сказал Страйк, – это не худший бизнес-план для толстокожего эгоиста, чьи опусы – залежалый товар. Раздуй скандал, заставь людей сплетничать о твоей книге, угрожать тебе судом, убиваться, тут же – завуалированные откровения о знаменитом писателе… а затем, пока не остановили, беги туда, где судебные приставы тебя днем с огнем не сыщут, и публикуй свое творение в электронном виде.

– Но ведь он пришел в бешенство, когда Элизабет Тассел сказала, что не сможет протолкнуть его книгу.

– В самом деле? – задумчиво проговорил Страйк. – А может, он притворялся? Не для того ли он заставлял ее прочесть рукопись, чтобы потом устроить неслыханный прилюдный скандал? Судя по всему, он был жутким показушником. Вполне мог придумать себе такой промоушен. Он ведь сам жаловался, что «Роупер Чард» его не продвигает, – об этом я узнал от Леоноры.

– То есть, по-твоему, он заранее решил устроить эту сцену?

– Вполне возможно, – ответил Страйк.

– А потом отправиться на Тэлгарт-роуд?

– Не исключено.

Солнце уже стояло высоко, и обледеневшие кроны деревьев искрились серебром.

– И ведь добился своего, правда? – Страйк щурился от блеска наледи на лобовом стекле. – Лучшей рекламы не придумаешь. Жаль, что он не дожил до своего появления в новостях Би-би-си. Тьфу, зараза! – пробормотал он вполголоса.

– Что такое?

– Все печенье стрескал… извини, – расстроился он.

– Ничего страшного. – Робин это насмешило. – Я позавтракала.

– А я – нет, – признался Страйк.

Горячий кофе вкупе с их беседой и практичностью Робин во всем, что касалось его комфорта, растопил его категорическое нежелание упоминать ампутированную ногу.

– Не смог сегодня надеть этот чертов протез. Колено, собака, распухло не знаю как, придется к врачу записываться. Утром еле собрался, чтобы из дому выйти.

Робин примерно так и думала, но оценила его доверительность.

Они проехали мимо поля для гольфа: среди акров мягкой белизны торчали флажки, а водоемы сверкали под морозным солнцем, как начищенные пластины свинца.

На подъезде к Суиндону у Страйка затренькал телефон. Проверив номер (чтобы не нарваться на повторный звонок Нины Лассел), он увидел, что это Илса, его бывшая одноклассница. Обнаружил он также – с дурными предчувствиями – пропущенный звонок от Леоноры Куайн, которая пыталась связаться с ним в половине седьмого утра, когда он, должно быть, плелся на костылях по Черинг-Кросс-роуд.

– Илса, привет. Что у вас там происходит?

– Вообще-то, много чего, – ответила Илса; по отдаленному дребезжанию Страйк понял, что она в машине.

– Тебе в среду звонила Леонора Куайн?

– А как же! Мы по горячим следам и встретились, – сказала она. – А сейчас она мне сказала, что утром не смогла до тебя дозвониться.

– Да, я рано выходил из дому и, вероятно, не услышал.

– С ее разрешения хочу тебе…

– Что случилось?

– Ее забрали на допрос. Я сейчас еду в отделение.

– Вот черт! – сказал Страйк. – Черт! Что ей предъявили?

– По ее словам, у них с Оуэном в спальне при обыске нашли какие-то снимки. Видимо, он любил, когда его связывали и в таком виде фотографировали, – с убийственной невозмутимостью объяснила Илса. – Она рассказывала мне об этом, как о садовых работах.

В трубке фоном слышались отзвуки плотного движения в центре Лондона. Здесь, на автостраде, самыми громкими звуками были шуршание дворников, ровное урчание мощного движка и редкие завихрения воздуха от машины какого-нибудь лихача, в такую пургу решившегося на обгон.

– Могла бы пораскинуть мозгами и загодя избавиться от этих фоток, – рассердился Страйк.

– Я сделаю вид, что не слышала этого подстрекательства к уничтожению улик, – с напускной строгостью сказала Илса.

– Эти долбаные фотки – еще не улики! – возмутился Страйк. – Вполне естественно, что у этой парочки супружеская жизнь была с вывертами, иначе разве Леонора удержала бы такого, как Куайн? Энстис – неиспорченный малый: всё, кроме миссионерской позы, видится ему доказательством сугубо криминальных наклонностей.

– Из каких же источников у тебя такие сведения о сексуальных предпочтениях офицера полиции? – развеселилась Илса.

– Он – тот самый, кого я в Афганистане отбросил в задний отсек машины, – пробормотал Страйк.

– Ох! – вырвалось у Илсы.

– И он решил во что бы то ни стало закрыть Леонору. Но если грязные фото – это все, что ей могут предъявить, то…

– Нет, не все. Ты знал, что в доме у Куайнов есть чулан?

Тут Страйк оцепенел. Неужели он заблуждался, настолько заблуждался, что…

– Говори: ты знал? – спрашивала Илса.

– Что в нем нашли? – У Страйка упало сердце. – Не кишки?

– Как ты сказал? Мне послышалось «не кишки».

– Что, спрашиваю, там нашли? – спохватился Страйк.

– Пока не знаю, собираюсь на месте выяснить.

– Ее не арестовали?

– Нет, только задержали для допроса, но следствие – я чую – уверено, что это она, а она не понимает всей серьезности положения. Звонит мне сегодня утром – и давай рассказывать, как дочку оставила на соседку, как дочка расстроилась…

– Дочке двадцать четыре года, и у нее замедленное развитие.

– Ах вот оно что. Печально… – сказала Илса. – Слушай, я уже подъехала, мне надо идти.

– Держи меня в курсе.

– В ближайшее время новостей не жди. Думаю, мы здесь надолго.

– Ч-ч-черт, – снова пробормотал Страйк.

– Что случилось?

Из полосы медленного движения вывернул бензовоз, чтобы обогнать «хонду-сивик» с наклейкой «Ребенок в машине». Страйк видел, как гигантская серебристая пуля вильнула на обледенелой дороге, и с молчаливым одобрением заметил, что Робин сбросила скорость, увеличивая дистанцию.

– Леонору забрали в полицию на допрос.

Робин ахнула.

– При обыске нашли фото связанного Куайна и что-то еще – Илса точно не знает; все это лежало в чулане…

Со Страйком такое случалось и раньше: внезапно нахлынувшая тревога. Замедление времени. Напряжение всех чувств.

Бензовоз начал крениться.

Он услышал свой крик «ТОРМОЗИ!» – этим же криком он в прошлый раз пытался остановить смерть… Но Робин нажала на газ. Машина рванулась вперед. Места для обгона не было. Бензовоз завалился набок и закружился по льду; «хонда» врезалась в него, перевернулась и на крыше заскользила к обочине; столкнувшиеся «гольф» и «мерседес» и не могли расцепиться; их несло на бензовоз…

«Лендкрузер» нырнул в сторону. Робин прошла в дюйме от перевернувшейся «хонды». Когда их «лендкрузер» на скорости слетел с асфальта на грунтовую обочину, Страйк вцепился в ручку дверцы: казалось, они вот-вот рухнут в кювет и опрокинутся; к ним неумолимо приближался зад бензовоза, но они мчались так стремительно, что прошли на волосок от него… сильнейший толчок, Страйк ударился головой о крышу машины, и они без единой царапины вывернули обратно на дорожное покрытие, миновав столкнувшиеся машины.

– Йопта…

Бледная как полотно, Робин наконец-то затормозила и, полностью владея управлением, съехала на запасную аварийную полосу; в лобовое стекло бился снег.

– В «хонде» – ребенок.

Страйк не успел раскрыть рта, как она выскочила из машины и хлопнула дверцей.

Обернувшись, Страйк попытался дотянуться до костылей. Никогда еще он так остро не ощущал свою беспомощность. Когда он кое-как сумел втащить их на переднее сиденье, послышался вой сирен. Вглядываясь в заснеженное заднее стекло, он различил приближающуюся синюю мигалку. Полиция прибыла незамедлительно. Одноногий инвалид, он был бы только помехой. Бросив костыли на прежнее место, Страйк опять выругался.

Минут через десять вернулась Робин.

– Обошлось, – выдохнула она. – Мальчик цел, он был в автомобильном кресле. Водитель грузовика весь окровавлен, но в сознании.

– А сама ты как?

Ее слегка трясло, но она улыбнулась такому вопросу:

– Лучше всех. Просто перепугалась, что ребенок мог погибнуть.

– Значит, пронесло, – отдуваясь, сказал Страйк. – Мать-перемать, где ты научилась так ездить?

– Да как тебе сказать… окончила пару специализированных курсов, – пожала плечами Робин, убирая с лица мокрые волосы.

Страйк впился в нее взглядом:

– Это когда же?

– Когда вылетела из университета. Я была… У меня был довольно тяжелый период, и я сидела в четырех стенах. Вот у отца и возникла такая идея. Я всегда обожала машины. По крайней мере, хоть чем-то себя заняла. – Она пристегнула ремень и включила зажигание. – Когда приезжаю домой, иногда отправляюсь на ферму и там практикуюсь. Дядя пускает меня на поле.

Страйк не сводил с нее глаз:

– Разве тебе не надо задержаться, пока…

– Нет, я оставила им свое имя и адрес. Нам нужно ехать.

Она переключила передачу и плавно выехала на автостраду. Страйк не отрывался от ее спокойного профиля; она опять сосредоточенно следила за дорогой, уверенно и свободно держа руль.

– У нас в армии не все водилы после курсов контраварийного вождения так справлялись, – сказал Страйк. – Те, которые генералов возили и были обучены уходить из-под огня. – Он оглянулся на скопление перевернутых автомобилей: дорога была заблокирована. – До сих пор не понимаю, как ты увернулась.

Едва не угодив в аварию, Робин не проронила ни слезинки, но при этих словах похвалы и благодарности вдруг почувствовала, что вот-вот не выдержит и расплачется. С большим трудом ей удалось взять себя в руки и со смешком проговорить:

– Надеюсь, ты понимаешь: если бы я притормозила, нас бы выбросило прямо на бензовоз.

– Угу. – Страйк тоже посмеялся. – Сам не знаю, почему такую фигню сказал, – солгал он.

29

Налево поверните, там тропинка,
Она ведет от совести нечистой
В лес, полный недоверия и страхов.

Томас Кид.

Испанская трагедия[21]

Несмотря на это происшествие, Страйк и Робин добрались до девонширского городка Тивертон в начале первого. Следуя указаниям навигатора, Робин проехала мимо притихших под снежными шапками пригородных домов, по аккуратному мостику, переброшенному через графитового цвета реку, мимо неожиданно величественной церкви шестнадцатого века на окраине – и впереди возникли неприметные ворота с электрическим приводом.

Красивый молодой филиппинец, в парусиновых туфлях и необъятном пальто, пытался открыть их вручную. Завидев «лендкрузер», он сделал знак Робин опустить стекло.

– Примерзли, – скупо объяснил он. – Подождите, пожалуйста.

Через пять минут он сумел разморозить ворота и, чтобы их открыть, расчистил снег.

– Подвезти вас обратно к дому? – предложила Робин.

Он сел на заднее сиденье, где лежали костыли Страйка.

– Вы друзья мистера Чарда?

– Нас ожидают, – уклончиво ответил Страйк.

Длинная, извилистая подъездная дорога шла круто в гору; «лендкрузер» без труда преодолевал ночные заносы. Глянцевые листья рододендронов, растущих вдоль обочин, отказывались удерживать снежный груз, и стены густой листвы темнели на фоне белых россыпей. Перед глазами у Робин мелькали светящиеся точки. Завтракала она рано, а печенье, естественно, умял Страйк.

Ощущение легкой дурноты и некоторой нереальности происходящего не развеялось и после того, как она вышла из машины

и рассмотрела Тайзбарн-Хаус, граничивший с густым лесом. Тяжеловесное, продолговатое здание явно перестроил архитектор не из робких: одна половина кровли была заменена листовым стеклом, а вторая, судя по всему, панелями солнечных батарей. От вида прозрачного дома, который на фоне яркого, светлого неба выглядел каким-то костлявым, у Робин поплыло в голове. Ей вспомнилась жуткая фотография в телефоне у Страйка: сводчатое пространство из стекла и света, где лежал изуродованный труп Куайна.

– Тебе плохо? – встревожился Страйк, заметив ее бледность.

– Все нормально, – сказала Робин, решившая поддерживать в его глазах свой героический ореол.

Полной грудью вдыхая свежий, морозный воздух, она ступала по гравию вслед за Страйком, на удивление ловко управлявшимся с костылями.

Молодой филиппинец без единого слова исчез. Парадную дверь открыл сам Дэниел Чард. Он встретил их в похожей на халат длинной шелковой блузе фисташкового цвета, с воротником-стойкой, и в просторных льняных брюках. Как и Страйк, он был на костылях: его левую ногу до колена обхватывал фиксирующий сапог на ремешках. Чард с болезненным смущением взглянул на болтающуюся пустую брючину – и несколько секунд не мог оторвать от нее взгляд.

– Ну вот, а вы думали, хуже, чем у вас, не бывает, – сказал Страйк, протягивая ему руку.

Скромная шутка не возымела действия. Чард не улыбнулся. Та атмосфера неловкости, обособленности, которая окружала его на издательском фуршете, сохранялась и здесь. Пожимая гостю руку, он даже не посмотрел ему в глаза, а вместо приветствия сказал:

– Я все утро думал, что вы отмените свой приезд.

– Да нет, добрались, – без всякой необходимости ответил Страйк. – Это моя помощница, Робин, она меня и привезла. Надеюсь…

– Нет, она не останется на морозе, – сказал Чард, хотя и без видимой приветливости. – Входите же.

Он посторонился, давая им возможность ступить через порог на медового цвета половицы, натертые до зеркального блеска.

– Можно вас попросить снять обувь?

Справа, из распашных дверей в кирпичной стене, появилась плотная немолодая филиппинка, со стянутыми в узел черными

волосами. Одетая во все черное, она протягивала Страйку и Робин два белых полотняных мешочка, куда гости, видимо, должны были сложить уличную обувь. Робин справилась быстро и отдала свой мешочек обратно; ощущение голых досок под ногами почему-то внушало ей чувство неуверенности. Страйк остался стоять на здоровой ноге.

– Ох, – опомнился Чард, вновь уставившись на пустую брючину. – Нет, вероятно… мистеру Страйку лучше не снимать обувь, Ненита.

Женщина безмолвно ретировалась в кухню.

Почему-то в интерьерах Тайзбарн-Хауса у Робин усилилось головокружение. Огромное пространство не разделяли никакие перегородки. Второй этаж, куда пришлось подниматься по винтовой лестнице из стали и стекла, свисал на толстых металлических тросах откуда-то сверху. В вышине виднелась необъятная двуспальная кровать, на вид кожаная, а над ней, на кирпичной стене, красовалось гигантское распятие из колючей проволоки. Робин поспешила отвести глаза: тошнота сделалась невыносимой.

Почти всю мебель на втором этаже заменяли кубы, обтянутые белой или черной кожей. Вертикальные стальные радиаторы затейливо перемежались с нарочито простыми книжными стеллажами из дерева и металла. Центральное место в полупустом нижнем пространстве занимала мраморная скульптура в человеческий рост, изображавшая сидящего на утесе ангела с частично рассеченными черепом, животом и костью ноги. Одна открытая грудь – Робин не могла оторваться от мраморной статуи – состояла из жировых шариков на грибовидном полукружье мышц. Ну не смешно ли мучиться дурнотой, если это рассеченное тело всего лишь изваяно из холодного, чистого камня и его бесчувственная белизна ничем не напоминает гниющий труп, запечатленный в памяти мобильного телефона Страйка… *не смей об этом думать*… нужно было попросить, чтобы Страйк оставил хотя бы одно печенье… у нее на лбу и над верхней губой выступили капельки пота…

– Что с тобой, Робин? – резко спросил Страйк.

По выражениям лиц обоих мужчин Робин поняла, что смертельно побледнела; ее страх упасть в обморок только усиливался от мысли, что она стала помехой Страйку.

– Извините, – проговорила она застывшими губами. – Долгая поездка… мне бы стакан воды…

– Хм… ну что ж, – протянул Чард, как будто вода была у него на вес золота. – Ненита!

Тут же появилась женщина в черном.

– Девушка просит стакан воды, – сказал издатель.

Ненита жестом предложила Робин проследовать за ней в кухню. Сзади по деревянному полу глухо стучали костыли Чарда. Робин успела разглядеть стальные кухонные поверхности, побеленные стены, знакомого молодого филиппинца, колдовавшего над большой сковородой, – и сама не заметила, как опустилась на низкий табурет.

Она думала, что Чард пошел за ними потому, что беспокоился о ее самочувствии, но, когда Ненита сунула ей в руки холодный стакан, издатель заговорил с кем-то другим поверх головы Робин.

– Спасибо, что привел в порядок ворота, Мэнни.

Юноша не ответил. Робин услышала, как застучали костыли, а потом распахнулись кухонные двери.

– Это я виноват, – сказал Страйк издателю, когда тот вернулся. Его и впрямь мучила совесть. – Подъел все, что она взяла в дорогу.

– Ненита, вероятно, сможет ее покормить, – сказал Чард. – Присядем?

Страйк двинулся за хозяином мимо мраморного ангела, туманно отражавшегося в натертом полу. Под стук двух пар костылей они прошли в дальний конец зала, где излучала приятное тепло черная дровяная печь.

– Потрясающий дом, – сказал Страйк, выбрав для себя черный кожаный куб самого большого размера, и положил рядом с собой костыли.

Комплимент был неискренним; Страйк предпочитал комфорт и функциональность, а в доме Чарда все играло на внешний эффект.

– Да, я тесно сотрудничал с архитекторами, – слегка оживился Чард. – Вот там у меня студия, – он указал на пару неброских дверей, – и бассейн.

Он тоже сел и вытянул перед собой медицинский сапог.

– Как это случилось? – Страйк кивнул на сломанную ногу хозяина дома.

Чард ткнул костылем в сторону винтовой лестницы из стекла и металла.

– Представляю, какая была боль, – сказал Страйк, прикидывая высоту падения.

– Хрустнуло так, что эхо прокатилось, – с непонятным удовлетворением подтвердил Чард. – Никогда бы не подумал, что перелом можно *услышать*. Хотите чаю, кофе?

– Если можно, чаю.

Издатель поставил здоровую ногу на латунную пластинку возле своего места. Легкое нажатие – и из кухни появился Мэнни.

– Чайку, пожалуйста, Мэнни, – сказал Чард с теплотой, совершенно неприсущей его манере.

Юноша, по-прежнему смурной, тут же исчез.

– Это – Сент-Майклс-Маунт[{20}]? – спросил Страйк, указывая на висевшую рядом с печкой небольшую картину – образчик наивной живописи по дереву.

– Кисти Альфреда Уоллиса[{21}]. – Чард вновь едва заметно воодушевился. – Простота форм… первозданная наивность. Мой отец знал его лично. Уоллис всерьез занялся живописью на восьмом десятке. Вы знаете Корнуолл?

– Я там вырос, – ответил Страйк.

Но Чарда больше увлекал Альфред Уоллис. Еще раз подчеркнув, что художник нашел свое истинное призвание только на склоне лет, он пустился в рассуждения о его творчестве. Полное отсутствие интереса со стороны слушателя осталось незамеченным. Чард не имел привычки смотреть в глаза собеседнику. Взгляд издателя скользил от картины к различным деталям необъятного кирпичного интерьера, лишь случайно падая на Страйка.

– Вы недавно вернулись из Нью-Йорка, правильно я понимаю? – вклинился Страйк, когда Чард переводил дыхание.

– Да, летал на одну конференцию, три дня всего, – ответил Чард и потерял всякий интерес к беседе, после чего произнес пару отработанных шаблонных фраз. – Трудное время. Нашествие электронных книг и гаджетов изменило правила игры. Вы читаете? – напрямик спросил он.

– Иногда, – ответил Страйк.

У него дома завалялась потрепанная книжка Джеймса Эллроя[{22}], которую он мусолил уже месяц, поскольку за день так выматывался, что ему было не до чтения. А свою любимую книгу, которая появилась у него двадцать лет назад и теперь лежала в картонной коробке на лестнице за дверью, он не открывал уже давно.

– Читатели нам нужны, – пробормотал Чард. – И желательно побольше. А писателей – поменьше.

У Страйка на языке вертелось: «От одного ты благополучно избавился».

Бесшумно появившийся Мэнни поставил перед хозяином прозрачный сервировочный столик из небьющегося стекла. Чард подался вперед и налил чай в высокие белые фаянсовые кружки. В этом доме, как отметил про себя Страйк, кожаная мебель почему-то не пукала, в отличие от его офисного дивана; но за нее и выложили, как видно, в десять раз больше. Тыльная сторона ладоней Чарда оставалась такой же воспаленной и нездоровой, как во время издательского фуршета; в ярком свете ламп, вмонтированных в висячий потолок (он же – пол третьего этажа), этот человек выглядел старше, чем тогда, издали, – пожалуй, лет под шестьдесят; у него были темные, глубоко посаженные глаза, хищный нос и тонкие, сурово сжатые, но все еще красиво очерченные губы.

– Молоко не подал, – отметил Чард, изучая сервировочный столик. – Вы с молоком пьете?

– Угу, – сказал Страйк.

Чард вздохнул, но нажимать на латунную пластину не стал; вместо этого он взялся за костыли и попрыгал на одной ноге в кухню, оставив Страйка задумчиво смотреть ему вслед.

В издательстве Дэниел Чард прослыл специфической личностью, хотя Нина не отказывала ему в проницательности. Его неконтролируемые припадки ярости по поводу «Бомбикса Мори» выдавали, по мнению Страйка, сверхчувствительную натуру и нехватку здравомыслия. Ему вспомнилось, как в зале воцарилась атмосфера общей неловкости, когда Чард бубнил юбилейную речь. Странный человек, весь в себе…

Страйк поднял взгляд к прозрачному потолку. Высоко над мраморным ангелом нежно падал снег. Стекло, как пить дать, с подогревом: снег на нем не скапливается, решил Страйк. И в памяти у

него возникло большое стрельчатое окно, под которым лежал выпотрошенный, обожженный, гниющий труп Куайна. Вслед за Робин ему теперь тоже чудилось что-то неприятно знакомое в этих высоченных стеклянных потолках.

Из распашных дверей кухни показался Чард, который ковылял по залу на костылях, с трудом удерживая в руке миниатюрный молочник.

– Вы, наверное, удивлены, что я попросил вас приехать сюда, – заговорил в конце концов Чард, когда они взялись за свои кружки.

Страйк изобразил полную готовность слушать.

– Мне нужен человек, которому я могу доверять, – не дожидаясь ответа, сказал Чард. – Но не из числа моих сотрудников. – Покосившись на Страйка, он тут же перевел взгляд на Альфреда Уоллиса. – Сдается мне, – продолжал Чард, – я – единственный, кто заподозрил, что Оуэн Куайн работал не один. У него был напарник.

– Напарник? – эхом повторил Страйк, подумав, что Чард ожидает отклика.

– Да, – пылко сказал Чард. – Именно так. Видите ли, в общем и целом стилистика «Бомбикса Мори» характерна для Куайна, однако я чувствую еще чью-то руку. Кто-то ему помогал. – Бледные щеки Чарда раскраснелись. Он схватил костыль и начал поглаживать ручку. – Если это будет подтверждено фактами, как отнесется к этому полиция? – Он заставил себя посмотреть на Страйка в упор. – Если Оуэна убили за содержание «Бомбикса Мори», разве его напарник не должен понести ответственность?

– Понести ответственность? – переспросил Страйк. – Вы считаете, что этот напарник подстрекал Куайна включить в роман те подробности, какие могли бы спровоцировать третью сторону на убийство?

– У меня… полной уверенности у меня нет, – нахмурился Чард. – Он мог и не предвидеть именно таких последствий… но определенно хотел посеять хаос.

Костяшки пальцев, сжимающих ручку костыля, побелели.

– Но почему вы решили, что Куайна кто-то направлял? – не понял Страйк.

– Кое-какие подробности, всплывшие на страницах «Бомбикса Мори», Оуэн просто не мог знать; следовательно, ему их подсказали, – ответил Чард, вперившись в бок мраморного ангела.

– Я полагаю, это может заинтересовать следствие лишь в той степени, – с расстановкой проговорил Страйк, – в какой напарник – или напарница – имеет отношение к непосредственному исполнителю убийства.

Это была чистая правда, но в то же время Страйк хотел вернуть издателя к чудовищным обстоятельствам гибели Куайна. Чард, похоже, не задумывался о личности убийцы.

– Вы так считаете? – Чард слегка наморщил лоб.

– Да, – ответил Страйк, – я так считаю. Есть и другая причина, почему полицию может заинтересовать этот напарник: он способен пролить свет на неясные пассажи романа. Одна из версий, которую непременно отработает полиция, будет заключаться в том, что Куайна убили, дабы не допустить огласки некоторых завуалированных фактов.

Дэниел Чард сосредоточенно уставился на Страйка:

– И в самом деле… Как же я не… В самом деле…

Как ни странно, издатель встал на костыли и начал прыгать туда-обратно, раскачиваясь примерно так, как на первых порах учил Страйка инструктор по лечебной физкультуре в госпитале «Селли-Оук». Только теперь Страйк заметил, что хозяин дома находится в хорошей форме: под шелковыми рукавами поигрывали бицепсы.

– Значит, убийца… – заговорил Чард и вдруг вскинулся, глядя поверх плеча Страйка. – Что такое?

Из кухни вышла порозовевшая Робин.

– Извините. – Она занервничала и остановилась.

– У нас конфиденциальный разговор, – бросил ей Чард. – Не обессудьте. Сделайте одолжение, посидите на кухне.

– Но я… хорошо. – Робин такого не ожидала и, как заметил Страйк, обиделась. Она покосилась в его сторону, ожидая поддержки, но он промолчал.

Когда у нее за спиной сомкнулись распашные двери, Чард гневно произнес:

– Ну вот, сбился с мысли. Совершенно потерял нить…

– Вы начали что-то говорить про убийцу.

– Да. Да, – маниакально повторял Чард, прыгая туда-обратно и раскачиваясь на костылях. – Значит, убийца, будучи знаком с напарником, может попытаться устранить и его? И наверняка тот уже об этом подозревает, – добавил Чард скорее для себя, чем для Страйка,

изучая дорогую древесину половиц. – Вероятно, этим и объясняется… Да.

За ближайшим к Страйку окном виднелся только сплошной массив леса; на черном фоне сонно кружились белые точки.

– Предательство, – неожиданно выпалил Чард, – вот что для меня страшнее всего! – Остановившись, он развернулся лицом к детективу и спросил: – Если я вам скажу, кого подозреваю, а затем попрошу раздобыть для меня доказательства, вы сообщите об этом полиции?

Щекотливый вопрос, подумал Страйк, рассеянно поглаживая плохо выбритый в утренней спешке подбородок.

– Если речь идет лишь о том, чтобы проверить ваши подозрения… – медленно начал Страйк…

– Да, – сказал Чард. – Да, я хочу знать наверняка.

– Если дело только в этом – нет, я не обязан ни перед кем отчитываться. Но если я найду факты, подтверждающие само наличие напарника и его причастность к убийству Куайна… или сговор с убийцей… то, естественно, сочту своим долгом уведомить полицию.

Чард опустился на один из больших кожаных кубов и с грохотом бросил костыли на пол.

– Проклятье! – вырвалось у издателя; его неудовольствие эхом отскакивало от всех твердым поверхностей, пока он исследовал сверкающие половицы на предмет возможных повреждений.

– А вам известно, что жена Куайна уже доверила мне выяснить, кто его убил? – спросил Страйк.

– Что-то такое я слышал, – сказал Чард, все еще исследуя тиковую красоту. – Но ведь мое поручение не помешает официальному следствию?

Неслыханный эгоцентризм, подумал Страйк. Он вспомнил каллиграфическую надпись на открытке: «Если что-нибудь понадобится, непременно дайте мне знать». Наверняка это продиктовала секретарша.

– Может быть, вы назовете мне имя вероятного соучастника? – предложил Страйк.

– Это чрезвычайно болезненно, – пробормотал Чард, бегая глазами от Альфреда Уоллиса к мраморному ангелу и винтовой лестнице.

Страйк молча ждал.

– Джерри Уолдегрейв, – выдавил Чард, стрельнув глазами на Страйка и в сторону. – Я сейчас объясню, по какой причине подозреваю… откуда мне это известно. В последние месяца полтора он вел себя необъяснимо. Впервые я это заметил, когда он позвонил мне насчет «Бомбикса Мори» – рассказать, что отмочил Куайн. Я не услышал ни смущения, ни извинений.

– А вы ожидали, что Уолдегрейв будет извиняться за написанное Куайном?

Чард, казалось, удивился такому вопросу.

– Поймите… Оуэн был из тех авторов, с кем постоянно работал Джерри, и в этом смысле – да, я ожидал хотя бы признаков огорчения тем, в каком… в каком свете представил меня Оуэн.

Тут своевольное воображение Страйка опять нарисовало ему голого Фаллуса Импудикуса над излучающим потустороннее сияние трупом юноши.

– Между вами и Уолдегрейвом создалась некая напряженность?

– Я всегда проявлял к Джерри Уолдегрейву снисхождение, значительное снисхождение, – ушел от прямого ответа Чард. – В прошлом году, когда он лег в клинику, я сохранил для него полную ставку. Возможно, он на меня обижается, – продолжал Чард, – но я принимал его сторону всякий раз, когда другой на моем месте – кто-нибудь более осмотрительный – держал бы нейтралитет. Если у Джерри не задалась семейная жизнь, я в этом не виноват. Но он обидчив. Да, могу сказать, что между нами стоят его обиды, причем совершенно необоснованные.

– Какого рода обиды? – уточнил Страйк.

– Джерри не любит Майкла Фэнкорта, – негромко сказал Чард, наблюдая за огнем в печи. – Когда-то давно у Майкла был… был… флирт с Фенеллой, женой Джерри. К слову сказать, из добрых чувств к Джерри я сделал Майклу предупреждение. Да! – Чард закивал под впечатлением от собственного поступка многолетней давности. – Я прямо сказал, что это жестоко и неразумно, даже в его положении… видите ли, Майкл незадолго до того схоронил свою первую жену. Но он не внял моему непрошеному совету. Расценил его как оскорбление; переметнулся к другому издателю. Совет директоров был крайне недоволен, – добавил Чард. – Двадцать с лишним лет мы не могли заманить Майкла обратно. Но даже по прошествии такого срока, –

лысина Чарда сверкала не хуже стекла, отполированного дерева и нержавеющей стали, – Джерри не вправе рассчитывать, что его личная неприязнь будет определять политику издательства. Как только Майкл согласился вернуться к нам в «Роупер Чард», Джерри взял за правило… гадить мне по мелочам на каждом шагу. Так вот: с моей точки зрения, произошло следующее. Джерри рассказал Оуэну о шашнях Майкла, которые мы, естественно, старались не афишировать. А сам Оуэн, как всем известно, враждовал с Майклом уже четверть века. Оуэн с Джерри замыслили этот… этот… мерзкий пасквиль, чтобы облить грязью и Майкла, и меня, чтобы отвлечь публику от возвращения Майкла и отомстить нам обоим, и фирме, и всем, кого им хотелось пнуть. И что самое показательное, – голос Чарда окреп и отзывался эхом в пустом зале, – когда я открытым текстом приказал Джерри убрать рукопись в сейф, он сделал так, чтобы ее прочли все кому не лень, а когда по Лондону поползли слухи, он тут же подал заявление об уходе, тем самым вынудив меня подыскивать…

– А когда это было? – поинтересовался Страйк.

– Позавчера, – ответил Чард и пустился в дальнейшие объяснения: – Уолдегрейв ни в какую не соглашался выступить соистцом против Куайна. Это само по себе доказывает…

– Вероятно, он посчитал, что судебный процесс привлечет еще больше внимания к этой книге? – предположил Страйк. – Ведь Уолдегрейву и самому досталось в «Бомбиксе Мори».

– Вот именно! – осклабился Чард, впервые обнаружив слабое подобие юмора; Страйк внутренне содрогнулся. – Не стоит все принимать за чистую монету, мистер Страйк. Об *этом* Оуэн не ведал ни сном ни духом.

– О чем?

– Образ Резчика – творение самого Джерри. До меня это дошло только с третьего прочтения, – признался Чард. – Весьма и весьма изобретательно: выглядит как нападка на Джерри, а в действительности бьет по Фенелле. Понимаете, они до сих пор состоят в законном браке, но живут как кошка с собакой. *Очень* несчастливая семья. Да, мне это открылось после неоднократного прочтения.

Когда он кивал, огни висячего потолка рябью отражались на его черепе.

– Образ Резчика ввел не Оуэн. По-моему, он вообще незнаком с Фенеллой. Ему неоткуда было узнать ту давнюю историю.

– Что именно призваны обозначать окровавленный мешок и карлица?..

– Вытяните это из Джерри, – предложил Чард. – Заставьте его сказать правду. С какой стати я должен помогать в распространении клеветы?

– Хотел спросить, – Страйк послушно закрыл предыдущую тему, – почему Майкл Фэнкорт согласился вернуться в «Роупер Чард», если у вас печатался Куайн? Они ведь были на ножах.

Наступила короткая пауза.

– У нас не было никаких юридических обязательств издавать новую книгу Оуэна, – заявил Чард. – Мы приняли ее лишь для первичного ознакомления. Вот и все.

– Значит, по-вашему, Джерри Уолдегрейв шепнул Куайну, что его рукопись будет отклонена в угоду Фэнкорту?

– Да, – подтвердил Чард, разглядывая свои ногти. – Именно так. Помимо этого, во время нашей последней встречи я нанес обиду Оуэну, а потому весть о предстоящем отказе, несомненно, лишила его последних крупиц былой лояльности – напомню, что я печатал его даже тогда, когда все другие британские издатели и слышать не хотели…

– Чем же вы его так обидели?

– Когда Оуэн напоследок зашел в издательство, он привел с собой дочь.

– Орландо?

– Названную, как он мне объяснил, в честь заглавного персонажа романа Вирджинии Вулф[{23}]. – Чард замялся, по-прежнему изучая свои ногти. – Она… его дочь… не вполне адекватна.

– Да что вы говорите? – разыграл свою партию Страйк. – В каком отношении?

– В умственном, – пробормотал Чард. – Я зашел по делам в отдел предпечатной подготовки – а они тут как тут. Оуэн сказал, что хочет показать дочери издательство… он, между прочим, не имел на это никакого права, но Оуэн не признавал запретов… Постоянно кичился, считал, что все ему обязаны… Его дочь схватила макет обложки… грязными руками… Я стиснул ей запястье, чтобы не допустить порчи

макета… – Чард жестом изобразил, как он это проделал, и его задумчивое лицо исказилось брезгливостью. – Поверьте, я действовал под влиянием момента, чтобы готовая работа не пошла насмарку, но дочь Куайна как с цепи сорвалась. Устроила сцену. Беззастенчивую, непотребную, – бубнил Чард, словно переживая те события заново. – Чуть ли не билась в истерике. Оуэн пришел в бешенство. Разумеется, за тот случай он обвинил меня во всех смертных грехах. Равно как и за возвращение Майкла Фэнкорта в «Роупер Чард».

– Кто, как вы думаете, – спросил Страйк, – больше других возмущался своим изображением в «Бомбиксе Мори»?

– Право, не знаю, – ответил Чард и, помолчав, добавил: – К примеру, Элизабет Тассел, скорее всего, была не в восторге, увидев себя в образе кровопийцы, – и это после того, как она годами пасла Оуэна на всех банкетах, чтобы только он не осрамился на людях в пьяном виде. Но, по правде говоря, – холодно продолжил Чард, – Элизабет не вызывает у меня сочувствия. Если непроверенный роман стал достоянием гласности, это ее личное упущение. Преступная халатность.

– А вы после ознакомления с рукописью тут же поставили в известность Фэнкорта? – уточнил Страйк.

– Он бы неизбежно узнал, что выкинул Куайн. Так пусть уж лучше от меня. А Майкл только что вернулся из Парижа, где ему вручали премию Прево. Знали бы вы, чего мне стоило заставить себя снять трубку.

– И как он отреагировал?

– Майкла голыми руками не возьмешь, – промямлил Чард. – Он посоветовал мне успокоиться и заявил, что Оуэн причинил себе больше вреда, чем любому из нас. Для Майкла конфликты – родная стихия. Он и бровью не повел.

– А вы ему рассказали, что именно написал о нем Куайн, прямо или косвенно, в своей книге?

– Разумеется, – сказал Чард. – Не мог же я допустить, чтобы он услышал об этом от сторонних лиц.

– Неужели его не задели инсинуации?

– Он сказал: «Последнее слово будет за мной, Дэниел. Последнее слово будет за мной».

– И как вы это истолковали?

– Видите ли, Майкл – матерый убийца. – Губы Чарда тронула едва заметная улыбка. – Он способен уничтожить любого при помощи пяти безошибочно выбранных… Говоря «убийца», – карикатурно забеспокоился Чард, – я, естественно, имею в виду литературные…

– Конечно, конечно, – приободрил его Страйк. – Фэнкорту вы тоже предложили выступить единым фронтом в судебном преследовании Куайна?

– В подобных случаях Майкл не признает суды как средство получения сатисфакции.

– Вы ведь знали покойного Джо Норта? – как бы мимоходом поинтересовался Страйк.

Лицо Чарда застыло, потемневшая кожа превратилась в маску.

– Очень… очень давняя история.

– Если не ошибаюсь, Норт был дружен с Куайном?

– Я отклонил роман Джо Норта, – сказал Чард. У него задергались губы. – Больше я ему ничего не сделал! Несколько других издателей поступили точно так же. В коммерческом плане это было ошибкой. Автор добился некоторой посмертной славы. Естественно, я убежден, – снисходительно добавил он, – что Майкл основательно переработал его текст.

– Куайн не роптал, что вы отклонили произведение его друга?

– Еще как роптал! Поднял такой шум!

– Но тем не менее продолжал сотрудничать с вашим издательством?

– В моем отказе публиковать Джо Норта не было ничего личного! – Чард вспыхнул. – До Оуэна со временем это дошло.

Повисла еще одна неловкая пауза.

– Значит… когда вас нанимают для розыска… таких преступников, – Чард с видимым усилием сменил тему, – вы работаете в контакте с полицией или…

– А как же иначе? – Внутренне усмехаясь, Страйк вспомнил, как неласково обходились с ним в последнее время служители закона, но порадовался, что Чард удачно сыграл ему на руку. – У меня есть хорошие знакомые в Главном управлении полиции. *Ваши* передвижения, судя по всему, не внушают им никакой тревоги. – Он ненавязчиво подчеркнул слово «ваши».

Эта скользкая, провокационная фраза возымела желаемый эффект.

– Полиция отслеживает *мои* передвижения?

Чард перепугался, как мальчишка, и не смог даже включить защитное хладнокровие.

– Ну, все, кто изображен в «Бомбиксе Мори», рано или поздно попадут в поле зрения полиции, – попивая чай, буднично сказал Страйк, – а там прежде всего установят, чем занимался тот или иной человек начиная с пятого числа, когда Куайн ушел от жены, забрав с собой рукопись.

К вящему удовольствию Страйка, Чард тут же начал вслух припоминать свои передвижения – видимо, чтобы успокоить самого себя.

– Так, о книге я узнал только седьмого числа, – сказал он, глядя на свою зафиксированную ногу. – Звонок Джерри застал меня здесь… Я сразу помчался в Лондон – спасибо, Мэнни подвез. Переночевал дома – это могут подтвердить Мэнни с Ненитой… В понедельник встретился в издательстве со своими адвокатами, побеседовал с Джерри… Вечером был в гостях у близких друзей в Ноттинг-Хилле, и опять же домой меня привез Мэнни. Во вторник лег спать пораньше, потому что в среду с утра должен был вылетать в Нью-Йорк. Пробыл там до тринадцатого… четырнадцатого вернулся… пятнадцатого…

Бормотание Чарда окончательно угасло. Вероятно, он понял, что ему незачем оправдываться перед Страйком. В брошенном на детектива взгляде мелькнул внезапный корыстный интерес. Издатель хотел завербовать себе союзника; Страйк понял, что это знакомство – палка о двух концах. Но ничуть не расстроился. Он уже получил от этой беседы больше, чем ожидал; разрыв деловой договоренности мог грозить ему разве что упущенной выгодой.

И вновь по полу зашлепал Мэнни.

– Обед подавать? – хмуро обратился он к Чарду.

– Через пять минут, – с улыбкой ответил ему хозяин. – Сперва я должен проститься с мистером Страйком.

Мэнни ушел, бесшумно ступая туфлями на каучуковой подошве.

– Обижается, – с неловким полусмешком объяснил Чард. – Им здесь все не по нраву. Обратно в Лондон рвутся.

Подняв с полу костыли, он встал. Страйк последовал его примеру, только приложил больше усилий.

– А как там… э-э… миссис Куайн? – для приличия спросил Чард, хотя и с запозданием: они со Страйком, раскачиваясь, как диковинные трехногие звери, продвигались к выходу. – Насколько мне помнится, крупная рыжеволосая особа.

– Нет, – сказал Страйк. – Худая. С сединой.

– Ну-ну, – равнодушно отозвался Чард. – Значит, меня с какой-то другой знакомили.

Страйк остановился у распашных дверей, ведущих в кухню. Чард с недовольным видом тоже остановился:

– К сожалению, у меня совершенно не осталось времени, мистер Страйк…

– Как и у меня, – любезно откликнулся Страйк, – но моя помощница, видимо, не жаждет остаться в вашем доме.

Чард, видимо, напрочь забыл о существовании Робин, которую так поспешно отправил с глаз долой.

– Ах да, конечно… Мэнни! Ненита!

– В туалет пошла, – сообщила коренастая филиппинка, выходя из кухни с холщовым мешочком, где лежали туфли Робин.

Ожидание прошло в неловкой тишине. Наконец появилась Робин и с каменным лицом надела туфли.

Когда Страйк перед открытой входной дверью пожимал руку Чарду, морозный воздух покалывал их разгоряченные лица. Робин решительно прошла к машине и без единого слова села за руль. Тут появился Мэнни в своем толстом пальто.

– Поеду с вами, – сказал он Страйку. – Ворота проверить.

– Там же есть зуммер, Мэнни, – если что, они позвонят в дом, – напомнил Чард, но юноша пропустил это мимо ушей и залез в машину, как и в первый раз.

Они втроем молча ехали сквозь метель по черно-белой дорожке. Мэнни захватил с собой пульт дистанционного управления; ворота нехотя открылись.

– Спасибо, – сказал Страйк, обернувшись к парню. – Как бы тебе не окоченеть на обратном пути.

Мэнни фыркнул, выбрался из машины и хлопнул дверцей. Робин уже включила первую передачу, но тут он поравнялся с окном, у которого сидел Страйк. Робин затормозила.

– Да? – Страйк опустил стекло.

– Я его не сталкивал! – пылко заговорил Мэнни.

– Что, прости?

– С лестницы, – пояснил Мэнни. – Я его не сталкивал. Врет он все.

Страйк и Робин непонимающе уставились на филиппинца.

– Вы мне верите?

– Угу, – сказал Страйк.

– Тогда ладно. – Мэнни кивнул им обоим. – Ладно.

Он развернулся и пошел к дому, слегка скользя в туфлях на каучуковой подошве.

30

А я в залог дружбы и доверия открою тебе свой тайный план. Скажу тебе все как на духу.

Уильям Конгрив.

Любовь за любовь[22]

По настоянию Страйка они зашли в «Бургер-кинг» при тивертонском автосервисе.

– Перед обратной дорогой тебе просто необходимо перекусить.

Робин молча шла рядом, даже не прокомментировав удивительное заявление Мэнни. Ее холодное и слегка мученическое выражение лица почти не удивляло Страйка, но изрядно раздражало. Робин встала в очередь за бургерами, потому что ее босс не управился бы и с подносом, и с костылями одновременно, а когда она поставила на пластиковый стол нагруженный поднос, Страйк, чтобы только разрядить напряженность, сказал:

– Послушай, я же знаю: ты хотела, чтобы я одернул Чарда, когда он поступил с тобой как с прислугой.

– Ничего подобного, – машинально возразила Робин. (Когда это было высказано вслух, ее охватила детская обидчивость.)

– Не буду спорить. – Досадливо пожав плечами, Страйк взялся за первый бургер.

Пару минут они жевали в недовольном молчании, но врожденная правдивость Робин взяла верх.

– Ну, допустим, хотела, но не так уж.

Размякший от сытной еды и тронутый этим признанием, Страйк сказал:

– Он был у меня на крючке, Робин. Когда свидетель уже разговорился, лучше с ним не пререкаться.

– Прошу прощения за мое дилетантство. – Она вновь была задета за живое.

– Оставь, пожалуйста, – сказал Страйк. – Никто не говорит, что ты…

– Зачем ты вообще взял меня на работу? – требовательно спросила она, бросив нераспакованный бургер обратно на поднос.

Накопившаяся за последние недели обида внезапно прорвалась наружу. Он мог говорить что угодно, только ей нужна была правда. Кто она такая: секретарь-машинистка или нечто большее? Неужели она осталась работать у Страйка и помогла ему выкарабкаться из нищеты лишь для того, чтобы ее теперь отодвигали в сторону, как мебель?

– Зачем? – переспросил Страйк, глядя на нее в упор. – В каком это смысле «зачем»?

– Я думала, ты собираешься обучить меня… думала, что получу кое-какую… кое-какую подготовку. – Щеки у нее горели румянцем, а глаза неестественно сверкали. – Пару раз ты сам об этом заговаривал, но в последнее время все твердишь, что нужно взять на работу еще одного человека. Я примирилась с потерей в деньгах, – дрожащим голосом продолжала она. – Я отказалась от более выгодной работы. Я не сомневалась, что ты планируешь для меня…

Долго подавляемый гнев грозил излиться слезами, но она сдерживалась из последних сил. Выдуманная ею напарница Страйка никогда не плакала: эта суровая, жесткая, лишенная эмоций женщина имела опыт службы в полиции, с честью выходила из любых ситуаций…

– Я думала, ты планируешь для меня… Мне не улыбается всю жизнь отвечать на телефонные звонки.

– Ты не только отвечаешь на телефонные звонки, – возразил Страйк, который, прикончив первый бургер, наблюдал из-под насупленных бровей, как она борется с собой. – Не далее как на этой неделе мы вместе с тобой обходили дома подозреваемых в убийстве. По дороге сюда ты спасла жизнь нам обоим.

Но Робин стояла на своем:

– Какие у тебя были планы, когда ты предложил мне постоянную работу?

– Никаких конкретных планов у меня не было, – медленно ответил Страйк, покривив душой. – Я же не предполагал у тебя такого серьезного отношения к делу… такого желания получить подготовку…

– А как же без серьезного отношения?! – громогласно возмутилась Робин.

С них не сводила глаз сидевшая в углу тесного зала семья из четырех человек. Робин этого не замечала. Она побагровела от ярости. Сколько можно: изнурительная поездка, холод, голод (поскольку Страйк подъел все печенье, а кроме того, позволил себе удивляться, что она способна нормально водить машину), изгнание на кухню, к прислуге, а теперь еще…

– У тебя я получаю половину – ровно половину – того оклада, что мне гарантировали в отделе кадров! Почему я осталась, как ты думаешь? Я тебе помогала. Я тебе помогала в расследовании дела Лулы…

– Хорошо, – перебил ее Страйк, поднимая могучую волосатую руку. – Хорошо, я отвечу. Только не обижайся, если тебе не понравится то, что ты услышишь.

Робин, вся красная, прямая как струна, сидела на пластмассовом стуле, не притрагиваясь к еде.

– Я действительно собирался дать тебе определенную подготовку. Мне тогда было не по карману отправить тебя на учебу, но я посчитал, что для начала тебе не вредно набраться практического опыта.

Она промолчала, решив не расслабляться, пока не услышит самую суть.

– У тебя и правда есть способности к этой работе, – продолжил Страйк, – но ты выходишь замуж за человека, которому она ненавистна.

Робин открыла рот, но тут же осеклась. Из нее как будто выпустили воздух.

– Каждый день ты уходишь из офиса минута в минуту…

– Ничего подобного! – вспылила Робин. – Я могла бы сегодня взять выходной, но, если ты заметил, вместо этого села за руль, чтобы отвезти тебя…

– Потому что *его* сейчас нет в городе, – договорил за нее Страйк. – Потому что *он* об этом не узнает.

Робин чуть не задохнулась. Как Страйк понял, что дома она лжет… или в лучшем случае недоговаривает?

– Допустим. Я даже не хочу обсуждать, так это или нет, – дрогнувшим голосом сказала она, – но то, чем я собираюсь

заниматься… Мэтью не касается, какую профессию я выбрала.

– Мы прожили с Шарлоттой шестнадцать лет, то вместе, то порознь, – начал Страйк, взяв с подноса второй бургер. – В основном порознь. Она ненавидела мою работу. По этой причине мы все время разбегались… в частности, по этой причине, – уточнил он справедливости ради. – До нее не доходило, что есть такая штука: призвание. Не всем дано это понять; для многих работа сама по себе ничего не значит – она лишь обеспечивает статус и доход.

Под яростным взглядом Робин он разворачивал бургер.

– Мне нужен такой напарник, который не считается со временем, – сказал Страйк. – Который не возражает работать в выходные. Я не виню Мэтью, что он за тебя беспокоится…

– Он и не беспокоится.

Робин даже не заметила, как эти слова слетели у нее с языка. Приготовясь опровергать все, что скажет Страйк, она выдала неприятную истину. Мэтью не был наделен богатым воображением. Он не видел, как Страйк истекал кровью, когда его полоснул ножом убийца Лулы Лэндри. Даже описание вспоротого и выпотрошенного трупа Оуэна Куайна заслонили от Мэтью густые миазмы ревности, которые душили его при любом упоминании Страйка. Ненависть жениха к ее рабочим обязанностям не имела ничего общего с заботой о ней самой, просто Робин до сих пор не признавалась в этом даже себе.

– Я занимаюсь опасными делами, – с набитым ртом промычал Страйк, будто не расслышав.

– От меня есть польза, – невнятно выговорила Робин, хотя во рту у нее не было ни булки, ни мяса.

– Не спорю. Если бы не ты, я бы далеко не продвинулся, – сказал Страйк. – Я, как никто другой, благодарен агентству по временному трудоустройству за допущенную ошибку. Ты молодчина, мне было бы… не реви, на нас уже и так глазеют.

– Ну и пускай, – буркнула Робин в пригоршню бумажных салфеток, и Страйк не удержался от смеха.

– Если хочешь, – обратился он к ее золотисто-рыжей макушке, – отправлю тебя на курсы наружного наблюдения, как только получу гонорар. Но время от времени, коль скоро ты останешься моей напарницей, буду давать тебе отдельные поручения, которые могут не понравиться Мэтью. Больше мне сказать нечего. Решение за тобой.

– Я уже решила. – Робин едва сдерживалась, чтобы не всхлипывать. – Я сама знаю, чего хочу. Потому и осталась.

– Тогда не распускай нюни и ешь свой бургер.

Но ей кусок не лез в горло. Она разнервничалась, но и окрылилась. Значит, ошибки не было: Страйк разглядел в ней то, что отличало его самого. Они оба работали не только из-за денег…

– А ты тогда рассказывай про Дэниела Чарда, – потребовала она.

Во время его рассказа любопытное семейство из четырех человек подхватило свои вещички и потянулось к выходу, исподтишка поглядывая на эту непонятную пару (что это было – свара любовников? Семейная ссора? И каким образом ее так быстро погасили?).

– Параноик, несколько эксцентричный, самовлюбленный, – подытожил Страйк минут через пять, – но прислушаться к нему стоит. Вполне возможно, что Джерри Уолдегрейв действительно помогал Куайну. С другой стороны, он мог уволиться потому, что его уже достал Чард, – наверное, работать под его началом себе дороже. Кофе будешь?

Робин посмотрела на часы. За окном по-прежнему валил снег: она боялась опоздать на поезд до Йоркшира, если на шоссе будут пробки, но после этого разговора решила доказать свою преданность делу и задержаться еще немного. К тому же ей нужно было кое-что рассказать Страйку, причем сидя напротив него, а не за рулем, да еще на скользкой дороге, когда даже невозможно наблюдать за его реакцией.

– Я, кстати, тоже узнала кое-что про Чарда, – сообщила она, вернувшись с двумя чашками кофе и куском яблочного пирога для Страйка.

– Посплетничала с прислугой?

– Вовсе нет. Пока я сидела на кухне, те двое вообще до меня не снизошли. У обоих, по-моему, скверное настроение.

– Если верить Чарду, в Девоне им не нравится. В Лондон рвутся. Они – брат и сестра?

– Мне показалось, мать и сын, – ответила Робин. – Он зовет ее Маму. Короче, я попросилась в туалет, а туалет для прислуги – рядом со студией. Так вот, Дэниел Чард хорошо подкован в анатомии. У него повсюду развешаны анатомические рисунки Леонардо да Винчи, а в углу стоит анатомическая модель. Восковая… Жуть. А на

подрамнике, – продолжила она, – тщательно проработанный рисунок: прислужник Мэнни. Лежащий на земле, в голом виде.

Страйк опустил чашку.

– Очень интересный рассказ, – медленно выговорил он.

– Я так и знала, что тебе понравится, – с застенчивой улыбкой призналась Робин.

– Проливает дополнительный свет на заверения Мэнни, что он не сталкивал хозяина с лестницы.

– Они не обрадовались твоему приезду, – добавила Робин, – но в этом, наверное, есть и моя вина. Я сказала, что ты – частный сыщик, но Ненита – она, в отличие от Мэнни, английским владеет слабо – этого не поняла. Пришлось объяснить, что это вроде как полицейский.

– Из чего они заключили, что Чард призвал меня в связи с выходкой Мэнни.

– Неужели Чард сам это упомянул?

– Ни единым словом, – ответил Страйк. – Надо полагать, он только о предательстве Уолдегрейва и думает.

Воспользовавшись туалетом, они вышли на мороз, сощурились от встречного ветра со снегом и побрели к машине. На крыше их «тойоты-лендкрузера» успела образоваться наледь.

– Ты на вокзал успеваешь? – спросил Страйк, глядя на часы.

– Если заторов не будет. – Робин тайком постучала по деревянной отделке дверцы.

Когда они выехали на трассу М4, где повсюду установили предупреждающие знаки, а разрешенную скорость снизили до шестидесяти миль в час, у Страйка зазвонил мобильный.

– Илса? Как у вас дела?

– Привет, Корм. Бывает и хуже. Ее не арестовали, но допрос провели довольно жестко.

Страйк включил громкую связь, чтобы слушать вместе с Робин, и они ловили каждое слово, пока автомобиль продирался сквозь бьющие в стекло снежные вихри.

– Ее точно считают виновной, – сказала Илса.

– На каком основании?

– У нее были все возможности, – объяснила Илса. – Да еще она так держится, что сама себя топит. Брюзжит, зачем к ней привязались,

постоянно ссылается на тебя, а они звереют. Ко всему прочему, она твердит, что ты-то наверняка найдешь убийцу.

– Вот черт! – Страйк был раздосадован. – А что обнаружили в чулане?

– О, это самое главное. В куче всякого хлама валялась прожженная, окровавленная тряпка.

– Фигня! – отрезал Страйк. – Эта тряпка могла там проваляться сколько угодно. Экспертиза покажет, но я считаю, этого недостаточно, пока не найдены внутренности. Ты про внутренности знаешь?

– Про внутренности уже каждая собака знает, Корм. В новостях передавали.

Страйк и Робин быстро переглянулись.

– Когда?

– Сегодня днем. Полицейские, мне кажется, пронюхали, что готовится такой выпуск, и решили допросить ее с утра, чтобы вытянуть как можно больше, пока подробности не получили огласку.

– Значит, информацию слил один из них, – вскипел Страйк.

– Это серьезное обвинение.

– Один мой знакомый журналист платит «кроту», чтобы тот держал его в курсе.

– Интересные у тебя знакомства.

– Работа такая. Спасибо, что позвонила, Илса.

– Не за что. Постарайся, чтобы ее не упекли за решетку, Корм. Чем-то она мне симпатична.

– Кто это? – спросила Робин, когда Илса повесила трубку.

– Старая знакомая из Корнуолла, бывшая одноклассница. Адвокат. Вышла замуж за моего лондонского приятеля, – объяснил Страйк. – Я свел с ней Леонору, поскольку… черт!

За поворотом они уперлись в огромный хвост автомобилей, застрявших в пробке.

Робин затормозила и остановилась позади «пежо».

– Черт! – повторил Страйк, косясь на сосредоточенный профиль Робин.

– Опять авария, – сказала Робин. – Вижу мигалки.

Она представила, какое лицо будет у Мэтью, когда он услышит, что она опоздала на ночной поезд. Похороны его матери… *как можно не приехать на похороны?* Ей бы следовало уже быть на месте, в

родительском доме Мэтью, помогать с приготовлениями, утешать. Дорожная сумка уже должна была бы стоять в спальне у нее дома, а отглаженная траурная одежда, необходимая для краткой церемонии прощания, – висеть на плечиках в старом платяном шкафу. Накануне похорон миссис Канлифф, без пяти минут ее свекрови, она помчалась куда-то со Страйком, да еще в такую непогоду, и застряла в пробке за двести миль от церкви, близ которой упокоится мама Мэтью.

«Он меня не простит. Он никогда меня не простит, если я не приеду на похороны. Я пошла на это…»

Ну почему, почему именно сегодня перед ней встал такой выбор? Почему началась метель? У Робин внутри все переворачивалось от волнения, а машины не двигались.

Страйк молча включил радио. В машину ворвались *Take That* с песней о том, что нынче виден прогресс, где прежде его не было[{24}].

Робин только изводилась от этой музыки, но вслух ничего не говорила. Машины продвинулись на несколько метров вперед.

«Господи, помоги мне успеть на поезд!» – безмолвно молилась Робин.

Минут сорок пять они ползли сквозь снежные заносы. Уже смеркалось. Казалось бы, у них изначально был вагон времени, но сейчас все шло к тому, что ей придется коротать ночь на опустевшем вокзале.

Им уже было видно место происшествия: полиция, огни, смятый в лепешку «поло».

– Вот теперь успеешь, – заговорил Страйк впервые с того момента, когда включил музыку: они ожидали сигнала регулировщика. – В последнюю минуту, но успеешь.

Робин не ответила. За Страйком никакой вины не было: он предлагал ей взять выходной. Она сама напросилась с ним в Девон, она соврала Мэтью, что в дневном поезде уже не было мест. Да лучше бы она простояла на ногах всю дорогу от Лондона до Харрогейта, чем вообще не появиться на похоронах миссис Канлифф. Страйк прожил с Шарлоттой шестнадцать лет – и то их разлучила его работа. А она не хотела разлучаться с Мэтью. Ну зачем она это сделала, зачем предложила Страйку свои водительские услуги?

В плотном потоке машин они тащились еле-еле. Около пяти, аккурат в час пик, добрались до Рединга – и снова застряли. По радио передавали новости. Страйк сделал погромче. Робин старалась вникнуть в сообщения об убийстве Куайна, но сердцем была в Йоркшире, как будто разом перемахнула через все заторы, оставив позади снежные мили.

«Полиция подтверждает, что писатель Оуэн Куайн, чье тело обнаружили шесть дней назад в лондонском районе Бэронз-Корт, в принадлежавшем покойному доме, был убит таким же способом, как и герой его последней, неопубликованной книги. Задержаний пока произведено не было. Выступивший сегодня перед журналистами инспектор уголовной полиции Ричард Энстис, который ведет следствие, заявил…»

Энстис, как отметил Страйк, говорил натянуто и шаблонно. Вряд ли он по доброй воле выбрал такую манеру.

– Нас интересуют свидетельства всех, кто имел доступ к рукописи последнего произведения мистера Куайна…

– Инспектор, вы можете нам сказать, как именно был убит мистер Куайн? – спросил нетерпеливый мужской голос.

– Мы ждем полных результатов судебно-медицинской экспертизы, – ответил Энстис и тут же был атакован репортером-женщиной:

– Вы подтверждаете, что убийца вырезал некоторые части тела мистера Куайна?

– С места преступления исчезла часть внутренних органов убитого, – сказал Энстис. – В настоящее время отрабатывается несколько версий, но мы просим общественность сообщать нам любую информацию. Мы имеем дело с тяжким преступлением и считаем, что убийца крайне опасен.

– Боже, опять! – в отчаянии проговорила Робин, и Страйк, подняв голову, увидел впереди вереницу красных стоп-сигналов. – Неужели и здесь авария?

Резким щелчком Страйк выключил радио, опустил стекло и высунул голову на снегопад.

– Нет! – прокричал он ей. – Кто-то на обочине увяз… в сугробе… сейчас поедем, – заверил он.

Однако помеху устранили только минут через сорок. Все три полосы были полностью забиты, и движение возобновилось с черепашьей скоростью.

– Нет, не успею, – пересохшими губами прошептала Робин, когда они добрались до окраины Лондона. Было двадцать минут одиннадцатого.

– Успеешь, – сказал Страйк. – Заткни ты эту фигню… – он сам отключил навигатор, – и не вздумай сейчас сворачивать!..

– Но я должна довезти тебя до…

– Да ничего ты мне не должна… вот сейчас налево…

– Нельзя, там одностороннее движение!

– Налево! – заорал он и рванул руль.

– Что ты делаешь, это же опасно!

– Ты хочешь успеть на похороны, будь они неладны? Жми на газ! Давай направо…

– Где мы находимся?

– Не заморачивайся. – Страйк вглядывался сквозь метель. – Здесь прямо… у моего друга отец – таксист, он меня кое-чему научил… еще раз направо… Да плевать на «кирпич», кого в такую погоду сюда понесет? Гони прямо, а за светофором – налево!

– Но я же не могу бросить тебя на вокзале, – спохватилась Робин, которая до сих пор безропотно следовала его инструкциям. – Ты ведь не сможешь вести машину, куда ты ее денешь?

– Забей на машину, я что-нибудь придумаю… так, вот сюда… второй поворот направо…

Без пяти одиннадцать впереди возникли, как видение рая, башни вокзала Сент-Панкрас[{25}].

– Тормози, вылезай – и бегом, – приказал Страйк. – Если сядешь в поезд – отзвонись. Если нет – я жду здесь.

– Спасибо тебе!

И она умчалась в темноту, размахивая дорожной сумкой. Страйк представил, как она слегка поскользнется на вокзальном полу, но не упадет, будет бешено озираться в поисках нужной платформы… «Лендкрузер», в соответствии с его указаниями, был припаркован у бордюра, на сплошной двойной. Если она успеет на поезд, он останется в бесполезной прокатной машине, которую, как пить дать, уволочет эвакуатор.

Золотистые стрелки на вокзальных часах неумолимо приближались к двадцати трем. Страйк мысленно видел, как захлопываются двери поезда, а Робин, с развевающейся золотисто-рыжей гривой, несется по перрону…

Одна минута двенадцатого. Страйк выжидал. Робин не появилась. Он подождал еще. Пять минут двенадцатого. Шесть.

Тут раздался телефонный звонок.

– Успела?

– Еле-еле… в последнюю секунду запрыгнула… Корморан, спасибо тебе, огромное спасибо…

– Не за что. – Он обвел глазами обледенелую черноту, растущие сугробы. – Счастливого пути. Мне пора. Желаю, чтобы там все прошло гладко.

– Спасибо! – крикнула она напоследок.

«На самом деле это я у тебя в долгу», – потянувшись за костылями, подумал Страйк, но от этого перспектива тащиться на одной ноге по заснеженным тротуарам, а потом платить солидный штраф за неправильную парковку прокатной машины не стала более привлекательной.

31

Великими умами движет месть.
Джордж Чепмен.
Месть Бюсси д'Амбуа

Дэниел Чард, наверное, содрогнулся бы от ужаса при виде тесной съемной мансарды на Денмарк-стрит, думал Страйк, разве что нашел бы первозданную прелесть в очертаниях допотопного тостера и настольной лампы, но в глазах того, кто остался без ноги, это было вполне приемлемое жилище. Субботним утром колено еще не позволило пристегнуть протез, но все необходимые поверхности были под рукой, все расстояния легко преодолевались короткими прыжками, горячая вода подавалась исправно, в холодильнике имелись кое-какие припасы, да и сигареты еще не кончились. Сегодня, когда окно запотело, а на подоконнике снаружи белел снег, Страйк даже испытал какую-то нежность к своему жилью.

После завтрака он, поставив на коробку, служившую ему прикроватной тумбочкой, кружку крепкого чая, повалялся на кровати, выкурил сигарету и нахмурился, но не от дурного расположения духа, а от сосредоточенности.

Шесть дней, а результатов – ноль.

Никаких следов внутренностей, исчезнувших из тела Куайна; никаких результатов экспертизы, которые могли бы указать на возможного преступника (любой волосок, любой отпечаток – и Леонора была бы избавлена от вчерашнего бессмысленного допроса). Никто не призывал откликнуться свидетелей, которые могли бы рассказать, как закутанная фигура входила в дом незадолго до смерти Куайна (неужели полиция сочла ее плодом воображения близорукого соседа?). Орудие убийства исчезло, компрометирующих записей с камер наружного наблюдения нет, бдительные бомжи не увидели свежераскопанной земли, никто не наткнулся на холмик гниющих, завернутых в черную паранджу кишок, никто не сообщил о дорожной сумке Куайна с рукописью «Бомбикса Мори».

Ничего.

За шесть дней.

Ему случалось ловить преступников за шесть часов, хотя, если честно, преступления были непродуманные, совершенные в порыве злости или отчаяния, да к тому же недотепы-убийцы выдавали себя массой возможных способов: кровью, паникой, потоками лживых измышлений. В случае с Куайном все было проделано иначе: более изощренно, более жутко. Поднеся к губам кружку, Страйк вновь увидел труп, да так отчетливо, будто перед ним оказались сделанные на телефон снимки. Сквозила в них какая-то театральщина.

Хоть он и поглядывал свысока на Робин, но невольно задавался теми же вопросами: что послужило причиной убийства? Месть? Безумие? Сокрытие… только чего? Криминалистическую экспертизу затрудняло воздействие соляной кислоты, время смерти оставалось неясным, а прибытие и уход убийцы – незафиксированными. Спланировано безупречно. Каждая мелочь продумана. Шесть дней – и ни единой зацепки… Страйк не поверил Энстису, когда тот сказал, что полиция отрабатывает несколько версий. Стоит ли говорить, что старый приятель больше не делился с ним информацией, предупредив, чтобы Страйк не совался в это дело.

Страйк рассеянно смахнул пепел со старого свитера и прикурил следующую сигарету от окурка первой.

«Мы считаем, что убийца крайне опасен», – сказал журналистам Энстис. Это заявление, на взгляд Страйка, прозвучало до боли банально и на удивление обманчиво.

В памяти всплыло необыкновенное приключение: восемнадцатилетие Дейва Полворта, самого старинного из его друзей – они вместе ходили в детский сад. В детские и отроческие годы Страйк то и дело уезжал из Корнуолла, потом возвращался, но дружба их всякий раз возобновлялась с того же места, на котором ее прервала неугомонная мать Страйка. У Дейва был дядя, который подростком уехал в Австралию и сколотил там многомиллионное состояние. Он предложил племяннику отметить у него свое восемнадцатилетие и разрешил привезти с собой лучшего друга.

Мальчишки вдвоем полетели на другой конец света; это было самое необыкновенное приключение их юности. Дядя Кевин поселил их у себя на огромной прибрежной вилле, где все сверкало стеклом и

отполированным деревом, а в гостиной был устроен бар. Море искрилось бриллиантами под слепящим солнцем, на жаровне скворчали гигантские розовые креветки. Местные говоры, пиво, еще пиво, невиданные карамельные блондинки, а потом, как раз в день рождения Дейва, – акула.

«Если их не задирать, они не тронут, – говорил дядя Кевин, фанат подводного плавания. – Вы, ребятки, главное дело, к ним не лезьте, ладно? Не залупайтесь».

Но Дейв Полворт, заядлый серфер и рыбак, который у себя дома, в Корнуолле, ходил под парусом и обожал море, не мог не залупаться.

Прирожденная убийца, с плоскими мертвыми глазами и двумя рядами острейших зубов, мальгашская ночная акула лениво колыхалась в глубине, а они кружили сверху, зачарованные ее гладкой красотой. Страйк понимал, что она вот-вот уйдет в бирюзовую пучину, но Дейв решил во что бы то ни стало ее погладить.

Следы этого подвига остались у него на всю жизнь: акула отхватила аккуратный кусок мяса у него над запястьем, и большой палец правой руки почти полностью утратил чувствительность. По жизни Дейв от этого не страдал: работал инженером-строителем, переехал в Бристоль, но, наведываясь в родные края, по-прежнему встречался со Страйком, чтобы выпить пива «Дум-бар» в «Виктори-инн», где откликался на прозвище Абориген. Упертый, безбашенный, авантюрист до мозга костей, Полворт в свободное время по-прежнему занимался дайвингом, но старался держаться подальше от китовых акул Атлантики.

По потолку, прямо над кроватью, тянулась тончайшая трещина. Раньше Страйк ее не замечал. Пройдясь по ней взглядом, он вспомнил тень на морском дне, внезапное облако черной крови, судороги Дейва и безмолвный крик.

Убийца Оуэна Куайна, подумал Страйк, напоминал ту мальгашскую ночную. Среди подозреваемых по этому делу не было ни одного безумного, неразборчивого хищника. Ни один прежде не был замечен в насильственных действиях. В отличие от многих других случаев, к двери подозреваемого не тянулся шлейф былых преступлений, прошлое не висело на нем окровавленным мешком на потребу голодным псам. Убийца был зверем диковинной, редкой породы: он скрывал свою истинную сущность, пока его не трогали.

Оуэн Куайн, как Дейв Полворт, безрассудно потревожил затаившегося убийцу и жестоко за это поплатился.

Страйк не раз слышал скороспелое суждение, что убийца живет в каждом, но знал, что это не так. Вне сомнения, есть люди, которым убивать легко и даже приятно: ему встречались и такие. Есть миллионы, специально обученные лишать жизни других: Страйк был из их числа. Люди убивают в силу обстоятельств: ради выгоды или в порядке самообороны, открывая в себе способность проливать чужую кровь, когда не видят другого выхода; но есть и такие, кто застывает на месте и даже под самым мощным нажимом не способен воспользоваться обстоятельствами, отстоять свою выгоду, нарушить последнее, великое табу.

Сыщик не склонен был недооценивать те качества, которые позволили убийце связать, оглушить и вспороть Оуэна Куайна. Человек, который это сделал, остался незамеченным, благополучно избавился от улик и не выказал ни огорчения, ни угрызений совести, а потому ни у кого не вызвал подозрений. Все это указывало на личность опасную, крайне опасную, но лишь для того, кто ее заденет. Пока такие личности не считают, что разоблачены или попали под подозрение, они не представляют опасности для окружающих. Но если кто-нибудь заденет их снова… причем заденет за живое, как это сделал Оуэн Куайн…

– Йопта, – пробормотал Страйк и торопливо бросил в пепельницу окурок, который незаметно догорел до фильтра и обжег ему пальцы.

Что же делать дальше? Если след, ведущий прочь от этого убийства, так и не обнаружился, сказал себе Страйк, то нужно искать след, ведущий *по направлению* к убийству. Коль скоро последствия смерти Куайна, вопреки здравому смыслу, не дают никаких наводок, значит стоит присмотреться к последним дням его жизни.

С тяжким вздохом Страйк потянулся к телефону. А разве есть, спросил он себя, какой-нибудь иной способ получить исходную информацию? Он перебрал в уме длинный список имен, мгновенно отбрасывая лишние. В конце концов, без особого энтузиазма, он склонился к мысли, что первоначальный выбор будет самым правильным: его сводный брат Александр.

У них был общий знаменитый отец, Джонни Рокби, но они никогда не жили под одной крышей. Ал, на девять лет моложе Страйка,

родился в законном браке, а значит, у них в жизни практически не было точек соприкосновения. Получив дорогостоящее образование в Швейцарии, он мог сейчас обретаться где угодно: в лос-анджелесской резиденции или на яхте Рокби, даже на белом австралийском пляже, поскольку третья жена Рокби была уроженкой Сиднея.

И тем не менее среди единокровных братьев и сестер Ал больше других стремился поддерживать отношения со старшим братом. Когда Страйку оторвало ногу, Ал навещал его в госпитале; встреча получилась неловкой, но со временем уже стала казаться трогательной.

В госпиталь «Селли-Оук» Ал привез сообщение от Рокби, которое вполне можно было прислать по почте: отец предлагал Страйку финансовую помощь в открытии сыскного агентства. Ал объявил об этом с гордостью, не сомневаясь в благородстве своего отца. Но Страйк понимал, что дело здесь нечисто. Он подозревал, что Рокби (или его юрист) беспокоится, как бы одноногий ветеран, имеющий боевую награду, не стал торговать историей своей жизни. Предложение денег должно было заткнуть ему рот.

Страйк отверг такое великодушие, а потом столкнулся с тем, что банки все как один отказываются давать ему кредит. Скрепя сердце он перезвонил Алу, сказал, что не примет деньги безвозмездно, отверг предложение встречи с отцом, но спросил, нельзя ли взять у того взаймы. Видимо, Рокби затаил обиду. Его юрист регулярно звонил Страйку, настаивая на ежемесячных выплатах, и проявлял больше настойчивости, чем самый алчный банк.

Не возьми Страйк к себе на службу Робин, он уже расплатился бы с долгами. У него было твердое намерение сделать это хотя бы к Рождеству, чтобы не зависеть более от Джонни Рокби, потому-то он и набрал столько заказов, что вкалывать приходилось по восемь-девять часов в сутки, семь дней в неделю. Но от этого ему было не легче звонить младшему брату и просить об одолжении. Страйк понимал, что Ал привязан к отцу, но от любого упоминания о Рокби в их разговорах возникал ненужный напряг.

После нескольких длинных гудков Страйка переключили на голосовую почту. Расстроившись, но в то же время вздохнув с облегчением, он оставил сообщение с просьбой перезвонить и повесил трубку.

Вслед за тем он закурил третью сигарету и вернулся к созерцанию потолочной трещины. След, ведущий по направлению к убийству… все упиралось в знакомство преступника с рукописью, подсказавшей ему план действий.

И вновь Страйк разложил в нужном порядке, словно выпавшие ему карты, всех подозреваемых, чтобы просчитать их возможности.

Элизабет Тассел, которая не скрывает, насколько разозлил и подкосил ее «Бомбикс Мори». Кэтрин Кент, которая вообще отрицает, что читала книгу. Неведомая Пиппа2011, которой Куайн сам зачитывал избранные места еще в октябре. Джерри Уолдегрейв, который получил рукопись пятого ноября, но мог, если верить Чарду, знать ее содержание гораздо раньше. Дэниел Чард, который утверждает, что увидел рукопись только седьмого, и Майкл Фэнкорт, которого ввел в курс дела Чард. Разумеется, было еще множество других, кто не отказал себе в удовольствии поржать над самыми скабрезными отрывками, разосланными по электронной почте Кристианом Фишером, но Страйк не мог сформулировать даже туманные подозрения в адрес Фишера, равно как и молодого помощника Элизабет Тассел, Рафа, и Нины Ласселс, которые не фигурировали в книге и, по сути дела, не были знакомы с Куайном.

Сейчас нужно, думал Страйк, подобраться ближе, как можно ближе к тем, кого высмеял и на всю жизнь опорочил Оуэн Куайн. Сделав над собой почти такое же усилие, какого потребовал звонок брату, Страйк прокрутил вниз список имен и позвонил Нине Ласселс.

Разговор был коротким. Ой, как приятно. Конечно, можно сегодня вечером. Она приготовит ужин.

Страйк не придумал другого способа выведать дальнейшие подробности личной жизни Джерри Уолдегрейва и репутации Майкла Фэнкорта как литературного убийцы, но ему страшно не хотелось возиться с протезом, а утром еще и вырываться из тисков Нины Ласселс. Как бы то ни было, перед уходом непременно следовало посмотреть матч «Арсенал» – «Астон Вилла» (анальгетики, сигареты, бекон, хлеб – все под рукой).

Создав себе все удобства, к тому же мысленно разрываясь между футболом и убийством, Страйк не удосужился выглянуть в окно на заснеженную улицу, где стойкие к непогоде покупатели сновали по музыкальным магазинам, мастерским и близлежащим кафе. Догадайся

он это сделать, от его внимания, возможно, не укрылась бы гибкая фигура в черном пальто с капюшоном, прислонившаяся к стене между шестым и восьмым домами, откуда удобно было наблюдать за его квартирой. Но притом что Страйк сохранил острое зрение, он вряд ли заметил бы, что длинные, тонкие пальцы ритмично поигрывают канцелярским ножом.

32

Восстань, мой добрый ангел,
И песнями святыми злого духа отгони,
Что дергает меня за локоть…

Томас Деккер.
Благородный испанский воин

Хотя на покрышках старенького семейного «лендровера» были цепи противоскольжения, мать Робин, сидевшая за рулем, с трудом пробилась от вокзала в Йорке до Мэссема. Дворники расчищали на лобовом стекле полукруглые окошки, которые мгновенно залепляло снегом, но Робин все же успевала разглядеть знакомые с детства дороги, преображенные самой суровой за много лет зимой. Снег валил без устали, и поездка, обычно занимавшая час, тянулась почти втрое дольше. В отдельные моменты Робин начинала думать, что все же не успеет на похороны. Но она хотя бы дозвонилась до Мэтью и сказала, что они уже совсем близко. В ответ она услышала, что несколько человек застряли за много миль от города, а тетушка из Кембриджа, скорее всего, вообще не доедет.

Дома Робин увернулась от слюнявых приветствий старого шоколадного лабрадора и помчалась наверх, к себе в комнату, где переоделась в черное платье и пальто, даже не подумав их отгладить. Еще пришлось сменить колготки, потому что первую пару она в спешке порвала. Вскоре она сбежала вниз, в прихожую, где уже ждали родители и братья.

Все вместе они двинулись под черными зонтами сквозь снежный вихрь, поднялись на пологий холм той самой дорогой, которой Робин в детстве каждый день бегала в школу, и пересекли широкую площадь – сердце ее родного старинного городка, – оставив позади гигантскую трубу местной пивоварни{26}. Воскресный рынок сегодня не работал. Смельчаки, которых не остановила пурга, проложили через площадь глубокие борозды следов, ведущие к церкви, где собрались одетые в

черное люди, чтобы проститься с покойной. С крыш бледно-золотистых георгианских домов свисали обледенелые снежные мантии, но снегопад не прекращался. Вздымающееся море белого упорно накрывало большие квадратные кладбищенские камни. Робин пробрал озноб, когда их семья протискивалась к дверям церкви Пречистой Девы Марии мимо полуразрушенного каменного креста с кругом, воздвигнутого в девятом веке, – в такую погоду он напоминал языческий символ. Наконец-то она увидела Мэтью: он стоял на крыльце вместе с отцом и сестрой, такой бледный и умопомрачительно красивый в своем черном костюме. Робин пыталась привлечь его взгляд поверх толпы, но в это время к нему бросилась обниматься молодая женщина. Робин узнала в ней Сару Шедлок, университетскую подругу Мэтью. Такое приветствие показалось Робин более пылким, чем того требовали обстоятельства, но совесть не позволяла ей возмутиться: она чуть не опоздала на ночной поезд, а до этого почти неделю не находила возможности повидаться с Мэтью.

– Робин! – нетерпеливо сказал он и заключил ее в объятия, забыв пожать три протянутых ему руки.

У Робин навернулись слезы. В конце-то концов, это и есть реальная жизнь: Мэтью, родной дом…

– Проходи вперед, садись, – распорядился он, и Робин, оставив родных толпиться у порога, послушно зашагала по проходу, чтобы сесть на переднюю скамью рядом с зятем Мэтью, который качал на колене годовалую дочку и встретил Робин мрачным кивком.

Старинная церковь была прекрасна; Робин ходила туда под Рождество, на Пасху и в праздник урожая – и с классом, и с родными. Ее взгляд неспешно отмечал одну знакомую примету за другой. Над высокой заалтарной аркой висела картина сэра Джошуа Рейнольдса{27} (или, по крайней мере, художника школы Джошуа Рейнольдса), и Робин сосредоточилась на ней, чтобы собраться с мыслями. Туманный, мистический образ, мальчик-ангел, созерцающий далекое видение лучистого креста… Кто же создал это полотно, размышляла она, сам великий мастер или какой-нибудь подмастерье? Но Робин тут же устыдилась: сейчас положено не любопытствовать, а печалиться…

Она-то думала, что через несколько недель будет венчаться в этой церкви. В шкафу гостевой спальни уже висело свадебное платье, но по проходу сейчас плыл гроб миссис Канлифф, черный, блестящий, с

серебряными ручками; а Оуэн Куайн лежал в морге – его выпотрошенное тело, обожженное и тронутое гнилью, еще не удостоилось блестящего гроба…

Гони прочь эти мысли, сурово приказала себе Робин, когда рядом сел Мэтью и она ощутила тепло его ноги.

Минувшие сутки вместили в себя столько из ряда вон выходящих событий, что Робин до сих пор не понимала, как сумела добраться в родной город. Они со Страйком могли угодить в больницу: еще совсем чуть-чуть – и их машина врезалась бы в перевернувшуюся автоцистерну… водитель был весь в крови… А миссис Канлифф без единой царапины лежала на белом шелке… *Гони прочь эти мысли*… Ее глаза как будто утратили привычный мягкий фокус. Не иначе как насмотревшись связанных, выпотрошенных тел, ты меняешься, начинаешь видеть мир в ином свете.

С секундным запозданием Робин опустилась на колени для молитвы; вышитая крестиком подушечка саднила ее холодную кожу. Бедная миссис Канлифф… правда, мама Мэтью всегда ее недолюбливала. Не злобствуй, твердила себе Робин, но что было, то было. Миссис Канлифф не одобряла такой длительной привязанности сына. В присутствии Робин она утверждала, что молодому человеку нужно присмотреться, нагуляться… А уж то, как Робин ушла из университета, и вовсе покрыло ее в глазах миссис Канлифф несмываемым позором.

Совсем близко от Робин приподнимался на локте, чтобы лучше видеть прихожан, изваянный в полный рост сэр Мармадьюк Уайвилл{28}. Лежащий на мраморной плите в своем елизаветинском облачении, он, казалось, впился глазами в Робин, когда та встала для пения гимна. Чуть ниже точно так же возлежала его жена. В этих неуместно фривольных позах, подложив для удобства под локти мраморные подушечки, супруги выглядели как живые. Над ними, между колоннами, находились аллегорические фигуры Смерти и Бренности. Пока смерть не разлучит нас… ее мысли опять начали блуждать: они с Мэтью, связанные навечно, до самой смерти… нет, только не связанные… не говори «связанные»… Да что с тобой творится? У Робин не осталось сил. В тряском поезде было душно. Она просыпалась каждый час, боясь, как бы на путях не намело сугробы.

Мэтью потянулся к ее руке и сжал ей пальцы.

Из-за снегопада церемонию похорон провели так быстро, как только позволяли приличия. У могилы задерживаться не стали. Робин, как и многие другие, заметно дрожала от холода.

После похорон все пошли к Канлиффам и отогрелись в приятном тепле большого кирпичного дома. Мистер Канлифф, всегда немного шумливый, приветствовал входящих, как будто они пришли на вечеринку.

– Я соскучился, – сказал Мэтью. – Мне без тебя очень плохо.

– Мне без тебя тоже, – ответила Робин. – Я рвалась к тебе всей душой.

Очередная ложь.

– Тетя Сью останется до завтра, – поделился с ней Мэтью. – Я подумал: может, нам пойти к тебе – хочется немного отключиться. Здесь всю неделю была такая суматоха…

– Да, конечно. – Робин тоже сжала ему пальцы, радуясь, что ей не придется ночевать у Канлиффов. Она считала сестру Мэтью жуткой занудой, а отца – чересчур властным.

Один вечер могла бы и потерпеть, строго сказала она себе. Неровен час, такое бегство кому-то покажется неуважением.

И все же они вдвоем отправились к Эллакоттам, которые жили неподалеку от площади. Мэтью хорошо относился к близким Робин; он с удовольствием переоделся в джинсы и помог ее матери накрыть для ужина кухонный стол. Миссис Эллакотт, дородная женщина с такими же, как у Робин, золотисто-рыжими волосами, только небрежно собранными в кичку, обращалась с ним мягко, по-доброму. Ее отличала широта интересов и увлечений: недавно она поступила в Открытый университет{29}, чтобы получить диплом по английской литературе.

– Как продвигается учеба, Линда? – поинтересовался Мэтью, доставая по ее просьбе тяжелую сковороду, томившуюся в духовке.

– Сейчас проходим драматургию Уэбстера – пьесу «Герцогиня Амальфи». «Но ходит слух, что он сошел с ума»[23].

– Что, полный бред? – спросил Мэтью.

– Это цитата, солнышко. Ой, – она с лязгом бросила на край сковороды сервировочные ложки, – как я могла забыть?.. Неужели пропустила?

Выскочив из кухни, она схватила программу телевидения, которая всегда имелась у них в доме.

– Нет, в девять часов. Будет интервью с Майклом Фэнкортом – я хочу посмотреть.

– С Майклом Фэнкортом? – обернулась Робин. – Зачем это тебе?

– На него сильно повлияли как раз те самые драматурги, работавшие в жанре трагедии мести, – ответила ей мать. – Надеюсь, он объяснит, что в них хорошего.

– Видали? – Младший брат Робин, запыхавшись, прибежал из углового магазина, куда мать отправляла его за молоком. – Смотри, Роб, на первой полосе. Этот писатель, у которого кишки вырвали…

– Джон! – цыкнула миссис Эллакотт.

Робин понимала, что мать одернула его не потому, что оберегала Мэтью от любых упоминаний о ее работе, а просто потому, что считала неуместным после похорон обсуждать чью-то насильственную смерть.

– А что такого? – Джонатан, не заботясь о приличиях, сунул Робин свежий номер «Дейли экспресс».

Только теперь, когда пресса узнала, какая судьба постигла Оуэна Куайна, он попал на первые полосы.

КРОВОЖАДНЫЙ АВТОР НАПИСАЛ СОБСТВЕННОЕ УБИЙСТВО

«Кровожадный автор, – подумала Робин, – это преувеличение… но для заголовка сгодится».

– Как думаешь, твой босс это распутает? – спрашивал Джонатан, листая газету. – Опять утрет нос Скотленд-Ярду?

Заглядывая через плечо младшего брата, она стала читать, но поймала на себе взгляд Мэтью и отошла в сторону.

Когда они ели тушеное мясо с картошкой, у Робин в сумке, брошенной на продавленное кресло в углу запущенной кухни, раздалось треньканье. Ответить она не решилась. Лишь после ужина, когда Мэтью по-родственному помогал ее матери убирать со стола, Робин открыла пропущенные вызовы. Каково же было ее удивление, когда она увидела, что последний непринятый звонок был от Страйка. Тайком от Мэтью, который, пока другие болтали, сноровисто загружал тарелки в посудомоечную машину, Робин перешла в голосовую почту.

У вас одно новое сообщение. Получено сегодня в 19:20.

Потрескивание открытой линии – но ни одного слова.

Затем – глухой удар. В отдалении – крик Страйка: «Отвали, сука!..»

Мучительный вопль.

Молчание. Потрескивание открытой линии. Непонятный скрежет, хруст, затяжное трение… Громкое сопенье, царапанье – и конец связи.

Прижимая к уху телефон, Робин замерла от ужаса.

– Что стряслось? – спросил отец, глядя на нее поверх очков, и тоже застыл с ножами и вилками в руке на полпути к серванту.

– Кажется… кажется… с моим боссом что-то неладно…

Дрожащими пальцами она набрала номер Страйка. Вызов сразу переключился на голосовую почту. Мэтью стоял посреди кухни и с нескрываемой злостью наблюдал за Робин.

33

Самой ухаживать – не женщин честь.
Томас Деккер, Томас Миддлтон.
Добродетельная шлюха[24]

Страйк пропустил звонок Робин, потому что не уследил, как за пятнадцать минут до этого мобильник при ударе о землю переключился на беззвучный режим. Не догадывался он и о том, что большим пальцем надавил на кнопку вызова, когда телефон выскальзывал у него из ладони. Все это произошло у порога его дома. Входная дверь захлопнулась у него за спиной, и через пару секунд (мобильный он держал в руке, ожидая ответа из службы такси, которой воспользовался скрепя сердце) на него из темноты ринулась высокая фигура в черном пальто. Между капюшоном и шарфом мелькнула полоска бледной кожи, и взмах руки, неумелый, но решительный, нацелил на него нож.

Приготовившись отразить нападение, он чуть не упал, но ухватился за дверную ручку и устоял, хотя и выронил телефон. В шоке и ярости оттого, что из-за этой твари он однажды уже повредил колено, Страйк взревел… преследовательница помедлила буквально долю секунды – и сделала новый выпад.

Страйк замахнулся тростью на руку, сжимавшую нож, и почувствовал, как у него подвернулось колено. Он взвыл от боли, и нападавшая отпрянула – как видно, решила, что ее удар случайно достиг цели, после чего, в точности как в первый раз, запаниковала и пустилась бежать сквозь непогоду. Страйк застыл наедине со злобой и безысходностью. Ему оставалось только шарить в снегу, чтобы отыскать мобильный.

Будь она проклята, эта нога!

Когда ему перезвонила Робин, он, потный от боли, сидел в медленно ползущем такси. Можно, конечно, было утешаться тем, что маленькое треугольное лезвие, каким режут картон, не пропороло ему

живот. Колено, к которому он вынужденно пристегнул протез перед тем, как отправиться к Нине, горело от нестерпимой боли, напоминая, что он никогда не сможет погнаться за такой вот сумасшедшей. Страйк ни разу в жизни не поднимал руку на женщин, никогда намеренно не делал им больно, но при виде блеснувшего в темноте ножа отбросил свои моральные принципы. К неудовольствию таксиста, который в зеркало заднего вида поглядывал на грузного, взвинченного пассажира, Страйк все время ерзал на сиденье, высматривая в субботней уличной толпе свою сутуловатую преследовательницу с ножом в кармане черного пальто.

Над машиной плыли рождественские фонари Оксфорд-стрит – большие, хрупкие серебряные свертки с золотыми бантами, и Страйк в преддверии неминуемого романтического свидания пытался унять кипящую злость. Тем временем Робин вновь и вновь набирала его номер, но вибрации мобильного, который остался в кармане лежащего на сиденье пальто, Страйк не чувствовал.

– Привет, – с натянутой улыбкой сказала Нина, открывая ему дверь на полчаса позже назначенного времени.

– Извини за опоздание, – сказал Страйк, с трудом переступая через порог. – У меня на выходе приключилась неприятность. С ногой.

Еще не сняв пальто, он сообразил, что явился с пустыми руками. Мог бы принести вина или коробку шоколада; Нина, как он понял, тоже так подумала, пробежав по нему своими большими глазами, но она была хорошо воспитана, и Страйк вдруг ощутил себя жмотом.

– А главное – купил вино и дома забыл, – соврал он. – Позорище! Гони меня в шею.

Она нехотя рассмеялась, и в этот миг Страйк почувствовал, как у него завибрировал телефон. Рука машинально вытащила его из кармана. Робин. Что ей от него понадобилось в субботу вечером?

– Прости, – сказал он Нине, – я должен ответить… срочный разговор, это моя помощница…

Ее улыбка погасла. Она развернулась и ушла из прихожей, а Страйк остался стоять в пальто.

– Робин?

– Ты цел? Что случилось?

– Как ты узнала?

– Я получила голосовую почту и подумала, что на тебя напали!

– Господи, разве я тебе звонил? Это, наверное, случайно получилось, когда телефон упал.

– Да-да, точно…

Через пять минут, рассказав Робин, что произошло, он повесил пальто и пошел на запах еды, в гостиную, где Нина накрыла стол для двоих и зажгла торшер. Она навела порядок, расставила тут и там свежие цветы. В воздухе сильно пахло горелым чесноком.

– Прости, – повторил он, когда Нина вернулась из кухни с большим блюдом. – Была бы у меня кабинетная работа с девяти до пяти…

– Попробуй вино, – холодно сказала Нина.

Знакомая ситуация. Сколько раз он сидел напротив женщин, раздосадованных его опозданием, рассеянностью, небрежностью? Но здесь он еще легко отделался. Осмелься он, придя на ужин к Шарлотте, ответить на звонок другой женщины, ему в физиономию тут же выплеснули бы стакан вина, а то и запустили бы тарелкой. От этой мысли он даже потеплел к Нине.

– Сыщик – дерьмовый кадр, – сказал он, когда они сели за стол.

– Ну почему сразу «дерьмовый»? – Нина смягчилась. – Просто работа тебя не отпускает.

На него смотрели ее огромные, по-мышиному выкаченные глаза.

– Мне вчера приснился про тебя жуткий сон, – сообщила она.

– Обнадеживающее начало, – заметил Страйк, и она рассмеялась.

– Нет, не совсем про тебя. Мы с тобой вместе разыскивали кишечник Оуэна Куайна. – Не сводя глаз со Страйка, Нина сделала большой глоток вина.

– Ну и как, нашли? – Страйку не хотелось серьезных разговоров.

– Нашли.

– Где? Я уже хватаюсь за любую наводку.

– У Джерри Уолдегрейва, в нижнем ящике стола. – Нина, как показалось Страйку, невольно содрогнулась. – На самом деле это был такой кошмар. Я открываю – а там кровь, кишки… и ты ударил Джерри. Тут я проснулась – все было настолько жизненно.

Нина отпила еще вина, но к еде не притронулась. Страйк, успевший от души подкрепиться (чеснока перебор, но с голодухи – терпимо), решил, что не выразил достаточного сочувствия. Торопливо проглотив мясо, он сказал:

– Прямо мурашки по коже.

– Это еще из-за вчерашнего выпуска новостей. – Она сверлила его взглядом. – Никто же не догадывался, никто не знал, что он… что его убили таким способом. Как в «Бомбиксе Мори». Ты ведь мне ни слова не сказал. – Сквозь чесночный дух до Страйка долетели обвинительные нотки.

– Не имел права, – ответил Страйк. – Такие сведения может раскрывать только полиция.

– Сегодня эти сведения уже на первой полосе «Дейли экспресс». Оуэн был бы счастлив. Герой дня. Но я напрасно это прочла, – добавила она, косясь на Страйка.

Он уже сталкивался с подобными сожалениями. Некоторые из знакомых сразу отдалялись, как только начинали понимать, что ему довелось видеть, или делать, или трогать. Можно было подумать, от него пахнет смертью. У одних женщин вызывает восхищение такой типаж, как солдат или полисмен: они хотят опосредованно напитаться, насладиться жестокостями, которые видел или творил мужчина. А у других женщин такой типаж вызывает отторжение. Нина, как подозревал Страйк, прежде относилась к первому типу, но теперь, когда ей сунули под нос жестокость, садизм, тошнотворность, склонялась к переходу в другой лагерь.

– На работе вчера был траур, – сказала она. – После выпуска новостей. Люди прямо… Но ведь если его убили именно так, если убийца руководствовался книгой… Это сужает круг подозреваемых, правда? Никто уже не смеется над «Бомбиксом Мори», я тебе точно говорю. Все это напоминает какой-нибудь старый сюжет Майкла Фэнкорта, когда критики еще обвиняли его в чернушности… Да, между прочим, Джерри подал заявление об уходе.

– Я слышал.

– А почему – непонятно, – с тревогой сказала Нина. – Он работал на «Роупер Чард» с незапамятных времен. А теперь бродит сам не свой. Все время злится, хотя всегда был таким лапушкой. И опять сорвался. Запил.

Она по-прежнему не притрагивалась к еде.

– Джерри был близок к Оуэну Куайну? – спросил Страйк.

– По-моему, он был к нему ближе, чем сам мог предположить, – задумчиво проговорила Нина. – Их объединяли долгое годы

совместной работы. Оуэн его доводил… Оуэн всех доводил… но Джерри совершенно подавлен, уж я-то знаю.

– Не представляю, как Оуэн мог терпеть, что его правили.

– Наверное, иногда кипятился, – сказала Нина, – но сейчас Джерри никому не дает сказать худого слова о Куайне. Он одержим версией нервного срыва. Ты же слышал, на фуршете Джерри говорил, что Оуэн, с его точки зрения, психически нездоров, а потому не заслуживает упреков за «Бомбикса Мори». А кроме того, он до сих пор зол на Элизабет Тассел, которая дала ход этому роману. На днях она приходила обсудить издание одного из своих подопечных авторов…

– Доркус Пенгелли? – спросил Страйк, и Нина смешливо ахнула:

– Ни за что не поверю, что ты читаешь такую дрянь! Вздымающиеся груди на фоне кораблекрушений?

– Мне просто имя запомнилось, – ухмыльнулся Страйк. – Рассказывай дальше про Уолдегрейва.

– Он увидел, что мимо его кабинета идет Лиз – и как грохнул дверью! А дверь – ты сам видел – стеклянная, чудом не разбилась. Закрывать дверь не было никакой нужды, Джерри это сделал демонстративно, все прямо вздрогнули. Вид у нее кошмарный, – добавила Нина. – У Лиз Тассел. Ужасающий. Будь она в силах, ворвалась бы к Джерри в кабинет и устроила бы ему выволочку за хамство…

– Она такая вспыльчивая?

– А ты сомневался? О ее вспыльчивости ходят легенды.

Нина посмотрела на часы.

– Сегодня в девять по телику будет интервью Майкла Фэнкорта, я собираюсь записать, – сказала она, наполняя их бокалы. К еде она так и не притронулась.

– Можно и посмотреть, – оживился Страйк.

Она бросила на него странно оценивающий взгляд, и Страйк догадался, что Нина прикидывает, в чем он заинтересован больше: выудить дополнительные сведения или насладиться ее по-мальчишечьи стройным телом.

У него опять зазвонил мобильный. За секунду-другую он сопоставил возможную обиду и вероятность получить нечто более существенное, чем Нинино мнение о Джерри Уолдегрейве.

– Прости, – сказал он, вытаскивая из кармана телефон.

Звонил его единокровный брат Ал.

– Корм! – воскликнул голос в трубке. – Здóрово, что ты позвонил, брат!

– Привет, – пресек его излияния Страйк. – Как жизнь?

– Все супер! Я в Нью-Йорке, только что увидел твое сообщение. Что тебе требуется?

Он знал, что Страйк звонит только по необходимости, но, в отличие от Нины, не обижался.

– Хотел в пятницу с тобой поужинать, – сказал Страйк, – но раз ты в Нью-Йорке…

– Да я в среду возвращаюсь, так что заметано. Давай я закажу столик?

– Давай, – сказал Страйк. – Только не где-нибудь, а в «Ривер-кафе».

– Понял тебя, – сказал Ал, не спрашивая почему: как видно, решил, что Страйк любит добротную итальянскую кухню. – Точное время пришлю тебе эсэмэской, лады? Жду не дождусь!

Страйк отсоединился и уже готов был принести свои извинения, но Нина вышла в кухню. Атмосфера, вне сомнения, накалялась.

34

Господи, что я сказал!.. Язык мой – враг мой!..

Уильям Конгрив.

Любовь за любовь[25]

– Любовь – это мираж, – вещал Майкл Фэнкорт с телеэкрана. – Мираж, химера, иллюзия.

Робин сидела между Мэтью и своей матерью на выцветшем, продавленном диване. Шоколадный лабрадор дремал на полу перед камином, изредка постукивая хвостом по коврику. Робин клевала носом после двух почти бессонных суток, неожиданных стрессов и переживаний, но всеми силами старалась сосредоточиться на интервью Майкла Фэнкорта. Миссис Эллакотт, высказав оптимистическую надежду услышать от Фэнкорта какие-нибудь меткие фразы, подходящие для сочинения по Уэбстеру, вооружилась ручкой и блокнотом.

– В определенном смысле… – начал телеведущий, но Фэнкорт его не слушал.

– Мы любим не конкретного человека, мы любим свое *представление* об этом человеке. Очень мало кто это понимает и способен принять. Людьми движет слепая вера в свои созидательные способности. По большому счету любовь – это всегда любовь к себе.

Мистер Эллакотт, у которого очки сползли на кончик носа, тихонько похрапывал, откинув голову на спинку кресла, ближайшего к собаке и камину. Трое братьев Робин незаметно ускользнули из дому. В субботний вечер приятели ждали их в «Бэй-Хорс», на площади. Джон приехал из университета специально на похороны, но не собирался ради жениха сестры отказывать себе в пинте-другой «Блэк-шип». Сейчас он сидел вместе с братьями за бугристым латунным столиком у открытого огня.

Робин подозревала, что Мэтью охотно составил бы им компанию, но опасался нарушить приличия. Теперь он вынужден был смотреть литературную передачу, которую не потерпел бы в своем доме. Просто взял бы да переключил без согласия Робин, считая само собой разумеющимся, что ей не могут быть интересны сентенции этого желчного типа. А Робин сейчас размышляла о том, как трудно испытывать симпатию к Майклу Фэнкорту. Изгиб его губ и бровей выдавал неистребимое высокомерие. Известный телеведущий слегка нервничал.

– А каков сюжет вашего нового…

– Одна из сюжетных линий такова. Главный герой понимает, что просто-напросто придумал свою жену, но, вместо того чтобы бичевать себя за глупость, стремится покарать женщину из плоти и крови, которая, как ему мнится, оставила его в дураках. Он жаждет мести, и вокруг этого строится повествование.

– Так-так, – вполголоса сказала мать Робин и взялась за ручку.

– Многие из нас… возможно, даже большинство, – вступил ведущий, – считают любовь очищающим идеалом, источником бескорыстных…

– Ложь во имя самооправдания, – перебил Фэнкорт. – Мы – млекопитающие, которым необходимо совокупление, необходимо стадо себе подобных. Защитный анклав семьи нужен нам лишь для выживания и размножения. Так называемого любимого человека мы выбираем по самым незамысловатым причинам: мой герой, например, отдает предпочтение женщине с грушевидной фигурой, что, по-моему, говорит само за себя. Любимый человек смеется или пахнет как наш отец или мать, у которых мы в детстве находили защиту, а все остальное экстраполировано, все остальное выдумано…

– Дружба… – Ведущий заметно сник.

– Будь у меня возможность заставить себя совокупляться с кем-нибудь из моих друзей мужского пола, я бы вел более счастливую, более творческую жизнь, – заявил Фэнкорт. – К сожалению, я устроен так, что мои желания устремлены на женскую форму, хотя и бесплодно. Вот я и внушаю себе, что одна женщина увлекает меня больше, чем другая, больше отвечает моим потребностям и желаниям. То есть я – существо многогранное, высокоразвитое, одаренное воображением – вынужден как-то оправдывать свой выбор, который

базируется на самых низменных основаниях. Но эту истину мы похоронили под тысячелетним слоем собачьей чуши.

Как воспримет это интервью жена Фэнкорта, спрашивала себя Робин (ей помнилось, что он женат). Миссис Эллакотт что-то строчила в блокноте.

– Он ни слова не сказал о мести, – пробормотала Робин.

Мать показала ей блокнот. Там было написано: «Вот сволочуга». Робин прыснула.

Мэтью склонился над сегодняшним номером «Дейли экспресс», который Джонатан оставил на стуле. Перелистнув первые три страницы, где в тексте, рядом с именем Куайна, мелькало имя Страйка, он переключился на статью о том, как крупнейшая сеть кафе наложила запрет на рождественские песни Клиффа Ричарда.

– Критики порицают вас, – отважился ведущий, – за изображение женщин, в особенности…

– Я так и слышу, как эти критики во время нашей беседы устраивают тараканьи бега за бумагой и ручками. – Фэнкорт скривил губу в слабом подобии улыбки. – Меня меньше всего интересует, что говорят обо мне и моем творчестве критики.

Мэтью перевернул газетную страницу. Робин боковым зрением увидела фотографию завалившегося набок бензовоза, лежащей вверх колесами «хонды-сивик» и разбитого «мерседеса».

– Мы вчера чуть не попали в эту аварию!

– Что? – не понял Мэтью.

Робин брякнула не подумав. У нее отсох язык.

– Это случилось на трассе эм-четыре, – сказал Мэтью, потешаясь, что она уже не помнит себя и путает шоссе с городской улицей.

– Ой… ах да. – Робин притворилась, что хочет рассмотреть картинку повнимательней.

Но Мэтью нахмурился: он что-то заподозрил.

– *Ты* вчера чуть не попала в эту аварию?

Он говорил шепотом, чтобы не мешать миссис Эллакотт, которая вникала в интервью Майкла Фэнкорта. Промедление было подобно смерти. *Выбирай*.

– Да. Просто не хотела тебя тревожить.

Он непонимающе уставился на нее. По другую руку от Робин ее мать строчила свои заметки.

– Вот в эту? – Он ткнул пальцем в газетный снимок, и она кивнула. – Как ты оказалась на эм-четыре?

– Мне пришлось везти Корморана к свидетелю для взятия показаний.

– Я все же хотел бы остановиться на женщинах, – говорил телеведущий, – о ваших взглядах на женщин…

– И где происходило это, с позволения сказать, взятие показаний?

– В Девоне, – ответила Робин.

– *В Девоне?*

– Он опять сильно повредил ногу. Ему самому было бы туда не добраться.

– Ты возила его в *Девон*?

– Да, Мэтт, я возила его в…

– Так вот почему ты отказалась приехать вчера? Потому что возила…

– Да нет же, Мэтт!

Отшвырнув газету, он встал и решительно вышел из комнаты.

Робин стало дурно. Она оглянулась на дверь, которую он не то чтобы захлопнул, но затворил со стуком, отчего отец шевельнулся и забормотал во сне, а лабрадор проснулся.

– Не ходи за ним, – посоветовала ей мать, не отрываясь от экрана.

Робин в отчаянии развернулась к ней:

– Корморану необходимо было попасть в Девон, но он не мог с одной ногой вести машину…

– Передо *мной* не нужно оправдываться, – сказала миссис Эллакотт.

– Но Мэтью думает, я соврала, когда сказала, что не смогу приехать за сутки.

– А на самом деле? – спросила мать, впившись глазами в Майкла Фэнкорта. – Лежать, Рауэнтри, не загораживай.

– Ну, если первым классом, то могла бы, – призналась Робин; лабрадор зевнул, потянулся и устроился на коврике, – только у меня уже был куплен билет на сидячий ночной поезд.

– Мэтт постоянно сокрушается, как ты потеряла в деньгах, отказавшись от работы в отделе кадров, – сказала мать, глядя на экран. – Мне думалось, он сейчас похвалит тебя за такую экономию. Все, молчок, мне нужно послушать про месть.

Ведущий пытался сформулировать вопрос:

– Но в том, что касается женщин, вы не всегда… современные нормы, так называемая политкорректность… Прежде всего я имею в виду ваше утверждение, что писатели-женщины…

– Сколько можно! – Фэнкорт хлопнул себя по коленям (да так, что ведущий заметно вздрогнул). – Да, я утверждал, что крупнейшие писательницы, практически все без исключения, были бездетны. Это факт. И еще я утверждал, что женщины, в силу врожденного стремления опекать, не способны безраздельно отдаваться творчеству, а значит, создавать серьезную литературу. Я не собираюсь отказываться от своих слов. Я оперирую фактами.

Робин крутила на пальце подаренное женихом кольцо и разрывалась между желанием броситься за Мэттом, объяснить, что она не сделала ничего предосудительного, и гневом оттого, что от нее ждут подобных объяснений.

Его рабочие дела всегда были на первом месте; она не помнила, чтобы он хоть раз извинился, когда задерживался, когда приходил домой в девятом часу после деловых поездок на другие концы Лондона…

– Я хотел сказать, – зачастил телеведущий с льстивой улыбкой, – что эта книга наверняка заставит этих критиков умолкнуть. Мне кажется, образ главной героини выписан с глубоким пониманием, с подлинным сочувствием. Конечно… – он быстро заглянул в свои записи; Робин чувствовала его нервозность, – здесь неизбежно будут проводиться параллели… описанное вами самоубийство молодой женщины, по-видимому, отсылает… вы, вероятно, готовы к тому…

– …что глупцы сочтут, будто я написал автобиографический роман, включив туда самоубийство моей первой жены?

– Ну, это неизбежно будет выглядеть как… это неизбежно вызовет вопросы…

– Тогда послушайте меня, – сказал Фэнкорт и сделал паузу.

Писатель и ведущий сидели у длинного окна, выходящего на солнечный, открытый ветру газон. На мгновение Робин задумалась, когда же снималась эта программа… определенно до наступления холодов… но все ее мысли занимал Мэтью. Она чувствовала, что обязана пойти за ним, но почему-то не поднималась с места.

– Когда умерла Чу… Элли, – начал Фэнкорт, – когда она умерла… – Крупный план выглядел мучительной бестактностью. Писатель

смежил веки, и мелкие морщинки в уголках глаз обозначились очень резко; квадратная ладонь стремительно заслонила лицо. Кажется, Майкл Фэнкорт плакал.

– Ладно, мы уже поняли, что любовь – это мираж и химера, – отбросив ручку, вздохнула миссис Эллакотт. – Одно словоблудие. Я-то надеялась на кровавые разборки, Майкл. *Кровавые разборки*.

Не выдержав бездеятельности, Робин встала с дивана и пошла к дверям. В конце-то концов, день сегодня был тяжелый. Мэтью похоронил маму. Значит, надо сделать шаг навстречу, повиниться.

35

Всем нам свойственно ошибаться, сэр. Коль скоро вы признаете свою ошибку, дальнейшие объяснения излишни.

Уильям Конгрив.

Старый холостяк[26]

Крупнейшие воскресные газеты старались поддерживать достойное равновесие между объективной оценкой жизни и творчества Оуэна Куайна и зловещими, жестокими обстоятельствами его смерти.

«Литератор второго ряда, подчас оригинальный, но в последнее время тяготевший к самопародии, оттесненный современниками, но избравший свой несовременный путь», – констатировала на первой полосе «Санди таймс», обещая волнующие подробности внутри: «*Читать дальше, с. 10–11: „Подсказки для садиста“*», а рядом поместила мелкий портрет Кеннета Халлиуэлла{30} и анонс: «*„Книги и книжники: литературные убийцы“. С. 3. Культура*».

«Слухи о неопубликованной книге, которой, очевидно, и руководствовался убийца, в настоящее время просочились за пределы литературных кругов Лондона, – информировала своих читателей „Обсервер“. – Не будь издательство „Роупер Чард“ столь щепетильным, оно бы уже имело в своем активе мгновенный бестселлер».

«ПИСАТЕЛЬ-ШАЛУН ВЫПОТРОШЕН ВО ВРЕМЯ ИНТИМА», – вопил таблоид «Санди пипл».

По пути домой от Нины Лассельс Страйк купил все газеты, хотя идти по обледенелым тротуарам с газетами и тростью было не так-то просто. Кое-как добравшись до Денмарк-стрит, он подумал, что не стоило сейчас занимать руки – вчерашняя преследовательница могла появиться вновь, но этого не произошло.

Вечером он лежал на кровати, чтобы дать желанный отдых больной ноге, хрустел чипсами и читал новости. Факты, отраженные в кривом зеркале прессы, будили его мысль. Изучив материал Калпеппера в «Ньюс оф зе уорлд» («Источники, близкие к описанным событиям, подтверждают пристрастие Куайна к интимным забавам со связыванием, основываясь на показаниях его вдовы, которая, впрочем, отрицает, что знала об уединении писателя-извращенца в их втором доме»), Страйк швырнул газеты на пол, потянулся за блокнотом, всегда лежавшим рядом с кроватью, и составил себе памятку на следующий день. Инициал Энстиса в этом списке отсутствовал, зато против пунктов «Букинист» и «М. Ф.: дата съемки?» стояло заглавное «Р». Вслед за тем он отправил Робин SMS и напомнил, чтобы утром она остерегалась высокой женщины в черном пальто и не сворачивала на Денмарк-стрит, если заметит слежку.

На другой день во время недолгого пути от метро до офиса Робин не увидела никого отвечающего такому описанию и пришла на работу ровно в девять. Страйк сидел за ее столом и шарил в ее компьютере.

– Доброе утро. Снаружи все спокойно?

– Вполне, – ответила Робин, вешая пальто.

– Как Мэтью?

– Нормально, – солгала она.

Последствия скандала, вызванного ее поездкой в Девон, жгли Робин как огнем. На обратном пути в Клэпхем их с Мэтью перебранка то медленно бурлила, то извергалась как лава; от слез и недосыпа у Робин опухли глаза.

– Ему сейчас тяжело, – пробормотал Страйк, не отрываясь от монитора. – Мать похоронил.

– Мм… – неопределенно ответила Робин, ставя чайник и досадуя, что Страйк решил посочувствовать Мэтту именно сегодня, когда все указывало на то, что ее жених – законченный болван.

– Что ты там ищешь? – спросила она, поставив у локтя Страйка кружку с чаем и удостоившись невнятной благодарности.

– Хочу понять, когда записывалось интервью с Майклом Фэнкортом, – ответил Страйк. – Его передавали в субботу вечером.

– Я смотрела, – сказала Робин.

– Я тоже, – сообщил Страйк.

– Самовлюбленный остолоп, – высказалась Робин, садясь на обтянутый искусственной кожей диван, который почему-то не издавал неприличных звуков при контакте с ее телом.

Вероятно, сказывается разница в весе, подумал Страйк, а вслух спросил:

– Не заметила никакой странности в его рассказе о покойной жене?

– Крокодиловы слезы, – сказала Робин. – Это был явный перебор, особенно в свете его объяснений, что любовь – это иллюзия и так далее.

Страйк вновь покосился в ее сторону. Светлая, нежная кожа Робин пошла пятнами от избытка эмоций; припухшие веки говорили красноречивее всяких слов. Неприязнь, которую она проявляла к Майклу Фэнкорту, была, как догадывался Страйк, первоначально направлена на другой, возможно более заслуживающий этого предмет.

– По-твоему, он ломал комедию? Я тоже так считаю. – Страйк посмотрел на часы. – Через полчаса придет Кэролайн Инглз.

– Мне казалось, они с мужем помирились, разве нет?

– Устарелые сведения. Мадам просит о встрече: на выходных обнаружила в телефоне мужа какое-то сообщение. Итак, – Страйк тяжело поднялся из-за стола, – выясни, когда записывалось это интервью, а я пойду просмотрю свои заметки – хотя бы вспомню, чем она меня грузила. Потом у меня ланч с редактором Куайна.

– А я кое-что выяснила насчет отходов, которые выносят из медицинского центра вблизи дома Кэтрин Кент, – сказала Робин.

– Что же ты молчишь?

– По вторникам их вывозит специальная служба. Я туда позвонила, – сказала Робин, и по ее вздоху Страйк понял, что эта версия зашла в тупик. – Когда рабочие забирали мешки во вторник после убийства, они не заметили ничего странного или непривычного. Мне кажется, – отметила она, – это с самого начала было некоторой натяжкой: предполагать, что они могли не заметить мешок с человеческими внутренностями. По их словам, из медицинского центра выносят главным образом использованные шприцы и ватные тампоны, причем в специальных герметичных пакетах.

– Все равно надо было проверить, – приободрил ее Страйк. – Без тщательной проверки нельзя отбрасывать ни одну версию – это азбука

сыска. Хочу, кстати, дать тебе еще одно поручение, если ты не боишься снега.

– Да я только рада выйти на воздух, – оживилась Робин. – Говори, что нужно сделать.

– Тот старичок-букинист, который якобы видел Куайна восьмого числа, очевидно, уже вернулся из отпуска.

– Без проблем, – сказала Робин.

В минувшие выходные она так и не собралась обсудить с Мэтью план Страйка направить ее на курсы следственной работы. Перед похоронами было не до этого, а после субботнего скандала, когда страсти и без того накалились до предела, такой разговор и вовсе выглядел бы провокацией. Но сейчас ей не терпелось выйти на городские улицы, что-нибудь прозондировать, расследовать, а вечером как бы между прочим поделиться с Мэтью. Хочет полной открытости – будет ему полная открытость.

Кэролайн Инглз, помятая блондинка, отняла у Страйка больше часа. Когда она, заплаканная, но полная решимости, наконец ушла, Робин сообщила:

– Запись интервью с Фэнкортом сделана седьмого ноября. Я позвонила на Би-би-си. Еле пробилась, но все же узнала.

– Седьмого, – повторил Страйк. – Это было воскресенье. А где снимали?

– Съемочная бригада выезжала к нему в Чу-Магну, – ответила Робин. – А что тебя насторожило в этом интервью?

– Посмотри еще раз, – сказал Страйк. – Наверное, на «Ютьюбе» можно найти. Меня удивляет, что ты сама ничего не заметила.

Уязвленная, Робин вспомнила, как Мэтью пытал ее насчет аварии на трассе М4.

– Я пошел переодеваться – мне пора в «Симпсонс», – сказал Страйк. – Давай закроем контору и выйдем вместе, согласна?

Через сорок минут они уже были у метро и там распрощались: Робин предстояло ехать в Патни, в книжный магазин «Бридлингтон», а Страйк собирался дойти пешком до Стрэнда.

– За эти дни поистратился на такси, – ворчливо поделился он с Робин, не уточняя, сколько пришлось выложить за эвакуацию «тойоты-лендкрузера». – Времени еще полно.

Несколько секунд она смотрела ему вслед: Страйк тяжело опирался на трость и сильно припадал на одну ногу. Робин, выросшая в компании троих братьев, научилась точно предвидеть мужскую реакцию на женскую заботливость, но могла только гадать, сколько продержится Страйк, пока не сляжет всерьез и надолго.

Близилось время обеденного перерыва; две женщины, сидевшие напротив Робин в поезде на Ватерлоо, громко болтали, держа на коленях рождественские пакеты из универмага. В метро было сыро, грязно и душно; здесь опять пахло мокрым сукном и потными телами. В пути Робин безуспешно пыталась вывести на мобильный интервью с Майклом Фэнкортом.

Книжный магазин «Бридлингтон» стоял на главной улице Патни; сквозь витрины со старомодными оконными переплетами виднелись бесчисленные шеренги новых и подержанных книг. Робин встретил звонок колокольчика; переступив через порог, она окунулась в уютную, чуть затхлую атмосферу. К высоким, до потолка, стеллажам, забитым рядами книг, были прислонены две стремянки. Свисавшие с потолка лампочки болтались так низко, что Страйк неизбежно задел бы их головой.

– Доброе утро! – приветствовал ее утопавший в твидовом пиджаке интеллигентный старичок, выходя из-за матовой стеклянной двери.

Робин обдало ядреным запахом пота.

Она заранее продумала ход беседы и первым делом спросила, есть ли в продаже книги Оуэна Куайна.

– Так-так-так! – понимающе протянул старичок. – Я даже не спрашиваю, откуда столь внезапный интерес!

Ведя Робин в недра магазина, букинист с немалым апломбом, присущим тем, кто оторван от жизни и обитает в своем замкнутом мирке, читал ей лекцию о стиле Куайна и угасании способностей к занимательному построению сюжета. У старичка не возникло и тени сомнения, что интерес Робин продиктован только скандальным убийством. На самом деле так оно и было, но Робин это не понравилось.

– У вас есть «Братья Бальзак»? – спросила она.

– Стало быть, вы не из тех, кто рассчитывает купить «Бомбикс Мори», и то хлеб, – отметил продавец, трясущимися руками

переставляя лестницу. – Тут приходили три молодых журналиста – и все спрашивали одно и то же.

– А почему это к вам зачастили журналисты? – с невинным видом спросила Робин, когда он полез под потолок, сверкая горчично-желтыми носками над стоптанными полуботинками.

– Незадолго до смерти мистер Куайн заглянул ко мне в магазин, – ответил старик, вглядываясь в книжные корешки метрах в двух над Робин. – «Братья Бальзак», «Братья Бальзак»… где-то здесь… вот незадача, ведь был же экземпляр…

– Неужели он просто так взял и зашел к вам в магазин? – спросила Робин.

– Представьте, да. Я сразу его узнал. Когда-то я был большим поклонником Джо Норта, а они на Хэйском фестивале проводили совместную встречу с читателями.

Он уже спускался; ноги едва попадали на ступеньки, и Робин испугалась, как бы он не грохнулся с лестницы.

– Сейчас проверю по компьютеру, – отдуваясь, сказал он. – Я уверен, что «Братья Бальзак» есть в наличии.

Идя за ним, Робин спрашивала себя, насколько можно верить рассказу о визите Куайна, если в последний раз старичок видел писателя в середине восьмидесятых.

– Думаю, обознаться вы не могли, – сказала она. – Я видела его на фотографиях. Очень броская внешность: этот тирольский плащ…

– И ко всему прочему, глаза разного цвета, – добавил букинист, уставившись на монитор древнего «макинтоша», купленного лет двадцать назад: бежевого, громоздкого, с крупными клавишами-кубиками, похожими на сливочные ириски. – Вблизи это очень заметно. Один глаз карий, другой голубой. По-моему, на полицейского произвела большое впечатление моя памятливость вкупе с наблюдательностью. Во время войны я служил в разведке. – С гордой улыбкой он повернулся к Робин. – Я прав: у нас действительно есть один экземпляр… подержанный. Сюда.

Он зашаркал к неопрятной корзине, полной книжек.

– Для полицейских это очень важная информация, – говорила Робин, следуя за ним по пятам.

– Еще бы, – самодовольно сказал он. – Время смерти. Да, я их заверил, что восьмого числа мистер Куайн был еще жив.

– Но зачем он приходил, вы, наверное, не помните, – с легким хохотком сказала Робин. – А как интересно было бы узнать, что он читал.

– Прекрасно помню, – мгновенно возразил букинист. – Ему нужны были три романа: «Свобода» Джонатана Франзена{31}, «Безымянное» Джошуа Ферриса{32} и… третий запамятовал… Собираюсь, говорит, в поездку, хочу почитать в дороге. Мы с ним обсудили нашествие электронных книг… он оказался более терпим, чем я, ко всякого рода читалкам… где-то здесь, – бормотал он, роясь в корзине.

Из вежливости Робин пыталась ему помогать.

– Восьмого, – повторила она. – Почему вы так уверены, что он заходил именно восьмого?

А про себя подумала, что в этой плесневелой, сумрачной неподвижности один день бесследно растворяется в другом.

– Потому что это был понедельник, – ответил букинист. – Приятный эпизод, беседа про Джозефа Норта – мистер Куайн сохранил о нем самые теплые воспоминания.

Робин так и не поняла, по какой причине букинист считает, что тот памятный понедельник пришелся именно на восьмое число, но не успела она задать следующий вопрос, как старик с торжествующим криком вытащил со дна корзины потрепанную книжицу в бумажном переплете:

– Вот она! Вот она! Я же говорил!

– Лично я даты плохо запоминаю, – выдумала Робин, когда они шли к кассе. – Раз уж я тут, может, купить заодно и что-нибудь Джозефа Норта?

– У него вышла единственная книга: «К вершинам». Да, это одно из моих любимых произведений, у нас точно есть…

И он вновь пошел за стремянкой.

– Я и дни недели путаю, – отважилась на новый обман Робин, повторно созерцая горчичные носки.

– Многие этим грешат, – заносчиво изрек букинист, – но я – приверженец восстановительной дедукции, ха-ха. Почему я уверен, что это был понедельник? Да потому, что по понедельникам я всегда покупаю молоко; вот и в тот раз я купил молока и после увидел в магазине мистера Куайна. – Он шарил на полке; Робин выжидала. – Я растолковал полицейским, что установил дату понедельника,

ориентируясь по конкретным событиям: в тот вечер – как почти каждый понедельник – я был в гостях у своего друга Чарльза и хорошо помню, что рассказывал ему про визит Оуэна Куайна к нам в магазин, а еще обсуждал с ним отступничество пятерых англиканских епископов, которые как раз в тот день перешли в католичество. Чарльз – проповедник Англиканской церкви, хоть и без духовного сана. Он очень близко к сердцу принял эту измену.

– Понимаю, – кивнула Робин и тут же сделала узелок на память: проверить дату этого события.

Между тем старик нашел книгу Норта и медленно спускался по стремянке.

– И вот еще что, – в порыве энтузиазма продолжил он. – Чарльз показал мне удивительные фотографии карстовой воронки, образовавшейся накануне ночью в Шмалькальдене – это в Германии, я как раз служил в тех краях во время войны. Да… в тот вечер, как сейчас помню, Чарльз перебил мой рассказ о приходе Куайна… писатели интересуют его крайне мало… «Ты ведь, – говорит, – бывал в Шмалькальдене?» – Высохшие, узловатые пальцы забегали по клавишам кассового аппарата. – И рассказал, что там ни с того ни с сего появился огромный кратер… на следующий день все газеты поместили необыкновенные фотографии… Поразительная штука память, – назидательно закончил он, вручая Робин коричневый бумажный пакет с двумя книгами и принимая у нее банкноту в десять фунтов.

– Как же, как же, помню эту воронку, – не растерялась Робин. Пока букинист сосредоточенно отсчитывал сдачу, она достала из кармана телефон и быстро нажала несколько кнопок. – Да вот же она… Шмалькальден… уму непостижимо: откуда ни возьмись появилась такая воронка. Только новость эта, – Робин подняла взгляд на старика, – не от восьмого ноября, а от первого.

Он заморгал.

– Не спорьте, это было восьмого, – заявил он с глубокой неприязнью, понимая, что его загнали в угол.

– Можете убедиться. – Робин повернула к нему маленький дисплей; старик сдвинул очки на лоб и вгляделся в изображение. – Вы точно помните, что обсуждали визит Куайна и эту воронку в одном и том же разговоре?

– Здесь какая-то ошибка, – пробормотал он, адресуя свой упрек не то Робин, не то собственной персоне, не то сайту газеты «Гардиан», и оттолкнул от себя телефон.

– Значит, вы не помни…

– У вас все? – От раздражения он повысил голос. – Тогда всех благ, всех благ.

И Робин, видя упрямство обиженного старого эгоиста, вышла из магазина под звон колокольчика.

36

Я б очень хотел, мистер Скэндл, обсудить с вами то, что он здесь говорил. Его речи – сплошные загадки!

Уильям Конгрив.

Любовь за любовь[27]

Страйку с самого начала казалось, что «Симпсонс-на-Стрэнде» – странный выбор, но Джерри Уолдегрейв назначил встречу именно там, и любопытство Страйка возрастало по мере приближения к внушительному каменному фасаду с вращающимися деревянными дверями, медными табличками и висячим фонарем. Вход обрамляла изразцовая кайма с рисунком из шахматных фигур. Хотя это было старинное лондонское заведение, Страйк здесь еще не бывал. Он предполагал, что сюда влечет состоятельных бизнесменов и заезжих гурманов. Однако, войдя в вестибюль, Страйк почувствовал себя как рыба в воде. «Симпсонс», элитный шахматный клуб восемнадцатого века, заговорил с ним на полузабытом языке сословной иерархии, упорядоченности и приличий. В вестибюле царили темные, неброские клубные цвета, какие выбирают мужчины без оглядки на женщин, высились толстые мраморные колонны, солидные кожаные кресла ждали бражников-денди, а за двустворчатой дверью, путь к которой лежал мимо гардероба, виднелся обшитый темным деревом ресторанный зал. Эта обстановка чем-то напомнила Страйку сержантские клубы, куда он частенько заглядывал во время службы. Не хватало только полкового знамени и портрета королевы.

Массивные стулья с деревянными спинками, белоснежные скатерти, серебряные блюда с гигантскими окороками… Заняв столик для двоих у стены, Страйк невольно подумал, как отнеслась бы Робин к такому кичливому оплоту традиций: с усмешкой или с раздражением.

Прождав минут десять, он наконец увидел Уолдегрейва, который подслеповато оглядывал зал. Страйк поднял руку, и Уолдегрейв неверной походкой направился к нему.

– Приветствую, приветствую. Рад видеть.

Его светло-каштановые волосы были всклокочены более обычного, а на лацкане мятого пиджака белела клякса зубной пасты. Через небольшой столик до Страйка долетал легкий алкогольный выхлоп.

– Спасибо, что вы согласились на эту встречу, – сказал Страйк.

– Совершенно не за что. Хочу быть полезным. Надеюсь, у вас нет возражений против этого места. Я потому его выбрал, – говорил Уолдегрейв, – что тут мы не рискуем столкнуться ни с кем из моих знакомых. Много лет назад меня впервые привел сюда отец. По-моему, с той поры здесь ничего не изменилось.

Круглыми глазами за стеклами очков в роговой оправе Уолдегрейв оглядел обильную лепнину над темными деревянными панелями. Ее неровный охристый цвет будто вобрал в себя многолетний табачный дым.

– Коллеги, наверное, вас и в рабочее время допекают? – спросил Страйк.

– К ним никаких претензий, – ответил Джерри Уолдегрейв, поправляя очки и жестом подзывая официанта, – но атмосфера сейчас буквально отравлена. Бокал красного, пожалуйста, – обратился он к подошедшему молодому официанту. – Любого, какое есть.

Но официант, на чьей куртке был вышит маленький шахматный конь, его не порадовал.

– Я направлю к вам сомелье, сэр, – сказал он и отошел.

– Видели часы над дверью? – спросил Уолдегрейв и опять поправил сползающие очки. – Говорят, они остановились в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом, когда сюда вошла первая женщина. Излюбленная шутка завсегдатаев. А на обложке меню написано «Карта блюд». Слово «меню» здесь не употребляют – в пику французам. Мой отец был от этого в восторге. Я тогда как раз поступил в Оксфорд, и отец хотел отметить это именно здесь. Он признавал только британскую кухню.

В речи Уолдегрейва сквозила нервозность. Впрочем, в присутствии Страйка люди редко сохраняли спокойствие. Сейчас был

неподходящий момент, чтобы допытываться, помогал ли Уолдегрейв Куайну придумать сценарий убийства.

– А что вы изучали в Оксфорде?

– Английскую филологию, – вздохнул Уолдегрейв. – Отец кое-как смирился; он хотел, чтобы я пошел в медицину.

Пальцы Уолдегрейва забегали по скатерти в режиме арпеджио.

– В издательстве напряженная обстановка? – спросил Страйк.

– Не то слово. – Уолдегрейв огляделся в поисках сомелье. – Когда стало известно, как погиб Куайн, люди буквально с ума посходили. Как идиоты бешено стирают свои электронные сообщения, делают вид, что не имеют представления об этой книге, не знают, чем она заканчивается. Никто уже не смеется.

– А до этого смеялись? – спросил Страйк.

– Пожалуй… да, смеялись, пока считали, что Оуэн просто ушел в бега. Людей хлебом не корми – дай поиздеваться над влиятельными лицами. А этих двоих, Фэнкорта и Чарда, вообще недолюбливают.

Подошедший сомелье вручил Уолдегрейву карту вин.

– Закажу сразу бутылку, хорошо? – сказал Уолдегрейв, изучая ассортимент спиртного. – Я правильно понимаю: это с вас?

– Угу, – с легким содроганием ответил Страйк.

Джерри заказал бутылку «Шато Лезонгар», стоившую, как и опасался Страйк, пятьдесят фунтов; между тем в винной карте значились напитки и по две сотни.

– Итак, – с уходом сомелье редактор внезапно приободрился, – какие-нибудь догадки есть? Вы установили, кто это сделал?

– Пока нет, – ответил Страйк.

Воцарилось неуютное молчание. Уолдегрейв смутился и опять поправил очки на потном носу.

– Извините за любопытство, – пробормотал он. – Даже стыдно… защитная реакция. Это… Это убийство просто не укладывается в голове.

– У меня тоже, – поддакнул ему Страйк.

В порыве доверительности Уолдегрейв признался:

– Меня не покидает безумная мысль, что Оуэн сотворил это сам. Устроил спектакль.

– Неужели? – Страйк неотрывно наблюдал за Уолдегрейвом.

– Я знаю, такое невозможно, умом я понимаю. – Пальцы редактора бегло играли гамму. – Но в этом есть какая-то… какая-то театральщина… в том, как он был убит. Какой-то гротеск. И… страшно сказать… лучшая реклама, какую только можно придумать для книги. Господи, до чего же Оуэн обожал рекламу! Бедняга Оуэн. Как-то раз он мне поведал… я не шучу… он мне на полном серьезе рассказал, что в постели просит любовницу взять у него интервью. Объяснил, что это прочищает мысли. Я его спрашиваю: «А что у вас вместо микрофона?» Поддразнить хотел, понимаете? И как вы думаете, что мне ответил этот дурила? «Обычно шариковая ручка. Или что под руку попадется». – У Джерри вырвался хохоток, подозрительно смахивающий на рыдания. – Обормот несчастный, – выдавил он. – Бедолага. Проиграл по всем статьям. Зато Элизабет Тассел, будем надеяться, счастлива. Уж как она его накручивала.

К их столику подошел с блокнотом в руках все тот же официант.

– Что вы будете? – спросил Страйка редактор, близоруко вглядываясь в «карту блюд».

– Ростбиф, – ответил Страйк, который успел заметить, как серебряное блюдо на тележке подвозят к столам и отрезают ломтики мяса.

Полагающийся к ростбифу йоркширский пудинг он не пробовал давным-давно, с тех самых пор, когда в последний раз ездил в Сент-Моз навестить дядю с тетей.

Уолдегрейв заказал себе камбалу, а потом опять стал вертеть головой, высматривая сомелье. При его появлении редактор заметно успокоился и поудобнее устроился на стуле. Когда сомелье наполнил бокал, Уолдегрейв залпом сделал несколько глотков, как будто торопился подлечиться.

– Вы начали говорить, что Элизабет Тассел накручивала Куайна, – сказал Страйк.

– А? – Уолдегрейв приложил ладонь к уху, и Страйк вспомнил, что редактор глуховат.

В зале становилось шумно: посетителей прибывало. Страйк повторил свой вопрос громче.

– Да, еще как, – ответил Уолдегрейв. – Да, против Фэнкорта. У них только и разговоров было, как Фэнкорт насолил им обоим.

– Он действительно им насолил? – переспросил Страйк, и Уолдегрейв выпил еще.

– Фэнкорт много лет поносил их на чем свет стоит. – Джерри рассеянно почесал грудь сквозь мятую рубашку и отхлебнул вина. – Оуэна – за известную пародию на книжку его, Фэнкорта, покойной жены, а Лиз – за то, что она не разорвала контракт с Оуэном… Заметьте: Фэнкорта никто не упрекал, когда он разорвал контракт с Лиз Тассел. На самом деле она порядочная стерва. Сейчас у нее клиентов – раз-два и обчелся. Прогорела. Не иначе как вечерами сидит и подсчитывает убытки: пятнадцать процентов от гонораров Фэнкорта – это большие деньги. Опять же букеровские банкеты, премьеры фильмов… А ей что досталось? Оуэн, который давал интервью шариковой ручке, и Доркус Пенгелли, которая у себя на заднем дворе потчует ее горелыми сосисками.

– Откуда вы знаете про горелые сосиски? – удивился Страйк.

– Да от самой Доркус, – ответил Уолдегрейв, который осушил первый бокал вина и наливал себе еще. – Она хотела узнать, почему Лиз не было на юбилейном приеме в издательстве. Когда я рассказал ей о «Бомбиксе Мори», Доркус стала меня уверять, что Лиз – добрейшая душа. *Добрейшая*. Она, видите ли, ни сном ни духом не ведала, что там понаписал Оуэн. И вообще, она за всю жизнь никому не причинила зла, она же мухи не обидит… Ха!

– Вы не согласны?

– Дьявольщина, в этом нет ни слова правды! Я знаю писателей, которых по молодости угораздило связаться с агентством Лиз Тассел. Они говорят о ней как жертвы похищения, за которых требовали выкуп. Грубиянка. Жуткий характер.

– Как по-вашему, не она ли надоумила Куайна сочинить такой роман?

– Ну разве что косвенно, – протянул Уолдегрейв. – Представьте себе растерянного писателя, которому внушили, что пробиться ему не дадут, потому что кругом завистники и бездари, и сведите его с Лиз, которая исходит желчью и злобой, да еще талдычит, что Фэнкорт им обоим испортил жизнь… Стоит ли удивляться, что такой писатель дошел до белого каления? Она ведь даже книгу его толком не прочла. Останься он в живых, от нее бы пух и перья полетели. Бедный дурила,

он ведь не только Фэнкорта вывалял в грязи, вам известно? Он и ее продернул, ха-ха! И Дэниелу, паразиту, досталось, и мне, и всем. Всем.

Как и прочих алкоголиков, с которыми жизнь сводила Страйка, Джерри Уолдегрейва повело с двух бокалов. Его движения сделались неуклюжими, а манеры вызывающими.

– По-вашему, Элизабет Тассел натравливала Куайна на Фэнкорта?

– Ни минуты не сомневаюсь, – заявил Уолдегрейв. – Ни минуты.

– Но когда я с ней беседовал, она сказала, что Куайн оболгал Фэнкорта, – сообщил Страйк.

– А? – Уолдегрейв приложил ладонь к уху.

– Она мне сказала, – громко повторил Страйк, – что Куайн в «Бомбиксе Мори» написал о Фэнкорте неправду. И что не Фэнкорт сочинил пародию, из-за которой покончила с собой его жена, а Куайн.

– Это я даже ворошить не хочу. – Уолдегрейв покачал головой, как будто Страйк проявлял тупость. – Не в том смысле, что… Забудьте. Просто забудьте.

Бутылка уже опустела более чем наполовину; алкоголь добавил редактору апломба. Страйк решил на него не давить, зная, как упрямы бывают пьяницы. Пусть уж лучше несет, что ему заблагорассудится, – нужно лишь немного его направлять.

– Оуэн меня любил, – сообщил Уолдегрейв Страйку. – Уж поверьте. Я знал к нему подход. Играй на его тщеславии – и делай с ним что хочешь. Полчаса лести – и он согласится изменить какую-то сцену. Еще полчаса лести – и можно опять вносить правку. Только так. На самом деле он не имел в виду меня оскорбить, бедный дурила. Просто у него были мозги набекрень. Жаждал пробиться на телевидение. Считал, что весь мир против него. Не понимал, что играет с огнем. Псих.

Редактор съехал пониже, запрокинул голову – и ударил в затылок дородную расфуфыренную даму, сидевшую за ним.

– Виноват! Виноват!

Пока она через плечо испепеляла его гневным взглядом, он подобрался, выпрямился – и едва не смахнул на пол нож и вилку.

– Тогда как же, – сделал очередной заход Страйк, – понимать образ Резчика?

– А? – переспросил Уолдегрейв.

На этот раз Страйк понял, что приложенная рупором ладонь – это маска.

– Резчика…

– Резчик – редактор, это же очевидно, – сказал Уолдегрейв.

– А окровавленный мешок и карлица, которую вы хотели утопить?

– Символические картинки, – небрежно махнул рукой Уолдегрейв и чуть не опрокинул бокал. – Какая-то идея, которую я отверг, какая-то любовно выписанная им сцена, которую я потребовал исключить. А Куайн обижался.

Тысячу раз слышавший отрепетированные ответы Страйк подумал, что эти фразы слишком уж гладкие, слишком быстрые, слишком обтекаемые.

– И не более того?

– Поверьте, – Уолдегрейв коротко хохотнул, – карлиц я никогда не топил, если вы к этому клоните.

Вытягивать показания из пьяных всегда нелегко. Когда Страйк служил в Отделе специальных расследований, хмельные подозреваемые и свидетели встречались ему редко. Он помнил дело алкоголика-майора, чья двенадцатилетняя дочка, учившаяся в Германии, проговорилась в школе о развратных действиях отца. Когда Страйк приехал к ним домой, майор бросился на него с отбитым бутылочным горлышком. Этого подлеца Страйк вырубил. Но здесь был совершенно другой мир: поблизости маячил услужливый сомелье, а подвыпивший, размякший редактор запросто мог встать и уйти, даже не поглядев на Страйка. Оставалось лишь надеяться, что можно будет еще раз вернуться к теме Резчика, удержать Уолдегрейва на месте и разговорить.

Мясная тележка элегантно подкатила к Страйку. Картинно отрезанный вместе с ребрышком кусок ростбифа по-шотландски перекочевал к нему на тарелку, а Уолдегрейву торжественно подали камбалу.

«Три месяца – никаких такси», – сурово приказал себе Страйк, пуская слюнки при виде горы йоркширского пудинга, картофеля и пастернака на своей тарелке. Тележка поехала дальше. Уолдегрейв, опорожнивший бутылку на две трети, разглядывал рыбу, словно не понимая, откуда она взялась, и в конце концов пальцами отправил в рот одну маленькую картофелину.

– В процессе работы над очередной книгой, еще до сдачи рукописи, Куайн обсуждал с вами ее содержание? – спросил Страйк.

– Никогда, – ответил Уолдегрейв. – А по поводу «Бомбикса Мори» я услышал от него лишь одно: мол, шелкопряд символизирует писателя, который обречен на муки во имя создания непреходящих ценностей.

– И никогда не обращался к вам ни за советом, ни за подсказками?

– Нет-нет. Оуэн считал себя самым умным.

– Как и все писатели?

– Писатель писателю рознь, – сказал Уолдегрейв. – Но Оуэн всегда был из числа самых скрытных. Любил эффектную развязку, понимаете. Тяготел к драматизму.

– Наверняка полицейские расспрашивали о ваших перемещениях после получения рукописи, – как бы между прочим предположил Страйк.

– Да, было дело, – равнодушно сказал Уолдегрейв. Не подумав, он заказал рыбу, запеченную целиком, и теперь безуспешно пытался отделить хребет с костями. – Рукопись я получил в пятницу, но до воскресенья даже не открывал…

– У вас, если не ошибаюсь, планировалась какая-то поездка?

– В Париж, – ответил Уолдегрейв. – По случаю годовщины свадьбы. Но не срослось.

– Возникли какие-то дела?

Уолдегрейв вылил остатки вина себе в бокал. Несколько темных капель упали на белую скатерть и расплылись.

– По пути в Хитроу вспыхнул скандал, омерзительный скандал. Развернулись и поехали домой.

– Жестко, – заметил Страйк.

– Столько лет – как на вулкане. – Проиграв неравную битву с камбалой, Джерри бросил нож и вилку с таким остервенением, что сидевшие за соседними столиками начали оглядываться. – Джоджо выросла. Чего уж там… Разводиться надо.

– Грустно, – сказал Страйк.

Уныло пожав плечами, редактор отхлебнул вина. Линзы его массивных очков были захватаны пальцами, ворот рубашки потемнел и обтрепался. «Видок такой, – подумал Страйк, имевший определенный опыт, – как будто он спит в одежде».

– Но тем не менее после скандала вы поехали домой, верно?

– Дом большой. Не хочешь – можно не общаться.

Пролитое вино багровыми цветами расползалось по белоснежной скатерти.

– Черная метка – вот что приходит на ум, – выговорил Уолдегрейв. – Помните «Остров сокровищ»… черная метка. Подозрение падает на каждого, кто читал эту проклятую книгу. Все косятся друг на друга. Кто знает концовку, тот и подозреваемый. Полиция рылась в моем кабинете, у всех на виду… Короче говоря, за воскресенье прочел, – сказал он, вернувшись к вопросу Страйка, – высказал Лиз Тассел все, что о ней думаю, и жизнь потекла своим чередом. Оуэн на звонки не отвечал. Ну, думаю, не иначе как нервный срыв, но у меня было своих проблем полно. Дэниел Чард как с цепи сорвался… Да ну его к чертям. Я увольняюсь. Сыт по горло. Эти обвинения… Хватит с меня. Ославили перед всем издательством. Хватит.

– Даже обвинения были? – спросил Страйк.

Его тактика допроса стала напоминать ловкое манипулирование фигурками в настольном футболе: пошатывающийся собеседник подчинялся точным, легким касаниям. (В семидесятые годы у Страйка был покупной «Арсенал», а у Дейва Полворта – расписанный на заказ «Плимут Аргайл»; лежа на коврике перед камином в доме матери Дейва, мальчишки устраивали футбольные баталии.)

– Дэн себе втемяшил, что я насплетничал о нем Оуэну. Идиот. Не понимает, что это всем известно… слух пошел давным-давно. Была нужда сплетничать. Каждая собака знает.

– Что Чард – гей?

– Ну гей, что тут такого… Латентный. Мне кажется, Дэн и сам не знает, что он – гей. Но он любит смазливых мальчиков, любит рисовать их голышом. Это не секрет.

– А вас он не предлагал нарисовать? – осведомился Страйк.

– Боже сохрани! – ужаснулся Уолдегрейв. – А вот к Джо Норту по молодости подъезжал, тот мне сам рассказывал. Можно вас? – Ему удалось привлечь внимание сомелье. – Еще бокальчик такого же, пожалуйста.

Страйк возблагодарил Небо, что Джерри не заказал бутылку.

– Простите, сэр, но это вино у нас по бокалам не…

– Тогда что-нибудь другое. Красное. Любое.

Уолдегрейв продолжил с того места, где остановился:

– Кто старое помянет… Дэн хотел, чтобы Джо ему позировал; Джо послал его куда подальше. Это всем известно.

Он снова запрокинул голову – и повторно боднул все ту же даму, которая, к несчастью, теперь ела суп. Страйк видел, как ее разгневанный спутник подозвал официанта и стал жаловаться. Официант, наклонившись к Уолдегрейву, извиняющимся, но твердым тоном попросил:

– Будьте добры, придвиньтесь, пожалуйста, ближе к столу, сэр. Леди позади вас…

– Виноват, виноват.

Уолдегрейв подался вперед, облокотился на стол и, откинув с глаз лохматые волосы, громко сказал:

– Только и умеет, что говняться.

– Кто? – не понял Страйк, который с сожалением приканчивал самое вкусное за долгое время блюдо.

– Дэн. Ему эту долбаную фирму на блюдечке… всю жизнь как сыр в масле… пусть сидит у себя в захолустье, коли ему так нравится, и рисует своего лакея… а с меня достаточно. Я свою… свою собственную фирму открою.

У него зазвонил мобильный. Уолдегрейв долго шарил по карманам. Перед тем как ответить, он сквозь очки разглядел номер.

– Что такое, Джоджо?

Несмотря на ресторанный шум, Страйк услышал в трубке пронзительную, визгливую ругань. Уолдегрейв пришел в ужас:

– Джоджо? Что ты…

Тут его рыхлое, добродушное лицо исказилось до неузнаваемости. На шее выступили вены, рот свело уродливой судорогой.

– Да пошла ты! – Он не понижал голоса, и в его сторону дернулось полсотни голов; наступила тишина. – Не смей мне звонить с номера Джоджо! Не смей, алкоголичка проклятая… что слышала… А я пью потому, что имел глупость на тебе жениться, так и знай!

Дородная женщина за спиной у Джерри в гневе развернулась. Официанты свирепо смотрели в его сторону; один был в таком шоке, что застыл у тележки, не донеся до тарелки бизнесмена-японца йоркширский пудинг. Наверное, элитный клуб для джентльменов и

прежде видел пьяные выходки, но от этого они не перестали вызывать осуждение на сугубо британском, достойном и степенном фоне мореного дерева, хрустальных люстр и «карты блюд».

– Так тебе и надо, холера! – орал Уолдегрейв.

Пошатываясь, он встал из-за стола, еще раз толкнул несчастную даму, но протестов от ее спутника больше не последовало. Ресторан молчал. Уолдегрейв, опустивший Страйка на бутылку и еще один бокал, нетвердой походкой брел к дверям и громко ругался в трубку, а Страйк втайне потешался: ему вдруг вспомнилось, с каким презрением смотрели в полковом клубе на того, кто не умеет пить.

– Счет, пожалуйста, – обратился он к застывшему с раскрытым ртом официанту.

К своему огорчению, Страйк так и не попробовал пудинг с изюмом, который присмотрел в «карте блюд», но сейчас важнее было не упустить Уолдегрейва.

Страйк расплатился, с усилием выбрался из-за стола, взял трость и, провожаемый ропотом и косыми взглядами, поспешил вслед за Джерри. По свирепому выражению лица метрдотеля и доносившимся из вестибюля крикам Страйк заподозрил, что редактор покинул заведение не по своей воле.

Он нашел Уолдегрейва на улице, слева от входа. Тот стоял привалившись к стене. Под ногами у кутавшихся в шарфы прохожих похрустывал и таял снег. Когда завеса величественной благопристойности исчезла, Уолдегрейв утратил всякое сходство с несколько потрепанным интеллектуалом. Пьяный, нечесаный, помятый, он бранился в телефон, спрятанный в большой ладони, и напоминал чокнутого бомжа.

– …И поделом тебе, тварь! Я, что ли, это дерьмо написал? Я?.. Вот ты с ними и разбирайся, или сдрейфила? Тогда я сам им выскажу, если у тебя кишка тонка… И не смей мне угрожать, шлюха паршивая… нечего было ноги раздвигать… *что слышала*…

Тут Уолдегрейв заметил Страйка, ненадолго умолк, а потом прервал разговор. Телефон выскользнул из непослушных пальцев и упал в снежную жижу.

– Зараза! – выдохнул редактор; волк опять превратился в овцу.

Он стал шарить голыми руками в уличной грязи – и потерял очки. Страйк их подобрал.

– Благодарю. Спасибо. Виноват. Простите…

Когда Уолдегрейв прилаживал очки на переносице, по его пухлым щекам потекли слезы. Он запихнул в карман разбитый телефон и в отчаянии уставился на детектива.

– Вся жизнь под откос, – выдавил он. – Из-за этой книжонки. Я думал, для Оуэна есть хоть что-то святое. Отец и дочь. Хоть что-то святое…

Безнадежно махнув рукой, Уолдегрейв пьяной походкой заковылял по тротуару. Страйк догадывался, что перед их встречей он оприходовал как минимум одну бутылку. Идти за ним не имело смысла.

Глядя сквозь снежный вихрь вслед редактору, которого обтекала по слякоти толпа нагруженных рождественскими пакетами прохожих, Страйк вспомнил, как у него на глазах под гневные звуки мужского голоса над локтем требовательно сжались пальцы и молодой женский голос, еще более гневный, спросил: «Что же ты маму не хватал за руку, когда она к нему рванулась?»

Подняв воротник, Страйк сказал себе, что узнал главное: о чем свидетельствуют окровавленный мешок, и карлица, и рога под шапкой Резчика, и – самое жестокое – попытка утопления.

37

...Когда меня выводят из себя, я выхожу из-под юрисдикции терпимости и благоразумия.

Уильям Конгрив.

Двойная игра[28]

Под грязно-серебристым небом Страйк возвращался в контору, с трудом ступая по свежему снегу, который валил все сильнее. Хотя пил он только воду, от вкусной и сытной еды на него снизошел легкий кайф, дававший ложное блаженство, какое, должно быть, испытал Уолдегрейв, выпив с утра на работе. Путь от «Симпсонса-на-Стрэнде» до продуваемого сквозняками тесного офиса на Денмарк-стрит занял бы у спортивного, непокалеченного человека примерно четверть часа. У Страйка ныла натруженная культя, но зато он только что от души поел, разом истратив больше, чем уходило у него на продукты за целую неделю. Закурив, он спрятал лицо от снега и похромал сквозь пронизывающую холодину, гадая, с чем вернулась Робин из книжного магазина «Бридлингтон».

Поравнявшись с рифлеными колоннами театра «Лайсеум», Страйк задумался о другом: если Дэниел Чард утверждает, что книга Оуэна написана при пособничестве Уолдегрейва, то сам Уолдегрейв считает, будто Оуэна подзуживала Элизабет Тассел, которая дождалась, чтобы его злость излилась на страницы книги. Что это, размышлял он: проявления неуместного гнева? Или же Уолдегрейв и Чард, в отсутствие истинного виновника – погибшего кошмарной смертью Куайна, просто ищут козла отпущения, чтобы дать выход накопившимся эмоциям? А может, оба уловили в «Бомбиксе Мори» стороннее влияние?

Алый фасад паба «Карета и лошади» на Веллингтон-стрит настойчиво манил Страйка зайти, тем более что трость еле выдерживала его вес, а колено ныло все сильней; уют, пиво, удобный

стул… но третье за неделю дневное посещение паба грозило перерасти в дурную привычку… Джерри Уолдегрейв – наглядный пример того, к чему приводит потакание своим слабостям.

Однако Страйк все же не удержался и на ходу с вожделением заглянул в витрину, за которой мягко поблескивали медью пивные насосы, а счастливчики, не обремененные строгими принципами…

Он заметил ее случайно, краем глаза. Высокая, сутуловатая, в черном пальто, она семенила за ним по тротуару, засунув руки в карманы, – его преследовательница и несостоявшаяся убийца. Страйк не замедлил шага, не обернулся. В этот раз он не собирался играть по ее правилам, испытывать ее дилетантские приемы, показывать, что он ее засек. Не оглядываясь, он шел дальше, и только человек, знающий толк в контрслежении, мог бы заметить, что он всматривается в удобно расположенные витрины и начищенные до блеска латунные дверные таблички; только специалист мог бы заметить его повышенную бдительность, замаскированную небрежностью.

Убийцы в большинстве своем действуют непрофессионально, на чем и попадаются. Если незнакомка после субботней стычки придерживалась старой схемы, то тем самым выдавала грубую неосторожность, на которую и рассчитывал Страйк, держа путь по Веллингтон-стрит и ничем не выдавая, что заметил женщину с ножом в кармане. Когда он переходил Рассел-стрит, преследовательница скользнула в сторону, как будто собралась зайти в паб «Маркиз де Англси», но вскоре пошла дальше, то и дело прячась за квадратными колоннами офисного здания и медля у подъездов, чтобы отпустить Страйка подальше.

Он почти не чувствовал боли в колене, весь превратившись в напряженный сгусток энергии. На этот раз у незнакомки не было преимущества, которое дается внезапностью. Если она и продумала какой-нибудь план, то заключался он, по мнению Страйка, в том, чтобы воспользоваться любым удобным случаем. Теперь его задачей было дать ей удобный случай, которым нельзя пренебречь, но заранее просчитать все до мелочей, чтобы на этот раз она не ушла.

Мимо Королевского оперного театра с классическим портиком, колоннами и скульптурами; на Энделл-стрит, где она укрылась в допотопной красной телефонной будке, чтобы – вне всякого

сомнения – собраться с духом и еще раз проверить, не заметил ли он слежку. Страйк по-прежнему шел вперед, не меняя ритма шагов и не оглядываясь. Она приободрилась и опять ступила на тротуар, запруженный людьми с рождественскими покупками; в толпе ей приходилось держаться немного ближе к нему, но улица начала сужаться, и незнакомка то и дело ныряла в подворотни.

Когда до конторы оставалось совсем немного, Страйк принял решение: он свернул с Денмарк-стрит на Флиткросс-стрит, ведущую к Денмарк-плейс, откуда по темному проходу, заклеенному флаерами каких-то рок-групп, можно было вернуться ко входу в офис.

Хватит ли у нее духу?

В узком проходе его шаги слабым эхом отдавались от сырых стен; Страйк чуть замедлил ход. И услышал, что она идет – бежит – за ним. Развернувшись на здоровой левой ноге, он выбросил вперед трость. Удар пришелся по руке; раздался пронзительный вопль боли. Из пальцев выскочил нож, который ударился о каменную стену и срикошетил, чудом не угодив Страйку в глаз. Но теперь нападавшая была стиснута в неумолимых тисках, отчего завопила еще громче.

Страйк опасался только одного – как бы какой-нибудь герой не ринулся на помощь бедной женщине, но в пределах видимости никого не было, и теперь все решала скорость: незнакомка оказалась сильнее, чем он предполагал, и яростно вырывалась, стараясь ударить его коленом в пах и впиться ногтями в лицо. Экономным поворотом корпуса Страйк зажал ей шею и голову, и женские ноги беспомощно заскользили по мокрому асфальту.

Она выворачивалась и пыталась кусаться. Страйк наклонился, чтобы подобрать нож, и пригнул ее вместе с собой; она едва не упала. Отбросив трость, которая сейчас только мешала, Страйк потащил незнакомку на Денмарк-стрит. Действовал он стремительно, и его противница так выдохлась от борьбы, что даже не могла кричать. Короткая, промерзшая боковая улочка оказалась пустой; с Черинг-Кросс прохожие не заметили ничего подозрительного, когда он волоком тащил незнакомку к подъезду.

– Робин, открывай! Живо! – прокричал он в домофон и под звук зуммера протиснулся в отворившуюся дверь.

Он поволок свою пленницу по железным ступеням; колено вспыхнуло нестерпимой болью, и тут женщина стала кричать; ее вопли

эхом покатились по лестничным площадкам. За стеклянной дверью графического дизайнера – эксцентричного нелюдима, снимавшего офис этажом ниже Страйка, – возникло какое-то движение.

– Это мы, сами разберемся! – гаркнул Страйк в сторону двери и подтолкнул пленницу наверх.

– Корморан? Что… о боже! – Робин выскочила на площадку и смотрела вниз. – Так нельзя… что ты затеял? Отпусти ее!

– Эта гадина… снова… напала на меня… с ножом, – задыхаясь, проговорил Страйк и последним титаническим усилием втащил ее за порог. – Дверь запри! – рявкнул он; Робин, поспешавшая сзади, так и сделала.

Страйк швырнул женщину на искусственную кожу дивана. Капюшон отлетел назад, открыв длинное бледное лицо, большие карие глаза и густые вьющиеся волосы до плеч. На острых ногтях блестел кроваво-красный лак. На вид ей не было и двадцати.

– Ублюдок! *Ублюдок!*

Она попыталась встать, но, увидев зверскую физиономию Страйка, возвышавшегося прямо над ней, тут же передумала, снова повалились на диван и стала массировать белую шею, где в местах захвата остались темно-розовые полосы.

– Сама скажешь, почему бросалась на меня с ножом? – спросил Страйк.

– Да пошел ты!

– Оригинальный ответ, – сказал Страйк. – Робин, вызывай полицию…

– Не-е-ет! – взвыла девица в черном, как затравленная собачонка. – Он меня избил! – задыхаясь, воззвала она к Робин и стала с мученическим видом оттягивать ворот джемпера, чтобы продемонстрировать отметины на крепкой белой шее. – Он меня волочил по земле, тащил…

Робин, уже взявшись за трубку, ждала команды Страйка.

– Зачем ты на меня охотилась? – угрожающим тоном спросил, не отходя от нее, запыхавшийся Страйк.

Она съежилась на писклявых подушках, но Робин, не отпускавшая телефонную трубку, заметила, что девица слегка расслабилась и даже как-то чувственно изогнулась, отодвигаясь от Страйка.

– Последний раз спрашиваю, – прорычал Страйк. – Зачем…

– Что у вас там происходит? – выкрикнул с нижней площадки сварливый голос.

Поймав взгляд Страйка, Робин поспешила к выходу, отперла дверь и выскользнула на лестницу, оставив босса, стиснувшего зубы и сжавшего кулаки, охранять незнакомку.

Он заметил, как в карих глазах, подчеркнутых фиолетовыми тенями, мелькнуло желание позвать на помощь, но тут же угасло. Девица задрожала и расплакалась, но ее оскал выдавал не страдание, а бессильную ярость.

– Все в порядке, мистер Крауди, – заверила Робин. – Мы сами разберемся. Извините, что немного пошумели.

Она вернулась в приемную и опять заперла дверь.

Девица застыла; по щекам катились слезы, ногти впивались в край диванного сиденья.

– Ну ее в болото, – фыркнул Страйк. – Не хочет говорить – не надо. Я звоню в полицию.

Угроза, видимо, подействовала. Не успел он сделать и двух шагов, как девица зарыдала в голос:

– Я хотела тебя остановить.

– Что значит «остановить»? – спросил Страйк.

– Будто ты не знаешь!

– А ну, кончай со мной в игры играть! – заорал Страйк, склоняясь над ней и потрясая здоровенными кулаками.

Колено разболелось как никогда. Из-за этой гадины он упал и в который раз повредил связки.

– Корморан! – твердо сказала Робин и вклинилась между ними, заставив его сделать шаг назад. – Послушай, – обратилась она к девице. – Послушай меня. Скажи ему правду: зачем ты это делаешь? Тогда он, возможно, передумает вызывать по…

– Ты обалдела, что ли? – взвился Страйк. – Она меня дважды чуть на перо не поставила…

– …возможно, передумает вызывать полицию, – четко и решительно закончила Робин.

Девица вскочила и стремглав бросилась к двери.

– Не уйдешь! – гаркнул Страйк, проковылял мимо Робин, схватил свою пленницу поперек живота и бесцеремонно швырнул на диван. – Ты кто такая?

– Больно! – вскричала она. – Ты сделал мне больно… ребра… Я на тебя заявлю за тяжкие телесные, ублюдок!..

– Пожалуй, я буду называть тебя Пиппой, договорились? – предложил Страйк.

Судорожный всхлип, злобный взгляд.

– Ах ты… гад… чтоб ты…

– Понятно, понятно, чтоб я сдох, – подхватил Страйк. – Имя и фамилию говори.

Ее грудь вздымалась под тяжелым пальто.

– А как ты узнаешь, что я не вру? – с вызовом бросила она.

– Буду держать тебя тут, пока не проверю.

– Похищение! – грубым, как у портового грузчика, голосом закричала она.

– Гражданский арест до прибытия полиции, – возразил Страйк. – Ты, мерзавка, хотела меня зарезать. Ну, последний раз спрашиваю…

– Пиппа Миджли, – процедила она.

– Давно бы так. Удостоверение личности есть?

С новыми проклятиями она сунула руку в карман, выудила автобусный проездной билет и швырнула Страйку.

– Здесь сказано «Филлип Миджли».

– Без разницы.

До Страйка дошло не сразу; наблюдая, как меняется его лицо, Робин, вопреки повисшему в воздухе напряжению, с трудом сдерживала смех.

– Эписин, – прошипела Пиппа Миджли. – Мозгов не хватило вычислить? Слишком заумно для тебя, тупица?

Страйк пригляделся. На расцарапанной, исполосованной шее торчал кадык. Девица опять сунула руки в карманы.

– На будущий год во всех документах будет сказано «Пиппа», – объявила она.

– Пиппа, – повторил Страйк. – Это ведь ты написала: «Когда тебя вздернут на дыбу, я своей рукой поверну рычаг»?

– О-ох, – протяжно выдохнула Робин, для которой все встало на свои места.

– О-о-ох, какой же вы умный, господин Бычара, – ядовито передразнила Пиппа.

– Ты знакома с Кэтрин Кент лично или только по переписке?

– А что? Знакомство с Кэтрин Кент – это нынче преступление?

– Как ты познакомилась с Оуэном Куайном?

– Про этого гада я вообще говорить не собираюсь, – ответила она, тяжело дыша, и снова залилась слезами. – Как он меня подставил… как подставил… притворялся… обманывал… брехун поганый…

У нее началась истерика. Кроваво-красные ногти зарылись в волосы, ноги забарабанили по полу, она с воем раскачивалась туда-сюда. Страйк неприязненно понаблюдал и сказал:

– Может, хватит здесь сопли рас…

Но Робин перебила его одним взглядом, вытащила из коробки на своем столе пригоршню бумажных салфеток и сунула Пиппе.

– Спа… спасибо.

– Хочешь чаю или кофе, Пиппа? – мягко спросила Робин.

– Ко…фе… по… пожа…

– Робин! Она только что хотела меня зарезать!

– Хотела, да не сумела, правда же? – сказала Робин, наполняя чайник.

Страйк не поверил своим ушам.

– Если руки растут не оттуда, – выговорил он, – то с точки зрения закона это не является смягчающим обстоятельством!

Он снова повернулся к Пиппе, которая с раскрытым ртом слушала эту пикировку.

– С какой целью ты за мной следила? Хотела меня остановить, чтобы я не сделал – чего? Я тебя предупреждаю: не смотри, что Робин повелась на твои нюни…

– Ты работаешь *на нее*! – заорала Пиппа. – На эту извращенку, на его вдову! Она теперь все деньги огребла… но мы тоже не пальцем деланы – знаем, для чего тебя наняли!

– Кто это «мы»? – потребовал ответа Страйк, но темные глаза Пиппы опять стрельнули в сторону двери. – Богом клянусь, – от сокрушительной боли в колене он едва не скрежетал зубами, – если опять попытаешься сбежать, я вызову полицию, дам показания – и с радостью посмотрю, как тебя упекут за попытку убийства. А в тюряге, Пиппа, тебе придется ох как несладко, – добавил он, – поскольку сделать операцию ты не успеешь.

– Корморан! – резко одернула его Робин.

– Это факты.

Забившись в угол дивана, Пиппа с неподдельным ужасом таращилась на Страйка.

– Кофе, – отходя от стола, объявила Робин и сунула кружку в ярко-красные когти. – Ради бога, Пиппа, скажи ему все как есть. Скажи.

Хотя Пиппа вела себя неуравновешенно и агрессивно, Робин невольно испытывала к ней жалость: девушка, похоже, не задумывалась, чем обернется вооруженное нападение на частного детектива. Робин заподозрила у нее ту же черту (правда, в крайней форме), какую замечала у своего младшего брата Мартина: тот никогда не думал о последствиях и обожал рискованные затеи, а потому оказывался в травматологическом пункте чаще, чем его сестра и двое братьев, вместе взятые.

– Мы знаем: она тебя для того и наняла, чтобы нас подставить, – прохрипела Пиппа.

– Кто такая «она», – прорычал Страйк, – и кто такие «мы»?

– Говорю же, Леонора Куайн! – воскликнула Пиппа. – Мы-то ее насквозь видим, знаем, на что она способна! Ненавидит нас – и меня, и Кэт, на все пойдет, чтобы нас загнобить. Убила Оуэна, а теперь хочет на нас свалить! И нечего тут рожи корчить! – выкрикнула она, когда тяжелые брови Страйка поползли вверх. – Она же бешеная, ревнивая как черт… не разрешала ему с нами видеться, а теперь еще и тебя науськивает – против нас улики собирать!

– Ты сама-то веришь в этот параноидальный бред?

– Мы не слепые, видим, что делается! – кричала Пиппа.

– Заткнись! Когда ты начала меня выслеживать, никто, кроме убийцы, не знал, что Куайна нет в живых. Ты увязалась за мной в тот самый день, когда я обнаружил труп, а до этого, насколько я знаю, ты целую неделю следила за Леонорой. С какой целью? – Она не ответила, и Стайк повторил: – Последний раз спрашиваю: зачем ты шла за мной от дома Леоноры?

– Я думала, ты меня приведешь туда, где он прячется, – ответила Пиппа.

– Зачем тебе понадобилось вынюхивать, где он прячется?

– Зачем, зачем… Чтоб его убить! – крикнула Пиппа, и Робин еще раз убедилась, что наблюдает, как и у Мартина, почти полное отсутствие инстинкта самосохранения.

– А убивать-то за что? – буднично поинтересовался Страйк, словно не услышал ничего сверхъестественного.

– За то, что он нас опозорил в этой книжонке поганой! Будто сам не знаешь… ты же читал… «Эписин»… вот гад, вот гад…

– Прекрати истерику! Значит, ты к тому времени прочла «Бомбикса Мори»?

– Да уж конечно…

– И стала регулярно засовывать дерьмо в прорезь для почты?

– Дерьмо к дерьму! – бросила она.

– Остроумно. Когда же ты прочла книгу?

– Кэт мне по телефону зачитала отрывки, где про нас с ней написано, а потом я заехала и сама…

– В какой момент она зачитала тебе отрывки по телефону?

– К-когда пришла домой и на коврике нашла эту хрень. Всю рукопись целиком. Еле сумела дверь открыть. Он ей листок за листком в щель для почты бросил вместе с з-запиской, – всхлипывала Пиппа Миджли. – Она мне показывала.

– И что было в записке?

– В ней так говорилось: «Час расплаты для нас обоих. Надеюсь, теперь ты счастлива! Оуэн».

– «Час расплаты для нас обоих»? – хмурясь, повторил Страйк. – Тебе известно, что это означало?

– Кэт не стала объяснять, но я-то знаю: она поняла. На ней лица не было, – тяжело дыша, проговорила Пиппа. – Она… она добрая. Ты ее не знаешь. Она мне к-как мать. Мы с ней познакомились у него на семинаре и стали… стали как… – У нее перехватило дыхание. – А он – мразь. Врал нам про то, что пишет, врал… про все врал…

Пиппа опять в голос зарыдала, и Робин, опасаясь насчет мистера Крауди, осторожно попросила:

– Пиппа, ты расскажи, что он вам наврал, вот и все. Корморан хочет узнать правду, он не собирается никого подставлять…

Робин не могла поручиться, что Пиппа услышала и поверила; скорее всего, ей просто хотелось облегчить израненную душу, но, так или иначе, она сделала судорожный вдох и разразилась потоком слов:

– Он говорил, что я ему – как вторая дочь, он сам мне это г-говорил. У меня от него секретов не было, он знал, что мать меня из дому в-вышвырнула и все такое. А еще я написала к-книгу про свою

жизнь и ему показала, и он так загорелся, п-похвалил, обещал помочь с публикацией и сказал нам с Кэт, что вставил нас обеих в свой новый роман и я там – «чистая, неприкаянная душа», он сам мне так сказал, слово в слово, – у Пиппы дрожали губы, – и даже как-то раз сделал вид, что читает мне по телефону отрывок, просто чудесный, а сам… сам написал такое… Кэт ходила сама не своя… пещера… Гарпия, Эписин…

– Значит, Кэтрин вернулась домой и увидела на коврике листы этой рукописи, – не выдержал Страйк. – Вернулась домой откуда – с работы?

– Из хосписа – у нее сестра при смерти лежала.

– И было это – когда? – в третий раз спросил Страйк.

– Да кого это касается?

– Меня, черт побери, это касается! – взорвался Страйк.

– Наверное, девятого ноября? – подсказала Робин, которая, отвернув монитор от дивана, где сидела Пиппа, успела просмотреть блог Кэтрин Кент. – Могло это быть девятого, во вторник? Как ты считаешь, Пиппа? В первый вторник после Ночи костров?

– Это было… ага, мне кажется, все верно! – Пиппу поразила такая счастливая догадка Робин. – Да-да, я помню, Кэт к сестре поехала в Ночь костров – Анджеле совсем худо стало…

– А как ты запомнила, что это произошло в Ночь костров? – спросил Страйк.

– Да очень просто: Оуэн в тот вечер сказал Кэт, что не сможет с ней встретиться, потому как будет запускать фейерверки со своей доченькой, – объяснила Пиппа. – И Кэт жутко расстроилась, тем более что он собирался уйти из семьи. Он же обещал, он обещал, что бросит свою сучку-жену, а потом вдруг вспомнил, что ему надо поиграть в хлопушки с этой деб…

Пиппа осеклась, но Страйк закончил вместо нее:

– С этой дебилкой?

– Я не со зла, – смешалась Пиппа и, похоже, больше устыдилась одного неосторожного слова, чем двух нападений на Страйка. – Мы-то с Кэт между собой всегда понимали: его дочь – это просто предлог, чтобы ему не уходить из семьи и не съезжаться с Кэт…

– Чем занялась в тот вечер Кэтрин, когда узнала, что Куайн не придет? – спросил Страйк.

– Позвала меня к себе, я пришла. А потом ей позвонили, что ее сестре Анджеле резко стало хуже, и она поехала к ней. У Анджелы был рак. Метастазы пошли по всему организму.

– Где лежала Анджела?

– Говорю же, в хосписе. В Клэпхеме.

– Как Кэтрин туда добиралась?

– Да какая разница?

– Здесь я вопросы задаю, понятно?

– Откуда мне знать… на метро, наверное. У Анджелы она пробыла трое суток, спала возле ее койки прямо на полу, на матрасе, потому как врачи сказали, что Анджела вот-вот умрет, но она все не умирала, и Кэт поехала домой переодеться – а там на коврике эти листы.

– А почему ты так уверена, что она приехала домой именно во вторник? – спросила Робин, и Страйк, который собирался задать тот же самый вопрос, посмотрел на нее с удивлением. Он еще не знал про старичка-букиниста и воронку в Германии.

– Да потому, что по вторникам, в вечернюю смену, я работаю в службе доверия – туда она мне и позвонила в полном раздрае, потому что сложила все листы по порядку и увидела, чтó там о нас написано…

– Что ж, все это очень увлекательно, – сказал Страйк, – только Кэтрин Кент заявила полицейским, что в глаза не видела «Бомбикса Мори».

В других обстоятельствах перекошенное от ужаса лицо Пиппы могло бы показаться смешным.

– Развел меня, гад!

– Но ты – крепкий орешек, – сказал Страйк. – Даже не думай, – добавил он, преграждая ей путь к выходу.

– Он был… полное… полное дерьмо! – вскричала Пиппа, бурля от бессильной ярости. – Он нас использовал! Делал вид, что интересуется нашим т-творчеством, а сам все время нас использовал, лживый п-подонок! Я-то думала, он понимает, чего я хлебнула в этой жизни, мы с ним часами беседовали, он мне советовал непременно писать дальше… обещал, что поможет напечататься…

На Страйка нахлынуло внезапное изнеможение. Ну в самом деле, что за мания – печататься?

– …а сам просто подмазывался как мог, чтобы вытянуть из меня самые потаенные мысли и чувства, а с Кэт… что он сделал с Кэт… вам

этого не понять… я ничуть не жалею, что сучка-жена его убила! Если б она сама этого не сделала, то…

– Почему, – с нажимом перебил ее Страйк, – ты все время твердишь, что его убила жена?

– Потому что у Кэт имеются доказательства!

Короткая пауза.

– Какие доказательства? – спросил Страйк.

– Ишь, любопытный! – зашлась истерическим смехом Пиппа. – Много будешь знать, скоро состаришься!

– Если у нее имеются доказательства, почему она не предъявила их полиции?

– Из сострадания! – выкрикнула Пиппа. – *Тебе* этого не…

– Да что ж это такое? – раздался из-за двери брюзгливый голос. – Сколько можно кричать?

– Принесла нелегкая, – пробормотал Страйк, увидев за стеклом размытый силуэт мистера Крауди.

Робин пошла открывать.

– Очень просим нас извинить, мистер Крау…

Пиппа мгновенно сорвалась с дивана. Страйк успел ее схватить, но от резкого броска вперед у него мучительно подвернулось колено. Отшвырнув мистера Крауди в сторону, Пиппа с грохотом сбежала по лестнице – и была такова.

– Пусть катится! – сказал Страйк, увидев, что Робин готова бежать в погоню. – По крайней мере, нож ее у меня.

– Нож? – взвизгнул мистер Крауди, после чего они пятнадцать минут уговаривали его не звонить домовладельцу (шумиха, поднявшаяся после раскрытия дела Лулы Лэндри, страшно нервировала графического дизайнера, который теперь жил в постоянном страхе, что очередной злодей придет убивать Страйка и ошибется этажом).

– Господи, – выдохнул Страйк, когда им наконец удалось успокоить и выпроводить соседа.

Страйк тяжело опустился на диван; Робин заняла компьютерное кресло, и через пару секунд, встретившись глазами, они расхохотались.

– Сценарий «добрый следователь – злой следователь» разыгран как по нотам, – сказал Страйк.

– Мне даже играть не пришлось, – возразила Робин. – Она действительно вызывает у меня жалость.

– Это заметно. А я, дважды побывавший на волосок от смерти?

– Она в самом деле хотела пырнуть тебя ножом или только делала вид? – скептически спросила Робин.

– Видимо, задумка пришлась ей больше по душе, чем исполнение, – признал он. – Только пырнет ли тебя профессиональный киллер или вот такое истерическое чудо в перьях – конец будет один. А что она выигрывала, если бы сумела меня прикончить?

– Материнскую любовь, – тихо ответила Робин.

Страйк не понял.

– Родная мать от нее отказалась, – сказала Робин, – к тому же у нее сейчас очень трудное время: наверняка сидит на гормонах, да мало ли что еще нужно претерпеть перед такой операцией. Она уже решила, что у нее будет новая семья, ты это понимаешь? Придумала, что Куайн и Кэтрин Кент станут ей родителями. Она же сама нам рассказала, что Куайн называл ее своей второй дочерью. И в книге он вывел ее как дочь Кэтрин Кент. Но в «Бомбиксе Мори» он растрезвонил всему свету, что она наполовину мужчина, наполовину женщина. А в довершение всего Куайн намекнул, что она, невзирая на дочерние чувства, пыталась его соблазнить. Будущий отец, – продолжала Робин, – ее предал. Будущая мать оказалась доброй и любящей, но тем не менее стала жертвой такого же предательства, так что Пиппа надумала разом отомстить и за нее, и за себя.

Она невольно усмехнулась, заметив потрясенное восхищение Страйка.

– Какого черта ты бросила психологический?

– Долгая история, – сказала Робин, переводя взгляд на монитор. – Она ведь довольно молода… сколько ей, лет двадцать?

– Похоже на то, – согласился Страйк. – Жаль, что мы не узнали о ее перемещениях после исчезновения Страйка.

– Это не она, – твердо сказала Робин, глядя ему в глаза.

– Наверное, – вздохнул Страйк. – Как-то уж очень не вяжется: вырезать человеку кишки – и тут же отправиться совать ему в дверь собачье дерьмо.

– В принципе, планировать и воплощать задуманное – не самая сильная ее сторона, правда?

– Это мягко сказано, – подтвердил Страйк.

– Ты будешь заявлять в полицию?

– Не знаю. Возможно. Фу, черт! – Он стукнул себя по лбу. – Мы не выяснили, с какой стати в романе она все время распевает!

– У меня есть одно предположение, – сказала Робин и после краткого, но энергичного стука по клавишам начала читать с экрана результаты поиска. – Пение как средство феминизации голоса… вокальные упражнения для транссексуалок…

– И только? – недоверчиво спросил Страйк.

– Что ты хочешь сказать – это не повод для обид? – уточнила Робин. – Брось, пожалуйста: Куайн высмеял нечто глубоко личное…

– Да я не об этом, – сказал Страйк.

Хмуро глядя в окно, за которым валил снег, он задумался и через некоторое время спросил:

– А что было в книжном?

– Господи, совсем забыла.

Она рассказала ему про букиниста, который спутал первое и восьмое ноября.

– Старый пень, – бросил Страйк.

– Ну зачем же так? – сказала Робин.

– Нет, какая самоуверенность, а? Все понедельники одинаковы, каждый понедельник он ходит к другу Чарльзу…

– Но откуда мы знаем, что Куайн приходил к букинисту в день отречения англиканских епископов, а не в день появления воронки?

– Ты же сама говоришь, что Чарльз перебил старика, чтобы рассказать про воронку, когда тот талдычил о визите Куайна?

– Со слов букиниста – да.

– Тогда, несомненно, Куайн побывал в магазине первого числа, а не восьмого. Букинист запомнил те две новости как взаимосвязанные. Но при этом старикан запутался. Уж очень ему хотелось думать, что он встречался с Куайном после исчезновения, что самолично помог установить дату его смерти, а потому новости того понедельника он подсознательно рассматривал в связи с убийством и отказывался допускать, что произошли они в какой-то другой, ничем не примечательный понедельник, за целую неделю до того, как всколыхнулся интерес к перемещениям Куайна.

– И все же, согласись, в словах Куайна, если верить букинисту, была некоторая странность, – сказала Робин.

– Да, конечно, – согласился Страйк. – Якобы он собирался в поездку и хотел в дороге почитать… значит, он уже тогда планировал скрыться, за четыре дня до скандала с Элизабет Тассел? Возможно, Куайн собирался уединиться не где-нибудь, а как раз на Тэлгарт-роуд, в доме, который он, по слухам, много лет ненавидел и обходил стороной?

– Ты расскажешь об этом Энстису? – спросила Робин.

Страйк то ли фыркнул, то ли хохотнул:

– Нет, Энстису я рассказывать не стану. Чем мы реально докажем, что Куайн заходил в букинистический магазин не восьмого, а первого? К тому же в данный момент отношения с Энстисом натянутые.

Наступила еще одна долгая пауза, и Робин даже вздрогнула, когда Страйк сказал:

– Надо бы мне повидать Майкла Фэнкорта.

– С какой целью? – удивилась она.

– С разными, – ответил Страйк. – Необходимо уточнить кое-какие сведения, полученные от Уолдегрейва. Можешь связаться с агентом Фэнкорта или с каким-нибудь другим контактным лицом?

– Конечно, – сказала Робин, делая пометку в блокноте. – Кстати, я пересмотрела то интервью и все равно не определила…

– Значит, пересмотри еще раз, – посоветовал Страйк. – Внимательно. С умом.

Он вновь замолчал, мрачно уставившись в потолок. Чтобы не нарушать ход его мыслей, Робин, не откладывая дела в долгий ящик, занялась поисками официального представителя Майкла Фэнкорта.

В конце концов Страйк заговорил под стук клавиш:

– Какие же улики против Леоноры приберегает Кэтрин Кент?

– Вполне возможно, что никакие, – сказала Робин, просматривая результаты поиска.

– И не дает им ходу «из сострадания»…

Робин не ответила. Она изучала сайт литературного агентства, услугами которого пользовался Фэнкорт.

– Будем надеяться, это очередная истерическая брехня, – сказал Страйк.

Но ему было неспокойно.

38

Бумажка
Вмещает табель стольких человек.

Джон Уэбстер.
Белый дьявол[29]

Мисс Броклхэрст, предполагаемая изменница, все еще отговаривалась простудой и якобы сидела в четырех стенах. Ее босс и любовник, клиент Страйка, решил, что недомогание слишком затянулось, и детектив склонен был с ним согласиться. На следующее утро, в семь часов, Страйк, в пальто, шарфе и перчатках, занял позицию в неприметной нише напротив дома мисс Броклхэрст в Бэттерси, широко зевал, поеживаясь от холода, и с аппетитом уминал второй из трех макмаффинов с яйцом, купленных в «Макдональдсе» по дороге сюда. Прогноз по юго-востоку совершенно не обнадеживал. Темно-синий в утреннем свете снег накрыл ковром всю улицу, а беззвездное небо уже роняло осторожные хлопья нового дня; Страйк время от времени шевелил пальцами левой ноги, чтобы проверить их чувствительность. Жильцы дома отправлялись на работу: одни, скользя, шаркали к метро, другие забирались в машины и разрезали глухую тишину рокотом прогреваемых двигателей. Хотя декабрь начинался только завтра, в трех квартирах уже сверкали елки, играя мандариновыми, изумрудными и неоново-синими огнями. Но Страйк смотрел только на окна мисс Броклхэрст и держал пари сам с собой, что она вообще не выйдет из дому в такую погоду. Колено по-прежнему не давало ему покоя, но из-за снегопада весь мир замедлил движение и не вырывался вперед. Страйк ни разу не видел, чтобы у мисс Броклхэрст каблучки были ниже десяти сантиметров. Значит, в такую погоду она вряд ли смогла бы от него улизнуть.

На прошлой неделе поиск убийцы Куайна начал заслонять собой все остальные дела, но их тоже нельзя было запускать, чтобы не лишиться бизнеса. При условии качественного выполнения

нынешнего заказа любовник мисс Броклхэрст, человек весьма состоятельный, мог бы завалить детектива работой. Бизнесмен питал слабость к молоденьким блондинкам, а те одна за другой (как он без стеснения признался Страйку во время первой встречи) разводили его на деньги и дорогие подарки, а потом исчезали или начинали изменять. Поскольку этот денежный мешок ничему не научился на горьком опыте, Страйк надеялся существенно поправить свои дела слежкой за мисс Броклхэрст и ей подобными. По-видимому, клиента больше всего заводит измена, думал Страйк, выдыхая в морозный воздух белые облачка пара. Эта черта характера – не редкость; наиболее полно она проявляется у тех, кто западает на проституток.

Без десяти девять шторы слегка дрогнули. С молниеносностью, какой не предвещала его ленивая поза, Страйк поднял камеру для ночного наблюдения, которую все это время незаметно держал в руке. Сквозь снежную мглу он на мгновение увидел мисс Броклхэрст в трусиках и бюстгальтере (хотя ее силиконовые груди не нуждались в поддержке).

За ней в темноте спальни маячил голый по пояс бочкообразный мужчина, который на миг облапил одну силиконовую грудь, за что получил шутливый тычок локтем. Потом голубки скрылись в глубине спальни. Страйк опустил камеру и просмотрел отснятый материал. Самый выигрышный кадр запечатлел мужскую руку от пальцев до локтя и смеющийся профиль мисс Броклхэрст, но мужское лицо получилось нечетко. Предположив, что герой-любовник сейчас отправится на работу, Страйк опустил камеру во внутренний карман, приготовился к медленной и нелегкой в такую погоду слежке, а сам, пока позволяло время, взялся за третий макмаффин.

И действительно, без пяти девять в дверях показался любовник; он ничем не напоминал босса мисс Броклхэрст, разве что возрастом и дорогим лоском. Небольшая, но шикарная кожаная сумка через плечо вполне могла вместить свежую рубашку и зубную щетку. В последнее время Страйк не раз наблюдал подобное зрелище и даже придумал термин: «сумка ходока». За спиной у Бочонка стояла мисс Броклхэрст. Любовная пара слилась в страстном поцелуе, который, впрочем, закончился очень быстро: холод и тончайшие покровы мисс Броклхэрст не способствовали долгому прощанию. Девушка скрылась в подъезде, а Бочонок направился к станции «Клэпхем» и уже вел

переговоры по мобильному, явно объясняя, что опаздывает, поскольку, мол, застрял в пробке из-за снежных заносов. Страйк отпустил его метров на десять и двинулся следом, опираясь на трость, за которой Робин накануне вызвалась сбегать на Денмарк-Плейс.

Слежка не представляла особых сложностей: Бочонок полностью углубился в телефонный разговор. Под снегом, на расстоянии все тех же десяти метров они шли под горку вдоль Лэвендер-Хилл. Бочонок пару раз поскользнулся в своих дорогих полуботинках. У вокзала задача Страйка упростилась еще больше: он вошел в тот же вагон и, притворившись, что читает сообщения, сделал несколько снимков Бочонка на свой мобильный.

И в это время действительно получил сообщение от Робин:

Перезвонил агент Майкла Фэнкорта. МФ будет рад встрече! Он сейчас в Германии, вернется 6-го. Предлагает клуб «Граучо» в удобное для тебя время. Годится? Ц. Р.

Просто невероятно, думал Страйк, когда поезд с лязгом подъезжал к остановке «Ватерлоо», сколько народу, читавшего роман «Бомбикс Мори», теперь жаждет личной встречи. Слыханное ли дело, чтобы подозреваемые выстраивались в очередь, чтобы увидеться с детективом? Что могло понадобиться знаменитому Майклу Фэнкорту от частного сыщика, обнаружившего труп Оуэна Куайна?

Страйк вышел из вагона вместе с Бочонком и последовал за ним по мокрым, скользким плитам вокзала Ватерлоо, под потолком из стекла и светлых балок, который напомнил Страйку Тайзбарн-Хаус. Даже на морозной улице Бочонок не расставался с мобильным. Затесавшись в муравьиный поток финансистов, одетых в невыразительные темные пальто, Страйк шагал вдоль череды офисных зданий по предательской слякоти тротуаров, обрамленных комьями грязного снега, пока наконец Бочонок не свернул на парковку возле одного из крупнейших банков, где, по всей вероятности, оставил свою машину. Естественно, ему не захотелось оставлять свой «БМВ» у дома мисс Броклхэрст. Страйк занял удобную позицию возле чьего-то «лендровера» и почувствовал, как у него в кармане завибрировал мобильный, но сейчас ему было не до разговоров. У Бочонка было именное

парковочное место. Забрав какие-то вещи из багажника, он пошел к входу, а детектив задержался у стены, где висела табличка со списком директоров, и для большей убедительности сфотографировал полное имя и должность Бочонка.

Теперь можно было возвращаться к себе. В вагоне метро Страйк первым делом посмотрел пропущенный вызов: ему звонил самый старинный друг, Дейв Полворт, тот самый, которого тяпнула акула. По детской привычке Дейв называл Страйка Диди. Окружающие, как правило, считали, что это насмешливое прозвище восходит к слову «дылда» (в начальной школе Страйк перегонял ростом и сверстников, и ребят постарше), но на самом деле оно было связано с бесконечными скитаниями Страйка, на которые его обрекала непоседа-мать. Когда-то давным-давно горластый коротышка Дейв Полворт крикнул ему «дидикой», что по-корнуэльски означает «цыган».

Выйдя на своей станции, Страйк тут же перезвонил Дейву, и они зацепились языками на добрых двадцать минут. При его появлении в конторе Робин начала что-то говорить, но, увидев, что босс прижимает к уху телефон, с улыбкой повернулась к монитору.

– На Рождество – домой? – спрашивал Полворт, когда Страйк притворял за собой дверь в кабинет.

– Возможно, – сказал Страйк.

– И сразу – в «Виктори», по паре пива, ага? – подначивал Полворт. – Опять будешь трахать Гвенифер Арскотт?

– Я никогда, – ответил Страйк (это была дежурная шутка), – не трахал Гвенифер Арскотт.

– А ты сделай еще одну попытку, Диди, – может, и повезет. Кто-то же должен ее оприходовать. Кстати, о птичках: мы с тобой так ни разу и не трахнули…

Дальше Полворт стал сыпать скабрезными, но совершенно уморительными воспоминаниями об их похождениях в Сент-Мозе. Страйк так хохотал, что не откликнулся на уведомление о поступившем вызове и даже не проверил, кто звонит.

– Надеюсь, мой мальчик, ты не сошелся с Миледи Змеюко? – полюбопытствовал Дейв, который только так называл Шарлотту.

– Не-а, – ответил Страйк. – Она замуж выходит… через четыре дня, – подсчитал он.

– Что ж, мы рады, только ты будь начеку, Диди, – не ровен час, опять к тебе прискачет. Я не удивлюсь, если она из-под венца сдернет. Пусть уж ее поскорей окольцуют – ты хоть вздохнешь полной грудью, брат.

– Ага, – сказал Страйк. – Это точно.

– Значит, договорились, – напомнил Полворт. – На Рождество – домой. И первым делом – в «Виктори», по паре пива, лады?

– Не вижу препятствий.

Отпустив еще несколько соленых шуточек и получив соответствующие ответы, Дейв вернулся к работе, а Страйк, ухмыляясь, проверил телефон и увидел пропущенный вызов от Леоноры Куайн.

Поспешив в приемную, он на ходу набирал голосовую почту.

– Я еще раз прослушала интервью Майкла Фэнкорта, – с горячностью сообщила Робин, – и, кажется, поняла, о чем ты…

Страйк жестом попросил ее замолчать, потому что вслушивался в голос Леоноры, обычно невыразительный, но сейчас взволнованный и растерянный.

– Корморан, это вообще уже – меня арестовали. Понятия не имею за что… ничего не объяснили… привезли в отделение. Сейчас адвоката ждут или еще кого. Прямо не знаю, что делать, Орландо у Эдны, а я даже… вот сообщила, где нахожусь…

Несколько секунд молчания – и запись окончилась.

– Черт! – вскричал Страйк, да так резко, что Робин вздрогнула. – Черт!!!

– Что такое?

– Леонору арестовали… почему она звонит мне, а не Илсе? Дьявольщина!..

Он быстро набрал номер Илсы и подождал.

– Привет, Корм…

– Леонору Куайн арестовали.

– Что?! – завопила Илса. – На каком основании? Не из-за той ли окровавленной тряпки в чулане?

– Возможно, раскопали что-то еще.

(«У Кэт имеются доказательства…»)

– Где она сейчас, Корм?

– В районном отделе… надо думать, по месту жительства, в Килберне.

– Господи, почему же она сразу не позвонила мне?

– Фиг знает. Она сказала, что в данный момент для нее ищут адвоката…

– Но мне ничего не сообщили… Боже, каким местом она вообще думает? Почему не назвала мое имя? Я еду к ней, Корм. А работу оставлю на кого-нибудь из наших. Я их не раз выручала…

Он услышал несколько щелчков, приглушенные голоса, быстрые шаги Илсы.

– Перезвони, когда там разберешься, – попросил Страйк.

– Это будет не скоро.

– В любое время.

Она повесила трубку. Страйк повернулся к ошеломленной Робин.

– Только не это, – выдохнула она.

– Надо звонить Энстису, – решил Страйк и опять взялся за телефон.

Но его старый знакомый был не склонен оказывать услуги.

– Я же тебя предупреждал, Боб, я тебя предупреждал, что все к тому идет. Это она, дружище.

– Что у вас на нее есть? – с нажимом спросил Страйк.

– Этого я тебе сказать не могу, Боб, уж извини.

– Вы что-то получили от Кэтрин Кент?

– Не могу сказать, дружище.

Толком не попрощавшись, Страйк отсоединился.

– Скотина! – взорвался он. – Вот скотина!

Леонора сейчас находилась там, куда Страйк при всем желании не мог дотянуться. Он беспокоился, что ее ворчливость и неприязнь к полиции сослужат ей дурную службу. Ему так и слышалось, как она брюзжит, что Орландо осталась одна, допытывается, когда ее отпустят к дочке, и негодует оттого, что полиция нарушила ее убогие будни. Он боялся, что она лишится последних крупиц самосохранения; скорей бы рядом с ней оказалась Илса, пока Леонора не потопила себя наивными жалобами на безразличие мужа, на его измены, пока не стала нести свою обычную малоправдоподобную, даже подозрительную чушь насчет того, что читала книги мужа лишь тогда, когда они появлялись в нормальном переплете; она могла в любую минуту пуститься в объяснения по поводу их второго дома, о котором

почему-то забыла, причем аккурат в то время, когда там разлагались останки ее мужа.

До пяти часов никаких вестей от Илсы так и не поступило. Посмотрев в окно на темнеющее небо и метель, Страйк потребовал, чтобы Робин шла домой.

– Но ты мне позвонишь, когда что-нибудь станет известно? – умоляюще спросила она, снимая с вешалки пальто и обматывая вокруг шеи толстый шерстяной шарф.

– Обязательно, – сказал Страйк.

Илса связалась с ним только в половине седьмого.

– Хуже некуда, – были ее первые слова.

В голосе Илсы звучали усталость и напряжение.

– У них есть доказательства, что по совместной кредитке Куайнов были приобретены защитный комбинезон, резиновые сапоги и перчатки, а также веревки. Покупку сделали через интернет и оплатили картой «Виза». Да, и еще паранджа.

– Ты шутишь?

– Ничуть. Я знаю, ты считаешь, что Леонора ни при чем…

– Да, я так считаю, – перебил Страйк, показывая, что переубеждать его не нужно.

– Ладно, – устало выговорила Илса, – дело хозяйское, но я должна тебе сказать, что она сама себя топит. Держится агрессивно, утверждает, что эти вещи купил сам Куайн. Паранджу, ты же понимаешь… Веревки, купленные по карте, идентичны тем, которыми был связан труп. Ее спросили, зачем Куайну могли понадобиться паранджа и комбинезон, предназначенный для работы с вредными химическими веществами, и она не нашла ничего лучше, чем ответить: «Чего вы ко мне пристали?» Через слово спрашивает, когда сможет пойти домой, к дочке; ведет себя как блаженная. Покупки были сделаны полгода назад и доставлены на Тэлгарт-роуд – ну чем не умышленное деяние? Да это все равно что план, написанный ее собственной рукой. Она отрицает, что заранее знала, как ее муж собирался закончить свою книгу, но твой знакомец Энстис…

– Он явился туда собственной персоной?

– Мало того – он сам проводил допрос. Все время подкалывал: уж не надеется ли она, что полиция поверит, будто Куайн никогда не рассказывал ей, о чем пишет. А она: «Да у меня в одно ухо влетает, в

другое вылетает». – «Значит, он все-таки рассказывал вам свои сюжеты?» Этому не было конца-краю; Энстис взял ее измором – она сказала: «Вроде он говорил, что шелкопряда вываривают в кипятке». Тут Энстис окончательно убедился, что она лгала и на самом-то деле знала весь сюжет. Да, и еще у них на заднем дворе нашли свежевскопанную землю.

– Голову даю на отсечение: там найдут дохлого кота по имени Мистер Пук, – прорычал Страйк.

– Но Энстис на этом не успокоится, – предостерегла Илса. – Он на сто процентов уверен, что это ее рук дело, Корм. Леонору имеют право задержать до одиннадцати часов завтрашнего дня, а до того времени ей уж точно предъявят обвинение.

– У них недостаточно оснований, – решительно сказал Страйк. – Где результаты анализа ДНК? Где свидетели?

– В том-то и штука, Корм: у них нет ни того ни другого, но распечатка счета за покупку по кредитной карте – это финиш. Слушай, я на твоей стороне, – терпеливо продолжала Илса. – Хочешь мое откровенное мнение? Энстис блефует и надеется на удачу. На него со всех сторон давят СМИ. А он, если честно, дергается еще и оттого, что ты постоянно трешься рядом и можешь перехватить инициативу.

У Страйка вырвался стон.

– Где они раскопали этот счет полугодовой давности? Неужели только сейчас разобрали бумаги, изъятые из кабинета Куайна?

– Нет, – сказала Илса. – На обороте этой выписки – рисунок, сделанный рукой его дочери. Видимо, дочь Куайна несколько месяцев назад подарила свой рисунок кому-то из его знакомых, и сегодня чуть свет счастливый обладатель явился в полицию и заявил, что буквально этим утром случайно заметил на обороте распечатку. Ты что-то сказал?

– Ничего, – вздохнул Страйк.

– Мне послышалось «Ташкент».

– Да нет, чуть поближе. Не буду тебя задерживать, Илса… спасибо за все.

Несколько мгновений Страйк удрученно молчал, а потом сказал в темноту приемной:

– Херово.

Он догадывался, как это произошло. Истеричка Пиппа Миджли, одержимая параноидальной идеей, что Леонора наняла Страйка, дабы

свалить вину на кого-нибудь другого, помчалась из его офиса прямиком к своей названой матери. Призналась, что ненароком выдала Кент, которая прикидывалась, будто не читала «Бомбикса Мори», и убедила ее дать ход улике против Леоноры. Кэтрин Кент сорвала рисунок (с холодильника, к которому он крепился магнитом, – так представлялось Страйку) и поспешила в отделение полиции.

– Херово, – повторил он в полный голос и стал звонить Робин.

39

Настолько я успел сродниться с горем,
Что стал чужим надежде.
Томас Деккер, Томас Миддлтон.
Добродетельная шлюха[30]

Как и предрекала Илса, ровно в одиннадцать утра Леоноре Куайн предъявили обвинение в убийстве мужа. Проинформированные по телефону, Страйк и Робин смотрели, как эта новость с каждой минутой распространяется по интернету, словно вирус. К половине двенадцатого на сайте газеты «Сан» уже появилась статья о Леоноре, озаглавленная «Вторая Роуз Уэст, подручная мясника». Журналисты наперегонки собирали доказательства супружеской неверности Куайна. Частые исчезновения писателя связали с любовными интрижками, препарировали и приукрасили сексуальные мотивы его произведений. Добрались и до Кэтрин Кент, подстерегли ее у порога, сфотографировали и навесили ярлык: «Пышнотелая рыжеволосая возлюбленная Куайна, сочинительница эротических романов».

Около полудня Страйку опять позвонила Илса:

– Завтра она предстанет перед судом.

– Где?

– В Вуд-Грин, в одиннадцать. А оттуда, надо думать, отправится прямиком в «Холлоуэй».

Когда-то Страйк жил с матерью и сестрой Люси в трех минутах ходьбы от женской тюрьмы закрытого типа в северной части Лондона.

– Мне нужно с ней повидаться.

– Попробуй, только полиция, скорее всего, не подпустит тебя к ней на пушечный выстрел. А я, как адвокат, должна тебе сказать, Корм, что это будет выглядеть…

– Илса, я для нее – последний шанс.

– Ну, спасибо за доверие, – сухо сказала Илса.

– Ты же понимаешь, о чем я.

Страйк услышал ее вздох.

– Мне ведь и за тебя неспокойно. Зачем тебе сейчас нарываться, полиция и так…

– Как держится Леонора? – перебил Страйк.

– Не блестяще, – ответила Илса. – Ее убивает разлука с Орландо.

Весь день в офисе не умолкал телефон: звонили репортеры и просто знакомые – все жаждали услышать конфиденциальную информацию.

Голос Элизабет Тассел прозвучал в трубке так хрипло и грубо, что Робин в первый момент приняла ее за мужчину.

– Где Орландо? – требовательно спросила она у Страйка, когда тот подошел к телефону; можно было подумать, он теперь опекает всех членов семьи Куайн. – У кого она?

– Кажется, у соседки, – ответил Страйк, слушая ее хрипы.

– Господи, какая жуть, – прокаркала хозяйка литературного агентства. – Леонора… всякому терпению приходит конец… не могу поверить…

Нина Лассельс отреагировала с плохо скрываемым облегчением, что, впрочем, не слишком удивило Страйка. Для нее убийство отступило на свое законное место – в туманность на границе возможного. Оно больше не задевало Нину своей тенью: убийцей оказалась незнакомая ей личность.

– А ведь его жена действительно смахивает на Роуз Уэст, ты согласен? – спросила она, и Страйк понял, что Нина сейчас таращится на сайт газеты «Сан». – Только волосы длинные.

Похоже, Нина ему сочувствовала. Он не сумел распутать убийство. Полиция оказалась быстрее.

– Слушай, у меня в пятницу компания собирается, не хочешь присоединиться?

– Извини, не смогу, – ответил он. – Я ужинаю с братом.

Страйк тут же понял, что Нина заподозрила его во лжи. Он едва заметно помедлил, прежде чем выговорить «с братом», и прозвучало это как наспех придуманная отговорка. До сих пор он не упоминал никакого брата. У него вообще не было привычки обсуждать отцовских отпрысков, рожденных в законном браке.

Собираясь уходить, Робин поставила перед ним кружку горячего чая; Страйк корпел над делом Куайна. Она почти чувствовала, как ее

босс кипит тщательно скрываемым гневом, и подозревала, что винит он не столько Энстиса, сколько самого себя.

– Еще не вечер, – проговорила Робин, обматывая шею теплым шарфом. – Мы докажем, что это не она.

Как-то раз она уже сказала «мы», когда вера Страйка в свои силы упала до нулевой отметки. Он ценил моральную поддержку, но ощущение собственной беспомощности мешало ему думать. Он терпеть не мог кружить на дальних подступах и наблюдать, как другие раздобывают улики, наводки, сведения.

В тот вечер Страйк засиделся над раскрытой папкой: он просматривал заметки, сделанные во время встреч, изучал распечатанные с телефона снимки. Обезображенное тело Оуэна Куайна словно взывало к нему из тишины – трупы имеют такую особенность – и немо умоляло о справедливости и сочувствии. По опыту Страйк знал, что убитые несут послания от убийц, как знаки, вложенные в негнущиеся мертвые пальцы. Он пристально разглядывал обожженную, зияющую грудную клетку, стянутые веревками запястья и щиколотки, разделанную и выпотрошенную, как индейка, тушу, но при всем желании не мог найти ничего нового. В конце концов он выключил свет и пошел наверх спать.

Со смешанным чувством горечи и облегчения он провел утро четверга в Линкольнс-Инн-Филдс, на совещании с немыслимо дорогим адвокатом по бракоразводным делам, которого наняла все та же обворожительная брюнетка. Страйк был только рад хоть как-то скоротать время, раз уж оторвался от досье Куайна, но подозревал, что на это совещание его заманили под надуманным предлогом. Кокетливая брюнетка, без пяти минут разведенная, представила дело так, будто ее адвокат пожелал встретиться со Страйком лично, чтобы разузнать, каким путем добыты многочисленные доказательства измены ее мужа. Сейчас Страйк сидел за отполированным до блеска столом красного дерева, рассчитанным на двенадцать человек, а клиентка постоянно ссылалась на то, «что сумел выяснить Корморан» и «что своими глазами видел, подтверди, Корморан», время от времени касаясь его запястья. Прошло совсем немного времени – и Страйк по глухому раздражению лощеного адвоката понял, что у того и в мыслях не было вызывать к себе детектива. Но Страйк, чей контракт

предусматривал почасовую ставку в пятьсот с лишним фунтов, не торопил события. Он вышел в туалет, проверил телефон и рассмотрел мелкие изображения Леоноры возле районного суда Вуд-Грин при входе и выходе. После предъявления обвинений ее посадили в полицейский фургон и увезли. Вокруг толпилось множество репортеров, но представителей общественности, жаждавших крови обвиняемой, Страйк не заметил: общественность была равнодушна к жертве.

Когда он уже собирался открыть дверь в зал совещаний, пришло сообщение от Робин:

Тебе удобно повидаться с Леонорой сегодня в 18.00?

Отлично, написал он в ответ.

– Я представила, – игриво начала его клиентка, когда Страйк вернулся за стол переговоров, – как внушительно Корморан будет смотреться на свидетельской скамье.

Страйк уже передал адвокату подробные записи и многочисленные фото, а также перечислил все тайные сделки мистера Бёрнетта, включая попытки продать квартиру и сбыть с рук изумрудное ожерелье. К огорчению миссис Бёрнетт, и адвокат, и сам детектив сочли, что при таком обилии материалов необходимость в присутствии Страйка на процессе отпадает. Более того, преувеличенное внимание клиентки к способностям частного сыщика сильно уязвило адвоката. Безупречный костюм в тонкую полоску и волосы с благородной проседью давали, с его точки зрения, больше оснований для тайных прикосновений и взмахов ресниц, нежели внешность увечного боксера-тяжеловеса.

С облегчением выйдя из этой гнетущей атмосферы на свежий воздух, Страйк дошел до метро и поехал обратно. У себя в мансарде он еще раз порадовался: теперь можно было снять костюм, подумать о скором завершении нудного дела и о поступлении солидной суммы, ради которой он, собственно, и связался с этой клиенткой. Теперь можно было уделить все внимание тощей, седой пятидесятилетней женщине, уже доставленной в «Холлоуэй». Газета «Ивнинг стэндард», купленная Страйком у метро, писала о ней на второй полосе:

«СКРОМНАЯ ЖЕНА ПИСАТЕЛЯ НАКОРОТКЕ С МЯСНИЦКИМ НОЖОМ».

– Теперь ее адвокат успокоился? – спросила Робин, когда Страйк спустился в офис.

– Более или менее, – ответил он, уставившись на миниатюрную искусственную елочку в шариках и гирляндах, появившуюся на аккуратном письменном столе, и лаконично спросил: – Это зачем?

– К Рождеству, – с робкой улыбкой, но без извинений сказала Робин. – Я еще вчера собиралась поставить, но сразу после ареста Леоноры рука не поднималась. В общем, я организовала для тебя свидание. Не забудь удостоверение личности с фотографией…

– Молодчина, спасибо.

– …и еще купила сэндвичи, а заодно вот это, – возможно, тебя заинтересует, – продолжила она. – Майкл Фэнкорт дал интервью насчет Куайна.

Она вручила ему пакет, где лежали сэндвичи с сыром и пикулями, а также номер «Таймс», сложенный нужным материалом кверху. Страйк опустился на отозвавшийся неприличными звуками диван и, жуя сэндвич, приступил к чтению статьи, проиллюстрированной сдвоенной фотографией. Слева – Фэнкорт, в полный рост, на фоне особняка Елизаветинской эпохи. Кадр был взят снизу, так что большая голова выглядела не столь уж несоразмерной. Справа – Куайн, эксцентричный, с выпученными глазами, в шляпе с пером, витийствующий перед немногочисленными слушателями в каком-то шатре. Автор статьи всячески подчеркивал, что Фэнкорт и Куайн некогда были хорошо знакомы и даже считались одинаково талантливыми.

> Мало кто нынче помнит дебютный роман Куайна «Прегрешение Хобарта», но Фэнкорт по-прежнему расценивает его как яркий пример того направления, которое он именует «магическим брутализмом Куайна». Хотя Фэнкорт, как известно, никому не прощает обид, в нашей беседе о творчестве Куайна писатель проявляет редкое великодушие. «Всегда интересный, но недооцененный, – говорит он. – Предвижу, что критики нового поколения отнесутся к нему более благосклонно, нежели наши современники». Такое неожиданное великодушие покажется еще более удивительным, если вспомнить, что 25 лет назад первая жена

Фэнкорта, Элспет Керр, покончила с собой, прочитав беспощадную пародию на свой первый роман. Эту сатиру приписывали близкому другу Фэнкорта, такому же литературному бунтарю, как и он сам – ныне покойному Оуэну Куайну. «С годами человек становится мягче, сам того не замечая, – так распорядилась природа, ибо злость разъедает нас изнутри. В своем последнем романе я сбросил с себя груз прежних эмоций, в том числе и связанных со смертью Элли, но мое произведение не следует воспринимать как автобиографию, хотя….

Следующие два абзаца (где Фэнкорт рекламировал свою новую книгу) Страйк пропустил и возобновил чтение с того места, где ему в глаза бросилось слово «насилие».

Трудно соединить два образа: Фэнкорта, сидящего передо мной в твидовом пиджаке, и литературного панка, как он сам называл себя в начале творческого пути, когда его книги, проповедующие изощренное, безудержное насилие, вызывали и восторг, и нападки. «Если прав был Грэм Грин, – считает литературовед Харви Бёрд, – и каждый писатель носит в своем сердце осколок льда, то к Майклу Фэнкорту это относится в полной мере. Сцена изнасилования в романе „Белафрон“[{33}] наводит на мысль, что у этого молодого человека в груди – целый айсберг».

В принципе, «Белафрон», произведение столь же совершенное, сколь и оригинальное, можно рассматривать с двух точек зрения. С одной стороны, дебютный роман Майкла Фэнкорта обнаруживает удивительную зрелость: здесь нет места дилетантскому стремлению автора вывести себя в качестве (анти)героя. Можно содрогаться от изломанности и аморальности этого романа, но нельзя отрицать, что перед нами талантливая художественная проза. С другой стороны, внушает тревогу то обстоятельство, что у Майкла Фэнкорта может просто отсутствовать орган, в котором полагается носить осколок льда, и тогда неповторимая в своей бесчеловечности история, рассказанная в его произведении, соответствует внутренней картине мира автора. Справедливы ли эти опасения – покажет время и дальнейшее творчество писателя.

Фэнкорт родился в городке Слаф, где его одинокая мать работала медсестрой. Она по сей день живет в том доме, где вырос Майкл.

«Там ей хорошо, – говорит он. – Ее отличает завидная способность наслаждаться тем, что давно знакомо».

Его собственное жилище нисколько не похоже на неприметный домик в Слафе. Мы беседуем в вытянутой прямоугольной гостиной, среди мейсенского фарфора и обюссонских ковров. За окнами простираются необъятные угодья Эндзор-Корта. «Все это – выбор моей жены, – отмахивается Фэнкорт. – У меня вкусы совершенно другие: ничего, кроме необходимого».

В настоящее время возле дома подготавливается большой котлован для бетонного постамента, на котором будет установлена скульптура из ржавого металла: изображение фурии Тисифоны, о котором Майкл Фэнкорт говорит: «…спонтанная покупка… знаете, наверное: мстительница за убийство… мощная штука. У моей жены вызывает только омерзение».

И здесь мы вновь возвращаемся к тому, с чего началось это интервью: к зловещей участи Оуэна Куайна.

«Я еще не пропустил через себя убийство Оуэна, – спокойно говорит Фэнкорт. – Как, наверное, любому писателю, мне, чтобы разобраться в своих ощущениях, требуется изложить события на бумаге. Важно, как мы трактуем внешний мир, как мы его понимаем».

Можно ли отсюда заключить, что вскоре мы прочтем художественно обработанную историю убийства Куайна?

«Так и слышу обвинения в спекуляциях и безвкусице, – улыбается Фэнкорт. – Могу предположить, что такие темы, как разбитая дружба или последний шанс объясниться, что-то исправить, впоследствии найдут свое место на страницах моих будущих книг, но убийство Оуэна уже описано художественными средствами – причем его собственной рукой».

Майкл Фэнкорт – один из немногих, кому удалось прочесть пресловутую рукопись, содержащую, так сказать, план этого убийства.

«Я прочел ее в тот день, когда было обнаружено тело Оуэна. И сделал это по настоянию моего издателя, вследствие того что в романе изображен ваш покорный слуга».

Хотя вышеупомянутый образ носит оскорбительный характер, Майкл Фэнкорт, похоже, воспринимает это равнодушно. «Я не счел

нужным прибегать к услугам адвокатов, – говорит он. – Любая цензура – это не по мне».

А как он оценивает литературные достоинства романа?

«Говоря словами Набокова, это „шедевр маньяка“, – с улыбкой отвечает Фэнкорт. – Возможно, когда-нибудь он и выйдет в свет, кто знает?»

Но это же не всерьез?

«А что мешает его напечатать? – возражает Фэнкорт. – Искусство призвано провоцировать; уже по одному этому критерию „Бомбикс Мори“ вполне отвечает своей цели. В самом деле, почему бы и нет?» – спрашивает литературный панк, обосновавшийся в усадьбе Елизаветинской эпохи.

«С предисловием Майкла Фэнкорта?» – любопытствую я.

«В моей практике случались и более причудливые зигзаги, – усмехается писатель. – Куда более причудливые».

– Обалдеть, – буркнул Страйк, швырнув газету на стол и едва не сбив рождественскую елочку.

– Заметь: он утверждает, что прочел рукопись только в тот день, когда ты обнаружил тело.

– Угу, – ответил Страйк.

– Он лжет, – заявила Робин.

– *Мы с тобой думаем*, что он лжет, – поправил ее Страйк.

Неукоснительно следуя собственному запрету на такси и не рискуя в сумерках идти сквозь метель, Страйк сел на двадцать девятый автобус, который едва ли не полчаса вез его по гололедице в северном направлении. На Хэмпстед-роуд в автобус вошла изможденная женщина с маленьким капризным мальчонкой. Шестым чувством Страйк понял, что ему с ними по пути, и в самом деле, они втроем вышли на Кэмден-роуд, возле голой стены женской тюрьмы «Холлоуэй».

– Сейчас к маме пойдем, – говорила женщина ребенку, в котором Страйк угадал ее внука, хотя той было не более сорока.

Укутанные снежным покровом голые деревья и клочки бурой травы могли бы придать тюрьме сходство с современным университетом, если бы не грозные сине-белые вывески казенного образца и высокие ворота, рассчитанные на тюремный фургон. Страйк влился в тонкий ручеек посетителей; некоторые приехали с детьми,

норовившими оставить следы на нетронутом снегу вдоль дорожек. Очередь шаркала вперед мимо терракотовых стен с бетонным орнаментом, мимо подвесных кашпо, превратившихся на декабрьском морозе в снежные шары. Большинство посетителей составляли женщины; среди немногочисленных мужчин Страйк выделялся не только своей комплекцией, но и манерой держаться: другие выглядели так, будто жизнь вогнала их в немую отрешенность. Тащившийся впереди Страйка парень в мешковатых джинсах, весь покрытый татуировками, на каждом шагу выписывал небольшие зигзаги. В госпитале «Селли-Оук» Страйк насмотрелся неврологических расстройств, но без труда определил, что этот случай вызван отнюдь не ранением.

Тучная надзирательница, проверявшая удостоверения личности, долго изучала водительские права Страйка, а потом подняла глаза.

– Я вас знаю, – сообщила она, впиваясь в него взглядом.

Энстис, подумал Страйк, мог распорядиться, чтобы ему доложили, когда Страйк придет к Леоноре. Такое было весьма вероятно.

Явился он заблаговременно, чтобы целиком использовать время свидания с клиенткой. Благодаря такой предусмотрительности Страйк даже успел выпить чашку кофе в отделе информации для посетителей, прочитав, что вся прибыль от продаж перечисляется в детский благотворительный фонд. Хорошо освещенный зал выглядел почти жизнерадостным; ребятишки с ликованием, будто к старым знакомым, бросались к игрушечным грузовичкам и плюшевым мишкам. Изможденная попутчица Страйка безучастно взирала на своего внука, который гонял подвижную фигурку штурмовика вокруг ног Страйка, застывшего гигантской статуей *(«Тисифона, мстительница за убийство»*…).

В зал свиданий его вызвали ровно в шесть. Шаги по сверкающим полам отдавались эхом. Если бы не яркие росписи, сделанные силами заключенных на бетонных блоках стен, помещение выглядело бы как пещера. Здесь раздавались приглушенные разговоры, лязг металла, звяканье ключей. По обеим сторонам низких, привинченных к полу столиков были закреплены пластмассовые стулья; это позволяло минимизировать контакт между собеседниками и предотвратить передачу запрещенных предметов. Где-то ныл ребенок. Вдоль стен стояли бдительные тюремщицы. Страйк, до сих пор имевший дело

только с заключенными-мужчинами, испытывал здесь непривычное для себя отторжение. Дети, не сводящие глаз с испитых матерей; еле уловимые признаки умственной неполноценности – подергивание скрюченных пальцев с обкусанными ногтями, одурманенные лица, съежившиеся тела на пластмассовых стульях… в местах лишения свободы для мужчин Страйк не видел ничего похожего.

Сидевшая за столом Леонора, тщедушная и хрупкая, трогательно обрадовалась его приходу. Она была в своей домашней одежде – свободной фуфайке и брюках, которые в одночасье сделались ей велики.

– Ко мне Орландо пустили, – сообщила Леонора. По ее красным глазам Страйк понял, что она долго плакала. – Уходить не хотела. Силком уволокли. Даже не позволили мне ее успокоить.

Вызывающая, гневная манера держаться начала вытесняться тюремной безнадежностью. За истекшие двое суток Леонора усвоила, что больше не может ни распоряжаться, ни командовать.

– Леонора, нам необходимо поговорить насчет той выписки по кредитной карте.

– Да я этой кредиткой и не пользовалась, – выговорила она дрожащими губами. – Оуэн ее при себе носил, я к ней не прикасалась – ну, может, раз-другой в супермаркет брала. А так он мне всегда наличные выдавал.

Страйк вспомнил: во время их первого знакомства Леонора дала понять, что деньги у нее на исходе.

– У нас финансами Оуэн занимался, это его устраивало, ну то есть как занимался: ни счета не проверял, ни выписки – бросит у себя в кабинете, да и дело с концом. Я, бывало, ему говорю: «Ты б хоть поглядел, – может, тебя облапошили», а ему побоку. Он мог эти бумажки Орландо отдать, чтоб она на другой стороне рисовала, потому-то картинка ее и…

– Про картинку – потом. Судя по всему, к этой кредитной карте имели доступ не только вы с Оуэном, но и кто-то посторонний. Давайте подумаем вместе, хорошо?

– Давайте, – вяло проговорила Леонора.

– Элизабет Тассел руководила ремонтом в доме на Тэлгарт-роуд, верно? Как оплачивались работы? У нее была копия вашей кредитки?

– Нет, – ответила Леонора.

– Вы уверены?

– Уверена, да. Мы ей сами предлагали, а она сказала, что ей проще вычесть эти суммы из будущих потиражных Оуэна – какие-то проценты все время капали на счет. У него в Финляндии продажи хорошие, уж не знаю, чем он так…

– Вспомните: хотя бы один раз Элизабет оплачивала какие-нибудь ремонтные работы этой «Визой»?

– Нет, – Леонора помотала головой, – ни разу.

– Ладно, – сказал Страйк, – тогда попробуйте вспомнить… только не торопитесь… не пользовался ли Оуэн своей кредиткой в издательстве «Роупер Чард»?

Каково же было его удивление, когда Леонора ответила:

– Ну, не прямо там, но был один случай, да. Народу собралось… Даже меня позвали. И было это… ну, не знаю… года два назад, что ли? Может, меньше… Знатный был банкет для издательской публики, да не где-нибудь, а в «Дорчестере». Нас с Оуэном посадили за стол со всякой шушерой. К Дэниелу Чарду и Джерри Уолдегрейву близко не подпустили. В общем, проводился там «негласный аукцион» – ну, знаете, наверное: когда ставки не выкликают, а на бумажках…

– Знаю, знаю, – перебил Страйк, едва сдерживая раздражение.

– Это была благотворительная акция: каких-то писателей из тюрьмы хотели вытащить. Оуэн сделал ставку на уик-энд в загородной гостинице – и выиграл. У него тут же, прямо за столом, попросили данные кредитки. А платежи принимали какие-то профурсетки издательские, уж такие фифы. Вот муж и сунул свою «Визу» одной девчонке. Я-то крепко помню, потому как он напился, – Леонора помрачнела, – и восемь сотен поставил. Чтоб только себя показать. Зарабатываю, дескать, не хуже других.

– Оуэн вручил свою кредитную карточку одной из девушек, – повторил Страйк. – Та записала данные, не отходя от вашего стола, или же…

– У ней аппаратик не сработал, – объяснила Леонора. – Она кредитку с собой унесла, а после вернула.

– На том банкете были еще какие-нибудь знакомые вам лица?

– Майкл Фэнкорт – он со своим издателем пришел, – ответила она, – в другом конце зала сидели. Это еще до того было, как он в «Роупер Чард» вернулся.

– Они с Оуэном пообщались?

– Куда там, – сказала она.

– Так, теперь… – начал Страйк и осекся: в их разговорах никогда прежде не упоминалось существование Кэтрин Кент.

– Полюбовница запросто могла карту вытащить, правда же? – Леонора словно прочла его мысли.

– Вы о ней знали? – походя осведомился Страйк.

– Полицейские что-то говорили, – бесстрастно ответила Леонора. – Да у него таких полно было. Ни одной юбки не пропускал. На семинарах на своих то одну подцепит, то другую. Уж я ему такие головомойки задавала. А когда мне сказали, что он… когда сказали, что он… что он связан был… – Она опять заплакала. – Я сразу поняла, что это женских рук дело. Он сам не свой был до таких забав. Возбуждался от них.

– Вы ничего не знали о Кэтрин Кент, пока ее не упомянули полицейские?

– Однажды увидела имя ее в телефоне у мужа, но он сказал, это, дескать, ничего не значит. Просто ученица его. Он вечно этим отговаривался. Божился, что никогда нас не бросит – меня и Орландо. – Приподняв старомодные очки, она вытерла глаза тыльной стороной худой, трясущейся руки.

– Но вы с ней не сталкивались, пока она не пришла к вам на порог сообщить о смерти своей сестры?

– А, так это она была? – удивилась Леонора, шмыгая носом и промокая глаза рукавом. – Ишь, толстуха какая. Вот я и говорю: что ей стоило у него кредитку вытащить, пока он спал?

Страйк понимал: найти и допросить Кэтрин Кент будет непросто. Наверняка она сдернула из своей квартиры, чтобы скрыться от журналистов.

– Товары, оплаченные вашей картой, – начал Страйк, меняя тактику, – убийца выписал по интернету. Но у вас дома даже нет компьютера, так?

– Оуэн всю эту технику не признавал, он по старинке…

– Вы хоть раз делали покупки через интернет?

– Ну да, – ответила она, и у Страйка екнуло сердце; он-то надеялся, что Леонора – почти мифическое существо: компьютерная девственница.

– Откуда вы оформляли заказ?

– От Эдны – она мне подсобила: у Орландо день рожденья близился, так я хотела ей набор для рисования выписать, чтоб лишний раз в город не ездить, – объяснила Леонора.

Сомневаться не приходилось: полиция вот-вот конфискует и прошерстит компьютер добросердечной Эдны.

Сидевшая за соседним столом бритоголовая женщина с татуировкой над губой стала кричать на тюремную надзирательницу, которая не разрешала ей вставать со стула. Леонора вся съежилась, когда надзирательница подошла к соседнему столу и заключенная разразилась потоком брани.

– И последнее, Леонора. – Оглушенный этими воплями, Страйк невольно повысил голос. – Перед тем как уйти из дома пятого ноября, Оуэн вам не говорил, что собирается уехать на отдых?

– Нет, – сказала она. – С чего бы?

Крикливую заключенную кое-как привели в чувство. Ее посетительница, с похожей татуировкой, но чуть менее агрессивная, уже шла к дверям, на ходу показывая надзирательнице средний палец.

– Припомните: возможно, Оуэн какими-нибудь словами или поступками дал вам понять, что собирается на время уехать? – настаивал Страйк, но Леонора, как сова, круглыми глазами испуганно смотрела на соседку.

– Что? – рассеянно переспросила она. – Да нет… он со мной никогда не делится… не делился… просто уходил, да и все. Собрался бы на отдых, так хотя бы «до свидания» сказал, правда же? – Она снова заплакала, прикрывая рот тонкой рукой. – А ну как меня посадят – что с Орландо станется? – сквозь рыдания спрашивала она. – Эдна не сможет за ней всю жизнь ходить. Не справится. Она даже обезьянку Чики умудрилась дома забыть, а в ней картинки были, которые Додо для меня нарисовала. – (После короткого замешательства Страйк понял, что речь идет о плюшевом орангутанге, которого в прошлый раз всюду таскала с собой Орландо.) – Если меня не выпустят…

– Я вас отсюда вытащу, – сказал Страйк с уверенностью, которой не чувствовал, но что плохого, если человек получит от тебя спасительную соломинку, чтобы продержаться еще сутки?

Время свидания истекло. Он выходил из зала не оглядываясь и только удивлялся: почему Леонора, увядшая ворчунья пятидесяти лет, живущая беспросветной жизнью вместе с умственно отсталой дочерью, внушает ему такую неистовую решимость, такую ярость…

Да потому, что она ничего плохого не сделала, напрашивался простой ответ. *Потому что она невиновна*.

За истекшие восемь месяцев стеклянная дверь, на которой было выгравировано его имя, впустила к нему в приемную множество клиентов, но всех привели в сыскное бюро незамысловато схожие причины. Посетители искали соглядатая, орудие, средство перетянуть баланс сил на свою сторону или избавить себя от нежелательных связей. К Страйку шли те, кто хотел выиграть преимущество, рассчитывая получить воздаяние или вознаграждение. А в конечном счете им просто хотелось еще больше денег.

Но Леонора пришла потому, что хотела вернуть домой мужа. Это простое желание родилось из усталости и любви, если не к ветреному Оуэну, то к их общей дочери, тосковавшей без отца. Видя эту женскую самоотверженность, Страйк выкладывался по полной.

Морозный уличный воздух теперь изменил свой вкус. Давно не приходилось Страйку бывать в такой обстановке, где подчинение приказам – это становой хребет повседневного существования. Тяжело опираясь на трость, он брел к автобусной остановке и с каждым шагом все острее ощущал свободу.

На заднем сиденье автобуса три подвыпившие девицы в головных повязках с торчащими оленьими рогами распевали:

They say it’s unrealistic,
But I believe in you Saint Nick…[31]

«Будь оно неладно, это Рождество», – раздраженно думал Страйк: ему не улыбалось толкаться в магазинах, чтобы купить подарки племянникам и крестникам, чей возраст постоянно вылетал у него из головы.

Автобус со стоном пробивался сквозь слякоть и пургу. В запотевшие окна смотрелись размытые огоньки всех цветов. Мрачный вид Страйка, размышлявшего о несправедливости и убийстве, сам по себе отпугивал всех, у кого возникало желание сесть рядом.

40

Будь рад, что имя не указано твое; носить его опасно.

Фрэнсис Бомонт, Джон Флетчер.
Предатель

На другой день окна сыскного бюро то заливало дождем, то залепляло снегом, то заволакивало снежно-дождевой жижей. Около полудня в кабинет Страйка вошел начальник мисс Броклхэрст, чтобы ознакомиться с доказательствами ее неверности. Вскоре после его ухода примчалась Кэролайн Инглз. Она торопилась забрать детей из школы, но улучила минутку, чтобы передать Страйку обнаруженную в бумажнике мужа карточку с адресом стриптиз-клуба и бара «Голден лейс». Совсем недавно мистер Инглз поклялся не приближаться к фривольным танцовщицам, девушкам по вызову и стриптизершам – это было условием примирения супругов. Страйк согласился наведаться в «Голден лейс» и выяснить, не поддался ли мистер Инглз прежнему искушению.

Распрощавшись с Кэролайн Инглз, Страйк, у которого к этому времени подвело живот, вынул из пакета и надкусил принесенный Робин сэндвич, но вынужден был отвлечься на звонок мобильного телефона.

Соблазнительная брюнетка, предвидя скорое разрешение дела, отбросила всякую осторожность и теперь приглашала Страйка вместе поужинать. Ему показалось, что Робин, жуя свой сэндвич, усмехается, хотя старательно вглядывается в монитор. Страйк сделал попытку вежливо отказаться: вначале сослался на непомерную занятость, а потом сообщил, что связан отношениями с другой женщиной.

– Что же вы раньше не сказали? – холодно спросила клиентка.

– Не привык смешивать работу и личную жизнь, – ответил Страйк.

Она повесила трубку, недослушав его учтивые слова прощания.

– Может, зря ты ей отказал? – невинно спросила Робин. – Пусть бы сперва счет оплатила.

– А куда она денется? – буркнул Страйк и принялся наверстывать прерванный ланч.

Жужжание телефона просигнализировало о полученном сообщении. Страйк застонал и посмотрел на высветившийся номер.

У него упало сердце.

– Леонора? – спросила Робин, видя, как он помрачнел.

Страйк с набитым ртом помотал головой. На дисплее возникло всего четыре слова.

`Он был от тебя.`

После расставания с Шарлоттой Страйк не стал менять номер телефона. Не хотелось лишней мороки: на старый номер была завязана сотня деловых контактов. Шарлотта прорезалась впервые за эти восемь месяцев. Страйку вспомнилось предостережение Дейва Полворта: *«…будь начеку, Диди, – не ровен час, опять к тебе прискачет. Я не удивлюсь, если она из-под венца сдернет»*.

Сегодня третье декабря, напомнил он себе. Завтра у нее свадьба. Впервые Страйк пожалел, что мобильный не указывает местонахождение абонента. Откуда отправлено это сообщение? Из треклятого замка Крой, в перерыве между распоряжениями о доставке в часовню цветов и легких закусок? Или же с противоположной стороны Денмарк-стрит, откуда Шарлотта, как до нее – Пиппа Миджли, вглядывается в окна его конторы? Сбежать из-под венца, сорвать грандиозную, широко разрекламированную свадьбу – это было бы ее главным достижением, вершиной хаоса и разрушения.

Страйк убрал мобильный в карман и принялся за второй сэндвич. Заключив, что ей не светит узнать истинную причину его состояния, Робин скомкала и выбросила в корзину для бумаг шуршащий пакет, а потом напомнила:

– Ты сегодня встречаешься с братом, правильно у меня записано?

– Что?

– Разве ты не сегодня встречаешься?..

– Ах да, – сказал Страйк. – Угу.

– В «Ривер-кафе»?

– Угу.

«Он был от тебя».

– А для чего? – спросила Робин.

От меня. Как же. Черта с два. Если вообще он был.

– Что? – встрепенулся Страйк: до него дошло, что ему задали вопрос.

– Ты в порядке?

– Угу, все отлично. – Он взял себя в руки. – Что ты спросила?

– С какой целью ты идешь в «Ривер-кафе»?

– Да как тебе сказать. – Страйк потянулся за своим единоличным пакетиком чипсов. – Может, это пустая затея, но я собираюсь поговорить с теми, кто видел ссору Куайна и Тассел. Хочу понять: неужели Куайн действительно подстроил этот скандал, неужели загодя спланировал свое исчезновение?

– Ты рассчитываешь найти кого-нибудь из обслуживающего персонала, кто работал в тот вечер? – с явным сомнением спросила Робин.

– Именно так, и для этого позвал с собой брата. Ал знает всех официантов во всех шикарных ресторанах Лондона. Как и другие отпрыски моего отца.

Утолив голод, Страйк взял чашку кофе и закрылся у себя в кабинете. В окно опять хлестала снежно-дождевая жижа. Он невольно бросил взгляд на тротуар, втайне ожидая (надеясь?), что там стоит Шарлотта, бледная, с развевающимися на ветру длинными черными волосами, воздевшая к нему свои умоляющие зелено-карие глаза в рыжеватую крапинку, – но на улице никого не было, кроме пары случайных прохожих, пробивающихся сквозь непогоду.

Нет, он определенно рехнулся. Она сейчас в Шотландии, вот и пускай.

Позднее, когда Робин ушла домой, Страйк переоделся в итальянский костюм, подаренный ему Шарлоттой чуть больше года назад в том самом ресторане, когда они отмечали его тридцатипятилетие. Поверх костюма надел пальто, запер квартиру и, опираясь на трость, зашагал по холоду к станции метро.

Рождество атаковало его из каждой витрины: гирлянды, горы каких-то новинок, игрушек и гаджетов, фальшивые сугробы за стеклом и объявления о предрождественских распродажах – как скорбная насмешка на фоне общего экономического спада.

Был вечер пятницы; в метро тоже царила предпраздничная атмосфера: девчонки в кургузых сверкающих платьишках рисковали застудиться, и все ради того, чтобы вволю пообжиматься на вечеринке с парнем из соседнего отдела. На Страйка нахлынули усталость и подавленность.

Путь от станции «Хаммерсмит» оказался длиннее, чем ему помнилось. Проходя по Фулем-Пэлас-роуд, Страйк понял, что находится в непосредственной близости от дома Элизабет Тассел. Видимо, это она по соображениям собственного удобства выбрала ресторан, находившийся очень далеко от Лэдброк-Гроув, где жили Куайны, но зато рядом с ее домом.

Через десять минут Страйк свернул направо, к набережной Темзы, и пошел безлюдными гулкими улицами, выдыхая облачка белого пара. Открытый ресторан в саду, где летом стояли накрытые белыми скатертями столики, привлекавшие множество посетителей, сейчас был похоронен под пышными сугробами. Темза, холодная, угрожающая, кое-где поблескивала сквозь бледный покров.

Страйк направился к кирпичному зданию, бывшему складскому корпусу, – и вдруг оказался там, где светло, тепло и шумно. Сразу за дверью, облокотившись на сверкающую металлом стойку бара, дружески беседовал с барменом сводный брат Страйка, Ал.

Росту в нем было примерно метр семьдесят, но среди потомства Рокби он выглядел коротышкой, да к тому же набрал лишний вес. Его мышасто-каштановые волосы были гладко зачесаны назад; от матери он унаследовал коротковатый подбородок, а от отца – легкое косоглазие, которое придавало ему некую изюминку и служило гарантией фамильного сходства.

Заметив Страйка, Ал встретил его громогласными приветствиями и бросился обниматься. Страйк отвечал неохотно: ему мешали трость и пальто, которое он торопился снять. Ал смутился и отступил на шаг:

– Как поживаешь, братец?

У него был странный акцент, ни то ни се – свидетельство многолетних передвижений между Америкой и Европой.

– Все путем, – ответил Страйк. – Сам как?

– Тоже все путем, – эхом отозвался Ал. – Все путем. Бывает и хуже.

Он картинно, по-галльски, пожал плечами. Ал получил среднее образование в Швейцарии, в международной школе-пансионе «Ле-

Розэ», и это наложило отпечаток на его жестикуляцию. Но было в такой манере безмолвного разговора и нечто другое, что бросалось в глаза Страйку при каждой их встрече: Ал, не знавший ни нужды, ни горя, чувствовал себя виноватым, а потому занимал оборонительную позицию, словно готовясь отражать упреки.

– Что будешь пить? – спросил Ал. – Пиво? Давай итальянское, «Перони»?

Они еле нашли два места за стойкой и, ожидая, когда их проводят за столик, уселись лицом к стеклянным полкам с рядами бутылок. Страйк, обведя взглядом длинный, заполненный до отказа ресторанный зал с высоким, стилизованным под волны промышленным потолком из металла, с небесно-голубым ковром и похожей на гигантский улей дровяной печью в торце, узнал прославленного скульптора, известную архитекторшу и как минимум одного популярного актера.

– Наслышан про вас с Шарлоттой, – сказал Ал. – Жаль, конечно.

Страйк заподозрил, что у брата есть с ней общие знакомые. Тот вращался в кругах бомонда, куда вполне мог входить и будущий виконт Крой.

– Ну, не знаю. – Страйк тоже пожал плечами. – Что ни делается, все к лучшему.

(В этом дорогом ресторане на берегу реки они сидели с Шарлоттой – это был последний счастливый вечер их совместной жизни. За ним последовали четыре взрывоопасных месяца, четыре изнурительных месяца вражды и мучений…. *«Он был от тебя».*)

Привлекательная девушка – Ал обращался к ней по имени – попросила их следовать за ней к столику; не менее привлекательный молодой человек принес меню. Страйк дождался, чтобы Ал заказал вино и чтобы официанты отошли на достаточное расстояние, после чего ввел брата в курс дела.

– Ровно четыре недели назад, – заговорил он, – писатель Оуэн Куайн повздорил здесь со своим литературным агентом. Надо думать, это видели все присутствующие. Куайн в ярости выбежал из ресторана и вскоре после этого – вероятно, через считаные дни, а может, и тем же вечером…

– …Он был убит, – подхватил Ал, слушавший с раскрытым ртом. – Я в газетах читал. И труп нашел не кто-нибудь, а ты.

Ал явно жаждал подробностей, но Страйк предпочел этого не замечать.

– Я допускаю, что здесь ловить нечего, но тем не менее…

– Так ведь уже известно, кто его кокнул: жена, – недоуменно перебил Ал. – На днях ее задержали.

– Жена ни при чем, – бросил Страйк и углубился в чтение меню.

Страйк давно заметил, что Ал, который всю жизнь сталкивался с многочисленными газетными утками по поводу своего отца и его семейства, почему-то не распространяет здоровое недоверие к британской прессе ни на какие другие сферы.

(Школа-пансион, где учился Ал, занимала два кампуса: летом базировалась у Женевского озера, а зимой переезжала в Гштаад, чтобы ученики после уроков могли кататься на лыжах и коньках. Ал дышал целительным горным воздухом и жил в свое удовольствие бок о бок с детьми других знаменитостей. Отдаленное злопыхательство таблоидов было для него не более чем фоновым шепотком… во всяком случае, именно так Страйк истолковал то немногое, что рассказывал ему Ал о своей юности.)

– Жена ни при чем? – переспросил Ал, когда Страйк оторвался от меню.

– Ни при чем.

– Вот так штука! Значит, хочешь опять устроить номер, как с Лулой Лэндри? – Широкая усмешка придавала дополнительное обаяние его необычному взгляду.

– Типа того, – подтвердил Страйк.

– И ты хочешь, чтобы я тут прозондировал почву? – догадался Ал.

– Вот именно, – сказал Страйк. Его и позабавило, и тронуло, что Ал так окрылился от возможности оказать ему услугу.

– Легко. Легко. Сейчас найду для тебя кого-нибудь толкового. Куда подевалась Лулу? Смышленая крошка.

Когда они сделали заказ, Ал прошелся до туалета, высматривая «смышленую крошку» Лулу. Оставшись в одиночестве, Страйк потягивал заказанное братом тиньянелло и наблюдал за работой одетых в белое поваров в открытой кухне. Все как на подбор были молоды и сноровисты. Тут и там вспыхивали языки пламени, сверкали ножи, переставлялись тяжелые металлические посудины.

«А он не глуп, – подумал Страйк, заметив, что брат пробирается между столиками, ведя за собой темнокожую девушку в белом фартучке. – Просто у него…»

– Это Лулу, – сообщил Ал, садясь на свое место. – В тот вечер была ее смена.

– Вы запомнили этот скандал? – Страйк мгновенно переключился на девушку, которая не могла долго задерживаться и с дежурной улыбкой остановилась у их столика.

– Еще бы, – ответила она. – Крику было! Все только на них и смотрели.

– Припомните: как выглядел мужчина? – спросил Страйк, чтобы уточнить, не перепутала ли она скандалы.

– Сам толстый, в шляпе, ага, – сказала она. – Кричал на седую женщину. Разбушевались всерьез. Ой, извините, я должна… – И она убежала принимать очередной заказ.

– Перехватим ее на обратном пути, – заверил Ал. – Кстати, тебе от Эдди привет. Жалеет, что не смог приехать.

– Как у него дела? – Страйк изобразил интерес.

Если Ал стремился поддерживать родственные отношения, то его младший брат Эдди, двадцати четырех лет, проявлял полное равнодушие. Он был солистом собственной рок-группы. Страйк не удосужился ознакомиться с их музыкой.

– У него все супер, – ответил Ал.

Разговор иссяк. Вскоре подали закуски, и братья молча принялись за еду. Страйку было известно, что Ал блестяще сдал экзамены по программе Международного бакалавриата{34}. Как-то раз в Афганистане, сидя с ноутбуком в армейской палатке, Страйк наткнулся на фотографию восемнадцатилетнего Ала, в кремовом блейзере с вышитым на кармане гербом; парень с длинными, развевающимися на ветру золотистыми волосами подставлял лицо яркому женевскому солнцу. А рядом, обнимая сына, лопался от отцовской гордости Рокби. Этот снимок обошел многие издания: Рокби впервые был запечатлен в костюме и при галстуке.

– Здравствуйте, Ал, – произнес знакомый голос.

Страйк чуть не лишился дара речи: к их столику подошел на костылях сам Дэниел Чард; на его лысине играли отблески металлических волн промышленного потолка. Издатель был в темно-

красной рубашке апаш и сером костюме; в этой богемной толпе он выглядел даже стильно.

– О! – воскликнул Ал и, как понял Страйк, начал мучительно вспоминать, кто это. – Э-э… добрый вечер…

– Дэн Чард, – подсказал издатель. – Я приезжал к вашему отцу побеседовать насчет его автобиографии, помните?

– Ах да, да, конечно! – Ал вскочил и пожал ему руку. – Знакомьтесь: это мой брат Корморан.

Если Страйк поразился, когда Чард подошел к Алу, то теперь Чард испытал настоящий шок:

– Ваш… ваш брат?

– Единокровный, – вставая, уточнил Страйк, а про себя посмеялся над нескрываемым обалдением Чарда: у того не укладывалось в голове, что какой-то наемный сыщик состоит в родстве с повесой-принцем.

Для того чтобы подойти к сыну потенциального автора, сулившего огромные барыши, Чарду, вероятно, пришлось сделать над собой усилие, но теперь издатель как-то обмяк и не находил способа нарушить неловкое трехстороннее молчание.

– Как нога, получше? – спросил Страйк.

– О да, – выдавил Чард. – Гораздо лучше. Что ж, я… Не стану вам мешать.

Он отошел и, ловко маневрируя между столиками, вернулся на свое место, скрытое от глаз Страйка. Братья опустились в кресла, и Страйк подумал: какой же маленький город Лондон, если ты достиг определенного уровня и отфильтровал тех, для кого не распахиваются двери лучших ресторанов и клубов.

– Не узнал, – смущенно улыбнулся Ал.

– Разве он собирается писать автобиографию? – спросил Страйк.

Говоря о Рокби, он ни разу в жизни не назвал его «папой», а в присутствии Ала старался не произносить «Рокби».

– Да, представь себе, – ответил Эл. – Ему предлагают хорошие деньги. Не знаю, будет он связываться с этим издателем или выберет кого-нибудь другого. В любом случае сам он вряд ли захочет корпеть. Думаю, наймет себе «негра».

Страйк не представлял, как Рокби в такой книге отразит случайное зачатие и сомнительное рождение своего старшего сына. Наверное,

обойдет молчанием. Для Страйка это был бы лучший вариант.

– Знаешь, он ведь по-прежнему не теряет надежды на встречу, – сказал Ал, делая вид, будто переступает через себя. – Он искренне гордится… прочел все, что писали о деле Лэндри.

– Надо же. – Страйк огляделся в поисках Лулу – официантки, запомнившей Куайна.

– Да-да, – заверил Ал.

– Значит, он пока выбирает издателя? – спросил Страйк, а сам подумал про Кэтрин Кент, про самого Куайна: первая вообще не может достучаться до издателей, второго кинули, а стареющий рок-идол, видите ли, торгуется.

– По сути, да, – сказал Ал. – Я вообще не уверен, что он будет заморачиваться. Но мне кажется, ему настоятельно рекомендовали именно этого Чарда.

– Кто рекомендовал?

– Майкл Фэнкорт, – ответил Ал, начисто вытирая тарелку от ризотто кусочком хлеба.

– Рокби знает Фэнкорта? – Страйк так поразился, что даже забыл про свой внутренний запрет.

– Ну да. – Ал слегка нахмурился, а потом добавил: – Я тебе прямо скажу: папа знает всех.

Тут Страйку вспомнился разговор с Элизабет Тассел о причинах разрыва ее контракта с Майклом Фэнкортом: «Я полагала, что это знают все», но здесь подоплека была иной. Для Ала «все» означало «все те, у кого есть деньги, слава, власть». А простые обыватели – к примеру, те, кто платит за музыку его отца, – это «никто»; Страйк тоже был никем, пока не получил известность, поймав убийцу.

– А когда Фэнкорт порекомендовал «Роупер Чард» твоему… когда он порекомендовал Чарда? – спросил Страйк.

– Не помню… пару месяцев назад, что ли? – туманно протянул Ал. – Он сказал папе, что с недавних пор и сам завязан на это издательство. Аванс получил – полмиллиона.

– Мы рады, – кивнул Страйк.

– Посоветовал папе смотреть новости: якобы в издательстве готовится настоящая бомба.

Тут в отдалении появилась официантка Лулу. По знаку Ала девушка с загнанным видом подошла к их столику.

– Подождите десять минут, – сказала она, – тогда я смогу поговорить. Дайте мне десять минут.

Пока Страйк доедал эскалоп, Ал расспрашивал его о работе. Страйка удивил такой неподдельный интерес.

– Скучаешь по армии? – спросил Ал.

– Бывает, – признался Страйк. – А ты что поделываешь?

Ему стало неловко, что он не поинтересовался раньше. Ведь если честно, он даже не имел представления, чем зарабатывает на жизнь Ал и есть ли у брата такая необходимость.

– Подумываю начать бизнес вместе с приятелем, – ответил Ал.

«Значит, груши околачивает», – сделал вывод Страйк.

– Служба заказов… Организация досуга, – бубнил Ал.

– Это же здорово, – сказал Страйк.

– Еще не знаю, что получится, – ответил Ал.

Пауза. Страйк опять поискал глазами Лулу, из-за которой, собственно, и торчал здесь весь вечер, но она где-то бегала – вкалывала так, как Алу, наверное, и не снилось.

– У тебя, по крайней мере, есть репутация, – говорил Ал.

– Мм? – не понял Страйк.

– Ты сам всего добился, – сказал Ал.

– Чего я добился?

Страйк понял, что у них за столом назревает односторонний кризис. Во взгляде Ала читался вызов, смешанный с завистью.

– Ну, наверное, – пожал мощными плечами Страйк.

Он не придумал никакой более осмысленной реплики, лишенной высокомерия и горечи, а к тому же просто не хотел поддерживать разговор на личные темы – раньше они с Алом благополучно этого избегали.

– Ты – единственный из всех нас, кто этого не выпячивает, – заметил Ал. – Правда, в армии это тебе не слишком помогло бы, да?

Изображать, будто он не понял, что значит «это», не имело смысла.

– Пожалуй, – сказал Страйк (действительно, в тех редких случаях, когда однополчане почему-либо обращали внимание на его анкетные данные, фамилия отца вызывала только недоверие, особенно учитывая полное отсутствие внешнего сходства Страйка и Рокби).

А сам иронически представил, как выглядит в зимнюю стужу его конура: две с половиной тесные комнатенки, плохо подогнанные рамы.

Ал, конечно, будет ночевать в Мэйфере, в отцовском особняке с прислугой. Может, не мешало бы когда-нибудь открыть братцу глаза, чтобы не слишком романтизировал независимое существование…

– Не думаешь ли ты, что я разнылся? – нахохлился Ал.

Ту выпускную фотографию Ала Страйк увидел в интернете через час после допроса безутешного девятнадцатилетнего бойца, который по случайности расстрелял из пулемета своего лучшего друга.

– Каждый имеет право выговориться, – сказал Страйк.

Вначале Ал чуть не обиделся, но потом нехотя усмехнулся.

Неожиданно рядом с ними возникла Лулу, в одной руке держа стакан воды, а другой снимая белый фартучек, прежде чем подсесть к ним за стол.

– У вас пять минут, – без предисловий обратилась она к Страйку. – Ал говорит, этот негодяй-писатель – ваш знакомый?

– Да, это так, – мгновенно сосредоточился Страйк. – А почему «негодяй»?

– Он просто перся, – ответила девушка, пригубив воду.

– Перся?

– Оттого, что устроил такую сцену. Орал, ругался – и все напоказ. Только актер из него никудышный.

– Вы запомнили его слова? – Страйк достал блокнот.

Ал слушал раскрыв рот.

– Да он много чего говорил. Женщину обзывал гадиной, кричал, что она его кинула, что он свой роман и сам опубликует, а она пусть катится ко всем чертям. А сам прямо наслаждался, – добавила Лулу. – Разыгрывал тут праведный гнев.

– А что Элиз… его спутница?

– Ой, эта разъярилась по-взрослому, – жизнерадостно сообщила Лулу. – Уж она-то не притворялась. Чем больше он выделывался, тем она сильней кровью наливалась… вся тряслась от злости, еле сдерживалась. И бросила ему что-то типа «тащить на аркане эту идиотку» – тогда он отсюда пулей вылетел, а ее оставил счет оплачивать. Все на нее глазели – она чуть сквозь землю не провалилась. Мне ее прямо жалко стало.

– Она не побежала за ним?

– Нет, оплатила счет, затем в туалет пошла и там немного задержалась. Я еще подумала: выплакаться хочет. А потом ушла.

– Очень ценные сведения, – сказал Страйк. – Не припомните ли, что еще они говорили друг другу?

– А еще, – не моргнув глазом сообщила Лулу, – он кричал: «Это все Фэнкорт и его поганый вялый хер!»

Страйк и Ал потеряли дар речи.

– «Это все Фэнкорт и его поганый вялый хер»? – переспросил Страйк.

– Вот-вот, – подтвердила Лулу. – Кто в ресторане был, прямо остолбенели…

– Их можно понять, – фыркнул Ал.

– Она пыталась его окоротить, просто из себя выходила, а он и слушать не желал. Ему только того и надо было, чтобы все глазели. Прямо упивался. Ой, мне пора, – спохватилась Лулу, – извините. – Она встала и надела фартучек. – До скорого, Ал.

Как зовут Страйка, она не знала, но на прощание одарила его улыбкой.

Дэниел Чард собрался уходить: над толпой замаячила лысина. Его окружала компания немолодых, элегантных – под стать ему – людей, которые двигались плотной кучкой, беседовали, кивали. Страйк провожал их взглядом, но мысли его были заняты другим. Он даже не заметил, когда официант убрал его пустую тарелку.

Это все Фэнкорт и его поганый вялый хер.

Странно.

Меня не покидает безумная мысль, что Оуэн сотворил это сам. Устроил спектакль…

– Что с тобой, братец? – встревожился Ал.

Прощальная записка: *«Час расплаты для нас обоих»…*

– Все нормально, – ответил Страйк.

Море крови и тайные символы… Играй на его тщеславии – и делай с ним что хочешь… И тут и там – гермафродит, и тут и там – окровавленный мешок… «Чистая, неприкаянная душа», он сам мне так сказал… Шелкопряд символизирует писателя, который обречен на муки во имя создания непреходящих ценностей.

В голове у Страйка вертящейся крышкой, которая должна аккуратно лечь в паз, крутилась череда разрозненных фактов, неоспоримо верных и неопровержимо убедительных. Он поворачивал

свою версию так и этак: она была связной и прочной – не подкопаешься.

Ей не хватало только одного – доказательной базы.

41

Считаешь, эти мысли – бред любви?
Нет, каждая – клеймо из кузницы
Плутона…

Роберт Грин.
Orlando Furioso

Ночью Страйк много раз просыпался и наутро встал рано, совершенно разбитый, подавленный и раздраженный. Перво-наперво он проверил телефон на предмет новых сообщений, затем принял душ, оделся и спустился в пустую контору, досадуя, что Робин не вышла на работу в субботний день, и безосновательно внушая себе, что ее отсутствие говорит о недостатке преданности делу. Именно сегодня она могла бы послужить необходимой аудиторией, ведь после вчерашнего озарения ему требовалось многое проговорить вслух. Он даже хотел поделиться с ней по телефону, однако это было совсем не то, что лицом к лицу, да к тому же там наверняка ошивался Мэтью.

Страйк заварил чай, но углубился в досье Куайна, и кружка совершенно остыла. От гнетущей тишины в нем нарастало чувство какого-то бессилия. Он то и дело проверял, нет ли новых сообщений. Страйку хотелось действовать, но его сковывало отсутствие официального статуса: ни тебе произвести обыск в частном жилище, ни надавить на свидетеля. До назначенной на понедельник беседы с Майклом Фэнкортом у него вообще были связаны руки, хотя… Можно, к примеру, позвонить Энстису и изложить свою версию – почему бы и нет? Запустив толстые пальцы в плотную шевелюру, Страйк нахмурился, предвидя снисходительный тон Энстиса. Доказательств и вправду было ноль. Одни догадки… *но ведь я прав*, с естественной на расстоянии самоуверенностью говорил он Энстису, *а ты облажался*. Энстису не хватит ни ума, ни воображения, чтобы оценить версию, которая объясняет каждую странность этого убийства, но выглядит маловероятной в сравнении с банальной полицейской версией, хотя

дело Леоноры Куайн изобиловало нестыковками и спорными вопросами.

Объясни, допытывался Страйк у воображаемого Энстиса, *почему женщина, достаточно изощренная, чтобы спрятать без следа внутренности мужа, тупо расплатилась своей кредиткой, заказав по интернету веревки и паранджу? Объясни, с какой стати мать, у которой нет ни родных, ни близких, но есть одна-единственная забота – благополучие дочери, будет рисковать, что ей влепят пожизненное? Объясни, почему она столько лет терпела измены и сексуальные выверты мужа, чтобы только сохранить семью, а потом вдруг пошла на убийство?*

Впрочем, на последний вопрос Энстис мог бы вполне резонно ответить, что Куайн собирался бросить жену ради Кэтрин Кент, а перед этим выгодно застраховал свою жизнь, вот Леонора и решила, что лучше отхватить такой куш, чем зависеть от подачек разведенного прохиндея-мужа, который будет транжирить денежки на вторую жену. Любой суд присяжных купится на такую версию, особенно если Кэтрин Кент под присягой покажет, что Куайн обещал на ней жениться.

Страйк переживал, что спугнул такую свидетельницу своим неожиданным появлением; теперь этот шаг казался ему грубым и непрофессиональным. Зачем было маячить на галерее дома? Он только нагнал страху на эту женщину, да еще подыграл Пиппе Миджли, которая легко выставила его перед Кэтрин злодеем, Леонориным наймитом. Нужно было действовать более тонко, завоевать расположение Кэтрин Кент, как он поступил с личной секретаршей лорда Паркера, и под видом заботливого участия вытащить из нее признания, словно больные зубы, а не ломиться в квартиру, как это делает судебный пристав.

Он еще раз проверил телефон. Новых сообщений нет. Взглянул на часы. Всего лишь полдесятого. Помимо его воли мысли переключились с неотложного, первоочередного дела – разыскать убийцу Куайна и добиться его ареста – на часовню семнадцатого века в замке Крой… Не иначе как Шарлотта сейчас готовится надеть подвенечный наряд стоимостью в многие тысячи. Нетрудно было представить, как она, обнаженная, сидит перед зеркалом и накладывает макияж. Страйк сотни раз наблюдал, как она колдует с

кисточками и щеточками, сидя за туалетным столиком у себя в спальне или в номере отеля, и до такой степени ощущает свою притягательность, что даже не стесняется.

Неужели Шарлотта в преддверии короткого, как трап, пути к алтарю тоже поминутно проверяет телефон? Неужели она еще надеется, неужели ждет ответа на свое вчерашнее послание из четырех слов?

А если отправить ей ответ прямо сейчас, плюнет ли она на свое подвенечное платье (призраком висящее – как представлял себе Страйк – в углу ее комнаты), чтобы натянуть джинсы, побросать в сумку самое необходимое и выскользнуть через черный ход? В машину, втопить педаль – и к югу, где остался человек, у которого она всегда находила спасение…

– Нет, к чертовой матери! – вырвалось у Страйка.

Он встал из-за стола, сунул в карман мобильник, проглотил остатки холодного чая и надел пальто. Нужно было чем-то себя занять: работа всегда служила ему наркотиком.

Хотя Страйк не сомневался, что Кэтрин Кент скрывается от журналистов у какой-нибудь подруги, хотя раскаивался, что без предупреждения заявился к ней под дверь, он все же поехал в Клемент-Эттли-Корт, где лишний раз подтвердил свои опасения. На звонок никто не ответил, свет был выключен, в квартире стояла тишина.

По кирпичной галерее гулял ледяной ветер. Когда Страйк собрался уходить, из-за соседней двери высунулась все та же злющая соседка, только теперь она горела желанием пообщаться.

– Нету ее. А вы, видать, из газеты?

– Да, – ответил Страйк, поскольку заметил ее любопытство и вдобавок не хотел, чтобы Кент узнала о его повторном появлении.

– Ну и замарала же ее ваша братия! – сказала она с плохо скрываемым злорадством. – Такого понаписали! Да только нету ее.

– А когда ее ждать, как вы думаете?

– Вот не знаю, – с сожалением протянула соседка. Сквозь ее седые перманентные завитушки просвечивал розовый скальп. – Хотите, я вам звякну? – предложила она. – Если, конечно, эта фуфыря объявится.

– Буду весьма признателен, – сказал Страйк.

Дать ей визитку он не мог: совсем недавно его имя мелькало во всех газетах. Поэтому он записал свой номер на вырванном из блокнота листке и вручил женщине вместе с двадцатифунтовой купюрой.

– Вот и славно, – деловито сказала она. – Бывайте.

Спускаясь по лестнице, он увидел ту самую кошку, которую шуганула Кэтрин Кент. Кошачьи глаза проводили его с выражением настороженного превосходства. Банды парней во дворе не оказалось: если у тебя нет ничего теплее фуфайки, то в такой колотун на улице делать нечего.

Ходьба по слежавшемуся, грязному снегу требовала немалых физических усилий, и это отвлекало его мысли. Он бы затруднился ответить, с какой целью ходит от одного подозреваемого к другому: чтобы помочь Леоноре или чтобы забыть Шарлотту. Первая уже оказалась за решеткой, а вторая пусть отправляется в ту тюрьму, которую сама для себя выбрала: он не будет ни звонить, ни писать.

Дойдя до метро, Страйк вытащил телефон и позвонил Джерри Уолдегрейву. Он был уверен, что редактор располагает той информацией, которая потребовалась именно теперь, после откровения, посетившего его в «Ривер-кафе», но Уолдегрейв не снимал трубку. Страйк не удивился. У Джерри Уолдегрейва брак трещал по швам, карьера рушилась, дочь еще не была пристроена к делу – ему было не до того, чтобы отвечать на звонки какого-то сыщика. Зачем без необходимости еще больше осложнять себе жизнь?

Мороз, длинные гудки, запертые двери пустых квартир – сегодня явно был не его день. Купив газету, Страйк отправился в «Тотнем» и занял место под портретом кисти художника-оформителя Викторианской эпохи, изобразившего целую серию резвящихся знойных красоток с цветочками в складках воздушных нарядов. Сегодня Страйку представлялось, будто он сидит в зале ожидания, чтобы убить время. Воспоминания, засевшие в мозгу, как шрапнель, отравленная последующими событиями… слова любви и вечной преданности, краткие периоды безоблачного счастья, вереницы обманов… Он не мог сосредоточиться на газетных статьях. Люси, его сестра, однажды взъелась: «Почему ты это терпишь? Почему? Только потому, что она красивая?» А он ответил: «Это примиряет».

Сестра, конечно, ждала, что он скажет «нет». Женщины могут сколько угодно наводить красоту, но не желают слышать, что красота – это главное. Шарлотта была прекрасна; другие даже рядом с ней не стояли; он не уставал восхищаться чудом ее внешности, благодарить судьбу, гордиться…

Любовь, сказал Майкл Фэнкорт, *это заблуждение*.

Страйк перевернул страницу и уставился на кислую физиономию министра финансов, но ничего перед собой не видел. Неужели он просто выдумал то, чего в Шарлотте никогда не было? Придумал ее достоинства, чтобы оттенить эту поразительную внешность? Когда они познакомились, ему было девятнадцать. Зеленый юнец, думал, сидя в пабе, Страйк, который с тех пор набрал килограммов пятнадцать лишнего веса и лишился ноги. Хорошо, пусть он создал Шарлотту по ее же образу и подобию, чтобы поселить в своем одурманенном мозгу, – и что из этого? Ведь он любил и реальную Шарлотту: женщину, которая обнажалась перед ним без утайки и допытывалась, сможет ли он ее любить, если она делала *то-то и то-то*, если сознавалась в *том-то*, если *так* с ним поступала… но в конце концов она перешла границу его терпения, за которой даже ее красота, ярость и слезы не могли его удержать, – и тут же бросилась в объятия другого.

Возможно, это и есть любовь, думал он, принимая сторону Майкла Фэнкорта против невидимой и придирчивой Робин, которая, как ему вдруг показалось, взирает на него с осуждением, пока он сидит за пинтой «Дум-бара» и пытается читать про самую суровую зиму за всю историю метеорологических наблюдений. Посмотрела бы на себя и этого Мэтью… Неужели она не замечает того, что ясно видел Страйк: чтобы остаться с Мэтью, она должна предать себя.

Но где сыскать такую пару, у которой полностью открыты глаза? Неужели там, где царит мещанское благополучие – бесконечная гордость Грега и Люси? Или в неиссякаемом потоке его собственной клиентуры, бурлящем от утомительных вариаций предательства и разочарования? Или в мире слепой преданности, где обитает Леонора Куайн, готовая все простить своему избраннику только за то, что «он писатель»? Или в стане поклонников знаменитости, где такие, как Кэтрин Кент и Пиппа Миджли, молятся на одного и того же связанного, потрошеного индюка?

Страйк вгонял себя в депрессию. Он допивал третью пинту и подумывал взять четвертую, когда у него зажужжал мобильный, положенный на стол экраном вниз.

Медленно потягивая пиво среди прибывающих посетителей, он смотрел на телефон и заключал пари сам с собой. *Медлит у часовни и дает мне последний шанс вмешаться? Или хочет сообщить, что выполнила задуманное?*

Только допив пиво, он перевернул мобильный.

Можешь меня поздравить. Миссис Джейго Росс.

Страйк несколько секунд изучал это сообщение, потом опустил мобильник в карман, встал, сложил газету и, сунув ее под мышку, пошел домой.

Добравшись не без помощи трости до Денмарк-стрит, он вспомнил слова из своей любимой книги, которую, впрочем, давно не держал в руках: она хранилась на дне коробки с его пожитками, выставленной на лестничную площадку.

> …difficile est longum subito deponere amoren,
> difficile est, uerum hoc qua lubet efficias…
>
> Долгую трудно любовь покончить внезапным разрывом,
> Трудно, поистине, – все ж превозмоги и решись.{35}

Беспокойство, терзавшее его с самого утра, отступило. Он проголодался и устал. В три часа должны были транслировать матч «Арсенал» – «Фулем»; еще оставалось время сварганить запоздалый ланч. А вечером, размышлял он, можно будет заглянуть к Нине Лассельс. Предстоящую ночь ему совершенно не улыбалось провести в одиночестве.

42

Матео….странная игрушка.
Доунрейт. Обезьяну передразнивает.
Бен Джонсон.
Каждый по-своему[32]

В понедельник Робин пришла в контору слегка задерганная и усталая, но при этом гордая собой. Почти все выходные они с Мэтью спорили о ее работе. В каком-то смысле (даже странно – после девяти лет отношений) это был самый глубокий и самый серьезный их разговор. Почему она до сих пор не признавалась, что ее тайный интерес к следственной работе проявился задолго до знакомства с Кормораном Страйком? Мэтью потерял дар речи, услышав, что она еще в школе мечтала расследовать преступления.

– Вот уж меньше всего… – забормотал он, исподволь намекая, как поняла Робин, на причины, по которым она бросила университет.

– Я просто не знала, как тебе сказать, – призналась она. – Думала, ты меня засмеешь. Так что Корморан как… как личность, – (она чуть не ляпнула «как мужчина», но вовремя спохватилась), – здесь совершенно ни при чем. Я сама так решила. И хочу освоить именно эту профессию. Мне нравится. А теперь, Мэтт, он обещает направить меня на курсы – что может быть лучше?

Обсуждение продолжилось в воскресенье; расстроенный Мэтью тяжело, как валун, сдвигался с прежних позиций.

– И в выходные работать? – подозрительно спрашивал он.

– Только в случае необходимости. Пойми, я люблю эту работу, Мэтт. У меня больше нет сил притворяться. Это мое призвание, и я должна чувствовать твою поддержку.

В конце концов он ее обнял и дал свое согласие. Робин гнала от себя мысль о том, что вряд ли дождалась бы от Мэтью такой непривычной покладистости, если бы на него не подействовала смерть матери.

Ей не терпелось поделиться со Страйком такими серьезными подвижками, но в конторе никого не было. На столе, возле искусственной елочки, лежала короткая записка, нацарапанная характерным неразборчивым почерком:

Молоко закончилось. Иду завтракать, потом в «Хэмлиз», пока нет давки. PS. Знаю, кто убил Куайна.

Робин ахнула и принялась звонить Страйку на мобильный, но слышала только короткие гудки.

Самый большой магазин игрушек «Хэмлиз» открывался только в десять; Робин сгорала от нетерпения. Открывая и сортируя мейлы, она снова и снова повторяла вызов, но у Страйка по-прежнему было занято.

Так прошло полчаса, потом час. Робин стала раздражаться и даже заподозрила, что Страйк нарочно решил ее помучить.

В десять минут одиннадцатого компьютер деликатным писком сообщил, что поступило новое сообщение. Незнакомый отправитель *Clodia2@live.com* ограничился одним лишь приложением с именем «инфо». Все еще прислушиваясь к сигналу «занято», Робин машинально кликнула мышью. Весь экран заполнила черно-белая фотография на суровом фоне предгрозового неба и какого-то старинного каменного здания. Люди получились не в фокусе – все, кроме невесты, которая, обернувшись через плечо, смотрела прямо в камеру. Робин видела длинное, гладкое, облегающее платье и такую же длинную фату, схваченную тонким бриллиантовым обручем. Черные волосы развевались на сильном ветру, как легкий тюль. Одну руку невесты сжимала рука мужчины, одетого в парадный костюм и, похоже, смеющегося, но Робин больше всего поразило выражение лица новобрачной. Та выглядела сломленной, обделенной, растерянной. И смотрела в упор, как будто одна лишь Робин могла ее понять.

Положив мобильный на стол, Робин впилась глазами в экран. Эту ослепительную женщину она уже видела. И как-то раз даже отвечала на ее звонок: тот глубокий, с чувственной хрипотцой голос трудно было забыть. Робин узнала Шарлотту, бывшую невесту Страйка, которая у нее на глазах выбегала на улицу из этого самого дома. Какая *необыкновенная* красавица. Ее вид почему-то вызывал у Робин

странное ощущение собственной неполноценности и вместе с тем выдавал неизбывную печаль. Шестнадцать лет, с перерывами… шестнадцать лет рядом со Страйком, у которого волосы – как на лобке, боксерский профиль и полторы ноги… впрочем, такие вещи не имеют никакого значения, сказала она себе, неотрывно глядя на прекрасную, печальную невесту…

Вдруг распахнулась дверь. Страйк, нагруженный двумя мешками игрушек, тотчас же оказался рядом с ней, и Робин, которая даже не услышала, как он поднимался по лестнице, вздрогнула от неожиданности, словно попалась на мелкой краже.

– Доброе утро, – сказал он.

Робин торопливо схватила мышку и попыталась закрыть изображение, пока босс ничего не заметил, но своей суетливостью лишь привлекла его внимание к экрану. Сгорая от стыда, она замерла:

– Вот, пришло буквально пару минут назад, я даже не поняла, от кого это, пока не открыла… Извини…

Страйк несколько мгновений рассматривал фотографию, а потом отвернулся и поставил пакеты на пол возле стола.

– Сотри. – В его голосе не было ни грусти, ни гнева – только твердость.

Робин помешкала, но потом закрыла файл, стерла сообщение и очистила «корзину».

– Ну вот, – сказал он, выпрямляясь и своим тоном давая понять, что тема свадебной фотографии закрыта. – У меня на телефоне – три десятка твоих вызовов.

– А как ты думал? – с горячностью воскликнула Робин. – Эта записка… Тут же сказано…

– Пришлось уважить тетушку, – объяснил Страйк. – Пообещал приехать домой на Рождество – и час десять минут выслушивал сводки о состоянии здоровья всех жителей Сент-Моза. – Он посмеялся, заметив неумело скрытую досаду Робин. – Ладно, к делу. Я сейчас сообразил, что до моей встречи с Фэнкортом мы с тобой успеем кое-что провернуть.

Страйк даже не стал снимать пальто: он уселся на кожаный диван и верных десять минут без остановки, во всех подробностях излагал свою версию.

Потом наступило долгое молчание. Робин смотрела на Страйка, не веря своим ушам; у нее перед глазами плыл туманный, мистический образ мальчика-ангела из йоркширской церкви.

– Какое звено вызывает у тебя сомнения? – доброжелательно поинтересовался Страйк.

– Э-э… – выдавила Робин.

– Мы уже согласились, что исчезновение Куайна не могло быть спонтанным, так? – сказал Страйк. – Если сложить вместе матрас на Тэлгарт-роуд – удобная вещь в доме, который пустовал четверть века, – плюс то обстоятельство, что за неделю до своего исчезновения Страйк заходил в книжный магазин, где сообщил старику-букинисту о предстоящем отъезде и желании купить в дорогу какое-нибудь чтиво, плюс показания официантки из «Ривер-кафе», которая утверждает, что Куайн был очень доволен собой, когда орал на Элизабет Тассел, то вполне логично допустить, что исчезновение было инсценировкой.

– Согласна, – сказала Робин. Эта часть версии Страйка была, с ее точки зрения, наиболее приемлемой. Но сказать ему, что дальше начинается нечто несусветное, у нее не повернулся язык, и, чтобы хоть к чему-нибудь придраться, она спросила: – А разве нельзя допустить, что он все же поделился своими планами с Леонорой?

– Нет, категорически. Она даже под страхом смертной казни не сумела бы проявить актерские способности; Куайну только и нужно было, чтобы жена переполошилась всерьез, чтобы начала абсолютно убедительно рассказывать всем и каждому о его исчезновении. Чтобы поставила на уши полицию. Навела шороху в издательстве. Посеяла панику.

– Но раньше такие номера у него не проходили, – возразила Робин. – Сколько раз он сбегал – никому и дела не было; уж кто-кто, а он сам наверняка понимал, что, спрятавшись в старом доме, не сделает себе шумной рекламы.

– Не скажи: в этот раз он подсунул своим знакомым книгу, которая, по его расчетам, должна была взорвать литературный Лондон, ты согласна? Он привлек к ней максимум внимания, когда закатил скандал своему агенту в центре переполненного ресторана и прилюдно заявил о намерении опубликоваться самостоятельно. А дальше он идет домой, разыгрывает сцену перед Леонорой и скрытно отправляется на

Тэлгарт-роуд. В тот же вечер он преспокойно впускает в дом сообщника, не сомневаясь в его преданности.

После длительного раздумья Робин собралась с духом (как правило, она не оспаривала выводов Страйка, который на ее памяти ни разу не ошибся):

– Но у тебя нет никаких доказательств, что у него был сообщник, не говоря уже… то есть… это все субъективно.

Страйк вновь начал перечислять те же пункты, но Робин остановила его жестом:

– Я уже это слышала, но… ты исходишь из чужих рассказов. А вещественных доказательств у тебя нет.

– Ну почему же, есть, – возразил Страйк. – «Бомбикс Мори».

– Это не…

– Это единственная и чрезвычайно важная улика.

– Ты сам всегда мне внушаешь: *средства и возможности*. Ты сам говоришь, что мотив не…

– Я пока ни словом не упомянул мотив, – напомнил ей Страйк. – Кстати, я даже не уверен, в чем заключается мотив, хотя некоторые соображения имеются. А если тебе нужны вещественные доказательства, собирайся – поможешь мне их раздобыть.

Робин посмотрела на него с опаской. Страйк еще ни разу не поручал ей раздобыть вещественные доказательства.

– Поехали – будешь моей посредницей в разговоре с Орландо Куайн, – сказал он, отталкиваясь от спинки дивана. – Не хочу беседовать с ней наедине – она… я бы сказал… каверзная штучка. Тем более мои волосы ей не нравятся. Сейчас она в Лэдброк-Гроув, у соседки, так что едем, пока не поздно.

– Это у нее пониженная обучаемость? – в недоумении спросила Робин.

– Угу, – сказал Страйк. – Она не расстается с плюшевой обезьяной – таскает ее на шее. В «Хэмлиз» таких горы. Вообще это детский рюкзачок, называется «обезьянка Чики».

Робин уставилась на Страйка, будто опасаясь за его рассудок.

– Пока я был у них дома, на ней все время висела эта обезьяна, и Орландо, как фокусница, извлекала откуда-то всякую всячину: рисунки, фломастеры, открытку, которую стащила с кухонного стола. До меня не сразу дошло, что все это она вытаскивала из рюкзачка.

Девочка поворовывает, – продолжал Страйк, – а при жизни отца то и дело шныряла к нему в кабинет. Выпрашивала бумагу для рисования.

– И ты надеешься, что ключ к разгадке убийства Куайна лежит у нее в рюкзаке?

– Нет, но я считаю, она вполне могла стащить у него страницы рукописи «Бомбикса Мори», да и сам Куайн мог отдать ей какие-нибудь черновики, чтобы рисовала на обороте. Меня интересуют любые клочки бумаги с текстом, пусть это будет хотя бы пара абзацев, не важно. Слушай, я понимаю, что это притянуто за уши, – сказал Страйк, верно истолковав ее взгляд, – но к нему в кабинет нам все равно не попасть, да к тому же полицейские уже перевернули там все вверх дном и ничего не нашли, а записные книжки и черновики, которые Куайн забрал с собой, наверняка давно уничтожены. Обезьянка Чики – последнее, что приходит мне на ум. – Он посмотрел на часы. – Если мы хотим успеть в Лэдброк-Гроув и обратно до моей встречи с Фэнкортом, надо пошевеливаться. Кстати, чуть не забыл…

Страйк вышел за дверь. Услышав его шаги по ступеням, Робин решила, что он поднимается к себе в квартиру, но нет: доносившийся сверху шорох означал, что ее босс роется в картонных коробках, выставленных на лестничную площадку. Вернулся он с коробкой латексных перчаток, определенно прихваченных перед увольнением из Отдела специальных расследований, и прозрачным пластиковым пакетом на молнии – точно такого размера, какие выдаются авиапассажирам для туалетных принадлежностей.

– Мне понадобится еще одно, ключевое вещественное доказательство, – сообщил он, протягивая пару перчаток недоумевающей Робин. – Будет здорово, если ты сумеешь раздобыть его прямо сегодня, за время моей беседы с Фэнкортом.

В нескольких емких выражениях Страйк объяснил, что ему нужно и зачем.

Его не слишком удивило, что за этими инструкциями последовало ошеломленное молчание.

– Нет, ты шутишь, – слабо пробормотала Робин.

– Ничуть.

Она невольно зажала рот ладонью.

– Я не предвижу никаких опасностей, – заверил ее Страйк.

– Да не в том дело. Корморан, это же… это *гадость.*

– Что… ты серьезно? Съездила бы на прошлой неделе в «Холлоуэй» к Леоноре Куайн – не говорила бы таких вещей, – нахмурился Страйк. – Чтобы ее вытащить, нужно действовать по-умному.

«По-умному?» – мысленно переспросила Робин, сжимая в руке обвисшие перчатки. Его план действий на этот день вначале показался ей диковатым, нелепым, а под конец – просто омерзительным.

– Слушай, – он вдруг посерьезнел, – не знаю, как тебе объяснить, но я это чувствую. *Я иду на запах, Робин*. За этим преступлением стоит кто-то полубезумный, чертовски опасный, но изворотливый. Этого идиота Куайна с легкостью заманили, куда нужно, сыграв на его самовлюбленности; поверь, не я один так считаю.

Страйк бросил ей пальто; пока она одевалась, он засовывал во внутренний карман пластиковые пакеты для вещдоков.

– От разных людей я слышал, что к этому делу был причастен кто-то еще: Чард утверждает, что это Уолдегрейв; Уолдегрейв кивает на Тассел; Пиппа Миджли просто слишком глупа, чтобы заметить очевидное, а вот Кристиан Фишер мыслит более широко, поскольку он не выведен в книге, – сказал Страйк. – Сам того не ведая, он попал в точку.

Спускаясь вслед за Страйком по металлической лестнице навстречу непогоде, Робин с трудом успевала следить за его логикой и скептически отметала те подробности, которых не могла понять.

– Это убийство, – продолжал Страйк, шагая вместе с Робин по Денмарк-стрит и закуривая сигарету, – потребовало многомесячной, если не многолетней подготовки. Гениальный план, но, если вдуматься, слишком изощренный – это его и загубит. Невозможно спланировать убийство, как книгу. В реальной жизни всегда возникают какие-то нестыковки.

Страйк видел, что Робин это не убеждает, но не отчаивался. У него был опыт общения с недоверчивыми подчиненными.

Они спустились в метро и сели в поезд Центральной линии.

– Что ты купил племянникам? – спросила Робин после затяжной паузы.

– Камуфляжные костюмы и разные пушки, – ответил Страйк, который руководствовался в своем выборе исключительно желанием

насолить Грегу, – а для Тимоти Энстиса – здоровенный барабан. Пусть малыш порадует домашних рождественским утром, часов этак в пять.

Несмотря на свою подавленность, Робин фыркнула от смеха.

Шеренга застывших домов, видевшая в прошлом месяце бегство Куайна, была, как и весь Лондон, покрыта снегом, девственно-чистым на крышах и грязно-серым под ногами. С вывески паба, словно верховный бог, взирал сверху вниз на зимнюю улицу веселый эскимос.

Возле дома Куайнов сегодня дежурил другой офицер, а у тротуара стоял белый микроавтобус с открытыми дверями.

– Сад перекапывают: кишки ищут, – вполголоса сказал Страйк, когда они с Робин подошли поближе и увидели на полу микроавтобуса лопаты. – На свалке поживиться не удалось, а у Леоноры под клумбами тем более ловить нечего.

– Это *ты* так считаешь, – прошипела Робин, немного смущаясь под взглядом красавца-полицейского.

– А *ты* сегодня поможешь мне это доказать, – чуть слышно парировал Страйк. – Здравствуйте, – обратился он к бдительному констеблю, но тот не ответил.

Страйк будто подзаряжался от своей безумной версии, но, сказала себе Робин, если он чудом окажется прав, то убийство приобретет еще более уродливые черты, даже на фоне мясницкой разделки трупа…

Прошагав на расстоянии вытянутой руки от строгого полицейского, они остановились у соседней двери. Страйк позвонил, и немного погодя им открыла невысокая встревоженная женщина лет за шестьдесят, в халате и отороченных мехом тапках.

– Вы – Эдна? – спросил Страйк.

– Да, – робко сказала она, глядя на него снизу вверх.

Когда он назвался сам и представил Робин, морщины на лбу Эдны разгладились и на лице отразилось скорбное облегчение.

– А, это вы. Я про вас много слышала. Вы ведь Леоноре помогаете? Собираетесь ее вытащить, верно?

Робин готова была провалиться сквозь землю оттого, что красавец-констебль вслушивался в каждое слово.

– Входите, входите, – приговаривала Эдна, пятясь и энергичным жестом зазывая их в дом.

– Миссис… простите, не знаю вашей фамилии… – начал Страйк, вытирая ноги о коврик (в этом доме, планировкой повторяющем

соседние, было тепло, чисто и уютно, не то что у Куайнов).

– Зовите меня Эдна, – просияла она.

– Спасибо, Эдна… только знаете… прежде чем впускать в дом незнакомых людей, положено спрашивать у них документы.

– Ой, да чего там… – занервничала Эдна, – говорю же, Леонора про вас рассказывала.

Перед тем как проследовать по коридору в бело-голубую кухню, намного более жизнерадостную, чем у Леоноры, Страйк все же настоял, чтобы Эдна посмотрела его водительские права.

– А она наверху сидит, – сказала Эдна, когда Страйк объяснил, что они хотят повидать Орландо. – Не в настроении. Кофе хотите?

Она засуетилась, доставая чашки, а сама, как свойственно несчастливым и одиноким, без умолку говорила:

– Вы меня поймите правильно, я не возражаю за ней приглядеть, за болезной… – она переводила удрученный взгляд со Страйка на Робин, – но сколько ж можно? Родни – вы ведь знаете – у них нет. Вчера инспекторша из социальной службы приходила, проверяла, какие тут условия. Если, говорит, вы нашу подопечную не сможете у себя оставить, придется в дом хроников ее определить или еще в какое заведение, а я ей: с Орландо так нельзя, она же с мамой никогда не разлучалась, нет уж, пускай пока у меня, да только… – Эдна подняла глаза к потолку. – Сегодня она сама не своя, горюет очень. Все спрашивает, когда мама придет, а что я ей отвечу? Я же не могу ей правду сказать. Да еще у них весь сад разворотили, Мистера Пука выкопали…

– Дохлого кота, – шепнул Страйк, повернувшись к Робин; у Эдны из-под очков текли слезы и падали с круглых щек.

– Болезная наша, – повторила она.

Поставив перед Страйком и Робин по чашке кофе, Эдна пошла наверх, чтобы привести Орландо. Уламывать ее пришлось битых десять минут, но Страйк был сам не свой от радости, когда Орландо, надутая, в засаленном тренировочном костюме, появилась в конце концов на пороге, прижимая к груди обезьянку Чики.

– Его зовут как великана, – объявила дочь Леоноры на всю кухню при виде Страйка.

– Точно, – кивнул Страйк. – Вот умница, запомнила.

Орландо свернулась в кресле, которое подвинула ей Эдна, и крепко сжала в руках орангутанга.

– Меня зовут Робин, – с улыбкой представилась Робин.

– Ты птица, – быстро сказала Орландо. – И я тоже. Птица Додо.[{36}]

– Так ее мама с папой прозвали, – объяснила Эдна.

– Мы с тобой – две птицы, – подтвердила Робин.

Орландо присмотрелась к Робин и без единого слова ушла из кухни.

Эдна глубоко вздохнула:

– Такая обидчивая. Никогда не знаешь, что у нее…

Но Орландо очень скоро вернулась с фломастерами и перекидным альбомом; Страйк не сомневался, что все это купила Эдна, чтобы только ее занять. Орландо села за кухонный стол и улыбнулась Робин приветливой, открытой улыбкой, от которой у Робин сжалось сердце.

– Нарисую тебе малиновку, – объявила Орландо.

– Ты меня *очень* порадуешь, – сказала Робин.

Высунув кончик языка, Орландо принялась за дело. Робин молча смотрела, что получается. Чувствуя, что Робин, в отличие от него, уже нашла с Орландо общий язык, Страйк взял шоколадное печенье, предложенное Эдной, и завел разговор о снежной погоде.

Орландо закончила рисунок, вырвала его из альбома и подтолкнула через стол к Робин.

– Красиво получилось, – с воодушевлением похвалила Робин. – Жаль, что у меня не получится Птица Додо – я совсем не умею рисовать.

Страйк знал, что это неправда. Робин рисовала прекрасно: он видел наброски, которые она в задумчивости делала на ненужных листках.

– Но я тоже должна тебе что-нибудь подарить.

Порывшись в сумке под нетерпеливым взглядом Орландо, Робин вытащила круглое карманное зеркальце, украшенное с обратной стороны стилизованным изображением розовой птицы.

– Вот, погляди, – сказала Робин. – Фламинго. Еще одна птица. Это тебе.

Благоговейно приоткрыв рот, Орландо взяла подарок.

– Скажи тете спасибо, – напомнила Эдна.

– Спасибо, – повторила за ней Орландо и спрятала зеркальце в мягкий рюкзак.

– Это что у тебя, сумочка? – оживленно спросила Робин.

– Это – обезьянка моя. – Орландо еще крепче прижала к себе орангутанга. – Мне ее папа подарил. Мой папа умер.

– Как это грустно, – тихо сказала Робин, невольно вспомнив брюшную полость трупа, раскрытую, как пустой рюкзак…

Страйк незаметно посмотрел на часы. Приближалось время встречи с Майклом Фэнкортом. Робин пригубила кофе и спросила:

– А что ты хранишь в своей обезьянке?

– У тебя волосы красивые, – сказала Орландо. – Блестящие, желтенькие.

– Спасибо, – отозвалась Робин. – А какие-нибудь рисунки там есть?

Орландо кивнула.

– Можно взять печенюшку? – спросила она у Эдны.

– Давай посмотрим другие твои рисунки, – предложила Робин.

Орландо жевала печенье. Поразмыслив, она раскрыла своего орангутанга. Из его нутра появился ворох рисунков на мятых листках разных цветов и размеров. Вначале ни Страйк, ни Робин не стали их переворачивать, а только нахваливали, пока Орландо раскладывала рисунки на столе.

Робин задавала вопросы насчет яркой морской звезды и танцующих ангелочков, нарисованных фломастерами и маркерами. Купаясь в таком внимании, Орландо засунула руку поглубже в рюкзак, чтобы достать принадлежности для рисования. Но вначале ей пришлось вытащить продолговатую серую кассету с узкой машинописной лентой, сохранившей перевернутые отпечатанные слова. Страйк поборол в себе желание тут же смахнуть ее в ладонь и проследил, как лента скрылась под набором цветных карандашей и коробочкой мятных пастилок. Орландо извлекла из рюкзака рисунок бабочки, сквозь который с оборотной стороны просвечивал небрежный взрослый почерк. Поощряемая Робин, она продолжала опустошать свой рюкзак, доставая какие-то наклейки, открытку с видом Мендип-Гильса{37} и круглый магнит с надписью: «Осторожно! Не попади в мою книгу!» Под конец она показала им три картинки на бумаге качеством повыше: два листа с гранками книжных иллюстраций и макет книжной обложки.

– Это с папиной работы, – сообщила Орландо. – Я захотела их взять, а Данилчар стал меня тискать.

Она ткнула пальцем в яркую картинку, и Страйк узнал «Кенгуру, который любил прыгать». Орландо наградила кенгуру шапкой и чемоданчиком, а контурное изображение принцессы, беседующей с лягушкой, раскрасила неоновыми маркерами.

Радуясь, что Орландо не дичится, Эдна сварила еще кофе. Страйка поджимало время, но он боялся поторапливать Орландо, чтобы та в обиде не сгребла свои сокровища обратно в рюкзак. Болтая как ни в чем не бывало, Страйк и Робин перебирали бумажки. Когда Робин находила что-нибудь интересное, она подвигала листки к Страйку.

На обороте рисунка с бабочкой был нацарапан список имен:

«Сэм Бревиль, Эдди Бойн? Эдвард Баскинвиль? Стивен Брук?»

Открытка с видом Мендип-Гильса, отправленная в июле, содержала короткое послание: «Погода отличная, гостиница паршивая, надеюсь, книга движется! ЦЦ. В.» Это был единственный рукописный текст. Кое-какие рисунки Орландо запомнились Страйку с прошлого раза. Один был сделан на детском меню из какого-то ресторана, другой – на квитанции за газ.

– Нам пора, – с напускным сожалением вздохнул Страйк, допивая кофе.

Словно по рассеянности, он все еще держал в руке макет обложки романа Доркус Пенгелли «Коварные скалы»: под каменисто-песчаным сводом прибрежной пещеры раскинулась навзничь полуодетая женщина, на которую падала мужская тень. Стараниями Орландо в бурных водах появился жирный черный контур большой рыбины. Под этот шедевр Страйк осторожно подтолкнул кассету с использованной машинописной лентой.

– Не уходи! – взмолилась Орландо, глядя на Робин и чуть не плача.

– Мы замечательно провели время, правда? – сказала Робин. – И непременно встретимся снова. Береги своего фламинго, хорошо? А я буду хранить малиновку…

Но Орландо заголосила и затопала ногами. Она не хотела нового расставания. Под шумок Страйк ловко завернул кассету, не оставив на ней ни единого отпечатка, в обложку «Коварных скал» и сунул в карман.

Через пять минут они уже были на улице. Робин слегка трясло, потому что Орландо в коридоре начала с воем цепляться за ее одежду и Эдне стоило немалых трудов удержать дочь Леоноры в доме.

– Бедная девочка, – прошептала Робин, чтобы этого не услышал констебль. – Господи, я еле выдержала.

– Ничего, – сказал Страйк, – зато с пользой.

– Неужели ты выкрал эту ленту?

– А как же? – Убедившись, что констебль остался за пределами видимости, Страйк достал из кармана свою добычу и вместе с книжной обложкой переложил в полиэтиленовый пакет для вещдоков. – И не только ее.

– Правда?

– Еще и возможную наводку, – сказал Страйк. – Но может статься, это пустой номер. – Он посмотрел на часы и прибавил шагу; колено в знак протеста отозвалось пульсирующей болью. – Мне нужно торопиться.

Через двадцать минут, когда они нашли два места в переполненном вагоне метро, Страйк сказал:

– Ты четко усвоила свою задачу?

– Более чем, – сдержанно ответила Робин.

– Я понимаю, это удовольствие – ниже среднего…

– Меня другое беспокоит.

– …но, как я уже сказал, никаких опасностей я не предвижу, – добавил он, приготовившись выходить на Тотнем-Корт-роуд. – Вот только… – Почему-то Страйк осекся и слегка нахмурил тяжелые брови. – Твои волосы.

– Что не так? – Робин инстинктивно подняла руку к голове.

– Слишком броские, – объяснил Страйк. – У тебя с собой нет какой-нибудь шапчонки?

– Я… я могу по дороге купить, – заволновалась Робин.

– Внесешь эту покупку в графу «мелкие расходы», – сказал Страйк. – Подстраховаться никогда не вредно.

43

Видали! Ну и суета!
Уильям Шекспир.
Тимон Афинский[33]

Провожаемый обрывками традиционных рождественских песен и сезонных шлягеров, Страйк свернул с многолюдной Оксфорд-стрит налево, где тянулась не такая шумная и не такая широкая Дин-стрит. Магазинов здесь не было; по обеим сторонам улицы стояли кубики домов с разноцветными фасадами: белыми, красными, серовато-бурыми. Они перемежались офисами, барами, закусочными. Страйк остановился, чтобы пропустить грузчиков, таскавших ящики со спиртным из пикапа ко входу в пищеблок. В Сохо, куда влекло богему, рекламщиков и издателей, к Рождеству готовились без лишней суеты, а в клубе «Граучо» – еще и с особой тщательностью.

Серое, почти ничем не примечательное здание с черными оконными переплетами и небольшими вечнозелеными деревцами за простыми выгнутыми балюстрадами. Престиж его определялся не фасадом, а эксклюзивностью: мало кто из посторонних мог попасть в этот закрытый арт-клуб. Страйк переступил через порог и оказался в небольшом холле, где к нему приветливо обратилась стоявшая за стойкой девушка:

– Чем я могу вам помочь?

– У меня встреча с Майклом Фэнкортом.

– Так, сейчас… вы – мистер Стрик?

– Он самый, – сказал Страйк.

Его направили через длинный бар с кожаной мебелью, где было не протолкнуться от любителей пропустить стаканчик в дневное время, и дальше – вверх по лестнице. Поднимаясь по ступеням, Страйк в который раз думал о том, что при подготовке к службе в Отделе специальных расследований его не учили снимать показания в обход официальных санкций и полномочий, да еще на территории

подозреваемого, где тот имеет полное право в любой момент встать и уйти – без объяснений и видимых причин. Офицеры ОСР неукоснительно строили допрос по схеме «кто, где, что»… Страйк всегда помнил эту жесткую, эффективную методику, но теперь ему приходилось скрывать, что он мысленно заполняет таблицу. К тем, кто считает, что делает тебе одолжение, требуется специфический подход.

Ступив на паркет в баре второго этажа, Страйк тотчас же заметил нужное лицо: там, где вдоль стены с произведениями современной живописи тянулся ряд красных, синих и желтых диванов, по диагонали раскинулся в нарочито непринужденной позе Майкл Фэнкорт, закинув руку на ярко-красную спинку и согнув одно колено. Над огромной головой неоновым ореолом висели «пятна» Дэмьена Хёрста.{38}

У писателя были войлочно-плотные, черные с сединой волосы, тяжелые черты лица и глубокие складки в углах крупных губ. Завидя Страйка, он улыбнулся. Наверное, кому-нибудь другому, кого он держал за равного, Фэнкорт адресовал бы совсем иную улыбку (на эту мысль наводила тщательно выверенная расслабленная поза в сочетании с привычно кислой миной), но как проявление благосклонности сгодилась и такая.

– Мистер Страйк…

Возможно, он бы даже поднялся для рукопожатия, но рост и масса Страйка часто отбивали у невысоких мужчин охоту вставать.

Они пожали друг другу руки над деревянным столиком. Подсаживаться на диван к развалившемуся Фэнкорту Страйк не хотел, чтобы не создавать благодушную атмосферу, а потому без всякого удовольствия опустился на массивный круглый пуф, крайне неудобный при его росте и ноющем колене.

Рядом громко рассказывал о себе двум собеседникам бритоголовый герой мыльных опер, недавно сыгравший солдата в телепостановке Би-би-си. Фэнкорт и Страйк заказали напитки, но отклонили меню. Страйк мог только порадоваться, что писатель не голоден. В очередной раз оплачивать чужой ланч было ему совершенно не с руки.

– Давно вы состоите в этом клубе? – спросил он Фэнкорта, когда официант отошел.

– С момента открытия. Я был в числе первых инвесторов, – сказал Фэнкорт. – Единственный клуб, который я признаю. От случая к случаю могу здесь даже заночевать. Наверху есть номера. – Фэнкорт

пригвоздил Страйка расчетливо-пристальным взглядом. – Я ждал нашего знакомства. Главный герой моей следующей книги – участник, так сказать, борьбы с терроризмом и сопутствующих ей военных действий. Когда будет исчерпана тема Куайна, рассчитываю обратиться к вашему опыту.

Страйк кое-что знал о приемах манипуляции, которыми пользуются знаменитости. Отец Люси, гитарист Рик, хоть и не столь известный, как Фэнкорт или отец Страйка, принимал как должное, что женщины средних лет вздрагивали и ахали, видя его в очереди за мороженым в Сент-Мозе («Ой, неужели это вы?! Как вас сюда занесло?»). Однажды Рик поведал юному Страйку, что есть верный способ затащить девушку в постель: пообещать, что ты сочинишь о ней песню. Заявление Фэнкорта о намерении придать своему герою черты Страйка прозвучало вариацией на ту же тему. До него, скорее всего, не доходило, что Страйк уже не раз читал о себе в печатных изданиях и никогда не искал подобной известности. Невыразительным кивком обозначив согласие, Страйк достал блокнот.

– Не возражаете? Тут у меня наметки вопросов.

– Сколько угодно. – Фэнкорта, видимо, позабавила такая дотошность.

Он отбросил номер «Гардиан», который читал до прихода Страйка. Страйк успел заметить изображение сморщенного, но элегантного старика, которое даже в перевернутом виде показалось ему смутно знакомым. Подпись гласила: «Пинклмен в девяносто».

– Добрый старина Пинкс, – произнес Фэнкорт, перехватив взгляд Страйка. – На следующей неделе мы устраиваем для него небольшое чествование в арт-клубе «Челси».

– Так-так. – Страйк пошарил в поисках ручки.

– Он знал моего дядю. Они вместе служили в армии, – сообщил Фэнкорт. – Когда я, неоперившийся выпускник Оксфорда, написал свой первый роман, «Белафрон», бедный дядюшка, желая составить мне протекцию, отослал рукопись Пинклмену – единственному писателю среди своих знакомых.

Фэнкорт говорил размеренно, как будто под невидимую стенограмму. Его рассказ казался – и, наверное, не зря – хорошо отрепетированным: давать интервью было ему не внове.

– Пинклмен – в то время автор нашумевшей серии книжек «Большое приключение Банти» – не понял ни слова, – продолжал Фэнкорт, – но, чтобы только не обижать моего дядю, переправил рукопись в «Чард букс», где она по счастливой случайности легла на стол к единственному во всем издательстве человеку, способному понять, что же я написал.

– Повезло, – заметил Страйк.

Официант принес вино для Фэнкорта и стакан воды для Страйка.

– Значит, – сказал детектив, – вы оказали Пинклмену ответную услугу, когда порекомендовали его своему агенту?

– Верно. – Фэнкорт с покровительственным видом кивнул, как учитель, похваливший внимательного ученика. – Пинклмен в то время сотрудничал с агентом, который регулярно «забывал» переводить ему потиражные. Можно что угодно говорить об Элизабет Тассел, но она честная… в деловых вопросах она честная, – поправился Фэнкорт и отпил немного вина.

– Она, конечно, придет на чествование Пинклмена? – спросил Страйк, наблюдая за реакцией Фэнкорта. – Ведь она до сих пор представляет его интересы?

– Меня мало волнует, придет она или нет. Неужели она воображает, что я до сих пор держу на нее зло? – с характерной кислой улыбкой спросил Фэнкорт. – Да я о Лиз Тассел, бывает, годами не вспоминаю.

– Почему все-таки она не захлопнула двери перед Куайном, когда вы ее об этом попросили? – спросил Страйк.

Он счел вполне возможным пойти в лобовую атаку на человека, который в первые же минуты знакомства заявил о своих корыстных интересах.

– Я никогда не просил, чтобы Лиз Тассел захлопнула дверь перед Куайном, – все с той же неспешной четкостью, как под запись, ответил Фэнкорт. – Я лишь объяснил, что не смогу пользоваться услугами ее агентства, если там останется Куайн, и ушел.

– Понимаю, – сказал Страйк, которого трудно было удивить подобной казуистикой. – А как вы думаете, почему она позволила вам уйти? Вы же рыба куда крупнее, правда?

– Скажу без ложной скромности: против меня Куайн был что уклейка против барракуды, – самодовольно хмыкнул Фэнкорт, – но дело в том, что Лиз Тассел с ним спала.

– Надо же. А я и не знал. – Страйк выдвинул стержень шариковой ручки.

– Лиз тоже поступила в Оксфорд, – начал Фэнкорт, – кровь с молоком, отчаянная девица, которая до этого ездила с отцом по северным фермам и помогала холостить быков. Только и ждала, чтобы кто-нибудь на нее польстился, но желающих не находилось. Она и на меня имела виды, причем очень серьезные: мы с ней выбрали один и тот же семинар, и пикантные елизаветинские интриги как будто были специально придуманы для возбуждения девушек, но даже я в своем альтруизме не заходил столь далеко, чтобы лишить ее девственности. Мы с нею так и остались друзьями, – продолжил Фэнкорт, – а когда она открыла литературное агентство, я привел к ней Куайна, который всегда отличался, условно говоря, непритязательным вкусом. Неизбежное произошло.

– Захватывающая история, – сказал Страйк. – Неужели это всем известно?

– Вряд ли, – ответил Фэнкорт. – Куайн к тому времени успел жениться на своей… на своей убийце… полагаю, сейчас уже можно так ее называть? – задумчиво спросил он. – Думаю, при описании близких отношений «убийца» звучит эффектнее, чем «супруга»? И Лиз, по всей вероятности, угрожала ему расправой, если он, в силу своей врожденной бестактности, начнет сплетничать об их специфических интимных забавах и тем самым вконец отвратит меня от ее неугасшей страсти.

Что это, спросил себя Страйк: слепое тщеславие, констатация фактов или и то и другое?

– Она поедала меня своими большими коровьими глазами, ждала, надеялась… – с кривой усмешкой продолжил Фэнкорт. – После смерти Элли до нее наконец дошло, что я даже с горя не лягу с ней в постель. Думаю, для нее была невыносима мысль о предстоящих годах воздержания, вот она и стояла горой за своего единственного мужчину.

– Уйдя из агентства, вы хоть раз общались с Куайном? – спросил Страйк.

– В первые годы после смерти Элли он пулей вылетал из любого бара, если туда входил я, но со временем осмелел и мог остаться сидеть в одном со мной ресторане, бросая в мою сторону нервные

взгляды. Нет, по-моему, с тех пор мы не общались, – равнодушно заключил Фэнкорт. – Вас, наверное, ранило в Афганистане?

– Угу, – ответил Страйк.

Возможно, на женщин это действует, размышлял Страйк, этот расчетливо-пристальный взгляд. Возможно, Оуэн Куайн завораживал Кэтрин Кент и Пиппу Миджли таким же голодным, вампирическим взглядом, когда обещал включить их в «Бомбикс Мори»… и каждая с волнением предвкушала, что частица ее личности, ее жизни навеки останется в янтаре его прозы…

– Как это случилось? – спросил Фэнкорт, указывая взглядом на ногу Страйка.

– Самодельное взрывное устройство, – ответил Страйк. – А что насчет Тэлгарт-роуд? Вы с Куайном были совладельцами недвижимости. У вас не возникало потребности обсудить какие-нибудь детали? Вы не сталкивались в том доме?

– Никогда.

– И не наведывались туда с проверкой? Ни разу за… сколько лет вы им владеете?

– Лет двадцать – двадцать пять или около того, – безразлично сказал Фэнкорт. – Нет, после смерти Джо ноги моей там не было.

– Вероятно, следователи задавали вам вопросы в связи с тем, что одна свидетельница якобы видела вас восьмого ноября возле этого дома?

– Задавали, – скупо ответил Фэнкорт. – Она ошиблась.

Сидевший рядом актер не умолкал.

– …Ну, думаю, все, капец: ни фига не вижу, в глазах песок, куда бежать – непонятно…

– Значит, вы не входили в дом с восемьдесят шестого года?

– Не входил. – Фэнкорт начал раздражаться. – Вообще говоря, и Оуэну, и мне этот дом был в тягость.

– Но почему?

– Потому что в нем очень тяжело умирал наш общий друг Джо. Он ненавидел больницы, отказывался от лечения. К тому времени, как он впал в кому, дом пришел в жуткое состояние, а сам Джо, который при жизни был настоящим Аполлоном, превратился в мешок костей, кожа просто… Кончина его была страшной, – выговорил Фэнкорт, – да еще Дэниел Ча…

Лицо Фэнкорта застыло. Он пожевал губами, словно в буквальном смысле съел остаток фразы. Страйк выжидал.

– Интересная личность Дэн Чард, – проговорил Фэнкорт, с ощутимым усилием выдвигаясь из тупика, в который сам себя загнал. – Я считаю, то, как он описан в «Бомбиксе Мори», – это самый большой промах Оуэна; впрочем, грядущие поколения вряд ли будут обращаться к «Бомбиксу Мори» как к источнику тонкого психологизма, вы согласны? – коротко хохотнул он.

– А как бы вы описали Дэниела Чарда? – спросил Страйк.

Фэнкорт, похоже, удивился такому вопросу, но, с минуту подумав, ответил:

– В моем окружении Дэн – самый несостоявшийся человек. Он занимается делом, которое знает, но не любит. Его влечет молодое мужское тело, но он ограничивается изображением его на бумаге. У него масса внутренних запретов и самопридирок, чем, собственно, и объясняется его преувеличенная, болезненная реакция на эту карикатуру. Дэном всегда помыкала мать, чудовищная особа, светская львица, одержимая патологическим желанием передать сыну семейный бизнес. Мне кажется, – сказал Фэнкорт, – я бы мог сделать из этого интересный сюжет.

– Почему Чард отклонил книгу Норта? – спросил Страйк.

Фэнкорт опять пожевал губами, а потом сказал:

– Знаете, я неплохо отношусь к Дэниелу Чарду.

– У меня сложилось впечатление, – заметил Страйк, – что в какой-то момент между вами пробежала черная кошка.

– С чего вы так решили?

– На юбилейном фуршете вы сказали: «Признаюсь, не ожидал когда-нибудь вновь оказаться в издательстве „Роупер Чард“».

– Вы там присутствовали? – резко спросил Фэнкорт, и Страйк кивнул. – С какой целью?

– Я разыскивал Куайна, – ответил Страйк. – По поручению его жены.

– Но, как теперь нам всем известно, она прекрасно знала, где он находится.

– Нет, – сказал Страйк. – Это вряд ли.

– Вы в самом деле так считаете? – спросил Фэнкорт, склонив набок свою большую голову.

– Да, именно так, – ответил Страйк.

Вздернув брови, Фэнкорт пристально разглядывал Страйка, словно музейный экспонат за стеклом.

– Значит, вы не осуждали Чарда, когда он отклонил роман Джо Норта? – Страйк вернулся к основной теме.

После короткой паузы Фэнкорт признался:

– Вообще говоря, осуждал. По какой причине Дэн передумал издавать эту книгу, может объяснить только Дэн, но мне видится так: в прессе пошла волна по поводу состояния Джо, обыватели всколыхнулись из-за того, что в его готовившейся к публикации книге даже не пахло раскаянием, и Дэн, который прежде не понимал, что у Джо настоящий СПИД, пришел в панику. Он не хотел, чтобы его имя ассоциировалось с банями и со СПИДом, а потому сообщил Джо, что по зрелом размышлении решил его не издавать. Это был низкий, трусливый поступок, и мы с Оуэном… – Еще одна пауза; как давно Фэнкорт не объединял себя с Куайном? – Мы с Оуэном считали, что это и убило Джо Норта. Он едва удерживал ручку, он практически ослеп, но отчаянно пытался завершить книгу. Мы чувствовали, что только работа дает ему жизнь. И тут Чард присылает письмо, в котором сообщает, что контракт аннулирован; Джо прекратил работу и через двое суток умер.

– Здесь прослеживается сходство, – сказал Страйк, – с судьбой вашей первой жены.

– Ничего похожего, – вяло возразил Фэнкорт.

– Ну почему же?

– У Джо была действительно стоящая книга. – На этот раз молчание затянулось. – С чисто литературной точки зрения, – добавил Фэнкорт. – Разумеется, такая точка зрения – не единственная.

Он допил вино и жестом дал знак бармену повторить. За соседним столиком актер, не переводя дыхания, продолжал свои россказни:

– …говорю: «Ненатурально – и хрен-то с ним: что ж мне, по-вашему, руку себе отпилить, что ли?»

– Вам, должно быть, пришлось очень трудно, – сказал Страйк.

– Да, – желчно отозвался Фэнкорт, – можно, наверное, и так сказать: «трудно».

– Вы потеряли близкого друга и жену в пределах… пары месяцев, да?

– Да, в пределах нескольких месяцев.

– Неужели все это время вы продолжали писать?

Фэнкорт раздраженно, снисходительно хохотнул:

– Представьте, да: я продолжал писать! Это моя профессия. Разве кому-нибудь приходит в голову задавать вам вопрос: «Неужели вы продолжали *служить в армии*, когда на вас свалились трудности личного свойства?»

– Да нет, – беззлобно сказал Страйк. – А что вы писали?

– Эта вещь так и не увидела свет. Я забросил свою книгу, чтобы закончить роман Джо.

Официант поставил перед Фэнкортом второй бокал вина и отошел.

– Роман Джо Норта требовал большой доработки?

– Почти никакой, – ответил Фэнкорт. – Джо был великолепным прозаиком. Я причесал несколько шероховатостей и довел до ума концовку. После Джо осталось достаточно заметок, было понятно, как он думал закончить «К вершинам». Затем я отнес рукопись Джерри Уолдегрейву, который уже тогда работал в «Роупере».

Вспомнив услышанную от Чарда историю насчет излишнего внимания Фэнкорта к жене Уолдегрейва, Страйк решил не рисковать.

– Вам приходилось до этого сотрудничать с Уолдегрейвом?

– Нет, меня он не правил, но у него была репутация талантливого редактора, и вдобавок я знал, что он симпатизировал Джо. И мы с ним стали работать вместе.

– Он действительно оказался на высоте?

Раздражение Фэнкорта улетучилось. Его даже развеселила выбранная Страйком линия разговора.

– Да, – сказал он и отпил вина. – На большой высоте.

– Но сейчас, перейдя в «Роупер Чард», вы уже не захотели иметь с ним дело?

– Особого желания не испытывал, – с улыбкой ответил Фэнкорт. – Он в последнее время стал много пить.

– Как вы думаете, зачем Куайн продернул Уолдегрейва в «Бомбиксе Мори»?

– Откуда же я могу знать?

– По всей видимости, Уолдегрейв хорошо относился к Оуэну Куайну. Почему тот обрушился на своего редактора – неясно.

– Разве? – прищурился Фэнкорт.

– У тех, с кем я беседовал, совершенно разные мнения насчет прототипа Резчика.

– Правда?

– Многих возмущает, что Куайн облил грязью Уолдегрейва. Люди не понимают, чем Уолдегрейв это заслужил. А, к примеру, на взгляд Дэниела Чарда, образ Резчика указывает, что у Куайна был соавтор, – сказал Страйк.

– И кто же, на его взгляд, мог бы сработаться с Куайном? – посмеялся Фэнкорт.

– У него есть некоторые соображения, – ответил Страйк. – А Уолдегрейв, в свою очередь, убежден, что Резчик – выпад в вашу сторону.

– Нет, я – Фанфарон, – снова заулыбался Фэнкорт. – Это ни для кого не секрет.

– Но почему же Уолдегрейв думает, что Резчик – это вы?

– А вы спросите у Джерри Уолдегрейва, – с прежней улыбкой посоветовал Фэнкорт. – Но меня не покидает странное ощущение, мистер Страйк, что вы и сами в курсе дела. Я только одно могу сказать: Куайн глубоко, очень глубоко ошибался – и Уолдегрейв не мог этого не знать.

Тупик.

– Значит, за все эти годы вы так и не сумели продать дом на Тэлгарт-роуд?

– Очень трудно найти покупателя, который отвечает условиям завещания Джо. Наш друг сделал донкихотский жест. Романтическая натура, идеалист. Я изложил все чувства, которые вызывает у меня эта история – наследство, обременение, особые условия, – в своем романе «Дом пустоты». – Фэнкорт вещал как лектор, рекомендующий дополнительное чтение. – Оуэн тоже высказал свое отношение… уж какое было… – добавил он с ноткой сарказма, – в «Братьях Бальзак».

– Разве действие «Братьев Бальзак» происходит в доме на Тэлгарт-роуд? – переспросил Страйк, который, осилив первые пятьдесят страниц, не уловил этого момента.

– Да, так было задумано. На самом деле это роман о нас, обо всех троих, – ответил Фэнкорт. – Джо, мертвый, лежит в углу, а мы с Оуэном пытаемся проследить его путь, постичь его смерть. Действие происходит в студии, где, по-моему… судя по тому, что я читал… вы

нашли тело Куайна? – (Страйк молча делал пометки в блокноте.) – Критик Харви Бёрд назвал «Братьев Бальзак» жутким романом, «от которого содрогается тело, отвисает челюсть и сжимается сфинктер».

– Мне запомнилось только бесконечное ощупывание мошонки, – признался Страйк, и Фэнкорт вдруг тонко, по-девичьи захихикал:

– Так вы это читали? Да, правильно, у Оуэна был пунктик – его яички.

Актер за соседним столиком наконец-то умолк, чтобы перевести дух. Последние слова Фэнкорта повисли в наступившей тишине. Страйк ухмыльнулся; актер и двое его сотрапезников уставились на писателя, который ответил им кислой улыбкой. Те трое поспешно возобновили свою беседу.

– У него была навязчивая идея. – Фэнкорт опять повернулся лицом к Страйку. – В духе Пикассо, понимаете? Яички как источник творческой силы. И в жизни, и в литературе над ним довлел мачизм – мужская энергия, способность к оплодотворению. Кто-нибудь, вероятно, скажет, что этот идефикс нехарактерен для человека, который любит, чтобы его связывали и унижали, но мне видится здесь естественное следствие… инь и ян сексуальности Куайна. Думаю, вы обратили внимание на имена, которые он дал нам в своей книге?

– Ваз и Варикосель, – сказал Страйк и опять заметил некоторое удивление Фэнкорта, который не ожидал, что человек с такой внешностью, как у Страйка, способен читать книги и усваивать их содержание.

– «Ваз», то есть сам Куайн, – это термин, обозначающий семявыносящий проток, по которому сперма поступает из яичек в пенис – здоровая, мощная, животворящая сила. «Варикосель», в медицине варикоцеле, – болезненное расширение вены семенного канатика, иногда приводящее к бесплодию. Типичный для Куайна пошлый намек на то, что сразу после смерти Джо я заболел свинкой, отчего даже не смог прийти на похороны, и одновременно на то, что я, как вы отметили, продолжал писать в трудных обстоятельствах.

– Но все же вы в то время еще оставались друзьями? – решил прояснить Страйк.

– Когда он начал эту книгу, мы – в теории – еще дружили, – невесело усмехнулся Фэнкорт. – Но писатели – жестокая порода, мистер Страйк. Если ты стремишься к дружбе длиною в жизнь и

бескорыстному товариществу – завербуйся в армию и научись убивать. Если ты стремишься к недолгим союзам с себе подобными, которые будут ликовать от малейшей твоей неудачи, – садись писать романы.

Страйк улыбнулся. Фэнкорт с отстраненным удовольствием сообщил:

– «Братья Бальзак» получили самую плохую прессу, какую мне только доводилось видеть.

– Вы тоже выступили с рецензией?

– Нет, – отрезал Фэнкорт.

– В тот период вы еще были женаты на своей первой супруге? – спросил Страйк.

– Совершенно верно, – ответил Фэнкорт, и на его лице едва заметно дрогнул какой-то мускул, как на боку вола, куда села муха.

– Я просто пытаюсь выстроить последовательность событий… вы потеряли жену вскоре после смерти Норта?

– Эвфемизмы для обозначения смерти – любопытное явление, правда? – непринужденно сказал Фэнкорт. – Я не «терял» жену. Напротив, я ее нашел – на полу в кухне, головой в духовку.

– Простите, – чопорно сказал Страйк.

– Что уж теперь…

Фэнкорт заказал себе еще вина. По наблюдению Страйка, писатель достиг той деликатной точки, когда поток информации может либо хлынуть, как из крана, либо иссякнуть.

– Вы когда-нибудь обсуждали с Куайном пародию, которая повлекла за собой самоубийство вашей жены?

– Я же вам ясно сказал: после смерти Элли я с ним не общался, – ровным тоном повторил Фэнкорт. – Так что нет.

– Но вы с самого начала были уверены, что пародию сочинил Куайн?

– Ни минуты не сомневался. Как многие писатели, которым нечего сказать, Куайн обладал даром литературной имитации. Помню, как он пародировал что-то из написанного Джо Нортом, – получалось довольно смешно. Естественно, Куайн не собирался делать из Джо посмешище – ему достаточно было паясничать перед нами.

– Хоть кто-нибудь признался, что видел ту пародию до выхода в свет?

– В моем присутствии – никто. Иное было бы странно, учитывая последствия. Лиз Тассел мне клялась, что Оуэн ей ничего не показывал, но потом до меня дошли слухи, что она прочла этот текст заранее. Я уверен, что она и склонила Оуэна к публикации. Лиз до безумия ревновала меня к Элли.

Наступила пауза, после которой Фэнкорт с напускной легкостью сказал:

– Сейчас трудно поверить, что в былые времена приходилось дожидаться рецензий, написанных чернилами на бумаге, чтобы увидеть, как громят твою работу. Но с пришествием интернета любой полуграмотный кретин воображает себя на месте Митико Какутани{39}.

– Куайн всегда отрицал свое авторство, да? – спросил Страйк.

– Конечно отрицал. Еще бы: признаться – кишка тонка, – ответил Фэнкорт, видимо не заметив некоторой бестактности. – А ведь мнил себя героем-одиночкой, подлец. Куайн был завистлив, предельно честолюбив, обожал преклонение. После смерти Элли он страшно боялся стать изгоем. Разумеется, – с видимым удовлетворением отметил Фэнкорт, – этого ему было не избежать в любом случае. Оуэн привык греться в лучах отраженной славы – моей и Джо Норта. Когда же Норт умер, а я перестал с ним знаться, все поняли, что ему грош цена: у него только и было что грязный умишко и оригинальный стиль. Все идеи – сплошная порнография. Есть писатели, – продолжал Фэнкорт, – прославившиеся одной-единственной книгой. Таков был и Куайн. Написав «Прегрешение Хобарта», он отстрелил себе яйца (ему бы понравилось такое выражение). А дальше пошли одни бессмысленные перепевы.

– Но разве не вы назвали «Бомбикса Мори» шедевром маньяка?

– Вы и это читали? – Фэнкорт был удивлен и, кажется, польщен. – Да, так оно и есть, здесь мы имеем подлинный литературный курьез. Поймите, я никогда не отрицал, что Оуэн умеет писать, просто ему было не родить ни одной глубокой, интересной темы. Как ни удивительно, это распространенное явление. Но в «Бомбиксе Мори» он наконец-то нашел свою тему, понимаете? Никто меня не любит, все только обижают. Я гений, просто никто этого не видит. Результат получился уродливым и комичным, от него так и веет обидами и жалостью к себе, но все же в нем определенно есть какая-то

притягательность. Ну и конечно, язык, – заключил Фэнкорт с энтузиазмом, какого еще не обнаруживал в ходе этого разговора, – просто восхитительный. Некоторые отрывки стоят вровень с лучшими образцами его прозы.

– Очень ценные сведения, – сказал Страйк.

Фэнкорта, по-видимому, это рассмешило.

– В каком смысле?

– У меня есть ощущение, что «Бомбикс Мори» занимает центральное место в этом деле.

– В этом деле? – улыбаясь, повторил за ним Фэнкорт; оба замолчали. – Неужели вы всерьез хотите меня убедить, что убийца Оуэна Куайна до сих пор гуляет на свободе?

– Да, я так считаю, – подтвердил Страйк.

– В таком случае, – улыбка Фэнкорта стала еще шире, – более целесообразно было бы обратиться к произведениям убийцы, а не жертвы, как по-вашему?

– Возможно, – ответил Страйк, – но мы не уверены, что убийца – писатель.

– О, нынче все у нас – писатели, – протянул Фэнкорт. – Весь мир пишет романы, только никто их не читает.

– Ну, «Бомбикса Мори», я уверен, читать будут, особенно если с вашим предисловием, – сказал Страйк.

– А знаете, наверное, вы правы. – Фэнкорт окончательно расплылся в улыбке.

– Когда – точно – вы впервые прочли эту книгу?

– Пожалуй… надо подумать… – Фэнкорт сделал вид, что производит в уме какие-то расчеты. – Очевидно… мм… в середине недели после того, как Куайн представил рукопись. Мне позвонил Дэн Чард и сообщил, что Куайн намекает, будто бы это я написал пародию на книгу Элли. Он предложил мне сообща с ним подать на Куайна в суд. Я отказался.

– Чард зачитал вам какие-нибудь отрывки?

– Нет. – К Фэнкорту снова вернулась улыбка. – Испугался, что потеряет свое самое ценное приобретение, понимаете? Нет, он лишь вкратце изложил брошенные Куайном обвинения и предложил мне воспользоваться услугами своих юристов.

– Когда состоялся этот телефонный разговор?

– Вечером… седьмого, да, похоже на то. В воскресенье вечером.

– То есть в тот же день, когда вы записывали телевизионное интервью по поводу вашей новой книги, – уточнил Страйк.

– А вы неплохо информированы, – прищурился Фэнкорт.

– Я смотрел передачу.

– Знаете, – подпустил шпильку Фэнкорт, – вы не производите впечатления человека, который любит передачи на темы культуры и искусства.

– Я и не говорил, что люблю, – заметил Страйк и не удивился, что Фэнкорту понравился его ответ. – Но я заметил у вас одну оговорку, когда вы перед камерой называли имя первой жены. – (Фэнкорт молча смотрел на него сквозь бокал). – Вы произнесли «Чу…», а потом поправились: «Элли», – напомнил Страйк.

– Ну и что? Вы же только что сказали – оговорка. Даже самые красноречивые от этого не застрахованы.

– В «Бомбиксе Мори» вашу покойную жену…

– …зовут Чучелкой.

– Значит, простое совпадение, – сказал Страйк.

– Естественно, – подтвердил Фэнкорт.

– Потому что седьмого ноября вы еще не знали, что Куайн дал ей имя Чучелка.

– Естественно, не знал.

– Сразу после исчезновения Куайна один экземпляр рукописи был доставлен под дверь его любовницы и опущен в прорезь для почты, – сказал Страйк. – А вы, случайно, не удостоились такой же ранней доставки?

Пауза затягивалась. Страйк почувствовал, что с трудом натянутая им нить вот-вот лопнет. Но это уже не играло роли. Список заготовленных вопросов был исчерпан.

– Нет, – выговорил Фэнкорт. – Не удостоился.

Он достал бумажник. Намерение обратиться к опыту Страйка для придания достоверности герою его следующей книги было благополучно забыто, о чем Страйк ничуть не жалел. Увидев, что Страйк достал из кармана наличные, Фэнкорт поднял ладонь и с нескрываемой желчностью сказал:

– Нет-нет, позвольте мне. В газетах пишут, вы знавали лучшие времена. Как не вспомнить Бена Джонсона: «Я – бедный человек, я –

воин, который в лучшие времена своего состояния презрел бы подобное обращение…»[{40}]

– Вот как? – живо отреагировал Страйк, возвращая наличные в карман. – Мне кажется, к этому случаю больше подойдет другое:

…sicine subrepsti mi, atque intestina pururens
ei misero eripuisti omnia nostra bona?
Eripuisti, eheu, nostrae crudele uenenum
Uitae, eheu nostrae pestis amicitiae.[{41}]

Изумление Фэнкорта он встретил без улыбки. Писатель быстро опомнился:

– Овидий?

– Катулл. – Опираясь на стол, Страйк тяжело поднялся с низкого пуфа. – Переводится примерно так:

Ловко ко мне ты подполз и нутро мне пламенем выжег.
Как у несчастного смог все ты похитить добро?
Все же похитил, увы, ты, всей моей жизни отрава,
Жестокосердный, увы, ты, нашей дружбы чума!

Ну что ж, надеюсь, мы еще встретимся, – светским тоном завершил Страйк.

И похромал к лестнице, спиной ощущая взгляд Фэнкорта.

44

Его соратники, его друзья бросаются в бой неудержимой лавиной.

Томас Деккер.

Благородный испанский воин

В тот вечер Страйк долго сидел на диване у себя в кухоньке-гостиной, слушая доносившийся с Черинг-Кросс-роуд шум транспорта и редкие приглушенные крики гуляк, загодя начавших отмечать Рождество. Протез он отстегнул, чтобы ничего не давило, и теперь блаженствовал: остался в трусах-боксерах и заглушил боль в культе двойной дозой таблеток. На тарелке возле дивана застывали недоеденные макароны, небо за окном приобрело бархатно-синий оттенок ночи, и Страйк, хотя и не задремал, даже не шевелился.

Прошло, как ему казалось, очень много времени после того, как он увидел фотографию Шарлотты в подвенечном платье. За целый день он ни разу о ней не вспомнил. Не это ли признак исцеления? Она вышла замуж, а он сидит один в холодной полутемной мансарде и обдумывает хитросплетения изощренного убийства. Каждому свое.

Перед ним на столе, в прозрачном полиэтиленовом пакете для вещдоков, по-прежнему лежала кое-как завернутая в обложку «Коварных скал» темно-серая кассета от пишущей машинки, тайком взятая у Орландо. Битых полчаса он только приглядывался к этому пакету, как мальчишка, зачарованный самым большим свертком под елкой – манящим и таинственным. Но развернуть, а тем более подержать в руках не решался, чтобы не нарушить улики на машинописной ленте – если, конечно, таковые обнаружатся. Коли возникнет хоть малейшее подозрение в фальсификации…

Страйк посмотрел на часы. Этот звонок он намеренно откладывал до половины десятого. Пусть человек придет с работы, поможет загнать детей в кровать, уделит внимание жене. Разговор предстоял долгий, здесь требовались подробные объяснения…

Но его терпение тоже имело предел. С трудом поднявшись, он взял ключи от офиса, на одной ноге попрыгал к лестнице и спустился на этаж ниже; для этого пришлось мертвой хваткой держаться на перила и время от времени присаживаться на ступеньку. Через десять минут, прихватив перочинный нож и пару латексных перчаток, какие получила от него Робин, Страйк вернулся к себе в квартиру и рухнул на еще не остывшее место. Отдышавшись, он бережно вынул кассету вместе с жеваной картинкой и положил на шаткий пластмассовый столик. Потом открыл лезвие-шило и с осторожностью вставил его позади кончика ленты, торчащего наружу. При помощи скрупулезных манипуляций кончик удалось вытянуть немного дальше. Теперь на ленте в обратном изображении читалось:

ИДДЭ АШЫЛАМ ЮАНЗ ОТЧ,АЛАМУ

Резкий выброс адреналина внешне выразился только удовлетворенным вздохом Страйка. Он ловко втянул ленту обратно при помощи лезвия-штопора, вставленного в шестеренку наверху кассеты, и ни разу не прикоснулся к своей добыче голыми руками, а потом, не снимая латексных перчаток, опустил ее обратно в полиэтиленовый пакет на молнии. Еще раз глянул на часы. Тянуть время больше не было сил. Страйк взял со стола мобильный и позвонил Дейву Полворту.

– Не вовремя? – спросил он, услышав голос своего закадычного друга.

– Да нет, нормально. – Полворт уже заинтересовался. – Что новенького, Диди?

– У меня к тебе просьба, Старичок. Большая.

Инженер, живущий за сотню с лишним миль, в Бристоле, ушел к себе в гостиную и слушал не перебивая, пока детектив объяснял, что ему требуется. Когда Страйк договорил, наступила пауза.

– Я понимаю, это гимор. – Страйк напряженно вслушивался в потрескивание на линии. – А в такую погоду вообще может сорваться.

– Не должно, – ответил Полворт. – Только надо прикинуть, когда я смогу этим заняться, Диди. Мне обещали два отгула… Пенни, конечно, не обрадуется…

– Я так и думал, что тебя уже припахали, – сказал Страйк. – Да и потом, опасно это.

– Обижаешь! Я и не такое проворачивал, – возмутился Полворт. – Понимаешь, она требует, чтобы я их с тещей в магазины свозил за рождественскими покупками… но это все фигня, Диди… Говоришь, там у тебя вопрос жизни и смерти?

– Типа того. – Страйк закрыл глаза и усмехнулся. – Жизни и свободы.

– А твой старый Старичок спит и видит, как бы отмотаться от этих магазинов. Все, давай, я перезвоню, когда результаты будут, лады?

– Ты там поаккуратней, Старичок.

– Отцепись.

Страйк бросил мобильный на диван и, все еще улыбаясь, потер лицо ладонями. Возможно, он загрузил Полворта делом еще более бредовым и бессмысленным, чем схватить проплывающую акулу, но Полворт любил рисковать, а сейчас уже требовались крайние меры.

Перед тем как выключить свет, Страйк напоследок перечитал свои заметки, сделанные во время беседы с Фэнкортом, и подчеркнул – да с таким нажимом, что прорвал бумагу, – слово «Резчик».

45

Ты понял остроту слов про шелкопряда?
Джон Уэбстер.
Белый дьявол[34]

И в жилом доме Куайнов, и в нежилом, на Тэлгарт-роуд, полиция раз за разом проводила обыски. Леонору по-прежнему держали за решеткой. Стороны использовали выжидательную тактику.

Для Страйка не внове было часами стоять на холоде, глядя в затемненные окна, выслеживать безликих незнакомцев, слушать длинные гудки в телефонной трубке, без толку давить на кнопки дверных звонков, видеть перед собой пустые лица и бестолковых свидетелей, мучиться вынужденным бездельем. Но в данном случае его сбивало с толку нечто другое: тихое подвывание тревоги, сопровождавшее каждый его шаг. Как дистанцироваться от дела, если тебя постоянно дергают разные люди, если со всех сторон сыплются несправедливости. Леонора, бледная, плачущая, до сих пор в тюрьме; ее дочь, совершенно сбитая с толку, уязвимая, в одночасье осталась без родителей.

Робин прикрепила рисунок Орландо у себя над письменным столом, и веселая красногрудая малиновка взирала со стены на занимавшихся другими делами сыщика и его помощницу, напоминая им, что в Лэдброк-Гроув кудрявая девушка все еще ждет свою мать. У Робин, по крайней мере, были осмысленные дела, хотя она нервничала, что подводит Страйка. Два дня подряд у нее прошли впустую: в прозрачном пакете на молнии до сих пор не появилось никаких вещественных доказательств.

Детектив учил ее осмотрительности: если возникнет хоть малейшее подозрение, что тебя заметят или запомнят, – смывайся. Он предпочитал не уточнять, насколько эффектна ее внешность, даже когда золотистые волосы убраны под вязаную шапку. Его помощница была чересчур привлекательной.

– Такая перестраховка меня лимитирует, – сказала Робин, которая неукоснительно следовала его инструкциям.

– Не будем забывать, с чем мы имеем дело, Робин: Куайн не сам выпотрошил себе нутро, – резко ответил он, чувствуя, как его собственное нутро заныло от беспокойства.

Сформулировать некоторые из своих опасений Страйк затруднялся. Естественно, он предвидел, что убийца может уйти от правосудия, поскольку в тонкой паутине выстроенной версии зияли дыры, ведь Страйк полагался на собственную реконструкцию событий и до сих пор не смог раздобыть такие вещественные доказательства, к которым не подкопались бы ни полицейские, ни адвокаты. Но в последнее время его тяготило кое-что другое. Хотя Страйк терпеть не мог данное ему Энстисом прозвище Мистик Боб, сейчас его не оставляло предчувствие близкой опасности, почти такое же неотвязное, как тогда в «викинге» – предчувствие неизбежного взрыва. В подобных случаях обычно говорят «интуиция», но Страйк знал, что на самом деле просто считывает еле заметные сигналы, подсознательно соединяет точки. Из массы разрозненных улик вырастал четкий, устрашающий образ убийцы, одержимого неистовой яростью и обладающего расчетливым, блестящим, но глубоко нездоровым умом.

Чем дольше Страйк маячил рядом, чем ближе описывал круги, чем точнее попадал в цель своими вопросами, тем больше появлялось шансов, что убийца почует исходящую от сыщика угрозу. Страйк не сомневался в своей способности обнаруживать и отражать агрессию, но не мог спокойно думать о том, какие решения примет извращенный ум, успевший показать свое пристрастие к византийской жестокости.

Отгулы Полворта пришли и ушли, не дав ощутимых результатов.

– Нипочем не отступайся, Диди, – говорил он Страйку по телефону.

Что характерно: бесплодность собственных усилий не расхолаживала, а только подхлестывала Полворта.

– В понедельник скажу, что приболел. Сделаю еще одну попытку.

– Я не имею права тебя об этом просить, – бормотал обескураженный Страйк. – Такая поездка…

– Я ведь сам предлагаю, костыль ты неблагодарный.

– Пенни тебя прибьет. Как же ее рождественские покупки?

– А как же мой шанс утереть нос Скотленд-Ярду? – парировал Полворт, который давно и принципиально не любил столицу и ее

жителей.

– Ты настоящий друг, Старичок, – сказал Страйк.

Повесив трубку, он заметил, что Робин улыбается.

– Что смешного?

– «Старичок», – повторила она. На ее слух, это слово ассоциировалось с частной школой-пансионом, но никак не вязалось с манерой Страйка.

– Не воспринимай буквально, – сказал Страйк.

Когда он стал рассказывать ей историю про акулу и Дейва Полворта, у него опять зазвонил мобильный: незнакомый номер. Страйк ответил.

– Это Камерон… э-э… Страйк?

– Да, я вас слушаю.

– Вам Джуд Грэм звонит. Соседка Кэт Кент. Вернулась она, – бодро сообщил женский голос.

– Хорошая новость, – отозвался Страйк и поднял вверх большой палец.

– Ага, с утра пораньше объявилась. Да не одна. Я спрашиваю: ты где пропадала? А она – молчок, – тараторила соседка.

Страйк вспомнил, что Джуд Грэм считает его журналистом.

– Как понимать «не одна» – у нее сейчас мужчина или женщина?

– Женщина, – с сожалением ответила Джуд. – Девчонка совсем, высокая, худющая, чернявая, вечно у Кэт околачивается.

– Очень ценная информация, миз Грэм, – сказал Страйк. – Я… мм… чуть позже оставлю кое-что у вас в почтовом ящике, за беспокойство.

– Вот это дело, – оживилась соседка. – Ну, бывайте.

И повесила трубку.

– Кэт Кент вернулась домой, – сказал Страйк. – Похоже, у нее сейчас Пиппа Миджли.

– Ну-ну. – Робин с трудом сдерживала улыбку. – Думаю, ты уже не рад, что испробовал на ней свой «стальной зажим».

Страйк мрачно усмехнулся:

– Они меня пошлют куда подальше.

– Еще бы, – сказала Робин. – Конечно пошлют.

– Их вполне устраивает, что Леонору закрыли.

– Если ты изложишь им свою версию, они, возможно, пойдут на сотрудничество, – предположила Робин.

Страйк почесал подбородок, уставившись на Робин невидящим взглядом.

– Не могу, – в конце концов ответил он. – Если станет известно, куда ведет меня мой нос, я, не ровен час, в темном переулке получу нож в спину.

– Ты серьезно?

– Робин, – Страйк начал раздражаться, – Куайна связали и выпотрошили.

Он сел на подлокотник дивана, более воздержанный, чем подушки, но все же застонавший под таким весом, и сказал:

– Пиппа Миджли к тебе прониклась.

– Я все сделаю, – тут же вызвалась Робин.

– Только не в одиночку, – сказал Страйк. – Попробуй меня тоже к ним протащить. Может, прямо сегодня вечером?

– Конечно! – обрадовалась Робин.

Зря, что ли, они с Мэтью установили новые правила? Это было первое испытание, но Робин с уверенностью пошла к телефону. Услышав, что она сегодня задержится и не знает, когда придет домой, Мэтью не возликовал, но и не стал протестовать.

В семь часов вечера, подробно обсудив все тактические ходы, Страйк и Робин порознь выдвинулись сквозь морозную тьму (сначала Робин, а через десять минут – Страйк) в направлении Стаффорд-Криппс-Хауса.

В бетонном дворе опять кучковались молодые парни; при виде Робин они не проявили того настороженного уважения, с каким две недели назад встретили Страйка. Один из них, пританцовывая, пятился перед ней, зазывал на тусовку, отпускал комплименты и глумливо ржал, а его дружки под покровом темноты громогласно обсуждали, как выглядит Робин сзади. Возле бетонной лестницы издевки ее мучителя отдались зловещим эхом. Робин прикинула, что парню лет семнадцать, не больше.

– Мне наверх, – твердо проговорила она, когда он, на потеху своим дружкам, развалился поперек лестничного марша, но на самом деле ее прошиб пот.

«Он сопляк, – внушала себе Робин. – А за тобой идет Корморан». От этих мыслей у нее появился кураж.

– Дай, пожалуйста, пройти, – потребовала она.

Парень помедлил, отпустил пошлое замечание по поводу ее фигуры и сдвинулся в сторону. Робин была почти готова к тому, что он начнет ее лапать, но нет: он вприпрыжку побежал к своей банде, и вслед Робин понеслись грязные ругательства, но она уже поднималась по лестнице на внутреннюю галерею и вздыхала с облегчением, избавившись от преследования.

В квартире горел свет. Робин на мгновение остановилась, чтобы собраться с духом, а потом нажала на кнопку звонка.

Через несколько секунд дверь отворилась на осторожные шесть дюймов; за ней стояла женщина средних лет с копной длинных рыжих волос.

– Кэтрин?

– Ну? – подозрительно отозвалась женщина.

– У меня для вас есть очень важная информация, – сказала Робин. – Вам необходимо это знать.

(«Не говори: „Я должна с вами побеседовать“, – наставлял ее Страйк, или „У меня к вам несколько вопросов“. Всячески показывай, что этот разговор в ее интересах. Постарайся как можно дольше не называть себя, делай вид, что время не терпит, – пусть она решит, что твой приход выгоден ей самой. Просочись за порог, не дав ей опомниться. Называй ее по имени. Установи личный контакт. Не молчи».)

– Выкладывай, – потребовала Кэтрин Кент.

– Можно мне войти? – попросила Робин. – Здесь ужасный холод.

– Кто ты такая?

– Кэтрин, вам необходимо это выслушать.

– Кто еще…

– Кэт? – окликнул кто-то сзади.

– Ты – журналистка?

– Я друг, – принялась импровизировать Робин, наступая носками туфель на порог. – Я хочу вам помочь, Кэтрин.

– Эй… – Рядом с Кэт всплыло знакомое удлиненное лицо с большими карими глазами. – Это она, я тебе про нее рассказывала! – воскликнула Пиппа. – Она с ним работает…

– Пиппа, – Робин заглядывала ей в глаза, – ты же знаешь: я на твоей стороне… мне нужно кое-что рассказать вам обеим, это очень срочно…

Одна ступня уже на две трети была за порогом. Удерживая перепуганный взгляд Пиппы, Робин продолжала говорить со всей убедительностью, на какую только была способна:

– Пиппа, я только потому и пришла, что это крайне важно…

– Впусти ее, – сказала Пиппа. В ее голосе звучал страх.

В прихожей было тесно от верхней одежды. Кэтрин провела Робин в маленькую, освещенную торшером гостиную с голыми стенами цвета слоновой кости. На окнах висели коричневые занавески, но такие тонкие, что сквозь ткань просвечивали окна противоположных домов и огни машин. Старенький диван, стоящий на ковре с рисунком из завитков, был накрыт несвежим оранжевым покрывалом, а на дешевом кофейном столике, сколоченном из сосновых досок, осталась начатая китайская еда, купленная навынос. В углу, на хлипком компьютерном столе, лежал ноутбук. Перед ее приходом, как заметила Робин с чувством, похожим на угрызение совести, женщины сообща украшали небольшую искусственную елку. На полу лежала гирлянда, а на единственном кресле – разрозненные игрушки. Среди них выделялось фарфоровое блюдечко с надписью: «Будущий великий писатель!»

– Что тебе надо? – требовательно спросила Кэтрин Кент, сложив руки на груди и сверля Робин маленькими свирепыми глазками.

– Я присяду? – спросила Робин и опустилась на диван, не дожидаясь разрешения.

(«Расположись поудобнее, но, конечно, в рамках приличий, тогда им труднее будет тебя выставить», – учил ее Страйк.)

– Что тебе надо? – повторила Кэтрин Кент.

Пиппа, уставившись на Робин, стояла спиной к окну и вертела в руках елочную игрушку – мышь в костюме Санта-Клауса.

– Вам известно, что Леонора Куайн арестована по обвинению в убийстве? – спросила Робин.

– А то как же? Это ведь не кто-нибудь, а я, – Кэтрин ткнула себя пальцем в пышную грудь, – нашла распечатку, из которой следует, что по карте «Виза» были куплены веревки, паранджа и комбинезон.

– Да, – сказала Робин. – Я знаю.

– Веревки и паранджа! – вырвалось у Кэтрин Кент. – Поделом ему, доигрался! Столько лет думал, что она – бледная немочь, дохлая… зануда… коровенка… и вот полюбуйтесь, что она с ним сделала!

– Я вас понимаю, – сказала Робин. – Со стороны это выглядит именно так.

– Что ты хочешь этим сказать – «выглядит»?

– Кэтрин, я пришла вас предупредить: ее не считают виновной.

(«Никакой конкретики, – внушал ей Страйк. – Избегай говорить о полиции открытым текстом, не выдумывай того, что легко проверить, напускай тумана».)

– Что ты хочешь этим сказать? – резко повторила Кэтрин. – Что полиция не…

– …и что у вас был доступ к его банковской карте и больше возможностей снять с нее копию, чем у…

Кэтрин перевела исступленный взгляд с Робин на побледневшую Пиппу, которая сжимала в руках мышиного Санта-Клауса.

– Но Страйк убежден, что это сделали не вы, – сказала Робин.

– Кто? – переспросила Кэтрин; она совсем запуталась и, похоже, в панике перестала соображать.

– Босс ее, – выразительным шепотом подсказала Пиппа.

– Ах, этот! – Кэтрин опять напустилась на Робин. – Которого наняла Леонора!

– Он убежден, что это сделали не вы, – повторила Робин, – даже несмотря на эту выписку по кредитной карте… несмотря на то, что вы легко могли ею воспользоваться. Я хочу сказать, это выглядит подозрительно, но он уверен, что выписка оказалась у вас по чистой слу…

– Так ведь она сама мне ее дала! – отчаянно всплеснула руками Кэтрин Кент. – Дочка его… из рук в руки. А мне тогда и в голову не пришло посмотреть, что там на обороте. Я только из вежливости взяла эти каракули дерьмовые, да еще похвалила… просто *из вежливости*!

– Это ясно, – сказала Робин. – Мы вам верим, Кэтрин, даю слово. Страйк не такой, как эти полицейские. – («Намекай, но не давай оценок».) – Он хочет разыскать настоящего убийцу. Ему неинтересно задерживать первую попавшуюся женщину, которой Куайн мог позволить… ну, вы понимаете…

Несказанные слова «связывать себя веревками» повисли в воздухе.

Воздействовать на Пиппу было проще, чем на Кэтрин. Доверчивая и нервозная, она уставилась на старшую подругу, которая пришла в ярость.

– Да мне плевать, кто его убил! – процедила она сквозь зубы.

– Но вы же не хотите пойти под суд…

– А почему я должна тебе верить, что меня кто-то подозревает? В новостях про это не сообщали!

– Ну… это как раз понятно, правда же? – мягко сказала Робин. – Разве полицейские на пресс-конференциях признаются, что задержали не того…

– У кого была кредитка? У нее.

– Обычно Куайн держал кредитку при себе, – объяснила Робин, – и вытащить ее могла не только жена.

– Ты, как видно, больше моего знаешь, что у полицейских на уме?

– У Страйка есть связи в Центральном полицейском управлении, – спокойно признала Робин. – Он служил в Афганистане вместе со следователем, который ведет это дело, – с Ричардом Энстисом.

Имя офицера, который ее допрашивал, произвело должное впечатление на Кэтрин Кент. Она покосилась на Пиппу и напористо спросила у Робин:

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Мы не хотим, чтобы за решетку в очередной раз отправили невинную женщину, – сказала Робин, – и считаем, что следствие только теряет время, идя по ложному пути, – («когда забросишь удочку, осторожно прояви личную заинтересованность, чтобы твой рассказ прозвучал более убедительно»), – а кроме того… – Робин изобразила смущение, – есть и очевидная причина: Корморан только выиграет, если разыщет настоящего убийцу. В очередной раз, – добавила она.

– Ясное дело, – Кэтрин энергично закивала, – это ему только на руку, правда же? Рекламу себе делает.

Ни одна женщина, прожившая два года с Куайном, не сочла бы, что реклама бывает лишней.

– Послушайте, – продолжила Робин, – мы просто хотели довести до вашего сведения ход мысли полицейских, а еще – заручиться вашей помощью. Но если вы против, то, конечно…

Робин сделала вид, что собирается уходить. («Как только обрисуешь цель своего прихода, веди себя так, будто можешь больше не задерживаться. Пусть она сама попросит тебя остаться – тогда, считай, дело сделано».)

– Я рассказала следователям все, что знаю, – сказала Кэтрин, несколько растерявшись оттого, что Робин, встав со стула, оказалась на голову выше ее самой. – Больше мне сказать нечего.

– Видимо, они задавали не те вопросы, – сказала Робин, вновь опускаясь на диван. – Вы же писательница. – Она вдруг отошла от схемы, намеченной для нее Страйком, и скосила глаза на ноутбук. – Вас отличает тонкая наблюдательность. Вы лучше, чем кто бы то ни было, понимали и его самого, и его произведения.

Если Кэтрин (уже раскрывшая рот) и готовилась обрушить на Робин гневную тираду, то нежданная лесть заставила ее прикусить язык.

– Ну, допустим, – сказала Кэтрин; ее агрессия уже выглядела напускной. – Что вы хотели узнать?

– Вы разрешите Страйку зайти в квартиру и выслушать ваши ответы? Если нет, то он, конечно, не будет настаивать, – заверила ее Робин (хотя и не получала на это санкции босса). – Он уважает ваше право хранить молчание. – (Ничего похожего Страйк не говорил.) – Но ему было бы полезно услышать ваши мнения из первых уст.

– Вряд ли он от меня услышит что-нибудь полезное, – сказала Кэтрин и опять сложила руки на груди, но не сумела скрыть удовлетворенное тщеславие.

– Я понимаю, моя просьба может показаться вам чрезмерной, – сказала Робин, – но если вы посодействуете нам в розыске настоящего убийцы, то газеты будут упоминать ваше имя в том контексте, которого вы *достойны*.

Такая перспектива исподволь изменила обстановку в гостиной: Кэтрин представила, как к ней рвутся нетерпеливые, но на сей раз восхищенные журналисты и задают вопросы о ее творчестве, как то: «Что вы можете сказать о своем романе „Жертва Мелины“?»…

Кэтрин покосилась на Пиппу, и та взвилась:

– Этот гад меня *похитил*!

– Но ты бросалась на него с ножом, Пип, – возразила Кэтрин и в некоторой тревоге повернулась к Робин. – Я ее не подстрекала. Она

была… когда мы увидели, что он написал в этой книге… мы обе просто… и мы подумали, что его… твоего босса… наняли специально, чтобы нас подставить.

– Вас можно понять, – солгала Робин, которой такие рассуждения казались нелогичными, даже параноидальными, но в этом ей виделись последствия общения с Оуэном Куайном.

– Она прямо с катушек сорвалась – сама не знала, что делает, – объяснила Кэтрин; в ее взгляде читалось укоризненное сочувствие к подопечной. – У Пип крутой нрав.

– В данном случае это можно понять, – еще раз покривила душой Робин. – Так вы не против, если я позову Корморана… то есть Страйка? Чтобы он к нам присоединился?

Она уже достала из кармана мобильный и увидела сообщение:

На галерее. Замерз как пес.

В ответ Робин написала:

Подожди 5 мин.

На самом деле она уложилась в три минуты. Когда Страйк наконец постучался в квартиру, Кэтрин, смягчившись от искренности Робин и от общей атмосферы взаимопонимания, уступила желанию встревоженной Пиппы узнать самое плохое и почти с готовностью открыла входную дверь.

С появлением Страйка в гостиной сразу стало тесно и будто бы воцарилось непрошеное мужское начало. Рядом с Кэтрин сыщик выглядел исполином; когда она торопливо убрала с кресла елочные игрушки, даже кресло как-то съежилось. Пиппа отошла к дальнему концу дивана и примостилась на подлокотнике, бросая на Страйка вызывающие и вместе с тем испуганные взгляды.

– Выпьете чего-нибудь? – процедила Кэтрин, разглядывая тяжелое пальто Страйка и ботинки сорок шестого размера, прочно стоящие на ее ковре с завитушками.

– Чашку чая – с удовольствием, – сказал гость.

Кэтрин ушла в свою крошечную кухоньку. Оставшись наедине со Страйком и Робин, Пиппа задергалась и поспешила следом.

– Ты здорово сработала, – шепнул Страйк, повернувшись к Робин, – если здесь уже предлагают чай.

– Она *очень* гордится своей принадлежностью к писательской братии, – еле слышно выдохнула в ответ Робин, – значит, мол, она понимала его, как никто…

Но тут Пиппа принесла коробку дешевого печенья, и Страйк со своей помощницей тотчас же умолкли. Пиппа опять села на подлокотник и продолжила стрелять в сторону Страйка косыми испуганными взглядами, совсем как у них в офисе, когда она с оттенком театральности втягивала голову в плечи.

– Вы очень добры, Кэтрин, – сказал Страйк, когда она внесла в гостиную чайный поднос.

На одной из кружек Робин прочла: «Не топорись, исправляй очепятки».

– Это мы еще посмотрим, – отбрила Кент, сложив руки на груди и гневно глядя на него сверху вниз.

– Кэт, ты присядь, – вкрадчиво обратилась к ней Пиппа, и Кэтрин неохотно опустилась на диван между ней и Робин.

Первоочередной задачей Страйка было сохранить хрупкое доверие, которого добилась Робин; лобовая атака была здесь недопустима. Поэтому он пустился в рассуждения, вторя словам Робин о том, что основания для ареста Леоноры и имеющиеся на данный момент улики сейчас пересматриваются; он избегал прямых упоминаний полиции, но каждой фразой давал понять, что Центральное управление обратило свой взор на Кэтрин Кент. Во время его разглагольствований вдалеке завыла сирена, и Страйк еще раз подчеркнул, что он лично уверен в невиновности Кэтрин Кент, но видит, что следственные органы не разглядели и уж тем более не сумели использовать ее потенциал.

– Что ж, тут вы, пожалуй, правы, – сказала Кент. От его слов она не то чтобы расцвела, но немного расслабилась и, взяв кружку с надписью «Не топорись», презрительно бросила: – Их интересовала только наша интимная связь.

Как помнилось Страйку из рассказа Энстиса, Кэтрин сама, без всякого принуждения, выдала массу информации на эту тему.

– Меня ваша интимная связь не интересует, – заверил ее Страйк. – Все дело в том, что… извините за грубость… дома он не получал желаемого.

– Да он с ней много лет не спал, – заявила Кэтрин.

Робин вспомнила фотографии связанного Куайна, которые видела в спальне Леоноры, и опустила взгляд на свою чашку.

– У них не было ничего общего. Он даже не мог побеседовать с ней о своих произведениях – она на такие вещи не разменивалась, просто плевала. Он нам рассказывал – подтверди, Пиппа, – что жена толком не прочла ни одной его книги. Ему остро не хватало творческого общения. А со мной он мог сколько угодно говорить о литературе.

– И со мной тоже. – У Пиппы вдруг развязался язык. – Знаете, его интересовало становление идентичности, он мог часами беседовать со мной, чтобы понять, каково это – родиться не тем…

– Да, он признавался мне, что для него это большое утешение – перемолвиться словом с теми, кто понимает его творчество, – громко сказала Кэтрин, чтобы заглушить Пиппу.

– Еще бы! – покивал Страйк. – А полицейские, надо думать, об этом даже не спросили?

– Ну, они спросили, где мы с ним познакомились, и я рассказала: на его семинаре по литературному мастерству, – ответила Кэтрин. – Наше сближение произошло постепенно: он заинтересовался моим творчеством…

– Нашим творчеством, – тихонько поправила Пиппа.

Кэтрин говорила долго. Страйк кивал, старательно изображая интерес к постепенному сближению наставника и ученицы; Пиппа, судя по всему, вечно ошивалась рядом с Куайном и Кэтрин, отлипая от них только у порога спальни.

– Я пишу фэнтези с изюминкой, – объявила Кэтрин; Страйк с удивлением и легкой иронией отметил, что она заговорила, как Фэнкорт: шаблонными, отрепетированными фразами.

Попутно он решил, что это, по-видимому, характерно: люди, которые в одиночестве часами корпят над своими сочинениями, во время перерыва на кофе репетируют рассказы о себе; не зря же Уолдегрейв поведал, что Куайн, по собственному беззастенчивому признанию, устраивал в постели ролевые игры, пользуясь шариковой ручкой вместо микрофона.

– Это фэнтези-дефис-эротика, но вполне крепкая проза. И вот вам традиционные издательства: когда появляется нечто новаторское, никто не хочет рисковать своими деньгами – написанное должно

укладываться в определенные торговые категории, а если ты соединяешь несколько жанров, если твоя работа выделяется из общего ряда, никто не рискует тебя печатать… Я знаю, что *Лиз Тассел,* – Кэтрин произнесла это имя брезгливо, как название инфекции, – внушала Оуэну, будто для моей работы нет конкретной ниши. Хорошо еще, что существует возможность независимой публикации, свобода…

– Вот-вот, – вставила Пиппа, которой не терпелось заявить о себе, – это правда, независимая публикация открывает дорогу жанровой прозе…

– Я не пишу жанровую прозу, – слегка нахмурилась Кэтрин, – в том-то все и дело…

– …но Оуэн считал, что мои мемуары лучше публиковать традиционным образом, – продолжила Пиппа. – Знаете, он всерьез интересовался вопросами гендерной идентичности и раскрыв рот слушал, что мне довелось пережить. Я познакомила его с другими транссексуалами, и он пообещал замолвить за меня словечко издателю, поскольку считал, что при условии грамотной раскрутки эта тема, которая до сих пор считается…

– Оуэн был в восторге от «Жертвы Мелины», он с нетерпением ждал каждой следующей главы. Стоило мне поставить точку, как он буквально рвал текст у меня из рук, – громко сказала Кэтрин, – и убеждал, что…

Кэтрин прервалась на полуслове. Пиппа, которая раскраснелась от досады из-за невозможности высказаться, до смешного побледнела. Обе они, как поняла Робин, вдруг сообразили, что Куайн, рассыпаясь в комплиментах, поощрениях и нарочитых проявлениях интереса, тайком строчил на допотопной электрической машинке свой роман с непотребными образами Эписин и Гарпии.

– Значит, он рассказывал вам о своей книге? – уточнил Страйк.

– Совсем немного, – уныло выдавила Кэтрин Кент.

– Вы, случайно, не знаете, как долго он трудился над последней книгой – «Бомбикс Мори»?

– Сколько я его знала, – ответила Кэтрин.

– И что Оуэн вам рассказывал?

В разговоре наступила пауза. Кэтрин и Пиппа переглянулись.

– Я уже ему говорила, – обратилась Пиппа к Кэтрин, со значением указав глазами на Страйка, – что роман задумывался совсем в другом

виде.

– Да уж, – тяжело вздохнула Кэтрин и сложила руки на груди. – Мы и знать не знали, что у него получится вот такое.

«Вот такое»… Страйк вспомнил описание бурой, клейкой жидкости, сочившейся из грудей Гарпии. С его точки зрения, это был один из самых тошнотворных образов романа. Сестра Кэтрин, к слову сказать, умерла от рака груди.

– Он с вами не делился своим замыслом? – спросил Страйк.

– Он нас обманывал, – попросту ответила Кэтрин. – Говорил, что это будет странствие писателя или что-то в этом духе, а сам наплел… обещал, что мы будем у него показаны как…

– «Чистые, неприкаянные души», – подсказала Пиппа, видимо завороженная этой фразой.

– Вот-вот, – угнетенно подтвердила Кэтрин.

– Он читал вам какие-нибудь отрывки, Кэтрин?

– Нет, – ответила она. – Все твердил: пусть это будет… будет…

– Ох, Кэт, – трагически выговорила Пиппа, и Кэтрин закрыла лицо руками.

– Возьмите, – деликатно предложила Робин, доставая из сумки косметические салфетки.

– Не надо! – грубо отрезала Кэтрин, вскочила с дивана и исчезла в кухне, а потом вернулась со скомканным в руке бумажным полотенцем. – Он твердил, – повторила она, – пусть, мол, это будет секретом. Ублюдок!

Она вытерла глаза и покачала головой, рассыпав по плечам длинные рыжие волосы. Пиппа гладила ее по спине.

– Со слов Пиппы я знаю, – начал Страйк, – что Куайн принес рукопись вам домой и опустил в прорезь для почты.

– Да, – сказала Кэтрин; очевидно, Пиппа уже призналась, что сболтнула лишнего. – Джуд, соседка, подглядела. Любопытная стерва, вечно за мной шпионит.

Страйк, только что оставивший еще двадцатку в соседском почтовом ящике, чтобы отблагодарить Джуд за информацию о возвращении Кэтрин, спросил:

– Когда это произошло?

– В ночь с пятого на шестое, – ответила Кэтрин.

Страйк почти физически ощутил напряженное волнение Робин.

– Перед вашей входной дверью тогда горели лампочки?

– На галерее? Да они уж с полгода не горят.

– Соседка разговаривала с Куайном?

– Нет, в окно подсматривала. Было около двух часов ночи, зачем ей в ночной рубашке выскакивать? Она сто раз видела, как он приходил и уходил. Знала, как он вы…выглядит, – Кэтрин душили рыдания, – в мантии этой д…дурацкой, в шляпе.

– Пиппа еще упомянула записку, – сказал Страйк.

– Ну да… «Час расплаты для нас обоих», – подтвердила Кэтрин.

– Она у вас сохранилась?

– Я ее сожгла, – ответила Кэтрин.

– А обращение там было? «Дорогая Кэтрин»?

– Нет, не было, – сказала она, – просто записка и поцелуйчик мерзкий, будь он неладен. Ублюдок! – Она расплакалась.

– Давайте я налью нам всем чего-нибудь покрепче, можно? – к удивлению Страйка, вызвалась Робин.

– Там в кухне есть, – выдавила Кэтрин, заглушив эти слова бумажным полотенцем, прижатым к губам и щекам. – Пип, сходи сама, организуй.

– Но вы были абсолютно уверены, что записка от него? – спросил Страйк, когда Пиппа убежала за спиртным.

– Мне ли не знать его почерк, – сказала Кэтрин.

– И как вы это истолковали?

– Никак, – слабо выговорила Кэтрин, утирая слезы. – Расплата для меня за то, что он со мной жене изменял? Или его расплата со всеми… даже со мной. Со всеми поквитаться – у него кишка тонка, – добавила она, невольно вторя Майклу Фэнкорту. – Мог бы мне сказать, если не хотел… если хотел со мной порвать… но зачем же такие вещи делать? Зачем? Речь ведь не только обо мне. А Пиппа… Делал вид, будто заботу проявляет, расспрашивал о ее жизни… она в жутком состоянии была… Пусть ее автобиография – не бог весть что, но все же…

Тут вернулась Пиппа с позвякивающими стаканами и бутылкой бренди; Кэтрин умолкла.

– Мы это для рождественского пудинга берегли, – сообщила Пиппа, ловко откупоривая коньячную бутылку. – Готово, Кэт.

Кэтрин щедро плеснула себе бренди и залпом выпила. Похоже, это возымело желаемый эффект. Всхлипнув, она выпрямила спину.

Робин согласилась выпить совсем чуть-чуть. Страйк отказался вовсе.

– Когда вы прочли рукопись? – спросил он Кэтрин, которая уже наливала себе вторую порцию.

– Как только нашла – девятого, когда забежала переодеться в свежее. Понимаете, я с Анджелой в хосписе сидела… после Ночи костров он на мои звонки не отвечал, а ведь я ему говорила, что Анджела совсем плоха, сообщения посылала. А потом прихожу домой и вижу: весь пол машинописными листами усыпан. Ну, думаю, может, потому он и трубку не берет – хочет, чтобы я вначале это прочла? Захватила я рукопись с собой в хоспис и там стала читать, пока с Анджелой сидела.

Робин с ужасом представила, что испытала эта женщина, когда, сидя у постели умирающей сестры, читала пасквиль своего любовника.

– Позвонила я Пип – подтверди, Пип, – потребовала Кэтрин, и Пиппа кивнула, – и рассказала, что он выкинул. Пыталась ему дозвониться – все без толку. А как Анджела скончалась, я подумала: ну, погоди, гад, я до тебя еще доберусь. – От спиртного бледные щеки Кэтрин порозовели. – Отправилась я к нему домой, увидела его жену и сразу поняла: она правду говорит, дома его нет. Ну, я ей сказала, чтобы она известила его о смерти Анджелы… – Кэтрин опять поморщилась, и Пиппа, опустив стакан, обняла ее за трясущиеся плечи. – Я надеялась, до него дойдет, как он со мной поступил, а тем более в такое время, когда я теряла… когда потеряла…

С минуту в гостиной раздавались только рыдания Кэтрин и отдаленные крики дворовой банды.

– Сочувствую, – чопорно произнес Страйк.

– Представляю, как вам было тяжело, – сказала Робин.

Теперь всех четверых сблизило хрупкое чувство локтя. По крайней мере в одном они сошлись: Оуэн Куайн поступил подло.

– На самом деле я пришел к вам для того, чтобы услышать профессиональный анализ текста, – признался Страйк, когда Кэтрин в очередной раз утерла опухшие от слез, узкие как щелки глаза.

– Это в каком же смысле? – спросила она, и Робин под этой резкостью почувствовала удовлетворенную гордыню.

– Я не могу понять некоторые эпизоды «Бомбикса Мори».

– Ничего сложного тут нет, – сказала Кэтрин, а потом опять эхом повторила за Фэнкортом: – Премий за тонкий психологизм этому роману не дадут, вы согласны?

– Не могу судить, – ответил Страйк. – Но в романе есть один весьма интригующий персонаж.

– Фанфарон? – спросила она.

Банальная догадка, подумал Страйк. Фэнкорт – знаменитость.

– Я имел в виду Резчика.

– Об этом даже говорить не стану.

Робин содрогнулась от ее жесткости. Кэтрин покосилась на Пиппу, и Робин поняла, что их объединяет плохо замаскированная общая тайна.

– Порядочного из себя изображал, – бросила Кэтрин. – Притворялся, что для него есть нечто святое. А сам…

– Ни от кого не могу добиться толкования образа Резчика, – посетовал Страйк.

– Это потому, что не перевелись еще приличные люди, – сказала Кэтрин.

Страйк перехватил взгляд Робин и одними глазами попросил ее взять инициативу на себя.

– Джерри Уолдегрейв признался Корморану, что Резчик – это он, – забросила удочку Робин.

– Мне нравится Джерри Уолдегрейв, – с вызовом сказала Кэтрин.

– Вы с ним знакомы? – удивилась Робин.

– Оуэн как-то взял меня на банкет – на рождественский, два года назад, – объяснила она. – Там был Уолдегрейв. Милейший человек. Правда, перебрал немного.

– Выходит, он уже тогда пил? – вклинился Страйк.

И совершил ошибку: он ведь для того и передал инициативу Робин, чтобы не отпугнуть собеседницу. Теперь Кэтрин замкнулась в себе.

– Еще какие-нибудь интересные личности присутствовали тогда на банкете? – спросила Робин, пригубив бренди.

– Майкл Фэнкорт, – быстро ответила Кэтрин. – Многие считают его заносчивым, но меня он очаровал.

– А… вы с ним побеседовали?

– Оуэн не разрешил, – сказала она, – но я пошла в дамскую комнату и на обратном пути успела ему сказать, как меня восхитил «Дом

пустоты». Оуэн был бы вне себя, – добавила она с мелочным удовлетворением. – Он вечно твердил, что Фэнкорта перехвалили, но я считаю его блистательным автором. Короче, мы немного пообщались, а потом кто-то утянул его в сторону, но в принципе могу только повторить, – Кэтрин говорила заносчиво, как будто в комнате незримо присутствовал Куайн и слушал, как она превозносит его соперника, – со мной он был очарователен. Пожелал мне успехов на литературном поприще, – добавила она, отпив бренди.

– А он знал, что вы близки с Оуэном? – спросила Робин.

– Знал, – саркастически усмехнулась Кэтрин, – я сама его просветила, а он засмеялся и говорит: «Мои соболезнования». Ему было безразлично. Оуэн перестал для него существовать. Я это почувствовала. Нет, я все же считаю, он приятный человек и великолепный писатель. Люди всегда завидуют тем, кто прославился, верно?

Кэтрин подлила себе еще бренди. У нее был на удивление трезвый вид. Если бы не румянец, никто бы не сказал, что эта женщина от души приложилась к бутылке.

– Значит, Джерри Уолдегрейв произвел на вас хорошее впечатление, – почти рассеянно произнесла Робин.

– Он – прелесть, – сказала Кэтрин, будто решила превозносить всех, кому досталось от Куайна. – Чудесный человек. Хотя и напился, причем *очень* сильно. Он сидел в боковой комнате, и люди обходили его стороной, понимаете? Эта ведьма Лиз Тассел никого к нему не подпускала, так как он, видите ли, городил чушь.

– Почему «ведьма»? – спросила Робин.

– Наглая старая свинья, – бросила Кэтрин. – Слышали бы вы, как она разговаривала со мной, со всеми. Но я-то знаю, откуда ветер дул: она злилась, что туда заявился Фэнкорт. Вот я ей и сказала… Оуэн пошел проверить, не отключился ли Джерри, – что бы там ни говорила эта ведьма, но Оуэн никогда бы не оставил его, бесчувственного, сидеть в кресле, – а я и говорю: «Только что познакомилась с Майклом Фэнкортом: он просто очарователен». Лиз Тассел это зацепило, – подчеркнула довольная собой Кэтрин, – зацепило, что со мной он очарователен, а ее не переваривает. Оуэн рассказывал, что она когда-то с ума сходила по Фэнкорту, а тот даже не смотрел в ее сторону.

Сплетни, пусть даже старые, были ее стихией. По крайней мере на один вечер Кэтрин Кент смогла распушить перья.

– Когда я ей это сказала, она почти сразу ушла, – с удовлетворением закончила Кэтрин. – Старая карга.

– Я знаю от Майкла Фэнкорта, – начал Страйк, и Кэтрин с Пиппой буквально впились в него глазами, сгорая от желания узнать, чем же мог поделиться со Страйком великий писатель, – что Оуэн Куайн и Элизабет Тассел когда-то состояли в интимных отношениях.

После краткого изумленного молчания Кэтрин Кент расхохоталась – и, похоже, искренне: пронзительно, почти радостно, на всю квартиру.

– Оуэн Куайн и *Элизабет Тассел*?

– Так сказал Майкл Фэнкорт.

Пиппа просияла, видя и слыша такое неожиданное, хлынувшее через край веселье Кэтрин Кент: та, не в силах перевести дыхание, откинулась на спинку дивана и тряслась от неподдельного смеха, расплескивая бренди себе на брюки. Ее истерическое ликование оказалось заразительным: Пиппа тоже захохотала.

– Ни за что на свете… – задыхалась Кэтрин… – Хоть… озолоти…

– Сколько лет прошло, – сказал Страйк, но длинная рыжая грива все так же вздрагивала от непритворного смеха Кэтрин.

– Оуэн и Лиз… никогда. Ни за какие коврижки… вы просто не понимаете. – Кэтрин даже прослезилась и вытерла глаза. – Его от нее тошнило, от этой уродины. Иначе я бы знала… Оуэн трепался обо всех, с кем хоть раз переспал, – в этом смысле он не был джентльменом – подтверди, Пип. Мне ли не знать, с кем у него было… Не понимаю, с чего Майкл Фэнкорт это взял… Да ни за что на свете! – повторила Кэтрин Кент с непринужденным хохотом и полной уверенностью.

От смеха она окончательно расслабилась.

– Но вы не знаете, как понимать образ Резчика? – спросила ее Робин, опуская свой стакан на столик с видом гостьи, собирающейся распрощаться.

– Ну почему же не знаю, – ответила Кэтрин, еще не переведя дыхание после приступа смеха. – Знаю. Какая же это низость – так поступить с Джерри. Подлый лицемер… Требовал, чтобы я держала язык за зубами, а сам взял да и вставил это в «Бомбикса Мори»…

Робин и без подсказки Страйка поняла: сейчас нужно промолчать и выждать, чтобы Кэтрин Кент, разогретая алкоголем, весельем и безраздельным вниманием слушателей, выложила свои потаенные знания о литературных персонажах.

– Ну ладно, – сказала она. – Ладно уж… Оуэн сам мне рассказал, когда мы уходили. Джерри потому в тот вечер напился, что дома у него, поверьте, сущий ад, причем давно уже. Перед банкетом Фенелла закатила ему жуткий скандал и проговорилась, что их дочка, по всей вероятности, не от него. Что она, по всей вероятности…

Страйк уже знал, что за этим последует.

– …от Фэнкорта, – выдержав драматическую паузу, сообщила Кэтрин. – Вот вам и карлица с большой головой – плод, от которого Фенелла собиралась избавиться, потому что не знала, от кого зачала, понимаете? Вот вам и обманутый Резчик с рогами под шапкой… А Оуэн требовал, чтобы я помалкивала. «С такими делами, – говорил, – шутить нельзя. Джерри любит свою дочь, она – единственное, что ему дорого в этой жизни». По дороге домой все уши мне прожужжал. Фэнкорт то, Фэнкорт се, да как он взбесится, если узнает, что у него есть дочь, – мол, Фэнкорт никогда детей не хотел… А уж как прикидывался, что хочет оградить Джерри! Да он бы мать родную продал, чтобы досадить Майклу Фэнкорту. На что угодно был готов!

46

Леандр не смог пошевельнуть рукой,
Как бог увлек его на дно с собой,
Где раковин жемчужных изобилье…

Кристофер Марло.
Геро и Леандр[35]

Через полчаса, с благодарностью вспоминая чудодейственные возможности дешевого бренди и присущее Робин сочетание здравомыслия и теплоты, Страйк сказал спасибо своей ассистентке, и они распрощались. Робин, сияя от похвалы и волнения, поехала домой, к Мэтью, и даже прониклась некоторой снисходительностью к предположениям Страйка насчет убийцы Оуэна Куайна. Этому отчасти способствовало то, что услышанные рассказы ни в коей мере не противоречили версии Страйка, а отчасти – то, что сегодня она впервые провела допрос на равных со своим боссом.

Страйк не испытывал подобного воодушевления. Вернувшись к себе в мансарду, он выпил только чашку чая и, поразмыслив, окончательно склонился к своей версии, но в качестве доказательства мог предъявить только кассету от пишущей машинки; этого явно было недостаточно, чтобы полиция сняла обвинения с Леоноры.

В ночь на субботу и на воскресенье сильно подмораживало, но в дневные часы сквозь одеяло туч пробивались осторожные лучи солнца. Растаявший от дождя снег превратился в скользкую ледяную корку. Страйк бесцельно слонялся между квартирой и офисом, проигнорировал звонок Нины Лассельс и отклонил приглашение на ужин к Нику с Илсой, отговорившись бумажной волокитой; на самом деле ему просто хотелось побыть в одиночестве, чтобы ни с кем не обсуждать дело Куайна. Он понимал, что ведет себя так, будто все еще подчиняется профессиональным нормам, которыми вполне мог пренебречь после увольнения из Отдела специальных расследований. Теперь он мог с кем угодно делиться своими подозрениями, но

продолжал считать все обстоятельства дела закрытой информацией. Это объяснялось не только многолетней привычкой, но прежде всего (сколько бы ни насмешничали другие) – серьезной убежденностью, что убийца может оказаться в курсе его мыслей и дел. Страйк знал единственный способ избежать утечки – поменьше болтать языком.

В понедельник к нему явился босс и возлюбленный неверной мисс Броклхэрст. Теперь им руководило мазохистское желание выяснить, нет ли у этой изменницы, как он подозревал, третьего тайного любовника. Страйк слушал его вполуха: для него куда важнее было обдумать возможные действия Дейва Полворта – на того была последняя надежда. Робин пока ничего не добилась, хотя часами охотилась за описанными им уликами.

В половине седьмого вечера, когда Страйк смотрел прогноз погоды, обещавший к концу текущей недели возвращение арктического холода, у него зазвонил телефон.

– Угадай с первой попытки, что я тебе скажу, Диди, – сквозь потрескивание на линии заговорил Полворт.

– Ты шутишь. – Страйк замер в ожидании.

– Я все раздобыл.

– Офигеть! – выдохнул Страйк.

Это была его собственная задумка, но он поразился не менее, чем сам Полворт, что друг сумел провернуть такое дело в одиночку.

– Лежит в пакете и ждет тебя.

– Я завтра с самого утра пришлю кого-нибудь забрать…

– А я прямо сейчас отправлюсь домой и залягу в горячую ванну, – сказал Полворт.

– Старичок, ты просто…

– Знаю, знаю. Мои заслуги обсудим позже. Я замерз как цуцик, Диди, хочу поскорее домой.

Страйк позвонил Робин. Та обрадовалась не меньше, чем он сам.

– Хорошо, прямо завтра! – решительно подтвердила она. – Завтра же заберу и проверю…

– Соблюдай осторожность, – перебил ее Страйк. – Устраивать гонку ни к чему.

Ночью он почти не спал.

Робин появилась в конторе только в час дня. Когда она позвала его, затворив стеклянную дверь, Страйк все понял.

– Ну как?

– Порядок, – выдохнула она.

Робин думала, он соберется ее обнять, хотя Страйк никогда не приближался к этой черте; он и вправду рванулся вперед – но, как оказалось, только чтобы схватить лежащий у него на столе мобильный.

– Буду звонить Энстису. Мы это сделали, Робин!

– Корморан, по-моему… – начала Робини, но Страйк ее не слышал. Он уже закрылся у себя в кабинете.

С чувством неловкости Робин опустилась на компьютерный стул. Из-за двери, то нарастая, то умолкая, раздавался приглушенный голос Страйка. Она беспокойно встала и зашла в туалет, где вымыла руки и уставилась в треснутое зеркало над раковиной, с неудовольствием разглядывая свои чересчур броские золотистые волосы. Вернувшись в приемную, Робин вновь села за рабочий стол, но так и не смогла сосредоточиться. Она даже не включила искусственную елочку и теперь исправила это упущение, а потом в рассеянном ожидании стала грызть ноготь, хотя давным-давно избавилась от этой привычки.

Минут через двадцать Страйк, с перекошенным лицом и стиснутыми зубами, появился из кабинета.

– Тупой придурок, зараза! – были его первые слова.

– Нет! – выдохнула Робин.

– Слушать ничего не хочет. – Страйк был настолько взвинчен, что заметался, хромая, по тесной приемной. – Он отправил в лабораторию ту тряпку из чулана, и оказалось, что на ней кровь Куайна. Большое дело! Он мог порезаться много месяцев назад. Этот болван до того упивается своей версией, что…

– Ты хотя бы посоветовал ему выписать ордер…

– Придурок! – заорал Страйк и со всей силы грохнул кулаком по металлическому стеллажу; Робин вздрогнула.

– Но он же не сможет отрицать… когда экспертиза подтвердит…

– Дьявольщина, Робин, в том-то вся и штука! – Он развернулся к ней. – Если он не рискнет провести обыск до получения результатов экспертизы, то искать будет нечего!

– Но ты успел рассказать ему про пишущую машинку?

– Если этот кретин не понимает того, что само прет в глаза…

Робин не стала расспрашивать дальше: она лишь следила взглядом, как ее босс, наморщив лоб, расхаживает туда-обратно, и не решалась

заговорить о том, что ее тревожило.

– Сучонок! – прорычал Страйк, в шестой раз проходя мимо ее стола. – Выбора нет. Только Ал, – пробормотал он, снова доставая мобильный, – и Ник.

– Кто такой Ник? – Робин отчаянно пыталась уследить за его мыслью.

– Его жена – адвокат Леоноры, – ответил Страйк, нажимая на кнопки. – Мой старинный приятель… гастроэнтеролог…

Хлопнув дверью, он вновь скрылся в кабинете.

От нечего делать Робин с тяжелым сердцем вскипятила чайник и заварила чай. Кружки успели остыть.

Когда Страйк через пятнадцать минут появился в приемной, вид у него был поспокойнее.

– Ладно, – сказал он и хлебнул остывшего чая. – Есть один план, и ты мне понадобишься. Готова?

– Конечно! – сказала Робин.

Он вкратце изложил ей задуманное. План был дерзкий, требовавший изрядной порции удачи.

– Ну как? – спросил Страйк.

– Без проблем, – ответила Робин.

– Может, обойдемся и без тебя.

– Вряд ли, – усомнилась Робин.

– Но с другой стороны, ты можешь оказаться главным звеном.

– Да, – сказала Робин.

– У тебя точно нет возражений? – Страйк посмотрел на нее в упор.

– Говорю же: никаких проблем, – повторила Робин. – Я охотно это сделаю, просто… – она замялась, – мне кажется, он…

– Что? – резко поторопил Страйк.

– Мне кажется, здесь нужен тренинг, – сказала Робин.

– Вот оно что. – Страйк не сводил с нее глаз. – Да, пожалуй. Срок – вероятно, до четверга. Сейчас уточню дату…

Он в третий раз исчез за дверью кабинета. Робин опять вернулась за стол.

Ей отчаянно хотелось внести свою лепту в поимку убийцы Оуэна Куайна, но она так и не решилась договорить до конца начатую фразу: «Мне кажется, он меня заметил».

47

Ха-ха-ха! Запутался ты в своих же затеях, как шелкопряд.

Джон Уэбстер.

Белый дьявол[36]

При свете старомодного уличного фонаря карикатурные настенные росписи на фасаде арт-клуба «Челси», занимающего длинный ряд соединенных вместе белых домиков, выглядели какими-то призрачными. На точечно-пунктирном радужном фоне были изображены ярмарочные уродцы: четвероногая блондинка, слон, пожирающий своего дрессировщика, одетый в полосатую тюремную робу бледный акробат, чья голова исчезала в его собственном анусе. Клуб располагался на усаженной деревьями, сонно-тихой, чинной улочке, которую сейчас атаковал вернувшийся снегопад, деловито заметая тротуары и крыши, как будто и не получал короткой передышки во время этой полярной зимы. В четверг пурга словно взбесилась, и сквозь дрожащую пелену снежинок старый клуб, выкрашенный в свежие пастельные тона, смотрелся на удивление хлипким, словно декорация из папье-маше или картина-обманка.

Укрывшись в темном переулке возле Олд-Черч-стрит, Страйк наблюдал, как участники небольшого торжества один за другим подтягиваются к зданию. Престарелого Пинклмена доставил на такси угрюмый Джерри Уолдегрейв, а Дэниел Чард на костылях стоял у входа, кивал и неловкой улыбкой приветствовал гостей. Элизабет Тассел приехала на такси одна и, дрожа от холода, искала в сумочке деньги, чтобы расплатиться с водителем. Последним на лимузине с водителем подкатил Майкл Фэнкорт, который долго не выходил из машины, но наконец-то пошел к ступеням, на ходу поправляя пальто.

На густых курчавых волосах Страйка обильно падавший снег не таял. Вытащив мобильный, детектив позвонил единокровному брату.

– Слышь, – взволнованно сказал в трубку Ал, – они все – в банкетном зале.

– Сколько их?

– Человек десять.

– Иду.

Опираясь на трость, Страйк перешел через дорогу. Его пропустили без лишних вопросов – он назвал свое имя и представился гостем Дункана Гилфеддера.

Ал и Гилфеддер, светский фотограф, которого Страйк видел впервые, поджидали в баре, неподалеку от входа. Гилфеддер, судя по всему, пребывал в замешательстве: он понятия не имел, кто такой Страйк и почему добрый знакомый Ал попросил его, Дункана Гилфеддера, члена этого занятного и милого клуба, пригласить неизвестно кого.

– Мой брат, – с гордостью подчеркнул Ал, когда их знакомил.

– Да? – не понял Гилфеддер. У него были очочки в точности как у Кристиана Фишера и асимметричная длинная стрижка. – Мне казалось, твой брат помоложе.

– То – Эдди, – объяснил Ал. – А это – Корморан. Отставник. В настоящее время – детектив.

– О! – Гилфеддер еще больше запутался.

– Спасибо вам, – обращаясь к обоим сразу, сказал Страйк. – Заказать для вас что-нибудь еще?

В клубе было так шумно и многолюдно, что оценить интерьер не получалось: Страйк едва различил мягкие диваны и потрескивание поленьев в камине. В баре с низкими потолками все стены были увешаны офортами, картинами и фотографиями; это помещение чем-то напоминало загородный домик, уютный и слегка запущенный. Страйк, возвышающийся над толпой, устремил взгляд на окна в торце здания. Они выходили в большой сад, освещенный только огнями клуба и от этого похожий на лоскутное одеяло. На вечнозеленых кустарниках, среди которых виднелись каменные скульптуры, королевской глазурью лежал толстый, гладкий слой девственно-чистого снега. Пробившись к бару, Страйк заказал вино для своих спутников и успел заглянуть в банкетный зал.

Там стояло несколько длинных деревянных столов. Сегодня один из них – ближайший к застекленным дверям, ведущим в

призрачный белый сад, – заказало для небольшого мероприятия издательство «Роупер Чард». По случаю чествования девяностолетнего Пинклмена, сидевшего во главе стола, собралось человек десять-двенадцать – не все они были знакомы Страйку. Организаторы вечера, как заметил Страйк, позаботились, чтобы Элизабет Тассел не оказалась рядом с Майклом Фэнкортом. Фэнкорт что-то громко говорил на ухо Пинклмену; напротив них сидел Чард. Элизабет Тассел посадили с Джерри Уолдегрейвом. Эти двое между собой не разговаривали. Страйк передал Алу с Гилфеддером по бокалу вина и вернулся за своей порцией виски к стойке бара, откуда был хорошо виден банкетный стол.

– Интересно знать, – произнес чистый, как колокольчик, голос где-то внизу, – что *ты* здесь делаешь?

У его локтя стояла Нина Ласселс в том же открытом черном платье, что было на ней в день рождения Страйка. От ее прежней игривой, смешливой манеры не осталось и следа. В голосе ее звучали прокурорские нотки.

– Привет, – удивленно сказал Страйк. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Я тебя – тоже.

Неделю с лишним – после того случая, когда он переспал с ней в день свадьбы Шарлотты, чтобы только отвлечься от ненужных мыслей, – Страйк не отвечал на ее звонки.

– Ты, стало быть, знакома с Пинклменом. – Невзирая на ее враждебность, он попробовал начать светскую болтовню.

– Джерри увольняется, и ко мне переходят некоторые из его авторов. В том числе и Пинкс.

– Поздравляю, – сказал Страйк; Нина не улыбнулась. – Но Уолдегрейв тем не менее пришел на юбилей?

– Пинкс его любит. Интересно знать, – повторила она, – что *ты* здесь делаешь?

– Свою работу, – ответил Страйк. – Пытаюсь выяснить, кто убил Оуэна Куайна.

Нина закатила глаза, показывая, что такая настырность уже не смешна.

– Как ты сюда прошел? Это же закрытый клуб.

– По знакомству, – ответил Страйк.

– Значит, меня использовать передумал? – спросила Нина.

Ему не понравилось свое отражение в ее больших, по-мышиному выкаченных глазах. Спору нет, он использовал ее не раз. Это были дешевые, позорные уловки; она такого не заслуживала.

– Решил, что тебе, наверное, приелось, – ответил Страйк.

– Вот-вот, – сказала Нина. – Ты правильно решил.

Она развернулась и пошла к столу, где заняла последнее свободное место между двумя незнакомыми ему коллегами.

Джерри Уолдегрейв оказался в поле зрения Страйка. Редактор заметил детектива и уставился на него широко раскрытыми глазами сквозь стекла очков в роговой оправе. Встревоженный его напряженным взглядом, Чард поерзал на стуле – и тоже узнал Страйка.

– Как идут дела? – с интересом спросил возникший рядом Ал.

– Отлично, – сказал Страйк. – А где твой… этот… Рейсфедер?

– Выпил и ушел. Так и не понял, что нам здесь нужно.

Ал и сам не слишком четко это понимал. Страйк не вдавался в подробности: он только попросил провести его этим вечером в арт-клуб «Челси» и, возможно, подбросить туда на машине. Принадлежащая Алу ярко-красная «альфа-ромео спайдер» была припаркована недалеко от клуба. Страйк чуть не взвыл от боли в колене, когда выбирался из спортивного автомобиля с низкой подвеской.

Как он и рассчитывал, половина участников юбилейного банкета уже была в курсе его присутствия. Страйк расположился так, чтобы отчетливо видеть их отражения в темных застекленных дверях. Две Элизабет Тассел гневно смотрели на него поверх меню, две Нины старательно его игнорировали, а два сверкающих лысинами Чарда шептали что-то на ухо каждый своему официанту.

– Тот лысый – не он ли подходил к нам в «Ривер-кафе»? – спросил Ал.

– Угу. – Страйк ухмыльнулся, завидев солидного официанта, который отделился от своего отраженного двойника и теперь направлялся к ним. – Думаю, сейчас нас спросят, по какому праву мы здесь находимся.

– Прошу меня извинить, сэр, – забормотал официант, подойдя к Страйку, – но должен спросить…

– Я – Ал Рокби, это – мой брат, нас пригласил Дункан Гилфеддер, – светским тоном ответил Ал, не дав Страйку раскрыть рта.

В голосе Ала сквозило удивление, что к ним обращаются с подобными вопросами. Он, обаятельный молодой человек высокого полета, везде находил радушный прием и пользовался безупречной репутацией, а походя включив Страйка в лоно семьи, обеспечил и ему должные привилегии. С узкого лица Ала смотрели глаза Джонни Рокби. Официант торопливо пробормотал извинения и ретировался.

– Ты хочешь просто нагнать на них страху? – спросил Ал, разглядывая издательскую компанию.

– Это не помешает, – усмехнулся Страйк, потягивая виски и наблюдая за Дэниелом Чардом, который натужно произносил тост в честь Пинклмена.

Из-под стола появился подарок с приложенной открыткой. На каждую улыбку, адресованную престарелому юбиляру, приходилась нервная оглядка на крупного смуглого человека, который в упор смотрел из бара. Единственным, кто не оглядывался, был Майкл Фэнкорт. То ли он не знал о присутствии сыщика, то ли сохранял невозмутимость.

Когда всем подали закуски, Джерри Уолдегрейв встал со своего места и направился в сторону бара. Нина и Элизабет следили за ним глазами. По дороге в туалетную комнату Уолдегрейв лишь небрежно кивнул Страйку, но на обратном пути задержался.

– Странно вас здесь видеть.

– Да? – изобразил удивление Страйк.

– Да, – твердо сказал Уолдегрейв. – Вы… э-э… нервируете людей.

– Ну что ж поделаешь, – произнес Страйк.

– Можно вас попросить хотя бы не сверлить нас глазами?

– Мой брат Ал, – пропустив мимо ушей эту просьбу, представил Страйк.

С лучезарной улыбкой Ал протянул руку, которую Уолдегрейв пожал в некоторой растерянности.

– Из-за вас Дэниел чувствует себя неуютно, – сказал он Страйку, глядя на него в упор.

– Какая жалость, – сказал Страйк.

Редактор взлохматил спутанные волосы:

– Непонятная у вас позиция.

– С каких пор вас волнует, как чувствует себя Дэниел Чард?

– Меня лично это не волнует, – сказал Уолдегрейв, – но его настроение отражается на других. Мне бы хотелось, чтобы Пинклмен остался доволен сегодняшним праздником. Не понимаю, зачем вы сюда явились.

– В качестве курьера, – ответил Страйк и вынул из кармана неподписанный белый конверт.

– Это еще что?

– Это вам, – сказал Страйк.

Уолдегрейв взял конверт и окончательно растерялся.

– Информация к размышлению. – В шумном баре Страйку пришлось вплотную склониться к озадаченному редактору. – Фэнкорт перед смертью жены – чтобы вы знали – переболел свинкой.

– Ну и что? – Уолдегрейв был совершенно сбит с толку.

– У него никогда не было детей. Почти на сто процентов, он бесплоден. Я подумал, вам это будет интересно.

Раскрыв рот, Уолдегрейв уставился на сыщика и не нашелся с ответом, а потом спохватился и отошел с белым конвертом в руке.

– Что это было? – сгорая от любопытства, спросил Ал.

– План «А», – ответил Страйк. – Посмотрим, что будет дальше.

Уолдегрейв сел на свое место за роупер-чардовским столом, и в черном дверном стекле сразу появилось его отражение. Редактор вскрыл полученный от Страйка конверт. Оттуда в недоумении достал второй, поменьше, на котором было написано от руки какое-то имя. Джерри Уолдегрейв перевел взгляд на Страйка; тот молча вздернул брови. Уолдегрейв смешался, но передал конверт Элизабет Тассел. Прочитав надпись, она нахмурилась. Ее глаза устремились на Страйка. Детектив улыбнулся и приветливо поднял стакан. Лиз Тассел на мгновение растерялась, но потом ткнула в бок сидящую рядом девушку и передала ей конверт. Очень скоро послание добралось до Майкла Фэнкорта.

– В яблочко, – сказал Страйк. – Ал, выйду я, пожалуй, в сад покурить. А ты стой здесь и держи наготове телефон.

– Здесь мобильными пользоваться не… – Страйк сделал такое лицо, что Ал поспешно исправился. – Будь спокоен.

48

Кому же гусеница шелкопряда
Свой дарит желтый труд? Ужель тебе?

Томас Миддлтон.
Трагедия мстителя

В безлюдном саду был невыносимый холод. Страйк увяз по щиколотку в снегу, не чувствуя, как мороз крадется по правой брючине. Все курильщики, которые в обычное время собирались на скрытых от глаз аккуратных лужайках, сейчас топтались прямо на тротуаре перед клубом. Страйк проложил одинокую цепочку следов по мерзлой белизне, среди затихшей красоты, и остановился у круглого пруда, превратившегося в серый ледяной диск. В центре, на огромной двустворчатой раковине, сидел пухлый бронзовый купидон. Одетый в снежный парик, он натягивал тетиву лука и целился не туда, где имел шанс поразить стрелой простого смертного, а в темные небеса.

Страйк закурил и стал смотреть в ярко освещенные окна клуба. Из темноты посетители и официанты выглядели бумажными человечками на световом экране.

Если Страйк разбирался в людях, ждать оставалось недолго. Мог ли писатель, чье призвание – сплетать слова из нити опыта, любитель ужасов и макабрических странностей, упустить такую уникальную возможность?

И действительно, через несколько минут Страйк услышал щелчок открываемой двери, обрывки разговоров, краткую музыкальную фразу, а потом – приглушенные шаги.

– Мистер Страйк?

В темноте голова Фэнкорта выглядела огромным куполом.

– Не проще ли выйти на улицу?

– Мне удобней в саду, – сказал Страйк.

– Понимаю.

В словах Фэнкорта сквозило добродушие, как будто он решил – пусть ненадолго – пойти навстречу Страйку. Детектив подозревал, что это решение подсказано слабостью писателя к театральным эффектам: ведь именно его призвал для разговора человек, который заставил нервничать всю компанию.

– Что вас интересует? – спросил Фэнкорт.

– Ваше мнение, – ответил Страйк. – Мой вопрос касается критического анализа «Бомбикса Мори».

– Как, опять? – поразился Фэнкорт. Его добродушие застывало так же стремительно, как ноги. Он поплотнее запахнул пальто от метели. – Я сказал все, что хотел сказать об этой книге.

– Одно из первых суждений, которые я услышал, – начал Страйк, – сводилось к тому, что она напоминает ваши ранние произведения. «Море крови и тайные символы» – по-моему, так было сказано.

– Ну и дальше что? – Фэнкорт засунул руки в карманы.

– А то, что в ходе моих разговоров с людьми, знавшими Куайна, я все отчетливее понимал, что эта книга имеет весьма отдаленное сходство с той, которую, по его словам, писал он.

Дыхание Фэнкорта поднималось белым облачком, заслоняя тяжелые черты.

– Я даже познакомился с одной девушкой, – добавил Страйк, – которая утверждает, что слышала отрывок из этой книги, совершенно непохожий на окончательный вариант.

– Писатели кромсают свои произведения, – сказал Фэнкорт, притопывая ногами и втягивая голову в плечи по самые уши. – Оуэну не мешало бы заниматься этим почаще. А некоторые романы, вообще говоря, можно было вымарать целиком.

– Кроме того, – продолжил Страйк, – в тексте есть включения из раннего творчества Куайна. И тут и там – гермафродит. И тут и там – окровавленный мешок. Безудержный секс.

– У него было скудное воображение, мистер Страйк.

– После него осталась записка, похожая на перечень возможных имен. Одно из этих имен читается на использованной машинописной ленте, которую вынесли из его кабинета еще до того, как полицейские опечатали дверь, но в окончательном варианте рукописи это имя отсутствует.

– Значит, передумал, – раздраженно бросил Фэнкорт.

– Это совершенно расхожее имя, не символическое, не отсылающее к прототипу, в отличие от имен в окончательном тексте. – Когда глаза привыкли к темноте, Страйк заметил, что на тяжелом лице Фэнкорта появилось легкое любопытство. – В ресторане, при большом скоплении людей, Куайн в последний раз – думаю, это будет доказано – поел и в последний раз появился на публике. Со слов надежного свидетеля, Куайн на весь ресторан кричал, что одной из причин, по которым Тассел струсила представлять его книгу, был «Фэнкорт и его поганый вялый хер».

Вряд ли Страйка и Фэнкорта четко видели дергающиеся человечки, которые собрались за издательским столом. Две мужские фигуры, скорее всего, сливались с деревьями и скульптурами, но самый решительный или самый отчаянный наблюдатель все же мог бы определить их местонахождение по крошечному, но яркому, как точка лазерного целеуказателя, огоньку сигареты Страйка.

– Штука в том, что в «Бомбиксе Мори» ни слова не сказано про ваш член, – объяснил Страйк. – Там нет ни слова про любовницу Куайна и про подружку-транссексуалку, которые, по его словам, фигурируют в романе как «чистые, неприкаянные души». А кроме того, шелкопрядов не обливают кислотой: их вываривают в кипятке прямо в коконах.

– Ну и дальше что? – повторил Фэнкорт.

– Да то, что напрашивается вывод: «Бомбикс Мори», который ходит по рукам, – это не тот роман, который написал Оуэн Куайн.

Фэнкорт даже перестал притопывать ногами. Остолбенев, он всерьез обдумывал услышанное.

– Я… нет, – сказал он, как будто самому себе. – Куайн написал это сам. Слишком узнаваемый стиль.

– Странно слышать это от вас, потому что всем остальным, кто хорошо чувствует индивидуальный стиль Куайна, слышится в этой книге чужой голос. Дэниел Чард заподозрил Уолдегрейва. Уолдегрейв заподозрил Элизабет Тассел. А Кристиану Фишеру послышался ваш голос.

Фэнкорт в своей обычной манере презрительно пожал плечами:

– Куайн стремился подражать более искушенному автору.

– Не кажется ли вам, что реальные прототипы описаны у него однобоко?

Фэнкорт взял предложенные Страйком сигарету и зажигалку и, не перебивая, с интересом слушал.

– Он утверждает, что жена и литагент на нем паразитируют, – пояснил Страйк. – Да, неприятно, но это стандартное обвинение, которое кто угодно может бросить в адрес тех, кто, так сказать, живет за его счет. Он намекает, что его любовница терпеть не может животных, и вставляет какие-то комментарии, которые можно толковать либо как намеки на ее низкопробные книжки, либо как тошнотворные аллюзии на рак груди. Его подопечная транссексуалка получает единственную характеристику, причем издевательскую, насчет вокальных упражнений, а между тем она сама рассказывала, что давала ему читать историю своей жизни, над которой тогда работала, и делилась самым сокровенным. Он, по сути, обвиняет Чарда в убийстве Джо Норта и выдвигает непристойные предположения об истинных желаниях Чарда. Наконец, он возлагает на вас вину за смерть вашей первой жены. Все это – либо открытая информация, либо расхожие сплетни, либо примитивные нападки.

– Но от этого не менее болезненные, – приглушенно выговорил Фэнкорт.

– Согласен, – сказал Страйк. – Поэтому многие затаили на него злобу. Но единственным настоящим откровением во всей книге стало то, что вы – отец Джоанны Уолдегрейв.

– Во время нашей беседы я вам сказал… почти открытым текстом… – ощутимо напрягся Фэнкорт, – что это обвинение не только ложное, но и нереальное. Я бесплоден, и Куайн…

– …и Куайн не мог этого не знать, – согласился Страйк, – так как у вас еще сохранялись – по крайней мере, внешне – дружеские отношения в ту пору, когда вы переболели свинкой, а кроме того, он уже прошелся по этой теме в «Братьях Бальзак». И от этого те обвинения, которые вложены в уста Резчика, звучат совсем уж странно, правда? Как будто эту часть написал некто, не знающий о вашем бесплодии. Неужели при чтении романа вам не приходили в голову такие мысли?

На волосы и плечи обоих мужчин толстым слоем ложился снег.

– По-моему, Оуэн не задумывался о правдоподобии, – медленно проговорил Фэнкорт, выдыхая дым. – Грязь липнет. А он только и

делал, что лил грязь. Я счел, что он просто старается перессорить своих знакомых.

– И по этой причине решил прислать вам текст раньше, чем другим?

Фэнкорт не ответил, и Страйк продолжал:

– Вы же понимаете, это легко проверить. В курьерской, да и в обычной почтовой службе доставки непременно остаются записи. Лучше уж говорите как есть.

Повисла долгая пауза.

– Ладно, – выдавил наконец Фэнкорт.

– Когда вы получили рукопись?

– Утром шестого.

– И как вы с ней поступили?

– Сжег, – коротко ответил Фэнкорт, будто вторя Кэтрин Кент. – Я понял, чего он добивается: спровоцировать громкий скандал, максимально разрекламировать себя. Последнее прибежище неудачника… Я не собирался ему потакать.

До них вновь донеслись обрывки веселья – это открылась и закрылась дверь клуба, ведущая в сад. Неуверенные шаги по снегу, большая тень, возникшая из темноты.

– И что же, – прохрипела Элизабет Тассел, кутаясь в тяжелое пальто с меховым воротником, – здесь происходит?

Заслышав ее голос, Фэнкорт рванулся назад, к входу. Страйк мысленно спросил себя: когда эти двое в последний раз сталкивались лицом к лицу, если только не в многолюдной толпе?

– Повремените минуту, будьте добры, – попросил он писателя.

Фэнкорт замешкался. Тассел низким, скрипучим голосом обратилась к Страйку:

– Пинкс хочет, чтобы Майкл вернулся за стол.

– Вы очень кстати: поможете нам кое-что прояснить.

Снег падал на вечнозеленые листья, на замерзший пруд, на купидона, целящегося в небо.

– Когда-то вы сочли творчество Элизабет «до боли вторичным», это так? – обратился Страйк к Фэнкорту. – Вы вместе изучали елизаветинскую трагедию мести, отсюда некоторое сходство вашего с ней стиля. Но зато вы, как я понимаю, – он повернулся к Тассел, – превосходно имитируете чужую манеру письма.

Он с самого начала просчитал, что она обязательно прибежит, если увести Фэнкорта из-за стола, просчитал, что она испугается, как бы сыщик в темноте сада не наговорил писателю лишнего. Сейчас она замерла в неподвижности, подставляя снегу меховой воротник и металлическую седину волос. В слабом свете, падавшем из окон клуба, Страйк мог различить лишь контур ее лица и примечательный взгляд: напряженный, пустой. У нее были мертвые, бесчувственные глаза акулы.

– Например, вы в совершенстве овладели стилем Элспет Фэнкорт.

У Фэнкорта отвисла челюсть. Несколько мгновений снежные шорохи нарушались только едва слышными хрипами, вырывающимися из легких Элизабет Тассел.

– Я сразу подумал, что Куайн взял над вами какую-то власть, – сказал Страйк. – Вы не производите впечатления женщины, которая позволит сделать из себя семейный банк и домработницу, которая предпочтет работать с Куайном и при этом упустит Фэнкорта. И не надо песен про свободу самовыражения… Это вы написали пародию на роман Элспет Фэнкорт и подтолкнули женщину к самоубийству. Все эти годы вы утверждали, что Оуэн, мол, показал вам написанную им пародию. А на самом деле все было ровно наоборот.

И опять шорох снежинок на снежинках нарушали только слабые, потусторонние хрипы, доносящиеся из груди Элизабет Тассел. Фэнкорт с раскрытым ртом переводил взгляд с литературного агента на сыщика.

– Полицейские заподозрили, что Куайн вас шантажировал, – продолжил Страйк, – но вы их одурачили трогательной историей о своих бескорыстных денежных вливаниях на нужды Орландо. Больше четверти века вы откупались от Куайна, правильно я понимаю?

Он старался развязать ей язык, но она молчала, глядя на него темными, пустыми глазами, напоминающими дыры на бледном, некрасивом лице.

– Как вы охарактеризовали себя, когда мы с вами обедали? «Безгрешная старая дева», – напомнил Страйк. – Значит, вы все-таки дали выход своей неудовлетворенности, правда, Элизабет?

Безумные, пустые глаза устремились на Фэнкорта, который теперь стоял поодаль.

– Ну что, вы получили удовольствие, Элизабет, когда описывали, как насилуют и убивают ваших знакомых? Один гигантский выплеск злобы и непристойности – и вы, непризнанный гений, разом отомстили всем, пнули каждого, кому больше повезло и в любви, и в…

Из темноты раздался тихий голос, и Страйк не сразу понял, откуда он долетает. Это был странный, незнакомый, высокий голос: по-видимому, таким голосом буйнопомешанная пытается выразить невинность и доброту.

– Нет, мистер Страйк, – приглушенно говорила она тоном матери, убеждающей сонного ребенка не садиться в кроватке, не ворочаться. – Несчастный глупец. Бедняга. – Элизабет выдавила смешок, от которого у нее засвистело в легких, и тем же ласковым, мурлычущим тоном обратилась к Фэнкорту: – Он получил увечье в Афганистане. Я же вижу: у него контузия. Повреждение мозга, как у крошки Орландо. Ему нужна помощь, бедному мистеру Страйку.

У нее участилось дыхание, свист в легких сделался сильнее.

– Что же вы респиратор-то не прикупили, а, Элизабет? – спросил Страйк.

Ему показалось, что ее глаза еще больше потемнели и выпучились, а зрачки расширились от выброса адреналина. Большие, мужские руки превратились в когтистые лапы.

– Думали, все у вас просчитано, да? Веревки, маскировка, защитный комбинезон – только вы не учли, что обожжете горло, вдыхая едкие пары.

Морозный воздух терзал ее легкие. В панике Элизабет запыхтела, будто в порыве страсти.

– Сдается мне, – с расчетливой жестокостью проговорил Страйк, – от этого вам изменил рассудок. Будем надеяться, присяжные в это поверят. Какая никчемная жизнь. Бизнес – псу под хвост, ни мужа, ни детей… Скажите, – Страйк без экивоков обратился к обоим, они стояли к нему в профиль, – между вами когда-нибудь была неудачная попытка близости? Этот «вялый хер»… мне кажется, Куайн вполне мог выдумать такую деталь для включения в подлинный «Бомбикс Мори».

Их лиц он не видел – Фэнкорт и Тассел стояли спиной к свету, но язык их телодвижений дал ему ответ: они мгновенно отшатнулись друг

от друга и развернулись лицом к нему, будто сиюминутным единым фронтом.

– Когда это произошло? – спросил он, не сводя глаз с темного силуэта Элизабет. – После смерти Элспет? Но ведь вы тогда переметнулись к Фенелле Уолдегрейв, так, Майкл? Удобная связь, верно?

У Элизабет перехватило дыхание, словно от удара.

– Я бы попросил! – рявкнул Фэнкорт.

Теперь он разозлился на Страйка. Тот сделал вид, что ничего не заметил. Его вниманием владела Элизабет: он провоцировал ее, невзирая на свист легких, которым на снежном холоде не хватало кислорода.

– Представляю, как вы психанули в «Ривер-кафе», когда Куайн увлекся и начал во всеуслышание выкрикивать то, что описал в подлинном «Бомбиксе Мори», а, Элизабет? И это после того, как вы приказали ему ни словом не выдавать содержание?

– Псих. Вы просто псих, – прошипела она с вымученной улыбкой, которая обнажила ее крупные желтые зубы, но не коснулась акульих глаз. – Война не только сделала вас калекой…

– Браво, – похвалил Страйк. – Наконец-то я вижу злую стерву, о которой так много слышал….

– Вы ковыляете по Лондону, чтобы только попасть в газеты, – задыхалась она. – Совсем как бедный Оуэн, в точности… как он обожал рекламу, верно, Майкл? – Она обернулась за поддержкой к Фэнкорту. – Оуэн был сам не свой до публичности…

– Да ведь это вы подсказали Куайну спрятаться на Тэлгарт-роуд, – сказал Страйк. – Это была ваша собственная затея.

– Не желаю вас больше слушать, – прошептала она, со свистом вдыхая зимний воздух, а потом завела громче: – Я вас не слушаю, мистер Страйк, я не слушаю. И никто вас не слушает, глупый, несчастный…

– Вы сами мне говорили, что Куайн был падок на лесть. – Страйк повысил голос, чтобы его слова не утонули в ее причитаниях. – Насколько я понимаю, он изложил вам фабулу будущего романа несколько месяцев назад. Подозреваю, что в реальном «Бомбиксе Мори» тем или иным способом был выведен наш Майкл – не так примитивно, как в образе Фанфарона, а более изощренно: уж не с

насмешкой ли над его бессилием в постели? «Час расплаты для нас обоих», а?

Как он и ожидал, Элизабет сдавленно охнула и умолкла.

– Вы сказали Куайну, что «Бомбикс Мори» – блистательная вещь, лучшее из того, что им написано, что этот роман ждет оглушительный успех, но его содержание должно храниться в строжайшей тайне, а то, мол, по судам затаскают, ну и для пущего эффекта. И все это время вы сочиняли собственную версию. У вас было предостаточно времени, чтобы довести ее до ума, правда, Элизабет? Двадцать шесть лет пустых вечеров… Получив диплом бакалавра в Оксфорде, сколько же книг вы могли бы написать?.. Только о чем? Вы ведь никогда не жили полной жизнью, Элизабет.

По ее лицу пробежала судорога неприкрытой ярости. Кулаки сжались, но Элизабет Тассел владела собой. Страйк добивался, чтобы она дрогнула, чтобы сдалась, но акульи глаза смотрели на него в ожидании промаха и удобного момента.

– Вы скроили этот роман из плана убийства. Выпотрошенное нутро и соляная кислота не таили в себе никакой символики – расчет был только на то, чтобы ввести в заблуждение патологоанатомов, но все восприняли книгу как художественный вымысел. И вы сделали этого глупого себялюбца пособником в его же собственном убийстве. Сказали, что у вас есть гениальный план, как добиться максимальной рекламы и взвинтить прибыли: для этого достаточно устроить шумный скандал в общественном месте, где вы сможете во всеуслышание объявить книгу слишком провокационной для того, чтобы ее издавать, после чего Куайн исчезнет. Затем вы начнете распускать слухи о содержании книги, а когда Куайн сочтет, что пора ему себя обнаружить, жирный куш будет обеспечен.

Она трясла головой и хрипела, но мертвые глаза по-прежнему впивались в лицо Страйка.

– Оуэн завершил свою книгу. Вы протянули время до Ночи костров, когда на улицах будет побольше отвлекающего шума, и отправили поддельный «Бомбикс» Фишеру (чтобы скорее пошла волна), Уолдегрейву и Майклу. Учинили, как и планировалось, прилюдный скандал, а затем отправились вслед за Куайном на Тэлгарт-роуд…

– Нет! – вырвалось у Фэнкорта.

– Да, – беспощадно подтвердил Страйк. – Куайн не опасался Элизабет – своей пособницы, задумавшей это возвращение века. Вероятно, Оуэн к тому моменту почти забыл, что много лет занимался шантажом? – спросил он у Тассел. – У него вошло в привычку требовать – и получать – деньги. Думаю, в последние годы между вами даже не упоминалась та пародия, что разрушила всю вашу жизнь… Догадайтесь, Элизабет: что, по-моему, произошло, когда он впустил вас в дом?

Против своей воли Страйк вспомнил место преступления: огромное стрельчатое окно и труп в центре кошмарного натюрморта.

– По-моему, вы заставили этого несчастного, наивного, самовлюбленного прохвоста позировать для рекламной фотографии. Он опустился на колени? Быть может, в подлинном романе главный герой взывал к милосердию или молился? Или вы связали его, как того Бомбикса, что был придуман лично вами? Куайн, очевидно, пришел в восторг от предложения позировать в веревках. А вам уже было проще простого зайти сзади и ударить его по затылку железным дверным стопором, так ведь? Под грохот петард вы проломили ему голову, связали, раскроили торс и…

У Фэнкорта вырвался сдавленный стон ужаса, но Тассел вновь замурлыкала с притворной лаской:

– Вам нужен доктор, мистер Страйк. Бедненький мистер Страйк, – и, неожиданно вытянув руку, опустила массивную ладонь на его заснеженное плечо.

Вспомнив, что сотворили эти клешни, Страйк инстинктивно отпрянул, и ее рука, машинально сжавшая пальцы в кулак, бессильно повисла.

– Вы положили внутренности Оуэна вместе с подлинной рукописью в дорожную сумку, – напомнил детектив; Элизабет подошла так близко, что вновь обдала его запахом духов и застарелого табака. – Потом надели мантию и шляпу Куайна – и ушли. Теперь можно было поехать домой к Кэтрин Кент и пропихнуть четвертый экземпляр ложного «Бомбикса Мори» в прорезь для почты, с тем чтобы расширить круг подозреваемых и подставить женщину, которая получала то, что вам и не снилось. Секс. Общение. Дружбу по крайней мере одной живой души.

Элизабет натужно рассмеялась, но на сей раз это получилось как-то маниакально. У нее все время сжимались и разжимались кулаки.

– Вы бы с Оуэном неплохо спелись, – прошептала она. – Ты согласен, Майкл? Он бы прекрасно поладил с Оуэном. Те же болезненные фантазии… Вы делаете из себя посмешище, мистер Страйк. – Она задыхалась сильнее обычного; на неподвижном бледном лице темнели мертвые, бесчувственные глаза. – Несчастный калека из кожи вон лезет, чтобы вновь оказаться на виду, заискивает перед знаменитым от…

– У вас есть хоть какие-нибудь доказательства? – не замечая снегопада, жестко и недоверчиво спросил Фэнкорт.

Эта трагедия была не из тех, что пишутся черным по белому и разыгрываются в гриме. Рядом с ним стояла его бывшая сокурсница; пусть жизнь развела их в разные стороны, но думать о том, что рослая, некрасивая, озабоченная девушка из Оксфорда превратилась в жестокую убийцу, было невыносимо.

– Да, у меня есть доказательства, – ровным тоном сказал Страйк. – Я нашел электрическую пишущую машинку, точь-в-точь как у Куайна, завернутую в черную паранджу, а также набитый камнями защитный комбинезон с пятнами соляной кислоты. Несколько дней назад их поднял из моря мой знакомый дайвер. Они лежали у побережья Гвизиэна, под скалой с красноречивым названием Адское Устье. Это место изображено на обложке книги Доркус Пенгелли. Наверняка она вам его и показала, Элизабет. А потом вы отправились туда в одиночку, объяснив Доркус, что ищете, где получше сигнал, правильно?

Элизабет издала душераздирающий низкий стон, как мужчина, получивший удар под вздох. На мгновение все трое замерли, а потом Тассел, неловко развернувшись и увязая в снегу, бросилась к дверям клуба. Ее поглотил дрожащий ярко-желтый прямоугольник света.

– Но как же… – задохнулся Фэнкорт, сделав несколько шагов ей вслед и в неистовстве обернувшись к Страйку, – вы не можете… вы должны ее остановить!

– При всем желании не смогу ее догнать, – ответил Страйк, бросая окурок в сугроб. – Колено не позволит.

– Она способна на все…

– Наверное, побежала сводить счеты с жизнью, – согласился Страйк, доставая из кармана мобильный.

Писатель не поверил своим ушам:

– Вы… вы… бесчувственный негодяй!

– Где-то я такое уже слышал, – сказал Страйк, нажимая на кнопки. – Готовы? – спросил он у невидимого собеседника. – Тогда вперед.

49

Опасности, как звезды, сверкают ярче в темноте деяний.

Томас Деккер.

Благородный испанский воин

Рослая женщина, как незрячая, миновала стоящих на тротуаре курильщиков, чуть поскальзываясь на снегу. Потом она перешла на бег, и пальто с меховым воротником развевалось у нее за спиной. Из переулка вывернуло свободное такси; отчаянно размахивая руками, она бросилась к проезжей части. Машина остановилась; в свете фар кружил густой снег.

– Фулем-Пэлас-роуд, – резким, грубым голосом, прерывающимся рыданиями, распорядилась пассажирка.

Такси медленно отъехало от бордюра. Машина была старая, стеклянная перегородка между водительским и пассажирским сиденьями поцарапалась и слегка пожелтела от многолетнего курения владельца. При свете фонарей Элизабет Тассел отражалась в зеркале заднего вида; она молча вздрагивала, закрывая лицо большими ладонями.

Женщина-водитель не приставала к ней с расспросами, хотя и посматривала в зеркало, следя за двумя уменьшающимися мужскими фигурами, спешившими по заснеженному тротуару к припаркованному в отдалении красному спортивному автомобилю.

В конце улицы такси свернуло налево; Элизабет Тассел по-прежнему рыдала в ладони. У таксистки чесалась голова под плотной вязаной шапкой, но во время долгого ожидания без шапки было бы не обойтись. На Кингз-роуд такси прибавило газу, пропахивая толстый слой рыхлого снега, который даже под покрышками отказывался превращаться в слякоть; пурга мела не переставая; на дорогах становилось все опасней.

– Вы не туда свернули.

– Там объезд, – нашлась Робин. – Из-за снегопада.

На миг их глаза встретились в зеркале. Владелица литературного агентства стала смотреть через плечо назад. Красный «альфа-ромео спайдер» держался слишком далеко, чтобы его можно было заметить. Пассажирка начала затравленно озираться. До Робин долетал вырывающийся у нее из груди зловещий присвист.

– Мы же едем в обратную сторону.

– Сейчас развернемся, – сказала Робин.

Она не увидела, но услышала, как Элизабет Тассел подергала дверцу. Которая – как и все остальные – оказалась заблокированной.

– Можете высадить меня прямо здесь, – громко сказала пассажирка. – Кому сказано: высадите меня здесь!

– В такую непогоду вы не найдете другого такси, – возразила Робин.

Они-то рассчитывали, что Тассел будет слишком подавлена и не сразу заметит, куда ее везут. Такси еще только подъезжало к Слоун-сквер. До Нового Скотленд-Ярда оставалось больше мили. Робин стрельнула глазами в зеркало заднего вида. «Альфа-ромео» виднелся вдалеке маленькой красной точкой.

Элизабет отстегнула ремень безопасности.

– Тормози! – закричала она. – Тормози, я выйду!

– Здесь остановка запрещена, – сказала Робин, изо всех сил сохраняя спокойствие: пассажирка приподнялась со своего места и ломилась в стеклянную перегородку.

– Сядьте, мадам, прошу вас…

Перегородка скользнула в сторону. Рука Элизабет сгребла шапку Робин и клок волос; головы женщин оказались почти рядом; Элизабет кипела от злости. Потные пряди волос лезли Робин в глаза.

– Прекратите!

– Кто ты такая? – заорала Тассел и принялась дергать Робин за волосы, намотав их на кулак. – Раф говорил, что видел блондинку, которая рылась в мусорном баке… Кто ты такая?!

– Не смейте! – закричала Робин, когда Тассел другой рукой схватила ее за шею.

Метрах в ста пятидесяти сзади Страйк зарычал на Ала:

– Гони, черт побери, там что-то неладно, гляди…

Такси неслось вперед, виляя по мостовой.

– В гололедицу на этой тачке хрен разгонишься, – простонал Ал: «альфу-ромео» слегка занесло, а такси на скорости вошло в поворот на Слоун-сквер и скрылось из виду.

Тассел почти переползла, вопя во все свое израненное горло, на переднее сиденье… Робин как могла отпихивала ее одной рукой, чтобы только не отпустить руль… она не разбирала дороги: волосы лезли в глаза, на лобовое стекло налипал снег, а Тассел уже двумя руками вцепилась ей в шею и стискивала пальцы… Робин попыталась нащупать ногой тормоз, но нажала на газ, и автомобиль бросило вперед… она задыхалась… бросив руль, она попыталась разжать пальцы Тассел… а дальше – крики пешеходов, резкий толчок, оглушительный скрежет металла по асфальту и острая боль от впившегося в тело ремня… Робин проваливалась в черноту…

– К черту тачку, брось ее, надо пробиваться туда! – заорал Страйк, перекрывая вой магазинной сигнализации и крики разбегающихся прохожих.

При торможении «альфа-ромео» неуклюже заскользил боком и остановился посреди проезжей части, метрах в ста от того места, где такси врезалось в толстое витринное стекло. Ал тут же выскочил; Страйк едва смог удержаться на ногах. Компания одетых в смокинги и вечерние платья людей, которые возвращались с рождественского банкета и чудом не угодили под колеса такси, въехавшего на тротуар, в изумлении провожали глазами Ала: тот, поскальзываясь и едва не падая, мчался сквозь буран к месту аварии.

Задняя дверца такси распахнулась. Элизабет Тассел вывалилась из салона и пустилась бежать.

– Держи ее, Ал! – выкрикнул Страйк, увязая в снегу. – Держи ее!

В школе-пансионе «Ле-Розэ» отлично учили игре в регби. Ал привык схватывать приказы на лету. Рывок – и он сбил ее образцовым подкатом. Элизабет грохнулась на снег под негодующий визг женщин; Ал, барахтаясь и ругаясь, пригвоздил ее к тротуару. Ему стоило немалых трудов отразить натиск галантных мужчин, ринувшихся на помощь его жертве.

Ничего этого Страйк не видел. Его шаткий, неровный бег напоминал замедленную съемку. Только бы не упасть, думал он, устремляясь к зловеще притихшему такси. Зеваки, наблюдавшие за

Алом и его буйной, сыплющей бранью пленницей, даже не вспомнили о водителе.

– Робин…

Она завалилась набок, повиснув на пристегнутом ремне. Ее лицо было залито кровью, но, услышав свое имя, она отозвалась глухим стоном.

– Жива… матерь божья… жива…

Площадь огласили полицейские сирены. Они заглушили и сигнализацию, и нарастающие протесты возмущенных лондонцев; Страйк отстегнул удерживавший Робин ремень, осторожно усадил ее на сиденье, хотя она сделала попытку выбраться, и сказал:

– Не двигайся.

– Она просекла, что мы едем в другую сторону, – бормотала Робин. – Сразу просекла.

– Это уже не важно, – задыхаясь, выговорил Страйк. – Скотленд-Ярд сам к тебе примчался.

На голых деревьях по периметру площади алмазами сверкали гирлянды. Снег падал на собравшуюся толпу, на такси, торчащее из разбитой витрины, и на спортивный автомобиль, брошенный посреди дороги. Полицейские машины, светя мигалками, затормозили на битом стекле. Вой сирен сливался с воем сигнализации.

Пока его единокровный брат исходил криком, объясняя полицейским, почему он лежит на шестидесятилетней женщине, изможденный детектив с облегчением рухнул на переднее сиденье рядом со своей помощницей и – вопреки собственной воле, вопреки всем нормам приличий – рассмеялся.

50

Синтия. Как ты сказал, Эндимион: все это было во имя любви?

Эндимион. Да, сударыня, но потом боги наслали на меня ненависть женщины.

Джон Лили.

Эндимион, или Человек на Луне

Неделю спустя

Страйк никогда прежде не бывал дома у Робин и Мэтью в Илинге. Ему с трудом удалось заставить Робин не выходить на работу и отлежаться после небольшого сотрясения мозга и железной хватки душительницы.

– Робин, – терпеливо внушал он своей помощнице, – мне так или иначе пришлось закрыть контору. Вся Денмарк-стрит запружена репортерами… Я перекантуюсь у Ника с Илсой.

Но он не мог уехать в Корнуолл не попрощавшись. Когда она открыла дверь, он, к своему немалому облегчению, отметил, что кровоподтеки у нее на лбу и на шее уже выцвели до бледно-желтой голубизны.

– Как себя чувствуешь? – спросил он, вытирая ноги о коврик.

– Отлично! – сказала она.

Квартирка оказалась маленькой, но уютной; здесь пахло ее духами, о которых он раньше как-то не думал. Видимо, после ее недельного отсутствия он стал более восприимчив к этому аромату.

Робин провела его в гостиную, где стены были выкрашены в цвет слоновой кости, совсем как у Кэтрин Кент, а на кресле обложкой кверху лежал привлекший внимание Страйка том «Допрос как следственное действие: психология и практика». В углу стояла небольшая елка, украшенная белыми и серебристыми шарами, как голые деревья по периметру Слоун-сквер, хорошо заметные на газетных фотографиях разбитого такси.

– Как Мэтью это пережил? – спросил Страйк, опускаясь на диван.

– Не могу сказать, что прыгал от счастья, – усмехнулась Робин. – Чаю?

Она знала, какой он любит: дегтярного цвета.

– Рождественский подарок, – объявил Страйк, когда Робин вернулась с подносом, и протянул ей невзрачный белый конверт.

Робин с любопытством вытащила на свет пачку скрепленных степлером распечаток.

– В январе пойдешь на курсы наружного наблюдения, – сказал Страйк. – Чтобы в следующий раз никто не заметил, как ты вытаскиваешь из мусорного бака пакетик с собачьим дерьмом.

Она засмеялась от радости:

– Ой, спасибо. Спасибо тебе!

– Нормальная женщина ждала бы цветов.

– Я же не нормальная женщина.

– Угу, я заметил, – сказал Страйк и потянулся за шоколадным печеньем.

– Это уже посылали на экспертизу? – спросила она. – Собачьи какашки?

– Естественно. В них полно человеческих внутренностей. Она размораживала по мере надобности. В миске у добермана тоже нашли следы, а остальное хранилось в морозильнике.

– Господи! – вырвалось у Робин; ее улыбка исчезла.

– Она – криминальный гений, – сказал Страйк. – Прокралась в кабинет Куайна и подбросила за письменный стол две кассеты с лентой от своей машинки… Энстис нехотя согласился отправить их в лабораторию; следов ДНК Куайна на них не обнаружено. Следовательно, Куайн к ним не прикасался, а значит, и не писал того, что на них отпечаталось.

– Энстис не перестал с тобой разговаривать?

– Цедит сквозь зубы. Ему не так-то просто со мной порвать. Он как-никак мне жизнью обязан.

– Да уж, неловко вышло, – согласилась Робин. – Стало быть, следователи приняли твою версию целиком и полностью?

– Теперь, когда они знают, что ищут, им кажется, что это дело яйца выеденного не стоит. Года два назад Тассел купила себе точно такую же пишущую машинку. По кредитке Куайна заказала паранджу и веревки, доставку оформила на то время, когда в доме находились

рабочие. За столько лет у нее была масса возможностей наложить лапу на его «Визу». У нее в агентстве он оставлял пальто на вешалке и шел отлить… ей ничего не стоило вытащить у него бумажник в машине, когда она после всяких мероприятий отвозила его, пьяного, домой. Она знала, что он ленится проверять счета и квитанции. У нее был ключ от дома на Тэлгарт-роуд – сделать дубликат не составляло труда. Она изучила этот дом вдоль и поперек, знала, что там есть запасы соляной кислоты. Придумала блестяще, но перемудрила, – заключил Страйк, прихлебывая дегтярного цвета чай. – Теперь, очевидно, сидит в психушке под надзором, чтобы не лишила себя жизни. Но ты еще не знаешь самую психопатическую подробность.

– Куда уж больше? – настороженно спросила Робин.

Как ни ждала она встречи со Страйком, после событий недельной давности ее не отпускала слабость. С усилием распрямив спину, она собралась с духом и посмотрела на него в упор.

– Она сохранила эту треклятую книгу.

Робин нахмурилась:

– О чем ты?

– Лежала в морозильнике, где и внутренности. Вся пропиталась кровью, потому что была принесена в одной сумке с кишками. Подлинная рукопись. Тот «Бомбикс Мори», которого сочинил Куайн.

– Но… зачем?

– Одному Богу известно. Фэнкорт говорит…

– Ты с ним встречался?

– Ненадолго. Он теперь вбил себе в голову, что всю дорогу подозревал Элизабет. Готов поспорить, о чем будет его следующий роман. В общем, он утверждает, что у нее не поднялась рука уничтожить подлинник.

– Я тебя умоляю! Автора-то она благополучно уничтожила!

– Угу, но это же *литература*, Робин, – ухмыльнулся Страйк. – И заметь: «Роупер Чард» стоит на ушах, чтобы как можно скорее издать подлинную книгу. С предисловием Фэнкорта.

– Ты шутишь?

– Ничуть. Куайн наконец-то станет автором бестселлера. И не надо делать такое лицо, – поучительно сказал Страйк, когда Робин недоверчиво покачала головой. – Нам есть что отпраздновать. Когда на

прилавках появится «Бомбикс Мори», Леонора и Орландо будут грести деньги лопатой. Да, чуть не забыл: у меня для тебя еще кое-что есть.

Он сунул руку во внутренний карман пальто, лежащего на диване, и достал аккуратно свернутый в трубочку рисунок. Робин развернула листок и заулыбалась со слезами на глазах. Два кудрявых ангелочка танцевали под тщательно выведенной надписью: «Робин с любовью от Додо».

– Как у них дела?

– Прекрасно, – ответил Страйк.

По приглашению Леоноры он наведался в дом на Сазерн-роу. Мать с дочкой, взявшись за руки, встречали его на пороге; у Орландо на шее, как всегда, болталась обезьянка Чики.

– А Робин где? – возмутилась Орландо. – Я ее ждала. Я ей картинку нарисовала.

– Тетя в аварию попала, – напомнила ей Леонора, пятясь в прихожую и пропуская Страйка в дом. Она крепко держала Орландо за руку, будто страшась новой разлуки. – Я же говорила тебе, Додо: тетя совершила очень смелый поступок, но попала в аварию.

– Тетя Лиз *плохая* была, – сообщила Орландо, когда шла рядом со Страйком по коридору, не отпуская материнскую руку и поглядывая на гостя прозрачными зелеными глазами. – Из-за нее мой папа умер.

– Да… э-э… я знаю, – ответил Страйк все с тем же чувством несостоятельности, которое всегда внушала ему Орландо.

За кухонным столом сидела Эдна.

– Какой вы умный, это что-то! – повторяла она. – Жуткая история, да? А как себя чувствует ваша напарница? Ну и досталось же ей, верно?

– Счастья им, – сказала Робин, когда Страйк довольно подробно описал ей свое посещение.

Она расправила рисунок Орландо на стоящем между ними кофейном столике, рядом с программой курсов наружного наблюдения, чтобы полюбоваться и тем и другим.

– Как там Ал?

– Упивается от восторга, не может успокоиться, – мрачно проговорил Страйк. – Мы создали у него ложное представление о трудовых буднях.

– Он мне понравился, – улыбнулась Робин.

– Это потому, что у тебя было сотрясение мозга, – сказал Страйк. – А Полворт сам не свой от радости, что утер нос Скотленд-Ярду.

– Очень интересные у тебя друзья, – отметила Робин. – Сколько мы должны отцу Ника за восстановление такси?

– Счет пока не поступил, – вздохнул Страйк и пару печений спустя добавил, глядя на свой подарок Робин: – Пока ты будешь на курсах, придется мне взять временную помощницу.

– Да, наверное, – согласилась Робин и после едва заметной паузы предположила: – Надеюсь, агентство пришлет тебе какую-нибудь бестолочь.

Страйк расхохотался, встал с дивана и взял пальто.

– Это вряд ли. Фугас дважды в одну воронку не попадает.

Провожая его до дверей, она спросила:

– Неужели у тебя еще нет такого прозвища среди множества других?

– Какого прозвища?

– Страйк Фугас.

– Скорость не та, – сказал он, указывая на ногу. – С Рождеством, напарница.

Оба подумали, что надо бы обняться, но эта идея повисла в воздухе. Робин смешливо-мужественным жестом протянула руку своему боссу:

– Счастливо тебе отдохнуть в Корнуолле.

– И тебе – в Мэссеме.

После рукопожатия Страйк быстро повернул ее руку и, не дав Робин опомниться, поцеловал в тыльную сторону ладони. А потом улыбнулся, помахал и ушел.

Благодарности

Писать под именем Роберта Гэлбрейта – одно удовольствие; этому способствовали те, кто перечислен ниже. Хочу их сердечно поблагодарить: это –

SOBE, Диби и *Back Door Man* – без вас я бы далеко не ушла. Теперь давайте спланируем ограбление.

Дэвид Шелли, мой несравненный редактор, верный сторонник и сам такой же «интроверт-интуит», как я. Спасибо за твою блестящую работу, за серьезное отношение ко всему, что важно, и за смешливое, как у меня, – ко всему остальному.

Мой агент, Нил Блэр, который с радостью согласился помочь мне реализовать себя в качестве начинающего писателя. Таких, как ты, – один на миллион.

Все сотрудники издательства «Little, Brown», которые с усердием и энтузиазмом трудились над первым романом Роберта, не имея представления, кто он такой. Моя особая благодарность – команде создателей аудиокниги, которые вывели Роберта на первые позиции еще до того, как он снял маску.

Лорна и Стив Барнс, которые обеспечили мне возможность посидеть в пабе «Бэй-Хорс», посетить могилу сэра Мармадьюка Уайвилла и уяснить, что название родного города Робин произносится не «Мэшем», а «Мэссем», тем самым избавив меня от будущих конфузов.

Фидди Хендерсон, Кристина Коллингвуд, Фиона Шепкотт, Анджела Милн, Элисон Келли и Саймон Браун, без чьих самоотверженных усилий у меня бы просто не было времени для написания «Шелкопряда», да и для всего остального тоже.

Марк Хатчинсон, Никки Стоунхилл и Ребекка Солт, которым надо отдать должное за то, что у меня еще не зашел ум за разум.

Моя семья, и в первую очередь Нил, который сделал больше, чем вмещается в эти строки, а в данном случае – поддержал кровавое убийство.

Сноски

1

Перевод М. Донского.

2

Перевод И. Аксенова.

3

Перевод Р. Померанцевой.

4

Перевод П. Соколовой.

5

Перевод Р. Померанцевой.

6

Перевод П. Мелковой.

7

Перевод Я. Блоха и Р. Блох.

8

Перевод И. Аксенова.

9

Перевод П. Соколовой.

10

Перевод Р. Померанцевой.

11

Перевод И. Аксенова.

12

Перевод П. Соколовой.

13

Перевод Я. Блоха и Р. Блох.

14

«Впервые тебя увидев, я подумал: ты прекрасна» *(англ.)*.

15

Перевод И. Аксенова.

16

Перевод Р. Померанцевой.

17

Перевод Я. Блоха и Р. Блох.

18

Перевод П. Мелковой.

19

Перевод М. Донского.

20

Перевод П. Соколовой.

21

Перевод А. Аникста.

22

Перевод Р. Померанцевой.

23

Перевод П. Мелковой.

24

Перевод И. Аксенова.

25

Перевод Р. Померанцевой.

26

Перевод П. Мелковой.

27

Перевод Р. Померанцевой.

28

Перевод М. Донского.

29

Перевод И. Аксенова.

30

Перевод И. Аксенова.

31

Говорят, это фантазии, но я верю в тебя, Санта-Клаус… *(англ.)*

32

Перевод П. Соколовой, с изм.

33

Перевод П. Мелковой.

34

Перевод И. Аксенова.

35

Перевод Ю. Корнеева, с изм.

36

Перевод И. Аксенова.

Примечания переводчика

1

Роуз Уэст – Розмари Уэст (р. 1953) – серийная убийца, лишившая жизни, не без помощи своего мужа Фреда, десять женщин. В настоящее время отбывает пожизненное тюремное заключение.

2

Пак – в английском фольклоре проказливый лесной дух и домовой. Известен также под эвфемистическим именем Робин Славный Малый. Пак фигурирует в комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь».

3

«Путь паломника» (рус. тж. «Путь пилигрима», «Путешествие пилигрима») – аллегорический роман английского писателя и проповедника Джона Беньяна (1628–1688).

4

Леди Оттолайн Моррелл (1873–1938) – английская аристократка и покровительница искусств. В 1902 г. вышла замуж за политического деятеля Филипа Моррелла; супруги по взаимному согласию вели свободный образ жизни. Светский салон леди Моррелл в Лондоне посещали известнейшие деятели культуры Великобритании. По мнению ряда исследователей, леди Оттолайн Моррелл стала прообразом леди Чаттерлей в романе Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей».

5

Romans à clef (*фр.* «романы с ключом») – романы, в которых под вымышленными именами выведены известные личности.

6

Стадион «Эмирейтс» – домашний стадион футбольного клуба «Арсенал»; построен в 2006 г.

7

...Джон Гей, «Опера нищего». – Идея сатирической пьесы «Опера нищего», действие которой происходит в среде проституток и воров, была предложена в 1716 г. Джонатаном Свифтом. Впоследствии «Опера нищего» Дж. Гея (1685–1732), цитируемая здесь в переводе П. Мелковой, легла в основу «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта. Новая редакция музыки принадлежит Бенджамину Бриттену.

8

Была же у кого-то фраза, что, мол, неосмысленная жизнь не стоит того, чтобы жить. / – Да, у Платона... – Цитируется высказывание Сократа, приведенное в «Апологии» Платона.

9

«Манго три» (*англ*. Mango Tree – «Дерево манго») – самый дорогой ресторан тайской кухни в Лондоне.

10

Темпл-бар – поставленная в 1880 г. декоративная колонна на месте одноименных ворот, стоявших на границе между Сити и Вестминстером. Там по традиции монарх должен получить у лорд-мэра символическое разрешение на въезд в Сити.

11

Оксо-Тауэр – одна из достопримечательностей Лондона: здание в стиле ар-деко на берегу Темзы, построенное в конце XIX в. и позднее реконструированное в стиле ар-деко новым владельцем, производителем бульонных кубиков «Оксо». Поскольку городские власти запретили размещать на здании световую рекламу, владелец соорудил над ним высокую башню с окнами в виде букв OXO.

12

«Арбутус» – небольшой эксклюзивный ресторан в лондонском Сохо; часто служит местом деловых встреч.

13

А вы, милые дамы, встретили Таинственного Незнакомца… – аллюзия к названию фильма Вуди Аллена «Ты встретишь таинственного незнакомца» (2010).

14

Я был сердитым молодым человеком… – аллюзия к обозначению группы английских писателей («Сердитые молодые люди» или «Рассерженные молодые люди»), дебютировавших в 1950-е гг.

и представлявших социально-критическое движение в литературе своего времени. К этому течению принадлежали Джон Осборн, Джон Уэйн, Алан Силлитоу, Джон Брейн и др.

15

...фрагменты утраченного «Хрустального дворца». – «Хрустальный дворец» был построен в Гайд-парке по проекту Джозефа Пакстона в 1850–1851 гг. к Всемирной выставке 1851 г. По завершении выставки это здание из железа и стекла было разобрано и перенесено на новое место, в лондонское предместье Сиднем-Хилл. В 1936 г. «Хрустальный дворец» был уничтожен пожаром и более не восстанавливался.

16

Хэй-он-Уай – городок с населением около двух тысяч человек в Уэльсе. Хэй-он-Уай, где находится более тридцати книжных магазинов, в том числе и букинистических, является меккой для книголюбов всей Великобритании. С 1988 г. этот «книжный город» служит местом проведения литературного фестиваля, спонсируемого газетой «Гардиан» и собирающего около 80 000 участников со всего мира, включая знаменитых литераторов.

17

Ночь костров, или Ночь Гая Фокса – традиционное британское празднество в честь раскрытия «Порохового заговора» (1605), участники которого были приговорены к «повешению, потрошению и четвертованию». Начинается вечером 5 ноября, когда люди разводят костры, запускают петарды, устраивают фейерверки и сжигают чучело Гая Фокса (уроженца Йоркшира), который должен был поджечь здание Парламента.

18

Блайз-Хаус (Blythe House) – здание, построенное на рубеже XIX–XX вв. для Почтового сберегательного банка; в настоящее время здесь размещаются архивы и часть коллекций Музея Виктории и Альберта, Музея науки, Британского музея, а также читальный зал.

19

...по елизаветинской «трагедии мести». – Подавляющее большинство эпиграфов к главам романа «Шелкопряд» взято из драматургических произведений, относящихся к жанру «трагедии мести» и созданных авторами Елизаветинской эпохи.

20

Сент-Майклс-Маунт – расположенный менее чем в полукилометре от побережья Корнуолла небольшой каменистый остров, полностью занятый крепостью-монастырем. По легенде, монастырь был основан в V в., после того как местный рыбак увидел на утесе святого Михаила. Во время отлива попасть на остров можно по мощеной дороге, проложенной по дну залива Маунт-Бей. Это один из сорока с лишним «приливных» корнуэльских островов, до которых можно дойти пешком.

21

Альфред Уоллис (1855–1942) – корнуэльский рыбак, художник-самоучка. Родился в Девоне. После смерти жены (которая была старше его на двадцать с лишним лет) перестал ходить в море и полностью посвятил себя живописи. Оказал влияние на многих современных ему художников, получил известность при жизни, но умер в нищете.

22

Джеймс Эллрой (р. 1948) – американский писатель, автор детективных романов. На будущую литературную карьеру Дж. Эллроя повлияли убийство его матери, которое так и осталось нераскрытым, и

подаренная отцом документальная книга о работе полиции «Полицейский жетон». По романам писателя поставлены фильмы «Секреты Лос-Анджелеса» (1997), «Черная орхидея» (2006) и др.

23

– Орландо? / – Названную, как он мне объяснил, в честь заглавного персонажа романа Вирджинии Вулф. – В романе английской писательницы Вирджинии Вулф «Орландо» (1928), действие которого охватывает период в 350 лет, заглавный персонаж проживает одну половину этого срока мужчиной, а вторую – женщиной.

24

...ворвались Take That с песней о том, что нынче виден прогресс, где прежде его не было. – Имеется в виду записанный этим вокальным квартетом с участием Робби Уильямса альбом «Progress» (2010) и его заглавная песня.

25

...башни вокзала Сент-Панкрас... – Вокзал Сент-Панкрас, функционирующий как самостоятельный транспортный узел, образует единый комплекс с вокзалом Кингз-Кросс.

26

...местной пивоварни. – В городе Мэссем (Северный Йоркшир) действует основанная в 1827 г. семейная пивоварня Theakstons – одно из немногих оставшихся в Великобритании традиционных семейных пивоваренных предприятий.

27

Сэр Джошуа Рейнольдс (1723–1792) – английский живописец, один

из ведущих портретистов XVIII в.

28

Сэр Мармадьюк Уайвилл (1540/42–1618) – баронет, представитель старинного йоркширского рода Уайвиллов. Похоронен в Мэссеме.

29

Открытый университет – британский университет открытого образования, основанный в 1969 г. Предоставляет возможность получить образование людям любого возраста, желающим учиться в удобном для них месте и в удобное время. Имеет отделения в тринадцати регионах Великобритании. Использует широкий спектр методов дистанционного обучения: письменные работы, видео– и аудиоматериалы, телевизионные программы, интернет-конференции, а также групповые семинары и двухдневные выездные школы.

30

Кеннет Халлиуэлл (1926–1967) – британский актер и писатель. Наставник, близкий друг, а впоследствии убийца драматурга Джо Ортона. Лишив жизни своего партнера, принял смертельную дозу снотворного.

31

...«Свобода» Джонатана Франзена... – выпущенный в 2010 г. четвертый роман американского писателя Джонатана Эрла Франзена (р. 1959), прославившегося своей предыдущей книгой «Поправки» (2001), которая получила Национальную книжную премию США и стала международным бестселлером. Захар Прилепин сравнил Франзена со Львом Толстым: «Франзен пишет на том же, что и Толстой, почти недостижимом уровне – с тонкой прорисовкой самых разных героев, создавая энциклопедию быта, чувств, патологий».

32

...«Безымянное» Джошуа Ферриса... – выпущенный в 2010 г. второй роман американского писателя Джошуа Ферриса (р. 1974), чью дебютную книгу «И не осталось никого» (2007) Стивен Кинг сравнил с «Уловкой-22» Джозефа Хеллера.

33

...романе «Белафрон»... – Заглавие «Белафрон» отсылает к пьесе современников Шекспира, драматургов Томаса Деккера и Томаса Миддлтона «Добродетельная шлюха», центральным персонажем которой является куртизанка Белафрон.

34

Международный бакалавриат – школьная программа, разработанная в Швейцарии в конце 1960-х гг. и принятая во многих странах. Обеспечивает единый стандарт требований и при условии получения абитуриентом высоких баллов позволяет поступать без экзаменов в университеты США, Канады, Швеции, Норвегии, Великобритании, Франции и других государств.

35

...difficile est longum... – Гай Валерий Катулл (ок. 87 – ок. 54 до н. э.). Цикл «К Лесбии». № 76. Ниже цитируется в переводе С. Шервинского.

36

– Меня зовут Робин... / – Ты птица... И я тоже. Птица Додо. – Имя собственное Робин совпадает с нарицательным «robin» (малиновка); Птица Додо – персонаж книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Считается, что автор, чье настоящее имя – Чарльз Лютвидж Доджсон, создал в этой книге свой карикатурный портрет и

назвал себя Птицей Додо в связи с тем, что заикался и произносил свою фамилию «До-До-Доджсон». Традиционно Птицу Додо изображают похожей на вымершую птицу дронт, которая по-английски также называется «dodo».

37

Мендип-Гильс – цепь крутых голых холмов в графстве Сомерсет.

38

...«пятна» Дэмьена Хёрста. – Дэмьен Хёрст (р. 1965) – всемирно известный и наиболее состоятельный английский художник. Его скульптуры и инсталляции практически не отходят от темы смерти, но живопись обычно выглядит нарядной и жизнеутверждающей. Одним из центральных объектов творчества Хёрста являются бабочки. Среди наиболее известных живописных серий художника выделяются «Пятна» (с 1988 г. по настоящее время) – геометрические абстракции из цветных кружков. В качестве имен для большинства работ этой серии взяты научные названия различных отравляющих, наркотических и возбуждающих веществ.

39

Митико Какутани (р. 1955) – одна из ведущих американских критиков; печатается в газете «Нью-Йорк таймс». Удостоена Пулицеровской премии в номинации «Художественная критика» (1998).

40

Как не вспомнить Бена Джонсона: «Я – бедный человек...» – Пьеса «Каждый по-своему» цитируется в переводе П. Соколовой.

41

...sicine subrepsti mi... – Гай Валерий Катулл (ок. 87 – ок. 54 до н. э.). Цикл «К Лесбии». № 77. Ниже цитируется в переводе С. Шервинского.